К661

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С. А. ПЛЕТНЕВА

ОТ КОЧЕВИЙ К ГОРОДАМ

САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА

6И 2(0)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1967

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 142

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Б. А. РЫБАКОВ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1158
70

1-6-2
71—1967

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже полстолетия внимание русских и зарубежных археологов привлекает своеобразная и высокая культура, созданная кочевыми и полукочевыми народами, обитавшими в VIII—IX вв. на необозримых степных и лесостепных просторах по Дону и в Приазовье.

Два памятника — Маяцкое городище и Салтовский могильник, открытие которых возбудило интерес ученых к средневековью юго-востока Европы, дали имя всей культуре: салтово-маяцкая, или салтовская.

В XIX в. в России было известно около десятка памятников этой культуры, расположенных, как правило, на высоких правых берегах Дона и его притоков.

Археологическое изучение их началось в 1900 г., когда учитель Верхне-Салтовской школы В. А. Бабенко раскопал несколько катакомб на знаменитом теперь Салтовском могильнике, расположенном на невысоких холмах правого берега Северского Донца, рядом с развалинами белокаменной крепости VIII—IX вв. и огромным селищем.

Не будем подробно останавливаться на первых шагах в изучении салтово-маяцких памятников. Это с исчерпывающей полнотой сделано в большой статье И. И. Ляпушкина, посвященной салтово-маяцкой культуре бассейна Дона. В ней помещена подробнейшая библиография этой темы с 90-х годов XIX в. до середины 50-х годов XX в.[1]

В первый период исследования салтово-маяцкой культуры, длившийся около четверти века, в археологической литературе преобладали статьи отчетного характера. Причем особенный интерес постоянно вызывал богатый находками Салтовский могильник, в котором почти ежегодно раскапывали по 10—20 наполненных вещами катакомб. Поиски новых памятников VIII—IX вв. не производились, их открывали случайно, при каких-либо строительных работах, и сообщали в Археологическую комиссию или непосредственно известным археологам.

Тем не менее еще до Октябрьской революции было собрано достаточно материала, чтобы сделать некоторые выводы. Во-первых, уже стало ясно, что бассейн Дона в VIII—IX вв. был заселен народами, создавшими единую в целом культуру. Это отмечали А. А. Спицын и Д. Я. Самоквасов, а позднее В. А. Городцов и Ю. В. Готье. Во-вторых, находки монет — дирхемов VIII—IX вв. — в камерах Салтовского могильника позволили датировать Салтовский и все аналогичные ему памятники Дона. В-третьих, был поставлен вопрос, кто были «исконные обитатели Дона и Донца». Разбираясь с хронологией, ученые привлекали близкие салтовским материалы из памятников соседних областей, в первую очередь из аланских катакомбных могильников Северного Кавказа[2].

Бросающаяся в глаза близость Салтовского могильника к аланским могильникам Северного Кавказа привела ученых (А. А. Спицын, Ю. В. Готье)[3] к логическому заключению об этнической близости носителей обеих культур. Однако, несмотря на очевидность этого вывода, многие исследователи (Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багалей, В. А. Бабенко)[4] полагали, что

[1] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62, 1958.

[2] Первый труд, обобщающий результаты исследования аланских катакомб Северного Кавказа, вышел как раз в год открытия Салтовского могильника. См.: П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. — МАК, VIII. М., 1900.

[3] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца. — ЖМНП, н. с., ч. XIX, 1909, январь; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.

[4] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 234; Д. И. Багалей. Русская история,

такая высокая культура, как салтово-маяцкая, могла принадлежать только господствующему в те века в степях народу, а именно хазарам.

Следует отметить, что в большинстве статей того периода исторические обобщения базировались на письменных источниках, археологические же материалы служили только эффектным оформлением. Нередко археологи отталкивались от наиболее исследованного и богатого вещами Салтовского могильника, тогда как данные о немногочисленных и лишь частично обследованных поселениях (Салтовском, Маяцком, двух Цимлянских городищах) использовались очень неполно. К тому же, привлекая плохо или небрежно изученные памятники, ученые приходили к путанным, слишком общим, а часто и неверным заключениям [5].

Новый этап в исследовании памятников VIII—IX вв. на огромной территории бассейна Дона связан с именем М. И. Артамонова. Этот этап характерен не только широким размахом археологических работ, но и иной их направленностью. Так, раскопки не ставили теперь целью извлечение из недр земли роскошных и эффектных вещей, в изобилии попадавшихся в Салтовском могильнике. Хотя работы на этом могильнике продолжались и в послереволюционное время, но центр тяжести в изучении культуры переместился на поселения и городища. Результатом разведок и обследования ранее известных памятников явилась книга М. И. Артамонова «Средневековые поселения на нижнем Дону», вышедшая в свет в 1935 г. В ней М. И. Артамонов наметил пути исследования культуры, экономики и социального строя нижнедонского населения VIII—IX вв. Особое внимание он уделил Левобережному Цимлянскому городищу, которое уже тогда вполне убедительно отождествил с развалинами хазарского города Саркела и русской крепости Белой Вежи [6]. Блестящая и по тому времени полная характеристика наиболее массового и важного материала — керамики, приведенная в первой книге М. И. Артамонова, легла в основу всех дальнейших работ (как отечественных, так и зарубежных) по керамике салтово-маяцкой культуры. Раскопки 1934—1936 гг. неопровержимо доказали, что культурный слой Левобережного Цимлянского городища датируется концом IX—началом XII в. Все домыслы относительно иного местоположения Саркела после этих раскопок стали совершенно несостоятельными. Единственным ученым, не убежденным в правильности вывода М. И. Артамонова, остался проф. К. В. Кудряшов [7].

Исключительная ценность Левобережного Цимлянского городища как исторического источника побудила М. И. Артамонова после Великой Отечественной войны возобновить раскопки Саркела—Белой Вежи. Городище стало основным объектом работ комплексной экспедиции, производившей исследования в зоне строительства Цимлянского водохранилища в 1949—1951 гг. Преимущество городища сравнительно с другими памятниками заключалось в том, что в письменных источниках были точно указаны даты построения крепости хазарами (30-е годы IX в.), ее гибели (965 г.), возникновения на ее развалинах древнерусского города и, наконец, гибели этого города под ударами половецких полчищ в начале XII в. В результате работ 1949—1951 гг. были раскопаны $^2/_3$ крепости, часть окружающего крепость посада и огромный могильник. Таким образом, Саркел — единственный исследованный почти полностью город, выстроенный и заселенный народами, создавшими салтово-маяцкую культуру, является несомненным хронологическим эталоном для всех средневековых памятников юго-востока Европы.

О единстве салтово-маяцких памятников Дона и Приазовья М. И. Артамонов писал еще в 1940 г., когда после раскопок Саркела пришел к заключению, что культура этого города совершенно идентична культуре строителей белостенных крепостей верховьев Северского Донца и Дона. Крепости эти он считал феодальными замками. Саркел, очевидно, был городом, выросшим из пограничной крепости [8]. Необычайное единообразие салтово-маяцких памятников привело М. И. Артамонова к выводу, что население нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района составляло группу, единую не только по культуре, но и по этнической принадлежности.

Эту мысль М. И. Артамонов развивает в нескольких статьях, посвященных Саркелу—Белой Веже [9], и особенно подробно останавли-

---

ч. I. Харьков, 1909, стр. 66; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. — Труды XV АС, т. I. М., 1914.

[5] См., например: Ю. В. Готье. Железный век..., стр. 63—66.

[6] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. — ИГАИМК, 131. Л., 1935, стр. 82.

[7] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948.

[8] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии. — СА, VI, 1940, стр. 162.

[9] М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. — ВИ, 1949, № 10; Он же. Раскопки Саркела — Белой Вежи в 1950 г. — ВИ, 1951, № 4; Он же. Археологические исследования в зоне бу-

вается на ней в монографии «История хазар» [10] — поистине энциклопедическом исследовании по истории кочевых народов Восточной Европы. Книга охватывает огромный период — от II до XII в., и в ней с той или иной степенью подробности затронуты все вопросы, касающиеся народов, оставивших памятники салтово-маяцкой культуры.

Вкратце основные выводы М. И. Артамонова заключаются в следующем:

1. Народы, обитавшие в Подонье и Приазовье в VIII—IX вв., представляли собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга племенных групп, состоявших в основном из ираноязычных аланов и тюркоязычных болгар. Причем тюркский язык, судя по одинаковым надписям на камнях Маяцкого городища и на баклажках, найденных на нижнем Дону, был распространен в те столетия по всему Подонью — и на аланских лесостепных, и на болгарских степных поселениях, и в кочевьях.

2. В VIII—IX вв. народы Подонья и Приазовья входили в состав Хазарского каганата и переживали, как и сами хазары, бурный период становления феодализма и перехода от кочевого образа жизни к земледельческому — оседлому.

3. Переход к оседлости, естественно, вызвал и такие явления, как развитие и расцвет ремесел и торговли, т. е. рождение салтово-маяцкой культуры.

Все эти выводы базируются в основном на письменных источниках. Во избежание повторений автор нередко опускает разбор археологических материалов, поскольку они уже были изданы им или его учениками. Так, в книге отсутствует источниковедческий анализ археологических материалов Саркела и других аналогичных ему памятников, исследованных Волго-Донской экспедицией в разные годы (Карнаухова, Правобережного Цимлянского городища и др.). Это отчасти объясняется тем обстоятельством, что за последние 10—12 лет том за томом публикуются труды Волго-Донской экспедиции, подготовленные под редакцией М. И. Артамонова [11]. В них, помимо статей, написанных по материалам Саркела, большое место занимают работы И. И. Ляпушкина, посвященные археологии синхронных и одно-культурных с Саркелом памятников, исследованных в зоне затопления.

Работу по изучению салтово-маяцкой культуры И. И. Ляпушкин начал под руководством М. И. Артамонова. В 30-х годах он, будучи аспирантом М. И. Артамонова, впервые занялся древностями юго-востока Европы. В кандидатской диссертации, посвященной славяно-русским поселениям на Дону и в Приазовье [12], он уделил много внимания памятникам салтово-маяцкой культуры, которых на изучаемых землях было гораздо больше, чем славянских. Исследуя керамику Таманского городища и его стратиграфию, И. И. Ляпушкин первый разделил средневековый культурный слой городища, а вместе с тем и жизнь средневекового города на два периода: хазарский и русский. Изучив материалы раскопок Таманского городища (1930—1931 гг.), И. И. Ляпушкин доказал, что по керамике и общему характеру находок хазарский слой Тамани аналогичен хазарскому слою Саркела и оба они теснейшим образом связаны с салтово-маяцкими памятниками Дона.

В 1939 г. И. И. Ляпушкин заложил большой раскоп на Правобережном Цимлянском городище [13], а в последующие годы, занимаясь славянами днепровского левобережья, постоянно сталкивался с салтово-маяцкими памятниками, пограничными со славянскими поселениями Юго-Восточной Европы. Не случайно именно он возглавил в 1949—1951 гг. отряд Волго-Донской экспедиции, производивший разведки и раскопки средневековых памятников, близких к Саркелу. Результатом работ явилась большая статья, упомянутая выше [14]. Впервые была создана классификация салтово-маяцких памятников (городищ, поселений, жилищ и погребальных комплексов). Источниковедческий подход к археологическому материалу позволил И. И. Ляпушкину сделать ряд выводов, главнейший из которых заключается в разделении салтово-маяцкой культуры Дона на два варианта — северный и южный.

Северный вариант характеризуется городищами с каменными стенами, поселениями оседлых племен, жилищами-полуземлянками и катакомбными могильниками аланов — выходцев с Северного Кавказа, долихокранов-европеои-

дущего Цимлянского водохранилища. — Вестник ЛГУ, 1951, № 2; Он же. Хазарская крепость Саркел. — Acta archaeologica, VII. Budapest, 1956.

[10] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

[11] Труды Волго-Донской экспедиции, т. I. — МИА, № 62, 1958; т. II. — МИА, № 75, 1959; т. III. — МИА, № 109, 1963.

[12] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, № 6, 1941.

[13] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. — КСИИМК, IV, 1940.

[14] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры...

цов; южный вариант — обширными городищами, укрепленными земляными валами, жилищами-юртами и ямными могильниками, в которых похоронены брахикраны-европеоиды, относящиеся к той же антропологической группе, что и покойники из праболгарского могильника у с. Нови Пазар (в Болгарии) и болгарских волжских могильников у сел Кайбелы и Большие Тарханы.

Так же разделил салтово-маяцкую культуру и Н. Я. Мерперт, работавший над классификацией погребальных обрядов и вещей Салтовского могильника [15] и раскопавший в 1957 г. древнеболгарский могильник у с. Кайбелы [16].

Не подлежит сомнению, что в целом такое деление культуры имеет достаточно оснований. Особенно существенна разница погребальных обрядов и антропологических признаков племен северного и южного вариантов. Остальные признаки, выделенные И. И. Ляпушкиным, как мы увидим, встречаются и на северных и на южных памятниках салтово-маяцкой культуры. К тому же в могильниках аланов, которые явно преобладали в лесостепной области и хоронили умерших в катакомбах, неоднократно попадались погребения брахикранов-болгар (нередко в ямных захоронениях), а рядом со знаменитым Салтовом, на левом берегу Донца, Д. Т. Березовец открыл и частично раскопал обширный ямный праболгарский могильник [17].

Таким образом, разница между двумя вариантами культуры хотя и существовала, но не была, по-видимому, всеобъемлющей, как писал И. И. Ляпушкин. Взаимодействие и слияние северных (аланских) и южных (болгарских) племен было очень активным. Очевидно, значительно ближе подошел к истине М. И. Артамонов, писавший еще в 1940 г., что население нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района (т. е. верховьев Дона и Донца) принадлежало к одной и той же культурно-этнической среде [18].

Дискуссия об этнической принадлежности создателей салтово-маяцкой культуры проходит красной нитью через все крупные или обобщающие работы, посвященные этой культуре. Еще в начале XX в. мнения ученых разделились. Одни считали салтовцев аланами, другие — хазарами. И. И. Ляпушкин пишет, что его разногласие с М. И. Артамоновым является продолжением этого давнего спора. И. И. Ляпушкин и сам не считает салтово-маяцкую культуру в широком смысле этого понятия чисто аланской. Все памятники южного варианта он относит к праболгарам. Но и М. И. Артамонов отнюдь не называет культуру хазарской, а полагает, что она оставлена народами, входившими в Хазарский каганат: аланами, болгарами и, вероятно, хазарами. Причем возникновение культуры М. И. Артамонов связывает с важнейшим экономическим процессом, происходившим в среде этих народов, — оседанием кочевников. Всецело присоединяясь в данном вопросе к точке зрения М. И. Артамонова, не буду вдаваться в подробности дискуссии, поскольку нам неоднократно придется возвращаться к ней в дальнейшем.

Богатство и яркость салтово-маяцкой культуры невольно порождают во многих увлеченных исследователях стремление связать ее с народами, историей которых они занимаются.

Так, еще в 1935 г. В. Арендт и А. Захаров вопреки множеству объективных данных (в частности, вопреки антропологическим показателям) утверждали, что салтово-маяцкая культура оставлена венграми [19].

В 50-х годах «мадьяроведы», хотя и не столь прямолинейно, но полагали, что венгры времен существования Лебедийского союза (IX в.) обитали в степях между Донцом и Волгой, т. е. на территории салтово-маяцкой культуры [20]. Э. Мольнар прямо называет некоторые памятники салтово-маяцкой культуры (например, Воробьевский могильник) венгерскими [21].

С другой стороны, некоторые историки-славяноведы склонны считать многие салтово-маяцкие памятники славянскими или полуславянскими. «Славянская» теория оказалась более живучей, чем «венгерская» и «хазарская». Ряд исследователей придерживается ее и по сей день [22].

---

[15] Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Канд. дисс. — Архив ИА АН СССР, № 884; Он же. О генезисе салтовской культуры. — КСИИМК, XXXVI, 1951; Он же. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.

[16] А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. — В кн.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954, стр. 36—38.

[17] Д. Т. Березовец. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. — КСИА АН УССР, 12, 1962.

[18] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии, стр. 162.

[19] A. Zakharow, W. Arendt. Studia Levedica. — Archaeologia Hungarica, XVI. Budapest, 1935.

[20] Й. Перени. Венгерско-восточнославянские отношения. — Studia Slavica, t. II, fasc. 1—4. Budapest, 1956.

[21] Эрик Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. — Studia Historica, B. Budapest, 1955.

[22] Преимущественно болгарские ученые С. Георгиева, С. Михайлов, А. Милчев и некоторые другие. Библиографию спора о «славянстве» дунайского вари-

В процессе изложения я буду возвращаться к многочисленным попыткам сторонников «славянской» теории связать тот или иной памятник салтово-маяцкой культуры, то или иное культурное наследие салтовцев со славянами. Поэтому здесь останавливаться на них нет необходимости.

Причины такой разноголосицы в толковании вопросов, связанных с изучением салтово-маяцкой культуры, кроются, как мне представляется, в слабой изученности культуры в целом.

В самом деле, до сих пор остается неразрешенным один из кардинальных вопросов истории любой культуры — вопрос о границах ее распространения.

Четко прослеживаются пока только северная, северо-западная и северо-восточная границы в Подонье. Как далеко простиралась территория салтовцев на восток — неясно. Правда, разведки Л. Н. Гумилева в Нижнем Поволжье показали, что на берегах Волги есть памятники с обломками керамики салтово-маяцких типов [23]. В заволжских степях они неизвестны. По-видимому, Волга была крайним восточным рубежом культуры.

Значительно труднее определить южную границу. Мои разведки открыли по рекам донского левобережья (Салу, Ее, Сосыке) сплошные кочевья с керамикой VIII—IX вв. Южнее картина усложняется, поскольку Прикубанье, отроги Кавказского хребта и Дагестан были густо заселены самыми различными народами, и обнаружить здесь памятники интересующих нас салтовцев чрезвычайно трудно. Они буквально тонут в родственных культурах, особенно аланской, которая сыграла огромную роль в сложении салтово-маяцкой культуры. Правда, и там в последние годы обнаружено великолепное Хумаринское городище с тюркскими рунами на камнях белокаменных стен [24], а в бассейне Кубани — несколько поселений, на которых находили обломки котлов с внутренними ушками, характерных для салтовцев и не встречающихся у аланов [25]. То же можно сказать и о юго-восточном районе Предкавказья: на Тереке Л. Н. Гумилев обнаружил несколько поселений с характерной салтово-маяцкой керамикой [26]; К. Ф. Смирнов раскопал Агачкалинский могильник [27], почти единодушно относимый учеными к памятникам хазарской культуры, которая, однако, судя по находкам, была почти тождественна салтово-маяцкой.

Юго-западная граница культуры, как и северная, вырисовывается довольно определенно. На Таманском полуострове к ней относятся средневековые (VIII—IX вв.) слои Таманского городища и Фанагории. Памятники этого типа заходят и в Крым. Средневековые слои Мирмекия и Тиритаки, Боспора (Корчева), поселения у Коктебеля (Планерского), Алексеевки и других мест представляют вариант той же салтово-маяцкой культуры. Отдельные предметы, связанные с этой культурой, попадаются даже в Западном Крыму, в слоях VIII—IX вв. древнего Херсонеса (средневекового Херсона) [28].

Совершенно неразведанными остаются степи левобережья и правобережья Днепра. На левобережье И. И. Ляпушкин выявил южную границу распространения славянских памятников, но к югу от нее работы не были продолжены [29]. В бассейне Днепра известно несколько памятников салтово-маяцкой культуры: Вознесенский «клад» (погребение с сожжением) [30], слой поселения VIII—IX вв. на Пастырском городище [31], гончарная мастерская в Канцировке [32]. Однако единичные находки не позволяют говорить о сплошном заселении степного Поднепровья народами, создавшими салтово-маяцкую культуру, хотя это и весьма вероятно.

Показательно, что западнее — в Приднестровье — разведки, проведенные экспедицией Г. Б. Федорова, уже обнаружили материалы этой культуры на нескольких древних молдавских поселениях [33]. Далее на западе они попада-

---

анта салтово-маяцкой культуры см.: Ж. Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи VI—XI век. София, 1965.

[23] Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966.

[24] В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. — СА, 1963, № 1.

[25] В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. — КСИА АН СССР, 99, 1964.

[26] Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии.

[27] К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. — КСИИМК, XXXVIII, 1951.

[28] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. — МИА, № 85, 1958; Он же. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, глава II.

[29] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, № 104, 1961.

[30] В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запорижжі. — Археологія, III. Київ, 1950; Б. А. Рыбаков. Уличи. — КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 11—13.

[31] М. Ю. Брайчевский. Исследование Пастырского городища в 1955 г. — КСИА АН УССР, 7, 1957.

[32] Т. М. Мінаева. Кераміка балці Канцирка в світи археологічних досліджень на Північному Кавказі. — Археологія, XIII. Київ, 1961; А. Т. Брайчевська. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. — Там же.

[33] Г. Б. Федоров. Отчеты о полевых исследованиях Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции за 1959—1962 гг. — Архив ИА АН СССР, № 2048, 2414, 2616. Работы по изучению памятников VIII—IX вв. ведет отряд балкано-дунайской культуры под руководством Г. Ф. Чеботаренко.

ются в Подунавье и особенно много их в Северо-Восточной Болгарии, куда, согласно письменным свидетельствам, во второй половине VII в. откочевала из Приазовья большая болгарская орда, возглавляемая ханом Аспарухом.

Таким образом, вся степная полоса от Волги до Дуная была занята, по-видимому, народами, создавшими салтово-маяцкую культуру. На Дону они заселили даже лесостепь, вплотную подойдя к поселениям славян. Кроме того, памятники салтово-маяцкого типа известны и далеко на северо-востоке — на средней Волге, в землях древней Волжской Болгарии. Благодаря письменным источникам мы знаем, что какая-то часть приазовских болгар ушла в VII—VIII вв. в эти далекие северные земли и образовала здесь новое государство — Волжскую Болгарию[34].

Границы территории, занятой памятниками салтово-маяцкой культуры, по мере изучения ее все более расширяются и как бы расплываются по степным и лесостепным просторам Восточной Европы.

Разумеется, на всей этой громадной территории салтово-маяцкая культура была далеко неоднородной. Она распадается на несколько вариантов, количество которых увеличивается по мере роста наших знаний. Сейчас мы уверенно можем говорить о семи вариантах: средневолжском, дунайском, дагестанском, крымском, приазовском, нижнедонском и верхнедонском. Различные оттенки единой в общем культуры зависят от многих объективных и субъективных причин, например, от различного процента тех или иных этнических примесей, от влияния культуры местных, завоеванных племен и народов, от влияния более или менее цивилизованных соседей и от степени этого влияния и т. д. Поэтому при изучении салтово-маяцкой культуры следует уделять большое внимание причинам, под влиянием которых складывались различные ее варианты.

Исследование всей культуры в целом — дело будущего. Сейчас наступил период детального изучения локальных ее вариантов. Западным (балкано-дунайским) вариантом занимаются болгарские и румынские ученые[35], в Молдавии работает Г. Ф. Чеботаренко, в Крыму — А. Л. Якобсон, М. Ф. Франджуло, А. В. Гадло, в Волжской Болгарии — А. П. Смирнов, В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков и другие, на нижней Волге и Тереке проводит разведки Л. Н. Гумилев. Совершенно неизученными остаются степи Поднепровья. До проведения там сплошной разведки мы можем связывать памятники дунайских и донских болгар только гипотетически.

Наибольшим разнообразием памятников отличаются бассейн Дона и приазовские степи. Различные варианты салтово-маяцкой культуры, расположенные к тому же в различных климатических и почвенных зонах, представляют для исследователя огромный интерес. Я попыталась обобщить материалы памятников этого сложнейшего в историческом и экономическом отношении района и показать на его примере закономерности исторического развития и самой культуры, и народов, создавших ее.

В 1958 г., когда И. И. Ляпушкин составил сводку всех известных в то время салтово-маяцких городищ, селищ и могильников бассейна Дона, число их равнялось 57. В наши дни их стало уже более 200. В 1958 г. Приазовье на карте археологических памятников VIII—IX вв. было белым пятном. Там знали только два больших городища — Таманское и Фанагорийское со слоями VIII—IX вв. — и несколько поселений того же времени под Таганрогом. Уже первые большие разведки в Приазовье обнаружили исключительно интересный материал, свидетельствующий о том, что берега Азовского моря и впадающих в него рек представляли собой сплошную полосу древних кочевий.

Работы Б. А. Рыбакова на Таманском городище (1952—1955 гг.), Д. Т. Березовца в Салтове и на нескольких памятниках нижнего Оскола, раскопки на Правобережном Цимлянском городище и на городище, селище и могильнике у с. Дмитровского (верхний Донец), проведенные под моим руководством, дали много нового для изучения истории Подонья и Приазовья VIII—IX вв. С 1954 г. ежегодно на этой огромной территории проводились разведки. Наш отряд прошел за десять лет более 2000 км вдоль берегов Дона, Донца, Оскола, Айдара, Белой Калитвы, Быстрой, Кундрючей, Тихой Сосны, Чира, Сала, Таганрогского залива, Еи (рис. 1), открыл свыше 120 новых памятников и обследовал почти все известные ранее.

С увеличением количества археологических источников значительно шире стали задачи исследования культуры и создавших ее народов.

---

[34] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 3; В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965, глава V; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, главы III, IV и др.

[35] См. библиографию в работах: Ж. Н. Вържарова. Славянски и славянобългарски селища...; M. Comşa. La civilisation Balkano-Danubienne (IXe—XIe siècles) sur le territoire de la R. P. Roumanie. — Dacia, n. s., VII, 1963.

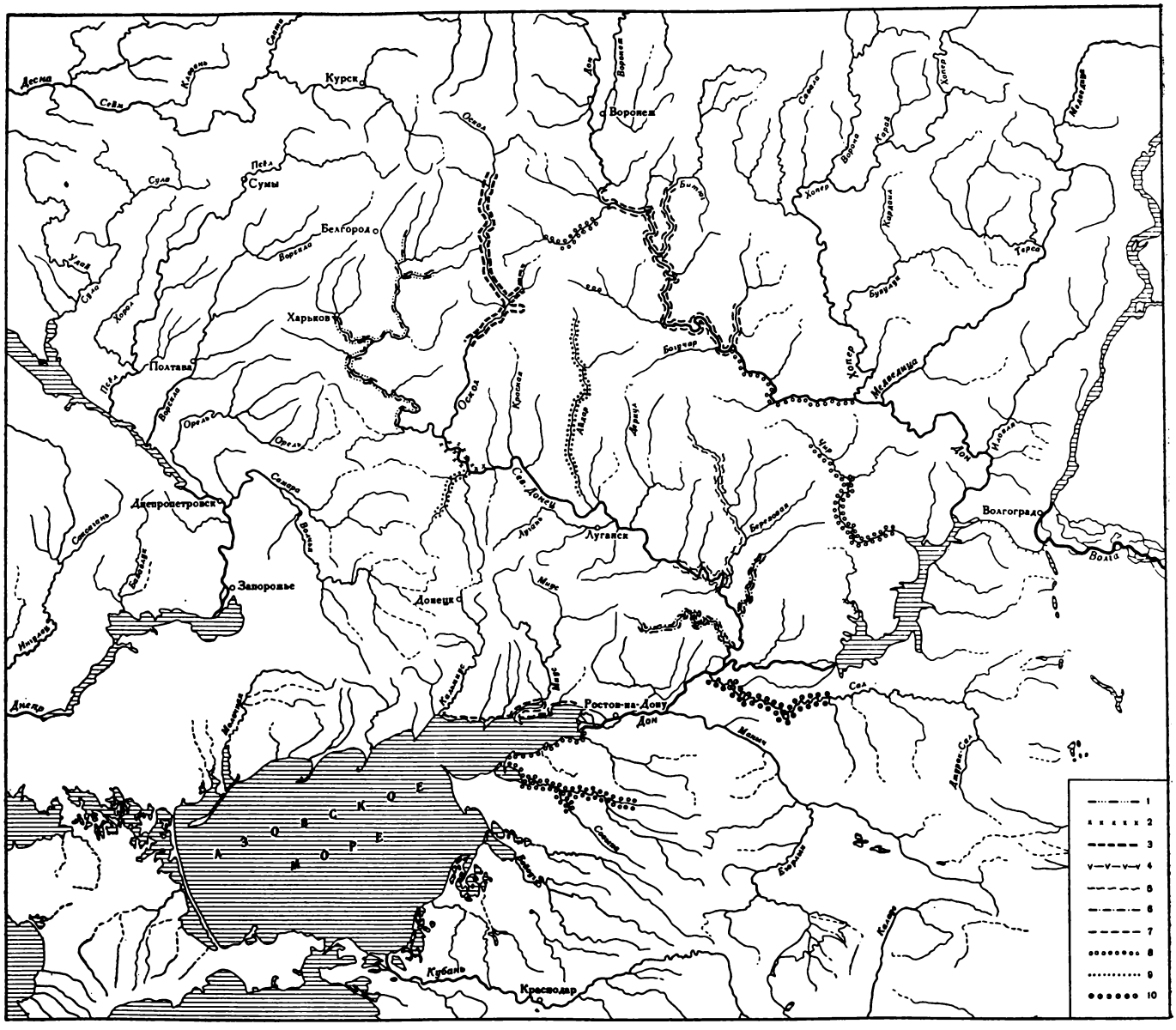

Рис. 1. Маршруты разведок автора

1 — маршруты 1954, 1955, 1957 гг.; *2* — маршрут 1956 г.; *3* — маршрут 1958 г.; *4* — маршрут 1959 г.; *5* — маршрут 1960 г.; *6* — маршрут 1961 г.; *7* — маршрут 1962 г.; *8* — маршрут 1963 г.; *9* — маршрут 1964 г.; *10* — маршрут 1965 г.

Обычно историки, изучавшие эти народы, использовали для общих выводов письменные источники. Замечательный труд М. И. Артамонова по истории хазар почти полностью основан на тщательном анализе разнообразных свидетельств арабских, персидских, китайских и византийских авторов о Восточной Европе. Археологические материалы привлечены только в качестве иллюстративного материала. Глубокое знание письменных источников и блестящая научная интуиция М. И. Артамонова позволили ему создать стройную и ясную картину жизни народов Хазарского каганата. Однако из-за недостаточного использования археологических источников его выводы и построения не всегда подкреплены материалом и поэтому выглядят подчас только более или менее убедительными гипотезами.

Если уж М. И. Артамонов — крупнейший археолог и основоположник нового направления в изучении салтово-маяцкой культуры — грешит недостаточным вниманием к наиболее объективному источнику — археологическому, то в трудах ученых, не занимавшихся этой культурой специально, археологический материал и вовсе упускается из виду. Одним из примеров может служить монография Д. М. Данлопа, посвященная исследованию письменных, в основном арабских, сведений по истории Восточной Европы [36]. Другой пример — две статьи Б. А. Рыбакова о Хазарском каганате [37]. Они также построены на анализе отрывочных письменных свидетельств. Совершенное исключение археологических источников привело автора к убеждению, что ни Подонье, ни Приазовье не могли входить в состав Хазарского каганата. А между тем и археологические, и антропологические данные свидетельствуют как раз об этническом и культурном единстве района, заселенного, по мнению Б. А. Рыбакова, собственно хазарами (Саркел и его окружение), со всей территорией салтово-маяцкой культуры.

Недооценка археологических источников и чрезмерное увлечение неполными, субъективными, а подчас и тенденциозными сведениями средневековых авторов, живших в тысячах километров от описываемых ими областей, приводят к горячим дискуссиям, в пылу которых историческая картина средневековья Юго-Восточной Европы постоянно искажается.

Совершенно очевидно, что споры о размерах, экономике, культуре и исторической роли Хазарского каганата и народов, входивших в него, могут быть решены только в том случае, если мы вновь обратимся к неисчерпаемому источнику — археологическому.

Первой попыткой обобщить исключительно археологические источники стала уже не раз упоминавшаяся здесь работа И. И. Ляпушкина. Но и он, увлекшись анализом пространной редакции письма царя Иосифа, склонился к мысли, что Саркел стоял на северо-западной границе каганата, а сами хазары были кочевниками, не имевшими ничего общего с земледельческой салтово-маяцкой культурой [38]. Впрочем, количество материала, которым он располагал, было явно недостаточным.

Я пользуюсь методикой И. И. Ляпушкина, т. е. прежде всего классифицирую памятники на основе изучения археологических источников, а затем уже делаю выводы, следующие из материала. Однако и в наше время, когда открыто много новых памятников, а целые районы заново исследованы, археологические материалы часто не могут подтвердить некоторые гипотезы. В этом случае я пользуюсь свидетельствами древних авторов, этнографическими и фольклорными данными.

Письменные источники, степень их достоверности, хронологическая и смысловая взаимосвязь достаточно подробно рассмотрены М. И. Артамоновым в «Истории хазар» [39]. Это труд Моисея Каганкатваци «История агван», отрывки из книг ал-Истахри, ибн Хаукаля, ат-Табари о Семендере, Итиле и хазарах, трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством», письмо кагана Иосифа (краткая и пространная редакции), «Книга Ахмеда ибн Фадлана» и некоторые другие. Чтобы не повторяться, я не останавливаюсь здесь на характеристике этих источников.

Значительно более интересны данные этнографии. Благодаря работам русских и советских путешественников и этнографов мы сейчас прекрасно представляем быт кочевых народов XVIII—XX вв. от монгольских степей до берегов Волги и Черного моря включительно. Огромное значение имеют также описания путешествий средневековых монахов-дипломатов Рубрука и Плано Карпини [40] и бродяги-купца Марко Поло [41], пересекших в XIII в.

---

[36] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. New Jersey, 1954.

[37] Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. — СА, XVIII, 1953; Он же. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии). — Сб. Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

[38] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 139.

[39] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 7—26.

[40] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

[41] Книга Марко Поло. М., 1955.

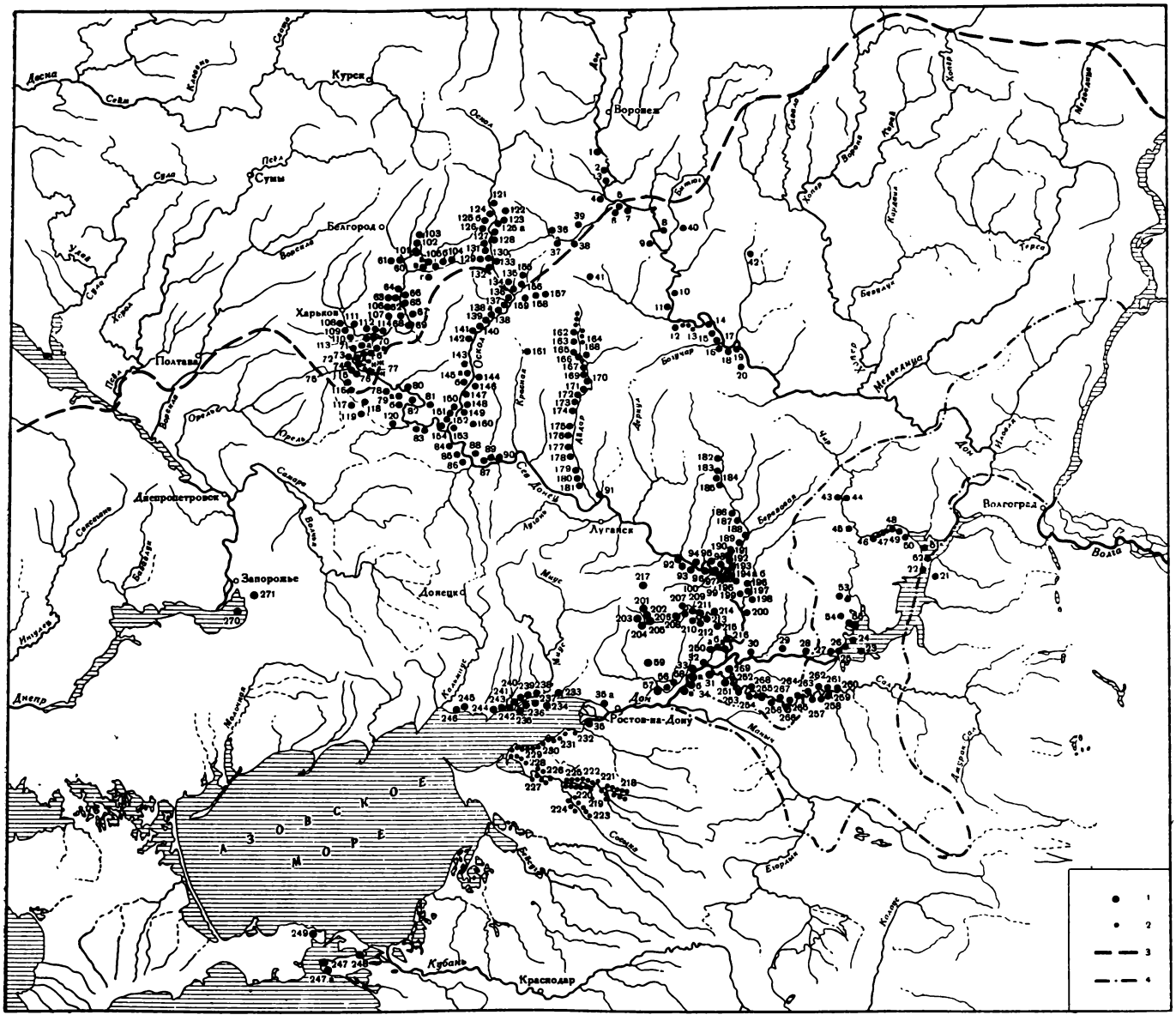

Рис. 2. Памятники салтово-маяцкой культуры на Дону и в Приазовье

1 — поселения, городища и могильники; *2* — маршруты со сплошным попаданием черепков вдоль берега реки или залива; *3* — граница степи и лесостепи; *4* — граница винотравных земель на нижнем Дону

тысячекилометровые степи, занятые татаро-монголами и другими кочевыми народами.

Сравнивая все рассказы путешественников XIII в. с этнографическими наблюдениями XIX—XX вв., мы видим, что жизнь кочевников, их быт, экономика и социальное устройство мало изменились за прошедшие 500—600 лет. Отсюда следует логический вывод, что без особой натяжки можно перебросить мост от эпохи Рубрука и Марко Поло ко времени кочевников VIII—IX вв. и даже гуннов начала I тысячелетия. Это означает, что мы имеем полное право сопоставлять материалы, полученные при исследовании памятников VIII—IX вв., со сведениями о жизни недавних кочевников (XIII—XX вв.).

Русские и советские этнографы внесли огромный вклад в изучение кочевых народов. Монографии Н. Харузина [42], С. И. Руденко [43], Б. Я. Владимирцова [44], Т. А. Жданко [45], Н. Г. Аполловой [46], К. И. Антипиной [47], Р. Кузеева [48] и других с исключительной ясностью и полнотой представили не только быт, но и сложнейшие социально-экономические процессы, протекавшие в среде кочевников в период становления у них классового общества. Выводы этнографов сводятся к следующему:

1. Ни одно кочевое государство не было чисто кочевническим, какой-то процент населения всегда занимался земледелием.

2. Особенно бурный переход к земледелию и оседлости падает на период становления классового общества, когда разоренные, лишенные земель и скота кочевнические массы вынуждены были отказаться от привычного уклада и начать на предоставленных им клочках земли возделывание пашен, бахчей и садов.

3. Переход к земледелию происходит обычно под влиянием земледельческих, более цивилизованных народов, у которых кочевники заимствуют многие земледельческие приемы и новый уклад жизни.

4. Как правило, оседлость способствует развитию ремесел и выделению ремесла в отдельную производственную отрасль.

В своей книге я пытаюсь подойти к истории салтово-маяцкой культуры с позиций, разработанных этнографами.

В основу книги положены следующие археологические источники: памятники, исследованные мною; материалы, опубликованные в трудах И. И. Ляпушкина и М. И. Артамонова; материалы разведок П. Д. Либерова по нижнему Осколу и Береке, раскопок М. И. Артамонова в Саркеле, Б. А. Рыбакова в Тамани, М. М. Кобылиной в Фанагории. Пользуюсь случаем поблагодарить этих товарищей за данное мне право публикации перечисленных материалов. В книге отражены, кроме того, результаты разведок А. В. Гадло в бассейне Аксая (см. Приложение), раскопок Д. Т. Березовца в Салтове в 1959—1960 гг. (в пределах публикации и краткого доклада на Пленуме ИА АН СССР в 1962 г.) и на селище Жовтнево (по докладу на том же Пленуме) и, наконец, работы В. К. Михеева на городище Маяки (по докладу на том же Пленуме). О количестве и расположении археологических памятников салтово-маяцкой культуры дает представление рис. 2.

Каждая глава книги посвящена анализу отдельной группы археологических источников: поселениям, жилищам, погребениям, керамике, предметам быта и производства, оружию, украшениям и т. д. Такой анализ, как мне кажется, позволяет проследить, во-первых, процесс оседания кочевников и связанные с ним явления (развитие земледелия, ремесла, торговли, становление феодализма); во-вторых, единство вариантов салтово-маяцкой культуры на всей исследуемой территории — от верховьев Дона и Донца до берегов Азовского моря и, в-третьих, единство донских и приазовских вариантов с остальными памятниками этой замечательной культуры, раскинувшейся в степях на тысячи километров — от Волги до Дуная и от Камы до предгорий Кавказа.

Цель книги будет достигнута, если читатель вместе со мной придет к убеждению, что население Юго-Восточной Европы в VIII—IX вв. состояло из оседавших на землю кочевников (в основном болгаро-аланов), находившихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений и становления феодализма, т. е. на стадии перехода «от кочевий к городам».

---

[42] Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896.

[43] С. И. Руденко. Башкиры, ч. I, II. Л., 1925.

[44] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

[45] Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. —В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945—1948. М., 1952.

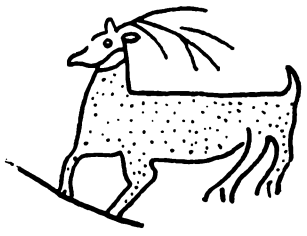
[46] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960.

[47] К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

[48] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.

ГЛАВА I

КОЧЕВЬЯ, ПОСЕЛЕНИЯ, ЗАМКИ, ГОРОДА

Археологические изыскания показали, что широкие степные просторы бассейна Дона и Приазовья в VIII—IX вв. были густо заселены кочевыми и полукочевыми народами. Изучение истории, культуры и экономики этих народов следует начинать с поселений, которых на исследуемой территории обнаружено уже более 200. Хотя раскопки производились только на очень немногих поселениях (примерно 10—15), причем, как правило, в небольших масштабах, мы можем по ряду внешних признаков (толщине культурного слоя, размерам, степени укрепленности и т. д.) разделить их на несколько групп: кочевья, неукрепленные поселки оседлых жителей, укрепленные поселения, за́мки, города. Наиболее характерной для степных народов группой были кочевья, или стойбища.

КОЧЕВЬЯ

Археологические разведки в бассейне Дона и в Приазовье открыли не известные до сих пор памятники, оставленные кочевыми и полукочевыми народами, — кочевья, или сезонные стойбища. Обширные этнографические материалы о тюркоязычных кочевниках среднеазиатских степей, Приуралья, Алтая и Монголии дают нам ясное представление о типичных поселениях кочевников[1]. Тем не менее, обнаружить их археологически было очень трудно. Только тотальная пешеходная разведка вдоль берегов рек и крупных оврагов позволила заметить следы кратковременных летних и зимних стойбищ (летовок и зимовищ).

Они располагались, как правило, на берегах рек или больших водоемов, например, на берегу Таганрогского и Миусского заливов (рис. 3). Даже в тех редких случаях, когда остатки поселений находятся на довольно значительном расстоянии от воды, оказывается, что они располагались на берегу или старицы, или высохшего ручья.

Такое приречное расположение кочевий объясняется несколькими причинами. Одна из основных причин состоит в том, что берега рек всегда богаты густой и высокопитательной травой, необходимой кочевнику для выпаса стад. Эти пойменные луговые корма использовались не только и не столько летом, но и зимой, когда высокая густая трава под снегом оставалась надежной кормовой базой. Таким образом, на берегах рек мы обнаружили остатки не только летовок, но и более постоянных поселений — зимовищ.

Второй немаловажной причиной расположения стойбищ у реки была близость пресной воды, необходимой для водопоев. Никаких колодцев кочевники не сооружали, мелкие ручейки и источники не могли удовлетворить потребности огромных стад, и потому кочевник вынужден был всегда держаться вблизи от более или менее крупных водоемов[2].

И, наконец, третьей причиной приречного местонахождения стойбищ, несомненно, является огромное значение для кочевников рыбной ловли, рыбных промыслов. Об этом мы знаем не только по этнографическим источникам, в которых особо подчеркивается такой важный для кочевника источник пропитания, но и по сообщениям средневековых арабских ученых, писавших, что у народов Хазарского каганата «рыба составляла главную часть их

[1] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; С. И. Руденко. Башкиры. ч. I, II. Л., 1925; Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957; А. Рона-Таш. По следам кочевников. М., 1964; К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

[2] С. И. Руденко. Башкиры, ч. II, стр. 188, 189.

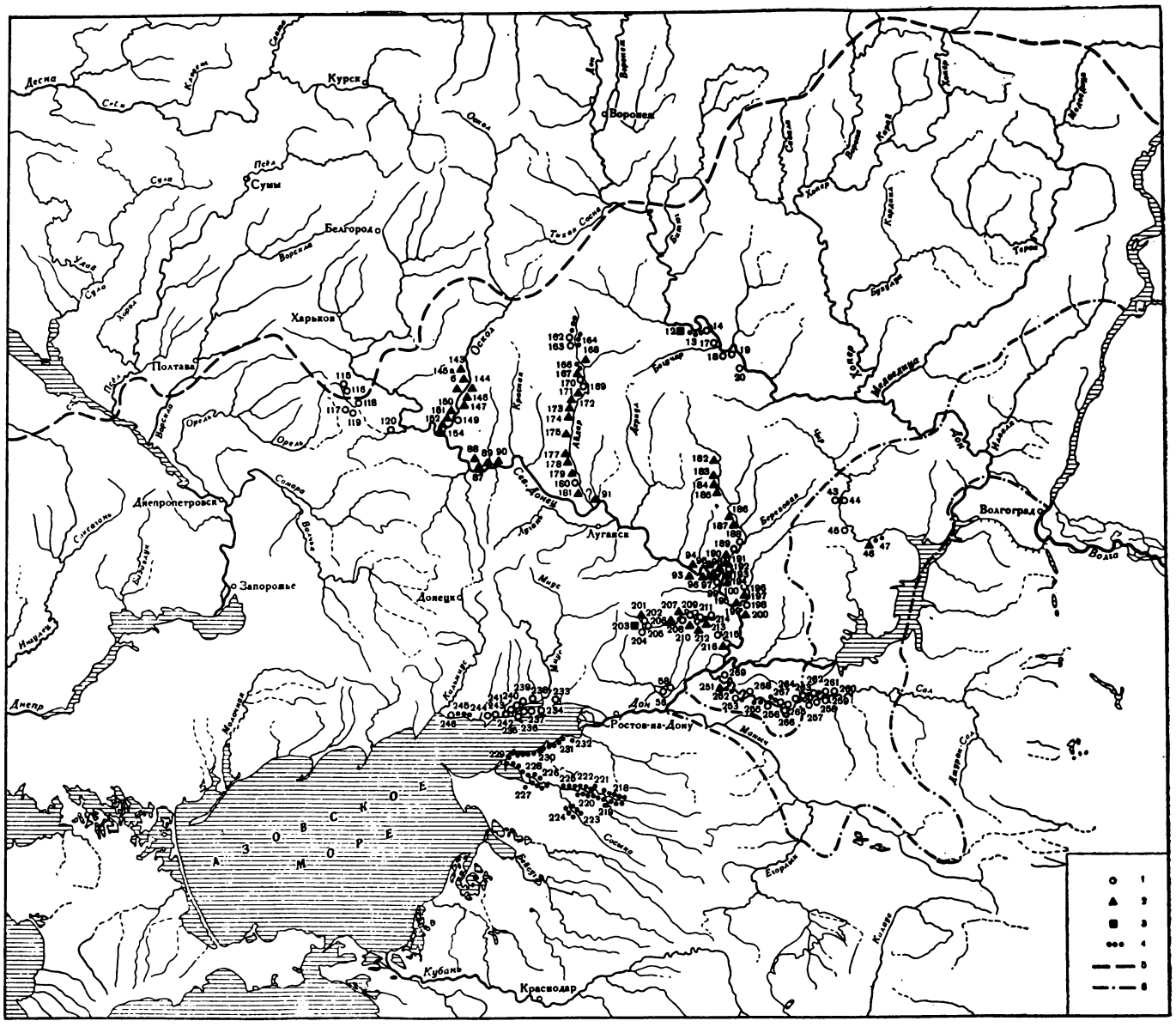

Рис. 3. Кочевья салтово-маяцкой культуры

1 — кочевья типа I; *2* — кочевья типа II; *3* — кочевья в пойме реки; *4* — летние и весенние кочевья; *5* — граница степи и лесостепи; *6* — граница винотравных земель на нижнем Дону

пищи», а одной из основных статей хазарского экспорта был рыбий клей [3].

Наиболее характерные, но слабо выраженные стойбища обнаружены нами в 1963 г. в Восточном Приазовье — на южном берегу Таганрогского залива, на берегах Ей и ее притоков — Куго-Еи и Сосыки (218—232) [4]. Некоторые из них относятся к наиболее ранним из известных нам памятников кочевнических племен на этой территории. Что представляют собой остатки стоянок в настоящее время?

На распаханных берегах на поверхности попадаются мелкие, обкатанные дождем и ветром обломки керамики и костей животных. Находки подходят непосредственно к обрезу берега, причем обычно встречаются сплошь на всей многокилометровой прибрежной полосе без каких-либо интервалов [5]. Ширина такой «обитаемой» полосы колеблется от 50 до 300 м. Берега залива и степных спокойных рек ровные, никаких естественных барьеров для распространения стойбищ нет, поэтому установить их размеры по конфигурации берега сейчас невозможно. О первоначальной ширине стойбищ мы можем судить по ширине прибрежной полосы, хотя следует учесть, что находки в какой-то степени «растянуты» многолетней распашкой. Общее количество находок чрезвычайно невелико. Иногда на 1 км попадается всего три—пять обломков костей и керамики, иногда количество их достигает 30—40. При этом ни разу в разрезах, в обвалах берега и в овражках нам не удавалось обнаружить следов культурного слоя.

Таким образом, для стойбищ Восточного Приазовья характерно отсутствие культурного слоя и незначительное количество находок на поверхности. Сплошная заселенность берегов говорит, по-видимому, о том, что места стойбищ были непостоянными. Кочевники, подкочевывая к берегу реки, селились далеко не всегда на том месте, какое они облюбовали в предыдущие годы, — они ставили юрты выше или ниже по течению, и так за несколько десятилетий весь берег реки на сотни километров покрывался остатками стойбищ, оставленных всего несколькими кочевыми группами.

Особый интерес среди стойбищ Восточного Приазовья представляют стойбища, расположенные на берегах Таганрогского залива (228—232). Степь здесь богата кормами только весной (с конца апреля до середины июня). В июле и августе она становится почти пустыней, покрытой жалкой желто-бурой травкой. Кочевники пригоняли сюда скот, вероятно, в весенние месяцы и соединяли весенний выпас с ловлей красной рыбы, которая мечет икру и подходит к берегам также в этот период. Даже сейчас на распаханной и разрушенной поверхности стойбищ попадаются потемневшие от времени и обкатанные большие кости красной рыбы (позвонки, ребра, лобные кости). Любопытно, что в некоторых местах стойбища были «многослойными», т. е. слоя как такового не было, но находки (в частности, амфоры и красноглиняные кувшины «тмутараканского» типа) датировались от VI до X в. включительно. Такое стойбище располагалось, например, у Чумбурской косы [6], где и сейчас находится крупный рыболовецкий совхоз (230). Очевидно, кочевники на протяжении более 300 лет подходили к Чумбурской косе для ловли рыбы. Ежегодно они оставляли после себя разбитую посуду и кости животных и рыб. Однако это не был культурный слой, какой остается от постоянных поселений земледельцев. В те месяцы, когда стойбище пустовало, незначительный слой, накопленный за время его жизни, развеивался и смывался, а на поверхности оставались только обломки костей и керамики, которые постепенно в течение года мельчали, обкатывались и рассыпались. Только самые крупные крепкие черепки или обломки, попавшие в благоприятные условия (например, втоптанные в землю), уцелели до наших дней.

Состав подъемного материала чрезвычайно стабилен. Это кости животных (преимущественно лошади и овцы) и обломки керамики — амфор, лепных горшков, кухонных круговых и лощеных сосудов. Соотношение (в %) между ними составляет примерно 70 : 20 : 5 : 5. К сожалению, количество находок, а главное их состояние таково, что часто трудно судить о формах сосудов. Лучше всего сохранились обломки амфор, поскольку черепок их был твердым и прекрасно обожженным. Этим следует, видимо, объяснять количественное несоответствие между фрагментами амфор и других сосудов. Именно обломки амфор и позволяют датировать стойбища Восточного Приазовья. Обломки амфор VI—VII вв. встречаются только на приморских стойбищах, ейский материал в целом укладывается в рамки

[3] Ал-Истахри (СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901, стр. 43, 51); Ибн-Хаукаль (СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 112, 115).

[4] Здесь и далее цифры, указанные в скобках, соответствуют номерам памятников на картах.

[5] Некоторые пропуски на карте (рис. 3) объясняются тем, что древняя поверхность или скрыта под современным слоем села, или сильно заросла пшеницей, лесопосадками и т. д.

[6] Кочевье располагалось на исключительно удобном месте, так как здесь же в залив впадала пресная речка Чумбурка.

VIII—IX вв. Все амфоры были привезены из Крыма или Византии, и находки их имеют огромное значение для решения вопроса о торговых связях кочевых племен с Византией и ее восточными провинциями. Об остальной керамике, несмотря на малочисленность находок, можно сказать, что бóльшая часть посуды изготовлена от руки и только незначительное количество приобретено на внутреннем рынке — у местных гончаров (кухонные горшки и лощеные сосуды).

Перейдем теперь к описанию поселений, обнаруженных на северном побережье Таганрогского залива, между Ждановом и Таганрогом, и на берегах Миусского лимана (233—246). Их следует рассмотреть отдельно, поскольку из-за близости к морю большинство имеет специфический рыболовецкий характер. Несомненно, что все они значительно более постоянны или во всяком случае территориально более определенны, чем стойбища Восточного Приазовья. Как правило, они располагались у устий пресноводных речек и ручейков, впадающих в залив, на расстоянии 3—10 км друг от друга. Ставить поселения и кочевья около устий речек превратилось у кочевников в своего рода традицию. Например, в одной из алтайских сказок говорится так:

> К устью той реки подходит,
> Где на острове зеленом (на мысу. — *С. П.*)
> Юрта ханская стоит...[7]

Всего в Северном Приазовье известно 14 памятников этого наиболее распространенного типа кочевий.

Обычно эти стойбища плохо сохраняются, все они уже давно распаханы, некоторые размыты прибоями, культурный слой в обрезах не прослеживается, и обнаружить древнее поселение удается только по весьма ограниченному количеству находок — костей и обломков керамики на пашне. Поэтому в большинстве случаев мы не можем судить о размерах памятника и тем более о его планировке. Полноценный материал получен при обследовании всего шести стойбищ.

Стойбище у с. Обрыв (246) расположено на высокой надпойменной террасе Таганрогского залива, где ширина поймы достигает около 1 км (рис. 4, *1*). С запада оно ограничено поймой речки, впадающей в залив (в настоящее время речка летом пересыхает совершенно), с востока — древним заросшим и заплывшим оврагом. Длина стойбища 1,5 км, ширина около 250 м. Культурного слоя нет, но на распаханной поверхности попадается довольно много обломков костей животных (лошади и овцы), обломков амфор VIII—IX вв. (75%), лепных горшков, котлов с внутренними ушками и лощеных сосудов.

Между с. Натальевкой и пос. Рожок, на берегу Миусского лимана, у самого его устья (242), обнаружено поселение совсем другого типа (рис. 4, *2*). На площади длиной в 1 км и шириной примерно 500 м, также на распаханной поверхности, выделяется несколько пятен. Здесь и были сосредоточены обычные для поселений того времени находки: кости, обломки амфор, лепных горшков, котлов с внутренними ушками, лощеных сосудов и изредка круговых кухонных горшков. Размеры скоплений достигали 30—40 м в поперечнике. Наиболее характерной их чертой было большое количество камней. При исследовании одного из «пятен», расположенного непосредственно у обрыва берега, удалось выяснить, что камни были разрушенными цоколями построек. К сожалению, как я уже неоднократно отмечала, поверхность поселений так сильно перепахана (часто плантажным плугом), что выяснить планировку этих зданий сейчас невозможно. По аналогиям с глинобитными жилищами на каменных цоколях, обнаруженными в городах и поселениях Крыма и Восточного Приазовья[8], можно предполагать, что и здесь сооружались подобные глинобитные домики. Причем располагались они как бы отдельными «хуторками», в каждый из которых входило не больше двух-трех построек.

Такие оторванные друг от друга небольшие «хуторки», несмотря на постоянный тип жилищ, носили еще временный характер, поскольку, как и на стойбищах без глинобитных домиков, находки среди камней очень редки и слоя вокруг них не было. Да и сами постройки, судя по сохранившимся обрывкам цоколей, сложены весьма примитивно. Скорее всего, это — остатки кочевнических зимовищ, с которых население ежегодно сразу же после весеннего лова рыбы откочевывало в глубь степи.

Наиболее выразительны кочевнические летние и зимние стойбища на Дону и его притоках. Речные берега отличаются сильной изрезанностью, неровностью, а потому даже при небольшом количестве находок можно по конфигурации берега определить размеры поселка. К стойбищам типа I относятся большие поселения (до 1,5 км в длину и до 200 м

[7] Алтайские сказки. Новосибирск, 1937, стр. 128.

[8] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. — МИА, № 85, 1958.

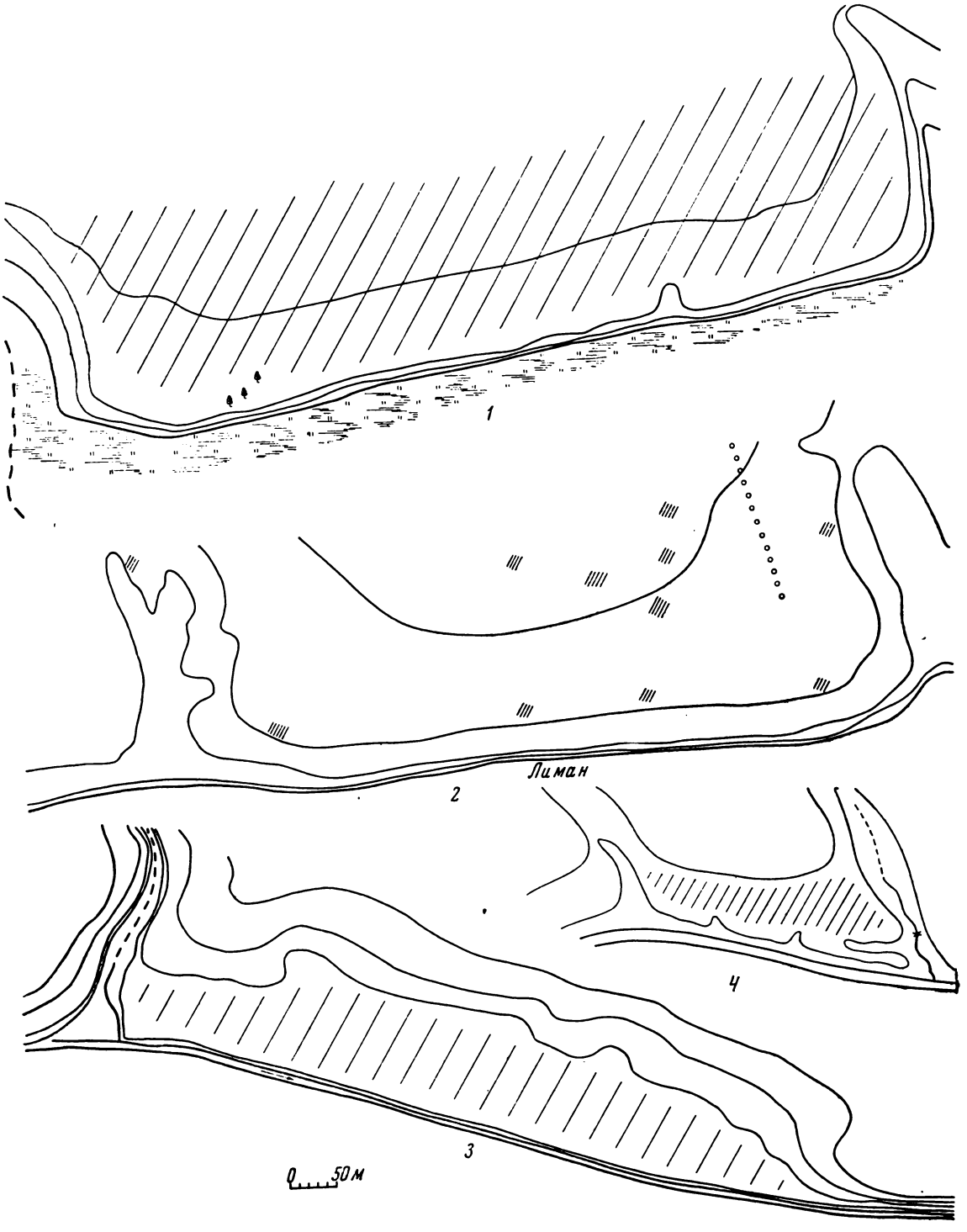

Рис. 4. Кочевья типов I и II

1 — кочевье 246; *2* — кочевье 241; *3* — кочевье 211; *4* — кочевье 206

в ширину), слабо насыщенные находками и лишенные культурного слоя. Они попадаются обычно и на правом и на левом берегах, однако всегда в таких местах, где берег ровный и не изрезан оврагами. Располагались они на первой надпойменной террасе, у воды (рис. 4, *3*). В настоящее время поверхность их почти всюду распахана. Изредка стойбища этого типа встречались на песчаных дюнах, и если дюна перекрывала древнюю дневную поверхность, то в обрезе исключительно четко прослеживалась незначительность «культурного», или, вернее, жилого, слоя этих поселений. Толщина его нигде не превышает 20 см. Причем следует учитывать, что в рыхлый песчаный грунт различные остатки человеческой жизни проникают значительно интенсивнее, чем в глинистую или черноземную почву.

Находки на «дюнных» стойбищах попадаются только в местах, где песок развеян до древней поверхности. Состав их в целом тот же, что и на других стойбищах этого типа: кости животных, обломки амфор, лепной керамики, лощеных сосудов и изредка кухонных горшков. Характерно, что амфор на них значительно меньше, чем на приазовских поселениях (около 40—50% всей керамики).

Как уже упоминалось, подавляющее большинство поселений этого типа обнаружено на основном берегу, т. е. над поймой. Однако в виде исключения они попадались и в пойме реки (12, 203). Если надпойменные стойбища с одинаковой долей вероятности можно считать и зимними, и летними, то пойменные кочевья были, несомненно, только летними, поскольку ранней весной, во время разлива, их заливало водой. Пойма становилась проходимой и пригодной для жилья в конце мая—начале июня.

Стойбища типа II известны гораздо лучше, чем стойбища типа I. Обнаружить их легче, поскольку располагались они, как правило, на удобных для поселения местах, также на первой надпойменной террасе. Довольно часто поселения с трех сторон окаймлены высокими холмами второй террасы, защищавшими их от степных ветров (рис. 4, *4*). С двух противоположных концов они нередко отрезаны от основного массива берега оврагами. Овраги никогда не играли оборонительной роли, так как любое стойбище было доступно для нападения с напольной стороны: со склонов второй надпойменной террасы нападающие могли свободно обстрелять защитников поселения. Таким образом, очевидно, практического значения овраги не имели.

Размеры поселений колеблются от 100 до 600 м в длину и от 20 до 150 м в ширину. Древняя дневная поверхность нередко перекрыта оползнями со склонов окружающих холмов, поэтому находок на стойбищах крайне мало и встречаются они почти исключительно в размывах берега. В обрезах оврагов и берега хорошо видно, что перекрытый оползнями слой чернозема (толщиной 20—40 см) не является по существу культурным слоем, поскольку он стерилен (без находок). Только в верхней его части попадаются угольки, кости животных и обломки керамики. Керамика обычная: амфоры, лепные, кухонные круговые и лощеные сосуды. Однако характерно, что количество посуды, изготовленной на гончарном круге (кроме амфор), резко увеличивается, а лепной посуды — уменьшается.

Таким образом, отличительными особенностями поселений типа II являются не только сравнительно небольшие размеры и определенная, ограниченная извилинами берега территория, но и некоторые изменения керамического состава. Внешне такие стойбища уже напоминают селища, оставленные оседлыми земледельцами. Только культурный слой на них еще слабо выражен или совсем отсутствует.

Итак, все кочевья, обнаруженные нами как в Приазовье, так и в Подонье, делятся на две группы прежде всего по величине и определенности занимаемой ими территории. Подавляющее большинство составляют большие расплывчатые поселения нередко неопределенных очертаний. Все они носят временный характер. Некоторые стойбища явно летние (в затопляемых весной поймах рек), другие — весенние (на южном берегу Таганрогского залива), третьи (типа поселения у с. Натальевки) — зимние, с домиками на каменных цоколях. Однако трудно определить в каждом конкретном случае, каким было то или иное поселение, расположенное на первой надпойменной террасе, — зимним или летним. Ведь река и пойма были необходимы кочевнику и зимой и летом.

Очевидно, следы больших стойбищ оставлены крупными кочевыми коллективами. Большими группами кочевники передвигались еще во времена родо-племенного строя. Это был так называемый куренной способ кочевания. Академик Б. Я. Владимирцов полагал, что куренное кочевье характерно и для периода разложения родо-племенного строя и даже для раннего феодализма [9]. Это кочевье — орда, состоявшая иногда из нескольких сот семей. У большого многосемейного куреня были об-

[9] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 36, 37.

щие земли для кочеваний, т. е. для выпаса скота, и общие стойбища-кочевья. Естественно, что кочевье занимало в этом случае огромную территорию. Обычай совместной кочевки большого родового подразделения связан с системой организации кочевого скотоводческого хозяйства, которая требует, чтобы на пастбища определенного размера приходилось определенное количество скота. Курень и был таким подразделением, которое могло вести правильное кочевое хозяйство. Прогрессирующее разложение родо-племенного строя, обнищание рядовых кочевников приводили к распаду общины на более мелкие хозяйственные объединения. Этот процесс блестяще прослежен на примере башкирского общества XVII—XVIII вв. Р. Кузеевым [10].

Прежде всего из куреней стали выделяться богатые скотом семьи с их чадами и домочадцами — обедневшими сородичами. Новые подразделения — аилы — основывались уже на новых принципах феодальной эксплуатации. Территориально они были гораздо меньше куреней. Мне кажется правомерным связывать небольшие надпойменные стойбища (типа II) именно с аильной формой кочевания. Их размеры в два—пять раз меньше куренных стойбищ. Каждое из них объединяло под главенством богатой семьи, судя по этнографическим данным, 20—30 бедных дворов. Не владея достаточным количеством собственного скота, бедняки или пасли скот богача, или же вынуждены были переходить к новому способу производства — к земледелию, т. е. оставаться в надпойменных зимовках и на лето. Так кочевье-становище постепенно превращалось в обычное селище с оседлыми жителями. Многие из обнаруженных нами приречных стойбищ уже превратились, по-видимому, в такие «полуоседлые» поселки, в которых на лето оставалась часть населения. Именно поэтому количество находок на них больше, а границы их более определенны, и кое-где появляется и прослеживается культурный слой.

Таким образом, мы с полным правом можем считать большие стойбища (типа I) более ранней, куренной, формой кочевнического поселения, а стойбища типа II — более поздней, аильной. Это предположение подтверждается и подъемным материалом. Так, обломки амфор VI—VII вв. попадаются исключительно на больших стойбищах Приазовья, на них преобладает лепная посуда и часто встречаются обломки котлов с внутренними ручками. На стойбищах меньших размеров в подъемном материале значительно больше, как говорилось, круговой керамики характерных салтово-маяцких типов (VIII—IX вв.). Аильные зимовища были по существу переходной формой от становищ-кочевий к поселениям оседлых земледельцев.

[10] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 113, 114, 130, 131.

СЕЛИЩА

Неукрепленные поселения, как и кочевья, располагались исключительно на берегах рек (рис. 5). По внешнему виду и размерам они также весьма напоминают обычные кочевья, причем не только типа II, что было бы вполне закономерно, но и типа I.

Размещение селищ вдоль рек объясняется, во-первых, собственно кочевнической традицией, о которой упоминалось выше; во-вторых, тем обстоятельством, что кочевники, занимая новые земли, двигались в основном вдоль больших рек, занимаясь рыбной ловлей и осваивая прежде всего приречные черноземные земли, близкие к воде.

Селища возникали и на высоком, и на низком берегах, но всегда там, где имелся подход к реке. В отличие от кочевий, которые только в исключительных случаях были многослойными, 90% обследованных нами селищ расположены в удобных для жизни местах, обжитых в течение многих веков различными народами.

Чаще всего попадаются двуслойные селища: верхний слой — средневековый, нижний — скифского времени; реже — с тремя слоями: средневековым, скифского времени и эпохи бронзы или неолита. Иногда они перекрыты слоем XVII—XVIII вв. или современным. Однослойные средневековые селища расположены, как правило, на менее удобных местах: на небольших ручейках, на открытых со всех сторон берегах или далеко от воды.

Размеры селищ и их формы в плане дают возможность выделить среди них два типа. К типу I относятся большие, вытянутые вдоль берега поселения. Длина их достигает нескольких километров, ширина 200—300 м. Такие селища преобладают. Они чаще попадаются на левом берегу реки, всегда над поймой, но встречаются и на правом, покатом склоне. Селища типа II обычно расположены на правом берегу большой реки или на каком-либо ее притоке, причем иногда на обоих его берегах. Длина и ширина таких селищ почти равны: 200—300 и 300—400 м. Никаких естественных рубежей или укреплений на селищах обоих типов не прослежено. Почти все они в настоящее время распахиваются. Нередко на пашне видны

серые зольные пятна — средневековые помойки-зольники, в которых и сосредоточено большинство находок. Население селищ использовало в качестве помоек и старые хозяйственные ямы или заброшенные жилища, поэтому зольники встречаются далеко не на каждом средневековом селище. Толщина культурного слоя очень незначительна — 20—30 см.

Обычно культурный слой и зольники сильно разрушены распашкой, и находок на поверхности очень много: кости животных, среди которых видное место начинают занимать кости свиньи (животного, характерного только для оседлых народов), обломки амфор, лощеной посуды и кухонных круговых горшков. Лепная посуда тех типов, какие встречаются на стойбищах, почти совсем исчезает, а на селищах в верховьях Дона и Донца ее полностью заменяет правленная на круге грубая толстостенная керамика, подражающая по форме кухонным круговым горшкам.

Размеры селищ наводят на мысль, что и при оседлом заселении сохранились два уклада: куренной и аильный. Куренная организация, несомненно, продолжала существовать и в феодальном обществе. Известно, что у башкир в XVII—XVIII вв. «роль родового подразделения в общественной жизни уменьшается, но не исчезает» [11]. Феодалы, «объединяя вокруг себя зависимых лиц и пастбищно-кочевые группы, называли эти группы родовым подразделением» [12]. Крупные аильные подразделения у них оставались наряду с мелкими. Оседая на землю, они основывали большие поселки, напоминающие ранние родовые кочевья.

Археологические материалы не позволяют провести четкие хронологические границы между кочевьями различных типов, а также между кочевьями и постоянными поселениями. Скорее всего, их и нельзя провести. Возникнув в глубокой древности, куренные стойбища сохраняли свою организацию и в VIII—IX вв. Аильные стойбища, появившись, вероятно, в начале VIII в., сосуществовали с оседлыми поселениями или постепенно превращались в них.

Итак, мы можем говорить не о смене одних поселений другими, а о том, что поселения одного и того же времени отражали более и менее развитые общественные отношения.

Географические границы значительно более определенны. Если кочевья обоих типов располагались исключительно в степной полосе, то постоянные поселения в основном находились в лесостепи. Только по берегам Северского Донца и его основного притока — Оскола — эти поселения углублялись далеко в степь (на 100—150 км от современной границы степи с лесостепью).

Кроме того, большие земледельческие поселения располагались на плодородных степных землях нижнего Дона, поскольку занимать этот удобный для земледелия район пастбищами было нецелесообразно.

Активному оседанию кочевников на землю в северных районах Подонья способствовали по крайней мере два фактора. Во-первых, влияли географические условия: в лесостепи, которая сменяла здесь степь, значительно выгоднее было вести хотя бы полукочевое хозяйство. Этнографические параллели говорят о том, что близ леса кочевники быстрее переходят к оседлости. Так было и в Сибири, и в Башкирии [13]. Во-вторых, важную роль играло знакомство с земледельцами-славянами. Чем ближе подходили кочевники к славянским земледельческим поселениям, тем яснее для них становились преимущества и удобства земледельческого оседлого образа жизни, тем охотнее они оставались на обжитых зимовищах [14].

Образованию земледельческого района в низовьях Дона также благоприятствовали географические условия: плодородие почв способствовало развитию не только хлебопашества, но и садоводства и даже виноградарства. Несомненно также, что постройка здесь белокаменного замка (Правобережное Цимлянское городище), а затем Саркела, торговый путь из Закавказья на север, проходивший по реке и через реку, — все это активизировало процесс освоения района новым земледельческим населением.

Таким образом, экономический фактор играл важную роль в оседании кочевников. Этнографические наблюдения свидетельствуют, что это был нередко решающий фактор, поскольку при потере скота обедневший кочевник вынужден был обращаться к земледелию [15]. Обнищание трудовых масс в Хазарском каганате в первые десятилетия VIII в. в связи с арабскими походами Масламы и Мервана было особенно интенсивным, и именно в эти годы начался в Подонье и Крыму переход кочевого населения

---

[11] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 114.

[12] Там же, стр. 113.

[13] С. И. Руденко. Башкиры, ч. II, стр. 322, 323; Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896.

[14] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи..., стр. 154, 157, 158.

[15] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи..., стр. 52.

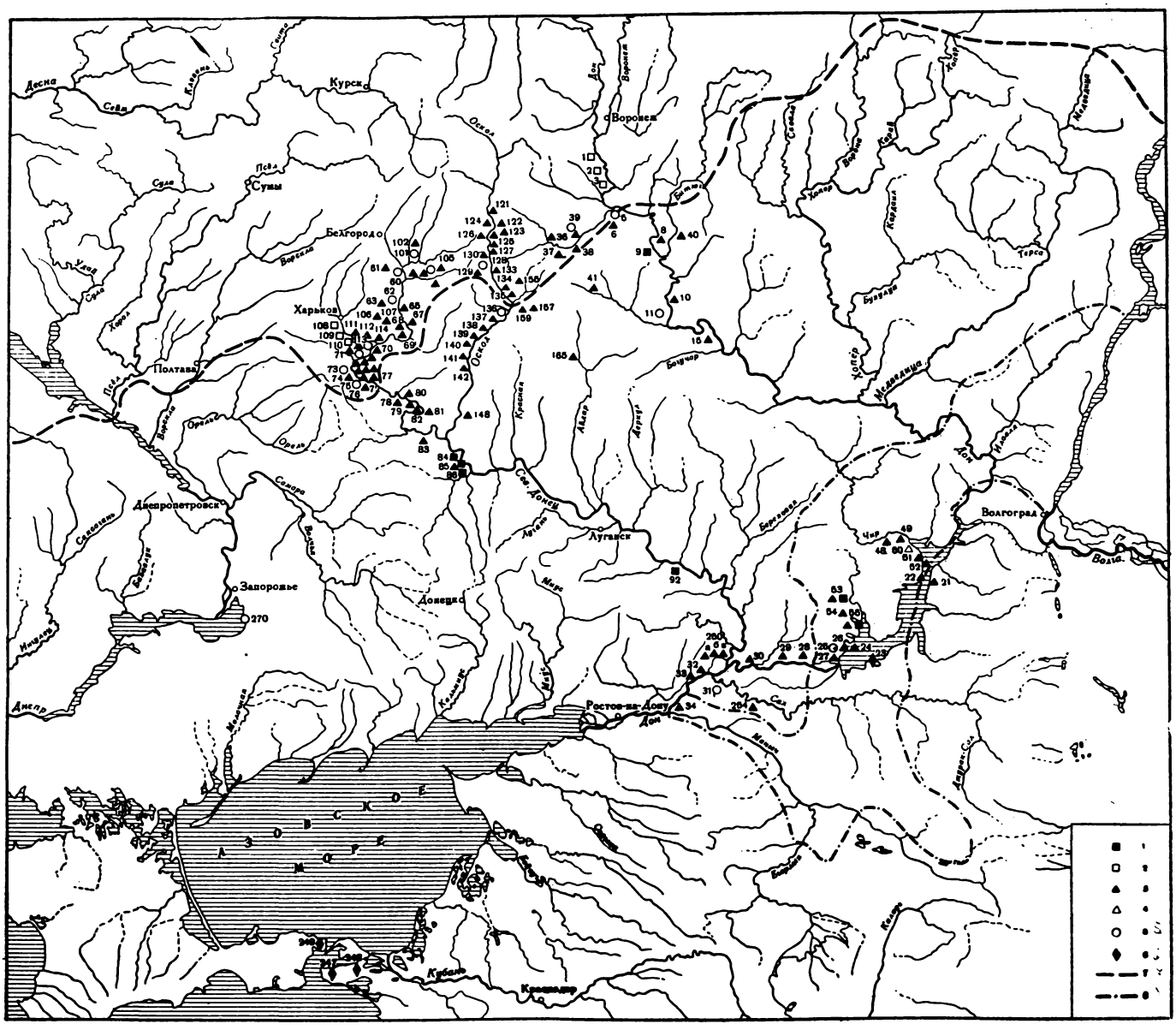

Рис. 5. Поселения и городища оседлого населения салтово-маяцкой культуры

1 — городища с земляными валами; *2* — славянские городища; *3* — селища; *4* — славянские селища; *5* — городища с каменными стенами; *6* — города; *7* — граница степи и лесостепи; *8* — граница винотравных земель на нижнем Дону

каганата к земледелию. Усилилась и феодализация хазарского общества [16].

Прежде чем перейти к характеристике зáмков, крепостей и городов, построенных и заселенных народами Хазарского каганата, остановимся еще на одном виде памятников, представляющих собой, по всей вероятности, переходную форму от открытых неукрепленных поселений к зáмкам и городам. Эти памятники — городища с земляными валами.

ПОСЕЛЕНИЯ С ЗЕМЛЯНЫМИ УКРЕПЛЕНИЯМИ

Мы знаем всего шесть городищ с земляными валами: у хуторов Средний и Карнаухово (53, 55) на речке Котлубанной, правом притоке Дона, у сел Маяки и Богородичное, у г. Каменск-Шахтинский (84, 86, 92) на Северском Донце и у с. Костомарово на верхнем Дону (9).

Два первых городища неоднократно описаны в литературе [17]. На Карнауховском И. И. Ляпушкин провел раскопки [18], которые, несмотря на сравнительную незначительность вскрытой площади, позволили установить типы жилищ и хозяйственных сооружений этого памятника (рис. 6, *4*, *5*).

Что касается городища Маяки (86), то И. И. Ляпушкин только упомянул его в списке салтово-маяцких памятников [19]. Между тем по научному интересу это городище нисколько не уступает котлубанским. Оно расположено на большом высоком мысу, образованном правым берегом Северского Донца и мощным оврагом (рис. 6, *1*). С напольной стороны городище защищено валом и рвом, длина которых 400 м. В настоящее время вал и ров сильно разрушены, в южной части оплыли, в северной — почти полностью распаханы. Размеры городища 400×400 м. Поверхность из года в год распахивается. Местами на ней ясно прослеживаются зольные пятна помоек. Расстояние между ними 15—20 м. Подъемный материал встречается и в зольниках, и в разрушенном распашкой культурном слое. Он состоит в основном из обломков амфор и грубых толстостенных кухонных горшков. Кроме того, попадаются обломки лощеной посуды и большое количество костей различных домашних животных: лошади, крупного рогатого скота, коз, овец и свиней. На городище в 1963 г. были начаты раскопки, открывшие остатки жилищ и хозяйственные ямы [20]. С напольной стороны к городищу примыкает, по-видимому, неукрепленное поселение, размеры которого примерно равны размерам городища. Культурный слой на нем разрушен еще сильнее, но и здесь встречаются мелкие обломки костей животных и керамики и даже зольные кучи. Поселение в целом, судя по подъемному материалу, двуслойное: средневековый слой VIII—IX вв. перекрывает отложения эпохи бронзы.

Городище у с. Богородичное (84) известно в литературе под названием Теплинского, так как оно расположено на территории Теплинского урочища (рис. 6, *3*). Расстояние до него от городища Маяки по берегу реки составляет около 15 км. Городище находится на высоком правобережном мысу, с напольной стороны отрезано от основного берега рвом и земляным валом. Со стороны одного из оврагов, более пологого, склон эскарпирован и по нему проведен сильно заплывший в настоящее время ровик. Площадка городища неровная, общая площадь ее 7 га. Находок на ней нет, поскольку поверхность городища сильно задернована и заросла лесом, однако при шурфовке слоя, произведенной Б. А. Шрамко, обнаружено несколько обломков грубой кухонной керамики. Толщина слоя доходит до 0,7 м.

К поселениям этого же типа относится и городище у г. Каменск-Шахтинский (92). Однако здесь даже самые жалкие остатки земляных укреплений полностью уничтожены многолетней распашкой. Судить о поселении мы можем только по описанию Ив. Тимощенкова, обследовавшего памятник в начале нашего века [21]. Большое (около 500 м в поперечнике) городище расположено на мысу правого берега Северского Донца и укреплено с напольной стороны земляным валом и рвом. Было ли рядом с ним неукрепленное поселение, остается неясным.

Городище у с. Костомарово (9) находится на правом берегу Дона и занимает невысокий (около 40 м) меловой мыс с очень крутыми

[16] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 262 и др.

[17] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. — ИГАИМК, 131. Л., 1935, стр. 25—27, рис. 10; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. — МИА, № 62, 1958, стр. 255—257.

[18] И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. — МИА, № 62, 1958.

[19] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62, 1958, стр. 149, рис. 26.

[20] Раскопки на городище в 1963 г. вел аспирант ХГУ В. К. Михеев (доклад на секции славяно-русской археологии пленума ИА АН СССР в 1964 г.).

[21] Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной (Труды XII АС, т. II. М., 1905, стр. 569—576).

Рис. 6. Городища с земляными валами

1 — городище 86; *2* — городище 9; *3* — городище 84; *4* — городище 53; *5* — городище 55

склонами, овальный в плане (рис. 6, *2*). Мыс издали напоминает как бы низко срезанный пень или стол площадью 300×200 м. С напольной стороны городище укреплено валом и рвом. Гребень вала щебневый: по-видимому, вал был сооружен из выкида рва. Поверхность городища задернована, но культурный слой почти полностью смыт, так как мыс слегка наклонен к северу.

Итак, характерными чертами поселений с земляными валами можно считать мысовое расположение, наличие земляного вала и рва, укрепляющих часть поселения, явную оседлость населения, о чем свидетельствуют прежде всего находки костей свиньи, серпов и жерновов на Карнауховском поселении и городище Маяки. Кроме того, весьма существенными признаками всех памятников являются большие размеры и культурный слой, насыщенный находками.

Чем можно объяснить возникновение укрепленных поселений? Мне кажется, что причины нужно искать не во внешних событиях истории, а в тех процессах, которые протекали внутри феодализирующегося общества Хазарского каганата.

Все шесть городищ не были пограничными крепостями, поскольку расположены они не на окраинных землях. Особенно это относится к котлубанским городищам, которые находились под боком у крупной хазарской крепости Саркел (23), т. е. почти в центре государства. Кроме того, рядом с городищем всегда размещалось точно такое же по содержанию культурного слоя селище, что говорит об одинаковой заселенности обеих частей поселения. Следовательно, строители укреплений не стремились защитить всех обитателей поселка, и крепости охраняли не от внешних врагов.

Они появились во время разложения родоплеменного строя и возникновения феодализма. Это были первые своеобразные за́мки феодалов, предназначенные для защиты лишь части населения — аила, связанного в единое целое уже не родовыми, а феодальными связями. У башкир подобные соединения назывались ара, айман [22]. Во главе такой группы стоял феодал, обладавший правом принуждения многочисленных рядовых членов, экономически от него зависимых.

Таким образом, эти большие огороженные поселки можно считать одной из первичных форм феодальных кочевнических за́мков. Они могли возникнуть только в среде оседающих на землю кочевников, поскольку только у кочевников в процессе феодализации появлялись крупные вначале пастбищно-кочевые, а затем земледельческо-скотоводческие коллективы, объединенные богачом-феодалом.

О таком большом укрепленном поселении-за́мке, принадлежавшем Аттиле, рассказывает, по-видимому, Йордан в «Гетике» (середина VI в.): «Это селение ... было подобно обширнейшему городу: деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними ... Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы..., подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам» [23]. Мы не знаем, имелись ли деревянные укрепления поверх земляных валов на донских поселениях [24]. Логично предположить, что они были, поскольку одни земляные укрепления не представляют особенно серьезного препятствия. В целом же обширный за́мок Аттилы очень напоминает такие же большие за́мки донских и донецких феодалов.

Население неукрепленной части поселка также, несомненно, находилось в зависимости от феодала.

Обе части поселка были неразрывно связаны и представляли собой единый полуоседлый-полукочевой за́мковый комплекс.

Расположены такие поселения, как мы видели, исключительно в зоне степей, т. е. на землях, занятых кочевниками с глубокой древности.

Полагая, что большой за́мок, укрепленный земляными валами, является переходной формой от кочевья к обычному небольшому за́мку, я не хочу этим сказать, что земляные за́мки древнее каменных, о которых речь пойдет дальше. Видимо, земляные за́мки были социально менее развитой формой, поскольку по внешнему виду они значительно ближе к кочевому или оседлому неукрепленному аилу, чем небольшие, окруженные мощными укреплениями каменные за́мки.

---

[22] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 113.

[23] Йордан. Гетика. М., 1960, стр. 101.

[24] И. И. Ляпушкин перерезал вал и ров на Карнауховском поселении. По гребню вала не обнаружено никаких следов деревянных или иных укреплений. Вполне возможно, однако, что они уже давно были смыты и распаханы, поскольку земляной вал на этом поселении, как и на всех остальных, сохранился очень плохо. См.: И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение, стр. 303, 304, рис. 50.

КАМЕННЫЕ ЗАМКИ

На территории Подонья известно 12 каменных городищ — развалин величественных и грозных цитаделей (рис. 5).

В отличие от менее внушительных, больших, но слабо укрепленных земляных замков каменные цитадели, как правило, располагались на высоких, крутосклонных, почти недоступных меловых или лёссовых мысах, причем обычно на больших реках — Дону, Северском Донце, Осколе.

Все 12 городищ имеют одну характерную общую черту: остатки каменных укреплений — валов или стен, сооруженных в VIII—IX вв. Именно благодаря этому, заметному даже и по сей день признаку русские географы XVII в. отметили в описании Московской Руси заброшенные древние городища верховьев Северского Донца[25]. Составители описания карты (Большого Чертежа), дьяки Разрядного приказа Лихачев и Данилов, исходя из соображений военно-стратегического порядка, специально остановились на наиболее заметных и выгодных для расположения будущих русских крепостей пунктах в районе верховьев Северского Донца. Почти на всех мысах, упомянутых ими, находились развалины средневековых крепостей. Четыре из них не дошли до нашего времени. Это городища Змиев, Чугуев, Кодковское, Гумнинья. Змиев и Чугуев совершенно уничтожены перестройками XVII в. и современным городом, а два последних обвалились, по-видимому, в реку. При самом тщательном обследовании берега на указанном в «Книге» участке — в 15 и 20 верстах ниже впадения в Донец «Салтановского (т. е. Салтовского. — *С. П.*) колодезя» — их не удалось обнаружить. Два средневековых городища, обозначенных в «Книге» (Хорошево и Донецкое, 108, 109), — славянские, пять относятся к интересующему нас времени и народу. Это городища Нежегольское (Архангельское, 60), Салтановское (Салтовское, 62), Кабаново (Эсхар, 70), Мухначево (Мохнач, 71) и Комолша (Сухая Гомольша, 76)[26]. О характере укреплений на этих городищах и о степени их сохранности московские дьяки-географы упоминают только при описании самого южного из городищ — Комолши, находящегося в устье правого притока Северского Донца — речки Гомольши: «А на Комолше городище каменное»[27]. Вероятно, каменные стены в то время были хорошо видны.

Сейчас на всех упомянутых в «Книге» городищах, а также и на городищах, не известных в XVII в. и обнаруженных археологами в XIX—XX вв., о каменных укреплениях можно только догадываться по массивности валов и по каменному (щебневому) гребню на них.

Кроме пяти названных, в верховьях Северского Донца известно еще три городища: Дмитровское на речке Короче (101), Волчанское на речке Волчьей (105), Коробово на самом Северском Донце (73). Одно городище этого же типа обнаружено на Осколе у с. Подлысенки (136) и три на Дону: самое северное — Маяцкое — в устье Тихой Сосны (5), ниже по реке — Карабут (11) и в низовьях Дона — Правобережное Цимлянское (25).

Все эти памятники, хотя и находятся в различных географических районах (верховья и низовья Дона, верховья Северского Донца и Оскола отдалены друг от друга на сотни километров), но имеют так много общих черт и в целом настолько едины, что должны быть отнесены, несомненно, к одной группе памятников.

Тип I этой группы составляют городища Дмитровское и Коробово (101, 73; рис. 7, *1, 2*).

На Дмитровском городище мы провели небольшие раскопки.

Городище расположено на высоком меловом мысу правого берега Корочи (притока р. Нежеголи, впадающей в Северский Донец). Мыс образован старицей Корочи и глубоким и широким оврагом, в котором сейчас находится дер. Добрая[28]. В VII в. до н. э. на мысу находилось скифское городище. Скифы укрепили его с напольной стороны земляным валом и глубоким рвом, от которого с обеих сторон мыса образовались глубокие промоины-овраги. Вторая линия укреплений отделяла самую оконечность мыса (длиной 200 м). Она также состояла из земляного вала с обожженной глиняной сердцевиной и глубокого рва, от которого на склонах возникли промоины. Кроме того, с западной стороны, где склон был сравнительно пологим, по краю городища был сооружен

[25] Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, стр. 70—74.

[26] В скобках обозначено современное название городища или того населенного пункта, около которого оно расположено.

[27] Книга Большому Чертежу, стр. 74.

[28] И. И. Ляпушкин, обследовавший это городище до нас, назвал его Добринским. Под этим названием оно фигурирует в ряде его работ по салтово-маяцкой культуре. Однако надо учитывать, что городище и расположенные в 0,5 км к северу от него селище и могильник являются единым комплексным памятником. Селище и могильник находятся непосредственно на территории с. Дмитровского. Правомерно называть весь комплекс по наиболее крупному населенному пункту, а именно — Дмитровским.

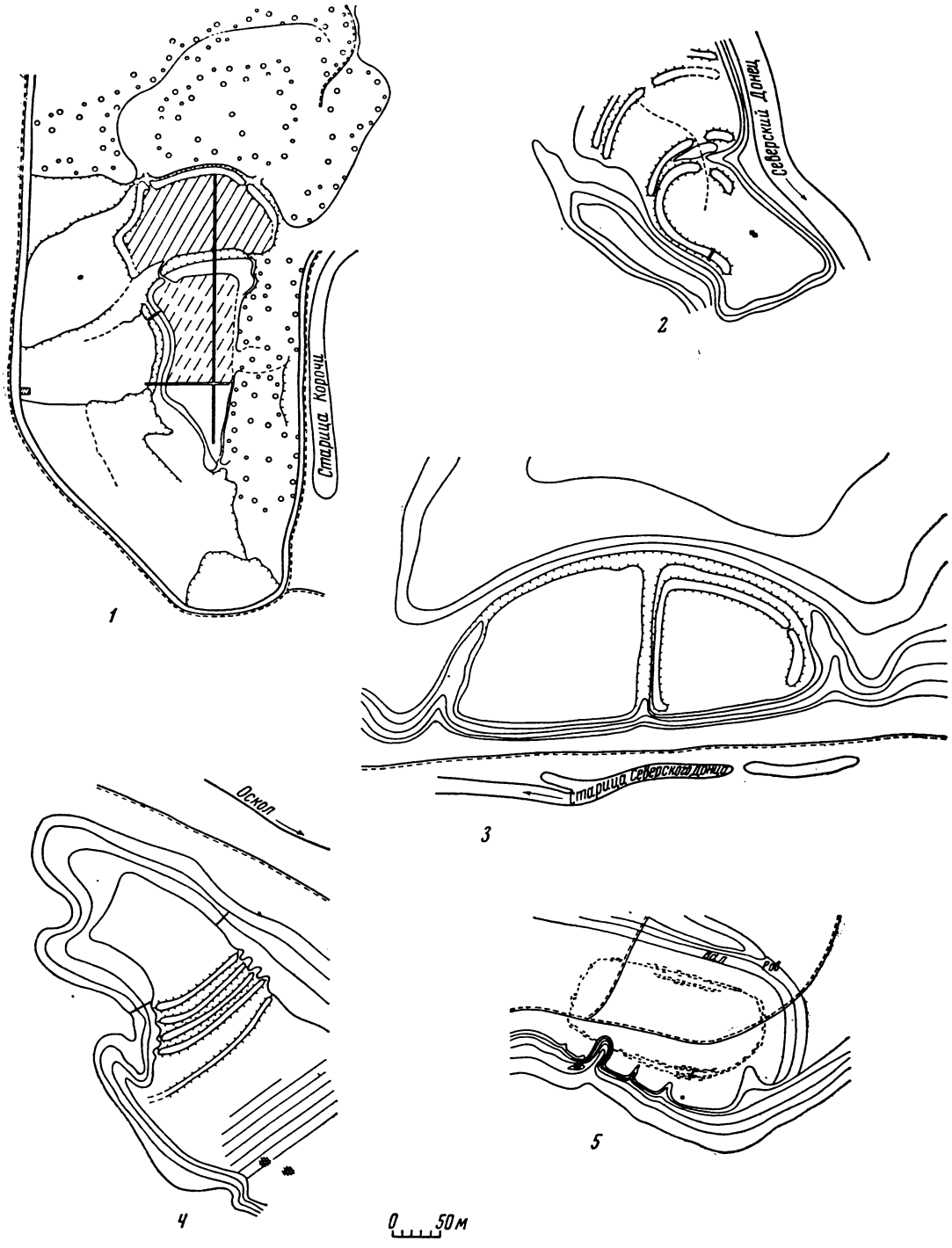

Рис. 7. Городища с каменными стенами типа I

1 — городище 101; *2* — городище 73; *3* — городище 62; *4* — городище 129; *5* — городище 70

невысокий земляной вал, также с обожженным ядром. Самый склон при этом был подчищен и сделан почти отвесным в верхней части. Образовавшуюся при подчистке ступень в склоне дополнительно укрепили неширокой канавкой (ширина около 3 м). Размеры скифского поселения очень значительны: ширина 100—350 м, длина 600 м. Толщина древнего культурного слоя в среднем равна 25—30 см.

Следующий строительный период на мысу наступил спустя более 1000 лет — в конце VIII в. Я остановилась на характеристике скифских укреплений потому, что в новый период, в эпоху средневековья, они были полностью использованы. Прежде всего были подновлены и надстроены ров и вал второй линии укреплений, отделяющей оконечность мыса. Подчистка рва показала, что его вновь расчистили до материка, о чем свидетельствует слой щебня, натоптанный на материковое дно и попавший туда во время надстройки вала камнем. Вдоль периметра мыса и сейчас прекрасно прослеживается небольшой каменистый вал, являющийся как бы продолжением напольного. Этот вал, как и напольный, был возведен еще в скифское время, а затем надстроен в VIII в. Надстройка состояла из незначительной подсыпки гумусированной земли и очень плохо сохранившейся каменной кладки в виде двух сложенных из рваного известняка стен и щебневой забутовки между ними. Толщина облицовочных стенок не превышает 1 м, общая толщина стены около 5 м. С внутренней стороны стену усилили щебневым контрфорсом.

Второй скифский вал также, видимо, использовали в салтовское время в качестве укрепления. Сейчас площадь городища у вала заросла лесом, однако каждую весну или при сильном дожде из культурного слоя с этой части городища вымываются обломки средневековой посуды, бусы, пряслица. Был ли подсыпан и обновлен второй вал в средневековье, неясно: сейчас он так сильно зарос лесом, что исследовать его невозможно.

Салтовцы соорудили на мысу еще одну линию обороны — небольшие вал и ров примерно в 150 м от мощного каменного вала, выделив и укрепив таким образом еще одну площадку на мысу. Насыпь этого земляного вала перекрыла древнейший скифский слой.

Судя по мощности каменных укреплений, основной частью городища была оконечность мыса, однако культурного слоя салтовского времени на ней не обнаружено. По-видимому, это было укрепление с несколькими наземными жилищами внутри. Следы жилищ давно уничтожены распашкой. Мы можем только предполагать, что это были юрты. Такой тип жилищ население Дмитровского городища хорошо знало, что подтверждается находкой юрты во втором отсеке городища.

Именно второй отсек и был наиболее заселенной и жилой частью городища. Несмотря на то, что поверхность его издавна интенсивно распахивалась, в культурном слое, на поверхности и в раскопах, найдено много различных остатков жизни. Кроме того, в раскопах открыты несколько хозяйственных ям и два жилища: полуземлянка и юрта.

Мне представляется, что первый укрепленный камнем отсек был обиталищем владельца крепости. Величина площадки и мощные укрепления свидетельствуют, что это не обычное поселение, а дворец, как называл Йордан поселение Аттилы. На площадке располагалось, вероятно, несколько богатых юрт, следы которых мы не смогли обнаружить, поскольку они не были углублены в материк. Но основания для такого вывода у нас есть, так как на одном из городищ этой группы — Правобережном Цимлянском — был раскопан типичный кочевнический лагерь (см. ниже, стр. 39).

На второй и третьей площадках мыса, огороженных земляными валами, жило, по-видимому, население, подчиненное владельцу замка.

Рядом с городищем, в 0,5 км к северу от него, находилось селище, не связанное с замком конструктивно, но явно составлявшее с ним один комплекс. От него и сейчас по краю склона ведет на городище прекрасная дорога. Селище располагалось в лощине, на берегах ручейка, впадающего в Корочу. Размеры его примерно 200×200 м.

Перейдем к описанию другого городища типа I, также расположенного на бывшем скифском городище, на берегу полноводного Северского Донца. Это городище Коробово. Мыс городища — меловой, крутосклонный, образованный берегом реки и глубоким оврагом (рис. 7, *2*). С напольной стороны он укреплен двумя линиями валов и рвов, образующих две площадки. Размеры первой мысовой площадки примерно равны размерам дмитровской, т. е. 200×100 м, размеры второй — 150×100 м. Мысовая часть городища укреплена каменными конструкциями VIII—IX вв., построенными в дополнение к прежним — скифским. Они совершенно аналогичны валу Дмитровского городища: так же поставлены на обожженном скифском валу, состоят из каменного ядра и щебневых подсыпок-контрфорсов.

В 1,5—2 км южнее городища, на северной окраине хутора, на открытом ровном берегу, находится большое (1 км в длину) селище.

В настоящее время селище интенсивно распахивается, слой разрушен до материка. Судя по подъемному материалу, первые поселенцы на этом участке берега появились в эпоху бронзы, затем здесь обосновались скифы, в VIII—IX вв. — салтовцы и, наконец, в XVII—XVIII вв. — казаки. Таким образом, и здесь, как около Дмитровского городища, было еще одно поселение, несомненно, связанное с городищем.

Несмотря на то, что скифские укрепления сильно искажают облик средневекового за́мка, мы можем уверенно говорить, что для обоих городищ (Дмитровского и Коробова) характерна одна линия напольных каменных укреплений, одна стена.

Дмитровское и Коробово городища производят впечатление устойчивых и постоянных поселков, во-первых, благодаря мощности укреплений, а во-вторых, благодаря большим поселениям, расположенным непосредственно у стен. Интересно, что жители Дмитровского городища, укрепляя призáмковое поселение, дополнили скифский вал еще одним земляным валом, весьма близким по типу к укреплениям «земляных» за́мков (выкид из рва без каких-либо внутренних конструкций). С другой стороны, это сооружение дополнительной напольной линии обороны сближает Дмитровское городище с каменными за́мками типа II — с многорядными городищами.

К типу II относятся пять городищ: Архангельское (60), Мохнач (71), Сухая Гомольша (76) на Северском Донце, Подлысенки на Осколе (136) и Карабут на Дону (11).

Самым выразительным и к тому же наиболее укрепленным из них является, несомненно, Мохначевское городище (рис. 8, *1*). Оно расположено на высоком, видном издалека меловом мысу, образованном с одной стороны берегом, с другой — мощным оврагом, по дну которого в настоящее время проходит улица с. Мохнач. В плане мыс треугольный, самая его оконечность размыта глубоким овражком с ровным пологим дном. По нему сейчас проложена дорога — въезд на городище.

Мыс был укреплен еще скифами. Скифские валы проходят по периметру городища, с напольной стороны мыс отсечен от основного берега глубоким рвом, с двух сторон размытым в овражки, и высоким земляным валом.

По аналогии с Дмитровским городищем можно предполагать, что в скифское время была произведена подчистка склонов, на которых хорошо прослеживается ступень и видна еще одна напольная оборонительная линия (внутренняя), надстроенная в VIII—IX вв. каменной стеной. Такая же, но менее массивная каменная линия обороны идет по периметру мыса, причем не только вдоль восточного и западного склонов, но и с двух сторон овражка, по которому проходит дорога. Это обстоятельство убеждает в том, что овражек существовал и в эпоху средневековья и именно здесь был въезд в ворота за́мка. Помимо основного каменного вала и рва, отделяющих оконечность мыса длиной 300 м и шириной 150—180 м, поперек этой площадки прослеживаются еще три линии обороны, состоящие, как и первая, из каменных валов и ровиков. Характерно, что ровики со стороны берега размыты в более или менее глубокие промоины или овражки[29]. Размеры современных оврагов зависят от величины прорытых в древности ровиков. Наиболее крупный овраг, размывший ров до середины городища, — первый, считая от первого напольного каменного вала. Овраг этот уничтожил даже часть вала, однако видно, что размеры того и другого не уступали размерам напольных укреплений. Расстояние между напольным и первым внутренним валами около 120 м. Второй внутренний вал и ров укрепляют восточный отсек мыса. Одним концом они упираются в овраг-въезд, другим — в береговой обрыв. Со стороны берега ров тоже сильно размыт и образовавшийся овраг уничтожил бóльшую часть вала. И вал, и ров этой линии были значительно меньше предыдущих, сейчас они почти не видны на поверхности городища. Последняя, третья линия укреплений совершенно не заметна. Она была обнаружена только благодаря небольшому овражку в склоне и раскопу, заложенному над ней. В раскопе открыты ровик шириной 2,5 м, глубиной 1,2 м с крутыми стенками и остатки каменных конструкций небольшого вала. Такая же поперечная линия укреплений прослеживается и на западном отсеке мыса. Она также упирается одним концом в стену, идущую вдоль въезда, другим — в склон.

Конструкция каменных сооружений была выяснена в разрезе вала вдоль восточного склона. Ядро вала состоит из рваного камня-известняка. У краев положены более крупные камни, в середине — мелкие и щебень. С обеих сторон (внешней и внутренней) эту кладку поддерживали щебневые контрфорсы[30].

[29] В пользу предположения, что ров вдоль первого напольного каменного вала был прорыт еще в скифское время, говорит тот факт, что овраги образовались у обоих его концов и склоны их значительно более пологие, заросшие кустарником.

[30] С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. — КСИИМК, 79, 1960, стр. 8, 9, рис. 3.

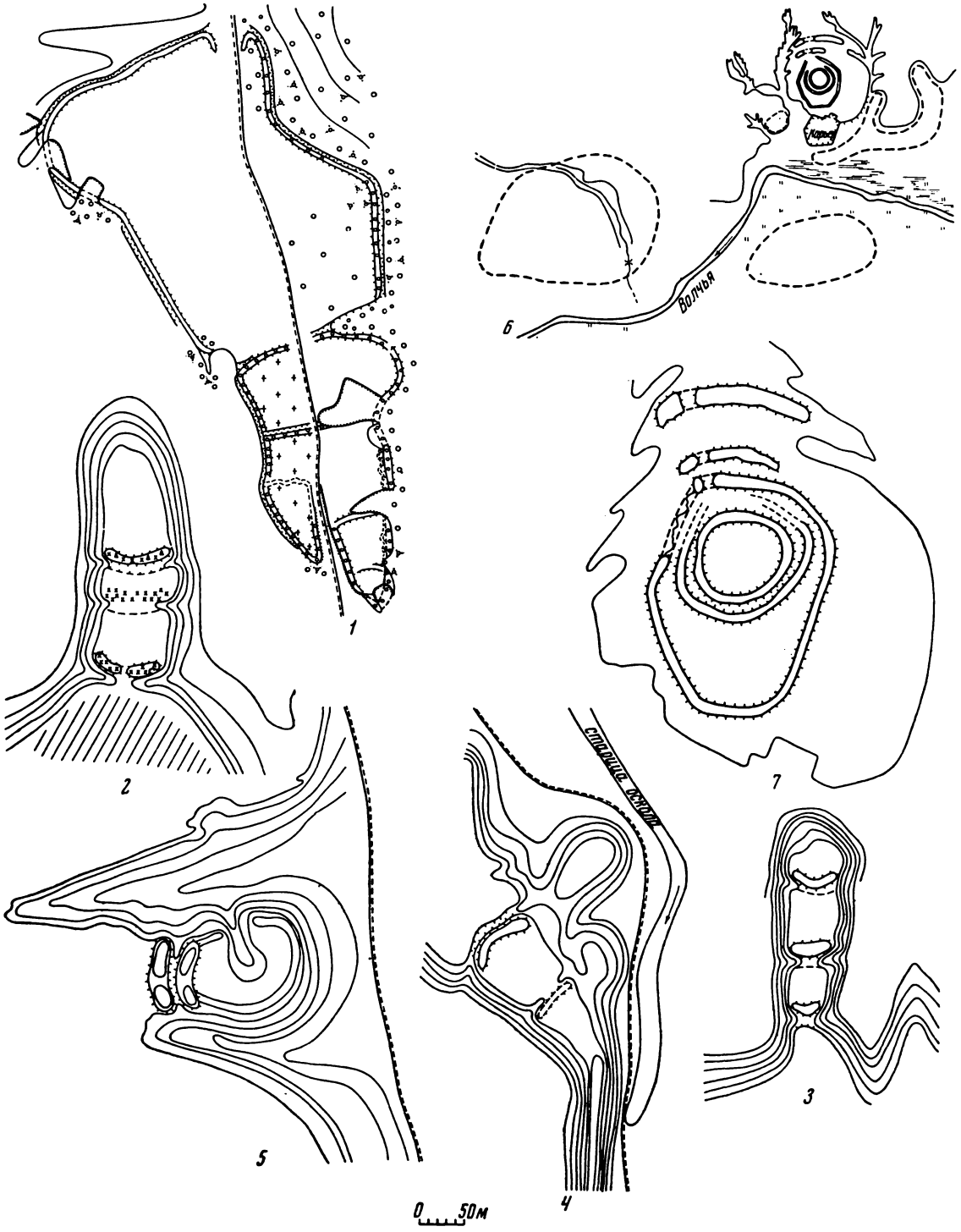

Рис. 8. Городища с каменными стенами типа II

1 — городище 71; *2* — городище 76; *3* — городище 11; *4* — городище 136; *5* — городище 60; *6* — план Волчанского городища-святилища, окруженного поселениями (105); *7* — Волчанское городище

Ширина кладки 3,6 м. Под ней прослеживается сильно разрушившийся и оползший скифский обожженный вал. Склон эскарпирован, и на образовавшейся ступени вырыт ров шириной 2,5 м, глубиной 1 м. По-видимому, ров был вычищен заново или вырыт в салтовское время, поскольку на дне его обнаружены щебень и меловая крошка. Таким образом, очевидно, что салтовцы вполне усвоили этот скифский прием укрепления склонов и, как мы увидим, пользовались им вполне самостоятельно. В VIII—IX вв. были заселены обе части мыса: и укрепленная каменной стеной, и «скифская» часть, отрезанная от берега рвом и валом, которые и в средние века служили рубежом поселения. Сейчас эта часть мыса распахивается и культурный слой на ней разрушен до материка, а поверхность каменной крепости сплошь изрыта могилами XVIII—XX вв. О степени заселенности городища сейчас уже невозможно судить. Зато в окрестностях городища, на площади радиусом 5 км, по обоим берегам Северского Донца и на его левом притоке — Гнилице, мы обнаружили десять больших и, судя по обилию подъемного материала, густонаселенных селищ (71 а—к). Все они относятся к типу больших «дильных» поселков оседлого населения и как бы концентрируются вокруг Мохначевского городища. Вполне логично предположить, что в нем жил очень богатый феодал.

Мохначевское городище, несомненно, наиболее крупный из открытых до сих пор каменных за́мков.

Остальные городища меньше, иногда слабее укреплены и, главное, имеют меньшее количество поперечных укреплений. На территории Подонья известны два городища с двумя поперечными валами: Сухая Гомольша и Карабут.

Городище Сухая Гомольша расположено на Северском Донце примерно на 25 км ниже Мохначевского. Оно занимает высокий меловой мыс правого берега речки Сухой Гомольши, впадающей здесь в Северский Донец (рис. 8, *2*). Мыс сильно размыт и «обкатан»; сохранность оборонительных линий и городища в целом очень плоха. Четко прослеживается только напольная линия, состоящая из глубокого рва с размытыми в овражки концами и вала, сооруженного, по-видимому, из камня с воротным проемом посредине. Каменных валов по периметру городища сейчас уже нет — склоны сильно размыты и об их первоначальном виде судить трудно. Нет на них и следов эскарпирования. На сильно задернованной поверхности городища слегка выделяются каменные валы внутренних укреплений. Первый находится в 100 м от напольного вала. Он представляет собой легкое щебневое всхолмление расплывчатых очертаний. Ров вдоль него совершенно заплыл и сравнялся с поверхностью. Вторая внутренняя линия сооружена в 50 м от первой и состоит также из щебневого всхолмления, однако более определенных очертаний. Рва и здесь нет, от него осталась только чуть заметная лощинка. Общая длина городища 300 м, длина оконечности мыса после второй внутренней линии 150 м. Ширина мыса 120 м. Культурного слоя на нем нет, но возможно, что он просто смыт.

На соседнем мысу, а также на коренном берегу к югу от городища раскинулось огромное одновременное ему неукрепленное поселение, занимающее площадь около 20 га. Толщина его слоя, насыщенного культурными остатками, достигает местами 0,5 м. В некоторых местах на пашне хорошо заметны остатки зольных куч, где, как правило, попадались скопления обломков костей и керамики. В целом поселение носит явно земледельческий, оседлый характер. На нем в различных удаленных друг от друга местах было найдено десять обломков каменных жерновов. Другое поселение, также, вероятно, связанное с Гомольшинским городищем, обнаружено на левом берегу Северского Донца, напротив устья Сухой Гомольши. Оно расположено на дюнах и сильно занесено песком. Длина его вдоль берега около 800 м. Слоем VIII—IX вв. на этом поселении перекрыт слой эпохи бронзы.

Городище Карабут расположено на правом высоком берегу Дона, у излучины реки (рис. 8, *3*). Высота мыса над уровнем реки 80 м, форма его в плане овальная, склоны очень крутые. Общая длина городища 200 м, ширина 100 м. С напольной стороны оно ограждено мощным рвом с оплывшими концами и валом. Воротного проема на валу нет. В местах, где склон более пологий, он эскарпирован, однако никаких следов от валов или стен вдоль склона не прослежено. Двумя поперечными линиями, состоящими из валов и рвов, городище разделено на три равные части. Поверхность городища и укрепления сильно задернованы. До раскопок трудно определить, из чего сооружены валы, но, поскольку они сохранились довольно хорошо и расплылись слабо, можно думать, что основу их составляют камень и щебень. Две площадки на городище — ровные, третья, мысовая, — слегка покатая. Толщина культурного слоя достигает 1 м. Находки — исключительно обломки керамики VIII—IX вв. — попадаются в размывах склонов. Та-

ким образом, именно на городище Карабут, где нет скифского слоя, мы впервые встретились с эскарпированием склонов, что в эпоху средневековья было характерно не только для салтовцев, но и для славян. Славяне довольно часто заселяли бывшие скифские городища и также применяли эскарпирование при использовании и подновлении скифских укреплений.

Никаких следов поселений вокруг Карабута не обнаружено.

Перейдем к описанию замков, разделенных одним поперечным валом. Это городища Архангельское на Северском Донце и Подлысенки на Осколе.

Архангельское городище самое маленькое из салтовских каменных крепостей этого типа (рис. 8, *5*). Мыс, на котором оно расположено, в плане почти квадратный, довольно высокий (около 60 м), с крутыми склонами без эскарпирования. С напольной стороны он защищен двумя рядами валов и рвов, по периметру идет небольшой каменный вал. Размеры площадки внутри укреплений 100×120 м. Средняя часть городища сильно размыта неглубокой, но широкой промоиной, образовавшейся, по-моему, при размыве овражка внутренней линии укреплений, которая в настоящее время полностью уничтожена этой промоиной. К городищу с западной, напольной стороны примыкает большое селище длиной вдоль берега 700 м, шириной 300 м. И городище, и селище однослойные (VIII—IX вв.), только южная часть селища перекрыта слоем XVIII в. Находки совершенно однородные — это керамика различных типов, характерных для салтовской культуры Верхнего Подонья. На городище найдено всего несколько мелких обломков амфор, и толщина слоя на нем не превышает 20 см; на селище, ныне интенсивно распахиваемом, слой равен 40 см и кое-где на нем заметны зольные пятна помоек, насыщенные культурными остатками.

Особенностью Архангельского городища является двойная линия напольных укреплений. Эта черта сближает его со скифскими городищами, имеющими несколько чередующихся валов и рвов с напольной стороны, а также с некоторыми из салтовских городищ, о которых будет сказано далее.

Городище Подлысенки по внешнему виду весьма напоминает Карабут, так как здесь тоже нет валов вдоль склонов (рис. 8, *4*). Оно расположено на высоком меловом мысу с крутыми и дополнительно эскарпированными склонами. Оконечность мыса переходит в длинный и узкий, постепенно понижающийся спуск, на котором в древности вполне мог находиться въезд на городище. Длина этого «въезда» 250 м, длина городища 170 м, ширина 50—70 м. С напольной стороны мыс отрезан от основного берега мощными и хорошо сохранившимися рвом и валом. Примерно на середине мыса прослеживается внутренняя линия укреплений, состоящая, как обычно, из ровика, концы которого размыты в небольшие овражки, и вала, от которого сейчас сохранилась только щебневая полоса. Городище задерновано, находок на поверхности очень мало, но все они относятся к VIII—IX вв. Скифского слоя на городище нет, но склоны мыса, как и на городище Карабут, подчищены. «Въезд» с мысовой стороны сближает его с Дмитровским и Мохначевским городищами.

С напольной стороны к городищу примыкает большое однослойное поселение VIII—IX вв. Длина его вдоль берега около 500 м, ширина 200 м.

Нам остается рассмотреть еще два памятника — крупные городища-крепости Эсхар (Кабаново) и Салтово. Салтовское городище (62), давшее вместе с могильником имя всей культуре, сохранилось очень плохо (рис. 7, *3*). Расположенное на низком мысу, оно, как и Архангельское, было защищено с напольной стороны двумя рвами и валами и обведено по периметру каменным валом[31]. Напольные валы также были каменными. Следов эскарпирования на склонах не заметно, хотя они невысоки и довольно пологи. В плане городище почти прямоугольное, площадь его 250×150 м. Поверхность давно занята огородами. В XVII—XVIII вв. оно было, видимо, основательно перестроено казаками, поэтому на поверхности вместе с обломками керамики VIII—IX вв. попадается большое количество керамики и черепицы из казацких усадеб.

Салтовское городище окружено большим одновременным ему селищем, разделенным оврагами (63). Рядом с селищем, по берегам оврагов, расположен могильник. На левом берегу Северского Донца, напротив городища, находятся еще одно селище (65) и еще один могильник.

Множество обнаруженных здесь могил, большое количество погребенных и обширная площадь, занятая могильником, послужили основой сложившегося в литературе мнения, что Салтовское городище в отличие от всех остальных каменных городищ — не обычный замок, а развалины крупного племенного центра или даже города. Однако размеры городища и общий вид свидетельствуют, что оно не выходит

---

[31] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 266—271, рис. 102.

из ряда синхронных с ним и однокультурных памятников. Некоторые из них, например Карабут, Мохнач или Дмитровское, гораздо величественнее и производят большее впечатление, чем выстроенный на невысоком мысу Салтовский поселок.

Городище Кабаново находится на правом берегу Северского Донца при впадении в него речки Уды (70). Высота мыса, на котором стояла крепость, была не более 20 м, склон со стороны берега довольно крутой, но со стороны оврагов — пологий и без каких-либо следов искусственных укреплений (рис. 7, *5*). От каменных стен или валов на поверхности мыса, сейчас интенсивно распахиваемой, сохранилась только щебневая полоса, тянущаяся и вдоль склонов, и с напольной стороны. Рва с напольной стороны не прослеживается, он совершенно распахан и сравнен с поверхностью. Подъемный материал на пашне исключительно средневековый. Это преимущественно обломки амфор. Слой в общем слабо насыщен культурными остатками. В целом городище Кабаново, как и Салтовское, относится, по-видимому, к типу I, но говорить об этом уверенно мы не можем из-за плохой сохранности памятника. Вполне возможно, что на нем были и дополнительные внутренние перегородки, но они уже давно распаханы и уничтожены.

Рядом с городищем не обнаружено никакого селища. Правда, на обоих берегах Уды, которую как бы запирает Кабаново городище, в нижнем ее течении, примерно на протяжении 15 км известны четыре селища (111—114). Два из них находятся на расстоянии 1—2 км от городища. По всей вероятности, мы можем связывать все удинские поселения салтовцев с Кабановым городищем. В «Книге Большому Чертежу» оно именуется не только Кабаново, но и Кабаково[32]. Такая свободная транскрипция этого названия наводит на мысль, что его можно прочитать и как Каганово. Это чтение тем более вероятно, что примерно на 10 км выше городища через Северский Донец проходил «перевоз», а рядом впадал ручеек, сохранившие до XVII в. названия Каганские[33]. Вполне возможно, что в устье Уды, в непосредственной близости от славянских городищ, была выстроена крепость, в которой жил наместник, или тудун, Хазарского каганата. Стратегически это место считалось, по-видимому, весьма важным, поскольку, несмотря на неудобство мыса, несмотря на близко расположенные от устья Уды замки Мохнач и Гумнинья, салтовцы вынуждены были поставить здесь еще одну крепость.

Следует остановиться на описании еще одного городища, которое выделяется из ряда сравнительно однородных памятников необычайностью укреплений. Это городище Ютановка на Осколе (129). Оно расположено на высоком крутосклонном мысу правого мелового берега реки (рис. 7, *4*). Над поймой Оскола мыс возвышается более чем на 50 м. В плане он представляет неправильный четырехугольник с всхолмлением в центре. В настоящее время мыс задернован и находки (несколько обломков амфор) обнаружены на склонах в размывах берега. Никаких валов по периметру городища построено не было, но западный склон (оврага) эскарпирован, поскольку он значительно более пологий, чем склон, обращенный к реке. С напольной стороны мыс укреплен пятью довольно хорошо сохранившимися и достаточно мощными щебневыми валами, между которыми проходят рвы с размытыми в небольшие овражки концами. Длина городища примерно 170 м, ширина 100 м. Из упомянутых выше городищ только Архангельское можно сравнить с Ютановским, поскольку и там имелись две параллельные линии напольных укреплений. Ни одного городища VIII—IX вв. с такими грандиозными напольными укреплениями больше неизвестно.

На Дону, выше впадения в него Тихой Сосны, еще в начале XX в. было обнаружено весьма похожее на Ютановку городище у с. Сторожевое (2). Правда, площадь его была в два раза больше, а с напольной стороны на нем оказалось всего три оборонительные линии (валы и рвы). Отличие этих укреплений заключалось в том, что валы были земляными и в середине их пересекал проезд. Подъемный материал на этом городище смешанный: скифский и средневековый. Шурфовка вала показала, что он был возведен еще в скифское время, когда и возникло городище, но затем использовался в средневековье. Причем, судя по большому количеству лепной славянской керамики, городище у с. Сторожевое населяли славяне, хотя они и употребляли в быту характерную лощеную парадную салтовскую посуду. Никаких следов поселения вне валов здесь не обнаружено, тогда как в непосредственной близости от Ютановского городища, прямо у валов, раскинулось огромное неукрепленное поселение, что вообще очень типично для большинства салтовских поселков. Поселение это, как и городище, несомненно, однослойное и четко датируется VIII—IX вв. На распаханной поверхности селища хорошо заметны следы золь-

[32] Книга Большому Чертежу, стр. 71.
[33] Там же.

ных куч-помоек, наполненных различными обломками керамики, костей животных, жерновов. На 0,5 км выше городища мы обнаружили еще одно средневековое поселение, расположенное также на высоких холмах правого берега. Здесь же местные жители открыли несколько катакомбных могил. В настоящее время поверхность селища и могильника настолько задернована, что трудно найти не только могилы, но даже обломки керамики.

рот в валах за́мка, встречаются на городищах, относящихся к различным типам и отстоящих одно от другого на сотни километров.

Бросается в глаза, что почти на каждом городище вне зависимости от того, стояло ли оно на бывшем скифском поселении, прослеживаются следы скифского «влияния». Это или эскарпирование склонов, или несколько рядов напольных укреплений, или воротный проем в них, или, наконец, сооружение укреплений

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ ГОРОДИЩ ПОДОНЬЯ

Тип	Вид	Название городища	Мысовое расположение	Размеры	Эскарпирование	Укрепления по периметру	Напольные укрепления	Вход		Поселения		Скифский слой и укрепления
								со стороны мыса	с напольной стороны	рядом	вокруг	
I	I	Дмитровское (101)	+	200×100	+	+	1	1?	—	+	1	+
	? 1	Коробово (73)	+	200×120	+	+	1	—	1	+	1	+
	2	Салтовское (62)	+	250×150	?	+	2	—	—	—	5	—
	4	Кабаново (70)	+	200×120	?	+	1	—	—	+	5	—
	II 7	Ютановское (129)	+	170×100	+	—	5	—	—	+	1	—
II	6	Мохнач (71)	+	300×150	+	+	1	1	—	+	10	+
	II 3	Сухая Гомольша (76) . .	+	250×120	—	—	1	—	1	+	1	—
	8	Карабут (11)	+	200×100	+	—	1	—	—	—	—	—
	III 9	Архангельское (60) . . .	+	120×100	—	+	2	—	1	+	—	—
	10	Подлысенки (136)	+	170×70	+	—	1	1	—	+	—	—

Все десять описанных выше городищ, как мы видим, представляют собой безусловно единую группу памятников, несмотря на частные детали, отличающие их друг от друга и один тип от другого. Связь между ними заключается не только в конструкции валов, выстроенных из камня и щебня. В некоторых случаях мы могли только предполагать, что валы сооружены из камня, однако без колебаний отнесли городища к той же группе каменных городищ, что и все остальные. Сходство между ними значительно более глубокое. В основе его лежит социальная общность этих городищ, принадлежность их к одной общественной категории, к категории феодальных за́мков.

Из табл. 1 видно, что наиболее устойчивыми признаками каменных городищ являются мысовое расположение и размеры. Все остальные черты, не считая тех, что позволили разбить памятники по типам и видам, свойственны всем городищам вне зависимости от того, к какому типу или виду они относятся. Даже такие редкие черты, как несколько рядов напольных укреплений, вход со стороны мыса или отсутствие каких-либо видимых в настоящее время во-

по периметру. Интересно, что не только салтовцы, но и славяне, нередко основывавшие свои укрепленные поселки на скифских городищах, многое заимствовали у скифов, надстраивая и переделывая их укрепления. Именно поэтому салтовские и славянские городища так похожи внешне друг на друга. Внешние признаки у них одинаковы: и те, и другие располагались на высоких мысах с эскарпированными в скифское время склонами. Отличие заключалось в конструкции валов: у славян они были земляными, а салтовцы сооружали валы с каменным ядром, которое служило, по-видимому, основанием белокаменных стен.

Судя по исследованным конструкциям, техника строительства этих стен идет с юга — из Закавказья, Крыма и Византии [34]. Прием строительства состоял в том, что сооружали из более

[34] Д. И. Мшвениерадзе. Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии. Тбилиси, 1949, стр. 60, рис. 31; А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 36—41; Он же. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья. — Сб. Античный город. М., 1963, стр. 185.

или менее крупных камней две облицовочные стенки, а пространство между ними заполнялось бутом из щебня и обломков камней. Истоки этой техники восходят еще к римскому времени. Правда, облицовочные камни в римское время были прекрасно обработаны, но основа кладки, несомненно, та же. Экономия строительного материала сочеталась с необычайной прочностью постройки. В позднейшее — византийское — время обтесанные камни стен были заменены значительно более мелкими и рваными необработанными камнями. Укладка их производилась на растворе. Индивидуальной особенностью каменных городищ Подонья является отсутствие раствора, кладка производилась всухую, даже без связующего глиняного раствора, который употреблялся в одновременных с ними постройках в Крыму. Очевидно, при строительстве крепостей салтовцы руководствовались приемами южных каменщиков. Эти приемы были восприняты ими творчески, так же как и скифские. В результате они создали совершенно новый тип построек, свойственный только их культуре. Как мы увидим, создание своей своеобразной культуры характерно в целом для народов Подонья в эпоху, рассматриваемую нами.

Немаловажной и притом оригинальной особенностью каменных городищ являются внутренние стены, вернее, укрепления из рвов и валов. Они прослежены на 5 городищах из 12. Возможно, что перегородки внутри городища отделяли специальные мысовые святилища, находившиеся на территории за́мка. Трудно определить, какие из городищ были более ранними, — с перегородками или без них, поскольку ни одно из городищ не раскопано полностью. Однако, видимо, социально менее развитой формой были городища с внутренним делением, так как объединение светских и духовных интересов в руках князя или иного феодального владетеля характерно для самого начала становления феодального общества. Специальные укрепления вокруг святилищ, расположенных внутри за́мков-крепостей, были, видимо, довольно распространенным явлением. Так, например, на Тигашевском городище, раскопанном Г. А. Федоровым-Давыдовым, святилище отделено от жилой части довольно мощным частоколом [35].

С развитием феодализма функции князя и жреца были строго разграничены. Появились не только за́мки без святилищ, но и специально укрепленные святилища. Полагаю, что остатками именно такого святилища, отделенного от за́мка феодала, является Волчанское городище (105).

Оно расположено на высоком меловом мысу правого берега речки Волчьей, левого притока Дона (рис. 8, *6*, *7*). Сейчас береговой обрез разрабатывается меловым карьером, однако укрепления мыса им еще не затронуты. Склоны мыса сильно оплыли, поэтому следов эскарпирования на них не заметно. С напольной стороны мыс отрезан от основного берега двумя валами и рвами с проездом посредине. Поверхность городища интенсивно распахивается. Вспашка обнажила внутренние конструкции валов. Совершенно очевидно, что напольные валы насыпаны из земли, а внутренние — из камня и щебня. Это наводит на мысль, что напольные валы существуют со скифского времени и, значит, до салтовцев мыс уже был освоен скифами. Правда, при самом тщательном обследовании нам не удалось обнаружить ни одного обломка скифской керамики. Впрочем, на городище мы не нашли и средневековых вещей. Только каменная основа валов дает основание считать это городище салтовским.

Планировка каменных валов на внутренней площадке, огражденной скифскими валами, не совсем обычна: непосредственно за земляным валом расположены ров с перемычкой и каменный вал с воротным проемом; этот довольно массивный вал переходит в более низкий и расплывчатый, идущий по периметру мыса вдоль наиболее возвышенной части площадки на расстоянии около 20 м от края. Следующая линия вала и рва окружает круглую в плане и плоскую площадку диаметром 100 м. Такая «концентрическая» система оборонительных сооружений не свойственна каменным за́мкам. Если в каждом отсеке за́мка могли размещаться какие-то сооружения, то здесь между валами находился ров. Обитаемой была только центральная площадка. Я считаю вполне вероятным, что это сложное и мощное сооружение было святилищем. В пользу такого предположения свидетельствует и круглая (солнечная) в плане форма центральной площадки, и почти полное отсутствие на ней культурного слоя. К сожалению, площадка, как и весь мыс, распахана до материка, и поэтому раскопки на ней вряд ли дадут какие-либо новые материалы.

Специально сооруженные культовые места — святилища — были известны полукочевым и кочевым народам юго-востока Европы в VIII—IX вв. О них упоминает епископ Исраил, посетивший в VIII в. савиров, край-

[35] Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище. — МИА, № 111, 1962, стр. 49—89, рис. 6.

ний южный тюркоязычный народ, входивший в состав Хазарского каганата. Савирские жрецы, по словам Исраила, говорили: «Вся страна наша поклонялась... и получала благие дары от идолов, капищ и от поклоняемых деревьев...» [36] У дунайских болгар до принятия ими христианства также были храмы и святилища, посвященные языческим божествам (например, святилище с камнем у Мадарского конника, святилище в Плиске и др.).

Вокруг Волчанского городища, на окрестных мысах и у подножия, обнаружено пять селищ площадью 5—10 га каждое. Большинство распахивается, подъемный материал содержит обломки керамики VIII—IX вв. В 5 км выше городища, у с. Бочкова, находятся еще одно селище и рядом с ним катакомбный могильник (104) того же времени, что и волчанский комплекс. В 30—35 км к северу расположены Архангельское и Дмитровское городища с селищами, а южнее — салтовский комплекс. Волчанское святилище, окруженное со всех сторон поселками и за́мками, вполне могло быть крупным культовым центром.

* * *

Основания стен всех описанных выше за́мков сложены из рваного камня. Сообщения «Книги Большому Чертежу» дают нам право предполагать, что над валами всех за́мков возвышались белокаменные стены, сложенные, видимо, в той же технике (т. е. две стены из рваного камня и забутовка между ними). Однако жители Подонья были знакомы и с другой, более совершенной техникой строительства укреплений из камня. В основе ее лежит кладка из обработанного камня, из больших прекрасно обтесанных блоков известняка. Мы знаем два за́мка, стены которых построены в этой технике. Это за́мок, известный в литературе под названием Правобережного Цимлянского городища (25), и не менее знаменитое, чем салтовский комплекс памятников, Маяцкое городище (5), давшее наряду с Салтовом имя всей культуре в целом.

Особый интерес представляет Правобережное Цимлянское городище, поскольку оно раскопано почти целиком и дает полное представление о жизни средневекового за́мка. Городище находится на одном из высоких мысов правого берега нижнего Дона (ныне северного берега Цимлянского моря) (рис. 9, *4*; 10, *1*). Мыс образован глубокими и крутосклонными оврагами. Примерно на середине длины эти овраги сближаются. Мыс, таким образом, соединен с основным массивом берега узким перешейком, поперек которого в древности был прорыт глубокий ров. С востока мыс в настоящее время размывают воды Цимлянского моря. Он возвышается над уровнем воды на 50 м. До строительства водохранилища высота мыса над поймой Дона равнялась 70 м. Никаких следов эскарпирования на склонах нет. Площадка мыса ровная и плоская, треугольная в плане. Равносторонний треугольник имеет почти правильную геометрическую форму, длина каждой из сторон — 200—220 м. По периметру этой площадки прослеживаются остатки мощных белокаменных стен. Такие же стены проходили и внутри крепости, разделяя ее на три неравные части: восточную — трапециевидную — и две треугольные небольшие в южном и северо-западном углах.

В XVIII в. стены за́мка были варварски разрушены казаками, использовавшими камень из них на постройку стен в Старочеркасской крепости. При разборке стен поверхность городища завалили грудами щебня, что чрезвычайно затруднило исследование памятника. Тем не менее он уже давно привлек внимание русских археологов. В 80-х годах прошлого столетия здесь начали работу В. И. Сизов и Н. И. Веселовский [37]. Не разобравшись в материале, полученном при раскопках, они датировали этот памятник XIII—XIV вв. Только спустя почти 50 лет городище вновь было обследовано М. И. Артамоновым [38], а в 1939 г. на нем заложил небольшой раскоп И. И. Ляпушкин [39]. В 1959—1960 гг. мы продолжили планомерные раскопки, начатые И. И. Ляпушкиным [40].

Стены крепости построены без фундамента, камни нижнего ряда уложены на выровненную материковую поверхность. Стены состояли из двух щитов, внешнего и внутреннего, сложенных из прекрасно обтесанных крупных белокаменных блоков. Размеры их стабильны: 0,6×0,3×0,3 м. Камни уложены без раствора,

[36] Моисей Каганкатваци. История агван. СПб., 1861, стр. 200.

[37] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской на Дону. — Труды VI АС, т. I. М., 1895.

[38] М. И. Артамонов. Средневековые поселения..., стр. 29, рис. 11.

[39] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. — КСИИМК, IV, 1940; Он же. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 96, 97 и др.

[40] С. А. Плетнева. Построение кочевнического лагеря — вежи. — СА, 1964, № 3; Она же. Правобережное Цимлянское городище. — Сообщения ГЭ, XXV. Л., 1964.

всухую. Причем в нижнем ряду блоки лежат в ряд длинными сторонами, во втором ряду — короткими, в третьем — снова длинными и т. д. Так достигалась поперечная перевязка швов кладки. Толщина каждого щита равна длине блока, т. е. 0,6 м. Расстояние между щитами 2,3—2,7 м. Пространство между ними забито обломками рваного камня и мелким щебнем-крошкой, который, по-видимому, утрамбовывался и заполнял все щели между камнями. Ширина стен колеблется между 3,5 и 3,9 м. Казаки при разборке стен выбирали только тесаный камень щитов. Однако, чтобы освободить этот камень, необходимо было перевернуть тонны щебня. В конечном счете на месте, где проходили стены, образовалась выемка, а щебень был сброшен на внутреннюю сторону, поскольку на внешнюю, к краю мыса, складывали уже готовый к транспортировке камень. Работа была произведена казаками чрезвычайно тщательно, нигде не сохранилось ни одного участка стены в том виде, как мы пытаемся ее реконструировать. Техника укладки блоков стала известна по небольшим остаткам привратных кладок, а выводы о ширине стены и о методе ее разборки удалось сделать благодаря разрезам отвала и стены.

В разрезах с обеих сторон стены прекрасно видны следы натоптанной и насыпанной желтой материковой глины. Очевидно, строительство крепости проходило весной или осенью — в сырую погоду, поскольку глина расплылась и образовала как бы «культурный слой» периода постройки крепости. На камнях и среди щебня встречаются куски и мазки материковой сырой глины. Этот глиняный «бордюр» окаймлял с обеих сторон лощинку, образовавшуюся после уничтожения стены. Никак иначе нельзя объяснить и происхождение щебневых отвалов. Ясно, что строители зáмка не могли завалить четвертую часть внутренней жилой площади. Кроме того, под отвалами всюду прослеживаются основания юрт. Высота и ширина отвалов позволяют даже восстановить первоначальную высоту стен — примерно 4 м.

Крепость имела, видимо, пять башен — две угловые, три — на середине каждой стены — и мощные воротные постройки. Раскопки развала угловой северо-восточной башни дали очень немного материала для ее реконструкции. Развал представлял собой невысокое всхолмление из рваного камня и щебня. Северная его пола перекрывала часть вымостки пола. Вымостка была сложена из больших неровных, но пригнанных друг к другу плоских камней. Промежутки между ними засыпали меловым щебнем. Только пять камней этой вымостки имеют следы обработки по краям. Очевидно, что четыре из них — крайние, а пятый, обработанный с двух сторон, — угловой. Эти пять камней помогают определить направление двух стен башни. При сравнении с направлением стен зáмка создается впечатление, что башня была пятиугольной. Стены ее были сложены, видимо, из каменных блоков без засыпки щебня, поскольку щебня на месте башни очень мало. Внутри башня была сплошь полая, и для предохранения ее от подкопов пол выстлали массивными тяжелыми плитами. Башня выдавалась от плоскости стены примерно на 7 м, все пространство от нее до срединной башни свободно просматривалось и простреливалось.

Пол срединной северной башни сохранился несколько лучше, чем в угловой. Он дает возможность точно установить и форму, и размеры башни. Как и в угловой башне, он выложен из больших тяжелых плоских плит местного железняка. Плиты частично обработаны, по краям лежат особенно крупные камни с обтесанными внешними гранями, в середине камни, хотя и не обработаны, но тщательно пригнаны друг к другу. Пазы между ними засыпаны щебнем. Площадка имеет в плане форму правильного прямоугольника. Она тщательно выровнена. Длина ее с востока на запад, т. е. по направлению стены, 5,75 м, ширина 4,2 м. Щебня вокруг этой башни почти нет. Следовательно, стены ее также были сплошными, без внутренней щебневой забутовки. Канавка от выемки стены огибает вымостку пола: видимо, стены башни были выложены вокруг площадки пола, на материке. Из плоскости стены башня выдавалась примерно на 4 м.

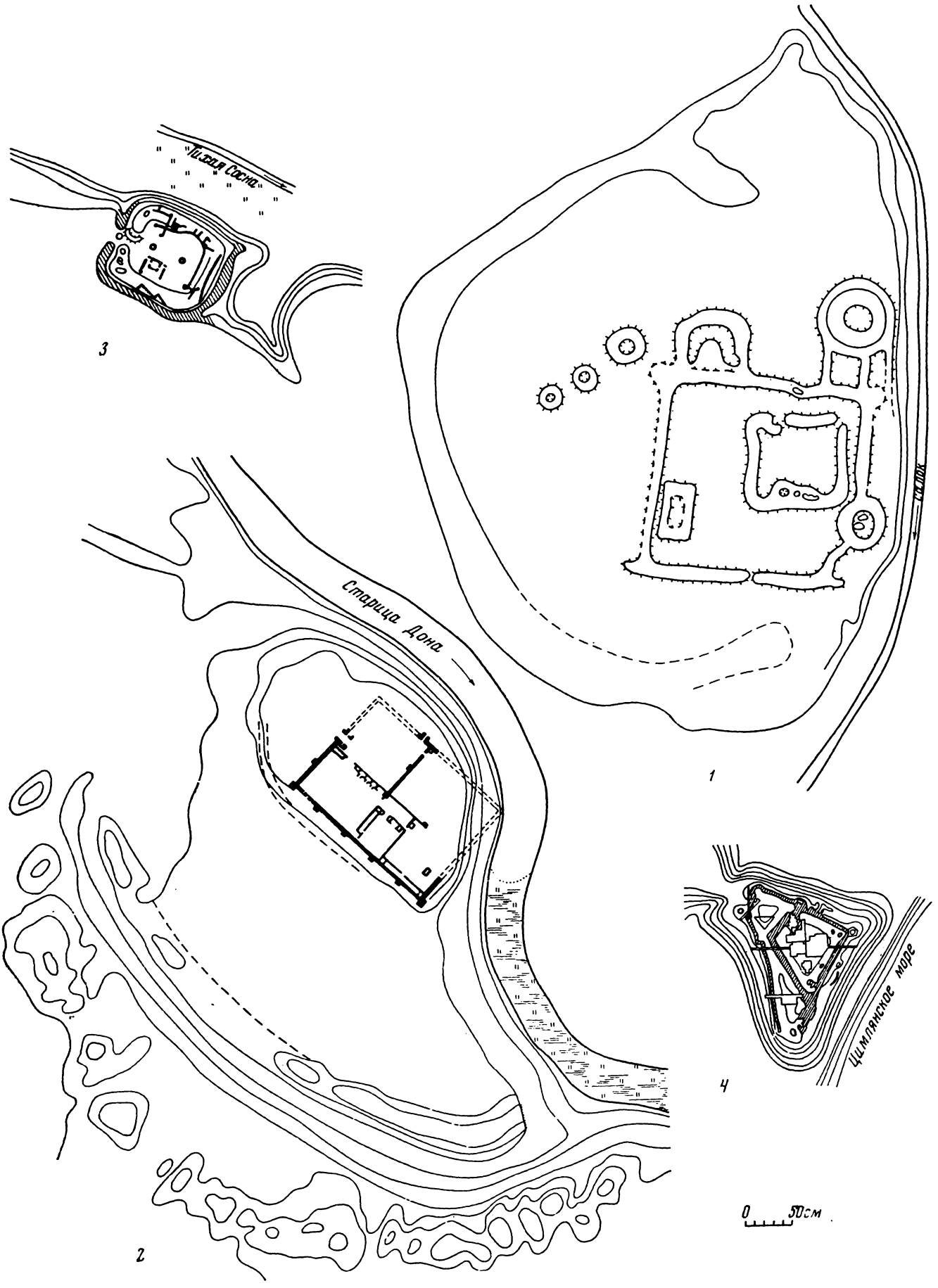
Очень сильно пострадали при разборке стен привратные сооружения. Судя по конфигурации развалов, они состояли из двух башен. Форма их осталась невыясненной. По-видимому, стены привратных зданий строились с забутовкой, поскольку груды щебня и камней

Рис. 9. Планы городов

1 — Семикаракорское городище (31); *2* — Саркел (23)

Планы городищ со стенами из тесаного камня

3 — Маяцкое городище (5); *4* — Правобережное Цимлянское городище (25)

Подъем Сосна
3
Старица Дона
1
2
4
Цимлянское море
0 50см

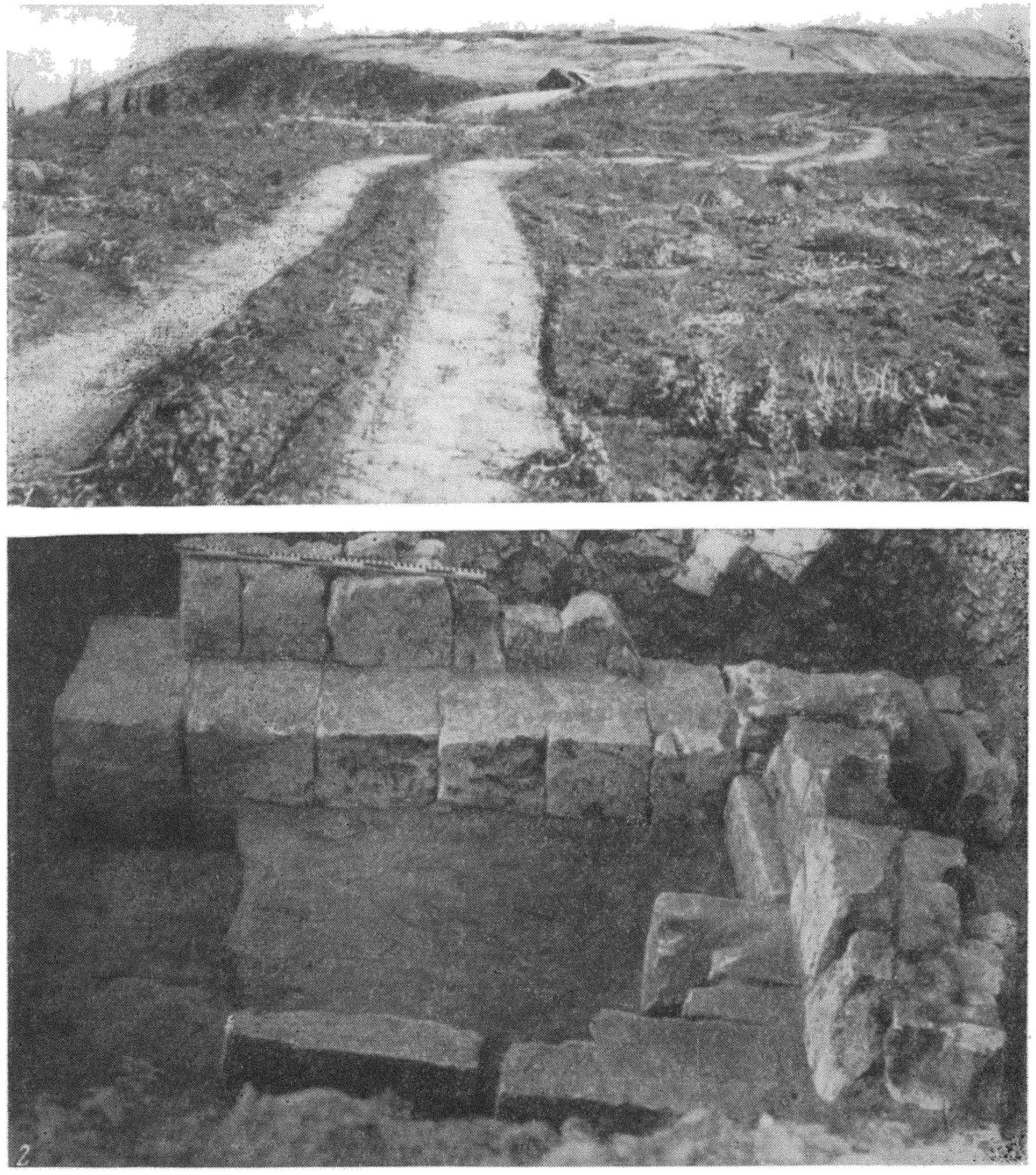

Рис. 10. Общий вид Правобережного Цимлянского городища с напольной стороны (*1*) и остатки привратной башни из тесаного камня (*2*)

в развалах весьма значительны. При исследовании этих развалов были обнаружены остатки белокаменных кладок, которые, хотя и не позволяют восстановить конструкцию башен, но дают представление о технике кладки (рис. 10, *2*).

Ворота вели в северо-западный отсек крепости, отделенный от остальных мощной, судя по количеству щебня, стеной. Форма этого первого отсека треугольная. Раскоп, заложенный на нем, показал, что во всяком случае часть дворика была свободна от каких-либо построек. Возможно, при осаде сюда загоняли коней владельца крепости, его челяди и приближенных. Вместе с привратными башнями этот дворик входил, вероятно, в систему оборонительных сооружений зáмка с напольной стороны. Как уже упоминалось, от основного берега мыс был отделен глубоким рвом. Поскольку никакой перемычки через ров нет, очевидно, что через него переходили по подъемному мостику. С наружной стороны рва от въезда отходил ряд каменных всхолмлений, хорошо заметных еще в конце XIX в. В наше время от них не осталось даже следов, так как площадка перед зáмком распахана плантажным плугом. Одно из всхолмлений раскопал В. И. Сизов, который пришел к заключению, что это остатки разрушенной до основания круглой в плане башни, сооруженной, как и вся крепость, из белокаменных блоков.

Раскопки показали, что восточная и южная площадки зáмка были заняты жилищами-юртами и различными хозяйственными постройками.

Естественно было предположить, что именно в восточной, наиболее просторной и укрепленной части находилось жилище феодала—владельца зáмка. Раскопки полностью подтвердили наше предположение. Однако жилище это не было ни каменным, ни глинобитным, ни сырцовым. Оно оказалось обычной юртой, отличающейся от соседних и окружающих ее юрт размерами и формой в плане (см. ниже, стр. 53).

Никакого более фундаментального строения, которое могло бы служить зимним жилищем князя, на городище не обнаружено. Не могло оно разместиться и на площади, не затронутой раскопками. Тем не менее в культурном слое городища попадалось много целых кирпичей «саркельского» типа и их обломков, а также целых керамических плиток и их обломков. Размеры кирпичей 24×23,5×5 см; 28×28×5 см; 27×2×5 см. Размеры плиток 10×20×2,5 см; 12×25×3 см. Многие кирпичи носят явные следы вторичного употребления — на них хорошо заметны пятна известкового раствора. Иногда целые кирпичи использовались и в юртах: они укладывались у порога, у очагов, служили своеобразными столиками и т. д.

Все это как будто свидетельствует о том, что на городище стояло здание из кирпича. Однако мы попытаемся объяснить наличие керамических строительных материалов на городище иначе. Дело в том, что из письменных источников, в частности из сообщений арабских путешественников IX—X вв., известно, что здания из обожженного кирпича мог иметь в Хазарском каганате только сам каган: «Ни у кого нет постройки из обожженного кирпича, кроме царя, и он не позволяет никому строиться из кирпича»[41]. Поэтому на Правобережном городище и не могло быть кирпичных построек. Откуда же в таком случае взялся на городище кирпич? Близ Правобережного городища известны два памятника, построенные из кирпича или с использованием кирпича и плиток. Это городища Саркел (в 15 км от Правобережного, почти напротив него) и Семикаракорское (в 50 км ниже по Дону, на его левом притоке — Сале). Оба они принадлежали, видимо, кагану. Что же касается Правобережного зáмка, то я считаю, что в его истории можно выделить два строительных периода. Первый начался с постройки белокаменных стен. На городище были поставлены зимние, слегка врытые в землю юрты, вырыты погреба и некоторые хозяйственные ямы. Судя по материалу, постройка зáмка может быть отнесена примерно к концу VIII в. В 30-х годах IX в. рядом началось строительство Саркела[42]. Тогда кирпичи из Саркела и плитки из Семикаракор и могли попасть в зáмок влиятельного князя. Кирпич, вероятно, ценили, считая своеобразным знаком достоинства и власти. Соорудить из этого материала хотя бы незначительные вымостки или столики было лестно для владельца любого зáмка.

Соседство гордого и сильного князя не могло нравиться владельцу только что выстроенной крепости — Саркела. По существу Саркел перенял все функции хозяина старого зáмка: охрану и контроль водного пути, власть над местным населением[43]. Поэтому зáмок был взят и частично разрушен. Он перестал играть роль неприступной разбойничьей цитадели и превратился в обычный рыболовецкий поселок, факторию Саркела. Из Саркела, который начали перестраивать чуть ли не в первые годы

---

[41] Ал-Истахри, стр. 41.

[42] М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, стр. 48.

[43] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 323.

его существования, привозили сюда, в полуразрушенную крепость, кирпичи, вынутые из кладок (с остатками раствора). Из них сооружали очажки, столики и т. д.

Рыболовецкий поселок на развалинах Правобережного за́мка жил около 70 лет, до конца IX в., а затем также был жестоко разграблен. Жители его, по-видимому, бежали, но рассчитывали вернуться. Они зарыли среди камней и в жилищах клады главным образом различных железных вещей: кос, серпов, стремян, крючков, котлов и т. д. Жилищами обитателям поселка во втором периоде служили также юрты. Чрезвычайно характерны для этого периода вымостки из рваного камня и щебня. Видимо, на них и ставили юрты, поскольку других следов жилищ второго периода не сохранилось. Стены за́мка, частично разрушенные во время штурма, перестали играть оборонительную роль, их уже в IX в. начали разбирать.

Примыкало ли к за́мку неукрепленное поселение, сказать трудно. Вся территория рядом с городищем распахана на глубину 0,7 м. Плуг разрушил даже всхолмления из камня, оставшиеся после разборки сторожевых башен. Понятно, что от юрт не осталось и следа. Обломки керамики встречаются на пашне редко. Мелкие и обкатанные, они явно долгое время пролежали на поверхности. Неясно, остались ли они от уничтоженного поселения или попали сюда с городища. Однако на 0,5 км выше городища и на 2 км ниже его, на подпойменной высокой террасе (теперь берег моря), обнаружены остатки двух селищ. Оба они существовали, несомненно, в одно время с городищем, но в какой из периодов — определить невозможно, поскольку подъемный материал (обломки керамики) датируется широко — VIII—IX вв.

Как уже неоднократно упоминалось, Правобережный за́мок был построен из белого известняка, причем понадобились многие кубометры прекрасного целого камня. Однако мы знаем, что в окрестностях нигде нет отложений мела, нет ни древних, ни современных каменоломен, какие в изобилии встречаются, например, в «земле каменных за́мков» — в верховьях Северского Донца. Еще Константин Багрянородный, объясняя причину, по которой Саркел решено было строить из кирпича, писал, что «на месте не было камня, годного для постройки», причем даже известь строители «вырабатывали из мелких речных голышей» [44]. Очевидно, камень для постройки Правобережного за́мка привозили из каменоломен среднего Дона, правый берег которого представляет собой сплошной меловой массив. Начинается этот массив примерно у с. Калача и идет до самых верховьев Дона. Каменоломни были расположены, таким образом, не ближе, чем за 100 км от городища, вверх по реке. Доставляли камень, вероятно, по реке. Его перевозили необработанными глыбами и уже на месте обтесывали в правильные блоки. Об этом свидетельствует огромное количество бракованных и сломанных камней, только с первичными следами обработки. Весь оставшийся после нее материал шел на забутовку. Обработку производили зубчатым теслом, оставлявшим на камне рифленые, правильно расположенные мазки. Чаще всего эти мазки образовывали на поверхности блока рисунок в виде плетенки. Техника распилки камня, широко применяющаяся в наши дни, была неизвестна.

В 400 км к северу от Правобережного Цимлянского городища (на 700 км выше по течению Дона) сохранились развалины другого белостенного за́мка — Маяцкого городища (5). Кажется, будто об этих двух за́мках и о земле, их окружающей, сказано:

На солнечной стороне
И на месячной стороне
Золотые и серебряные горы раскинулись...
Удобные перевалы кругом —
Как богатырские седла.
Среди прекрасных гор
Два белых одинаковых дворца стоят,
Канские аилы поставлены.
Вышитые золотые узоры на них
Под солнцем горят [45].

Это поэтическое описание, хотя и имеет в виду Алтай, но как нельзя лучше подходит к донской равнине с ее глинистыми (золотыми) и меловыми (серебряными) холмами и обрывами, с удобными поймами и лощинами и, наконец, с белокаменными за́мками, внутри которых поставлены юрты-аилы.

Маяцкое городище расположено на высоком, выдающемся в пойму меловом мысу у устья Тихой Сосны — правого притока Дона. Мыс этот очень велик (рис. 9, *3*). Со стороны обеих рек он обрывается к пойме крутыми уступами. У подножия мыса раскинулся хут. Дивногорье, а в меловом его массиве высечены пещерная церковь, коридоры и кельи Дивногорского монастыря XVIII в. С напольной

[44] Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК, 91. М.—Л., 1934, стр. 20.

[45] Алтайский эпос. Когутэй. М.—Л., 1935, стр. 164.

стороны мыс не отделен от основного берега, и поэтому, несмотря на крутизну и высоту (до 80 м) береговых склонов, в естественном состоянии он был совершенно не пригоден для постройки на нем крепости. Но именно здесь, в устье самой северной пограничной своей речки Тихой Сосны, салтовцам нужна была крепость. И зáмок был поставлен. Для этого прежде всего вырыли мощный глубокий ров, отрéзавший от мыса правильный прямоугольный участок. Ров сильно заплыл, но даже сейчас глубина его доходит до 3 м от поверхности мыса. Концами ров упирается в береговой обрыв. Северо-восточный конец его размыт в глубокий овраг.

Маяцкое городище было известно уже в середине XVII в. Впервые оно упоминается в «Строельной книге города Коротояка» 1648 г., где перечислены принадлежащие казакам земли: «От горы от Малых Див вверх по реке по Дону, до устья реки Тихой Сосны до Маяцкого старого городища...» [46] В конце XIX в. городищем интересовались многие археологи-любители, но только в первом десятилетии XX в. к нему было привлечено внимание двух крупнейших русских дореволюционных археологов — Н. Е. Макаренко и А. И. Милютина [47]. Н. Е. Макаренко копал городище и заложил небольшой раскоп на примыкающем к нему селище, а А. И. Милютин произвел подчистку южной стены городища и раскопал несколько погребений в соседнем катакомбном могильнике.

В настоящее время стены городища представляют собой массивные задернованные валы, окружающие внутреннюю площадку со всех сторон. Ширина вала в основании 12—18 м, высота около 5 м. На валу, идущем вдоль берегового обрыва, и вдоль восточного вала с внутренней стороны остались со времени последней войны глубокие окопы и блиндажи. Разрез развала стены и рва, сделанный Н. Е. Макаренко, показал, во-первых, что первоначальная глубина рва равнялась 6 м, а ширина — 12 м. Склоны его были очень крутыми (70 и даже 90°), дно — округлым. Стены состояли из двух параллельно поставленных щитов, сложенных из прекрасно обработанных блоков. Размеры блоков такие же, что и на Правобережном городище, — 60 × 30 × 30 см. Одинакова, судя по дошедшим до нас отчетам, и система кладки. Однако на Маяцком городище кладка сохранилась гораздо лучше: 4—5 рядов высотой 1,2—1,5 м. Камни уложены без раствора. Расстояние между щитами 4,8 м, пространство между ними заполнено рваным колотым камнем и щебнем. Мелкий щебень так плотно забил все промежутки между камнями, что исследователи ошибочно сочли его раствором. Раскопки Правобережного городища убедительно показали, что мелкий слежавшийся щебень весьма напоминает по внешнему виду известковый раствор.

Общая ширина стен 6 м. Верхняя их часть была разобрана, видимо, еще в XVII в. При этом выбирались, конечно, только большие тесаные камни. Выборка камня велась менее обстоятельно, чем на Правобережном городище, забутовка осталась на месте и осыпалась сама, образовав как бы вал из щебня и камня над сохранившимися рядами кладки. Часть забутовки попала в ров. Высота стен, судя по количеству щебня, была равна их ширине — 6—6,5 м. Таким образом, по мощности стены Маяцкого городища в два раза превосходили стены Правобережного зáмка. Это и понятно: естественные неприступные склоны мыса, на котором воздвигали Правобережную крепость, здесь должны были заменить искусственными укреплениями. Сейчас стены так оплыли, что трудно установить, имелись ли башни в стенах и на углах Маяцкого зáмка. Правда, незначительные утолщения заметны на углах валов, но они не раскопаны и неясно, следы ли это башен или просто сложная перевязка скрещивающихся стен.

Вход в зáмок был устроен в северо-западной стене. Через ров была насыпана перемычка. Сейчас ее ширина 6 м, но она оплыла. В древности ширина ее не превышала 2—2,5 м. В воротном проеме Н. Е. Макаренко заложил раскоп. Результаты работ на участке не отражены в отчете, поэтому мы не можем судить о конструкции привратных сооружений.

Размеры внутренней площадки городища 84 × 72 м; в древности, до осыпи стен, она и в длину и ширину была примерно на 12 м больше. На этой площадке раскопками открыты два полуземляночных жилища и остатки большого белокаменного сооружения, примыкавшего к наружной юго-западной стене зáмка. Стены этого сооружения, присоединенные к основной стене зáмка простым стыком без перевязи, сложены из двух рядов каменных блоков. Пространство между ними засыпали мелким щебнем. Толщина стен примерно в два раза меньше, чем наружных (т. е. около 3 м). Это остатки цитадели. Размеры ее 30 × 25 м. Внутренняя площадка ее почти не раскопана, поскольку

[46] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. — ИАК, 43, 1911, стр. 5.

[47] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. — ИАК, 29, 1909, стр. 153—163.

исследователь вел раскопки вдоль стены, выясняя ее направление и конструкцию. Только у северо-восточной (внутренней) стены он обнаружил нижний ряд кладки какого-то здания. Видимо, постройка была сложена из таких же квадров, как стены цитадели и зáмка, и по тому же принципу, т. е. два щита и забутовка между ними. Расстояние между щитами не превышало 40 см: стены этого здания были значительно тоньше (около 1 м). Хорошо сохранился только нижний ряд восточного угла и юго-восточной стены, остальные стены разобраны до основания. Однако часть разбитых камней и камни забутовки оставлены на месте. Благодаря этому мы сейчас можем восстановить размеры постройки: 6,8 × 5,65 м. Внутри здания найдено большое количество черепков лощеной посуды. Никаких признаков очага или печи не обнаружено. По-видимому, этот развал был не жилым помещением, а сторожевой башней, своеобразным донжоном, последним оплотом защитников крепости. На самом городище исследовано два полуземляночных жилища с очагами в углах. Планировка поселения в целом не выяснена, так как вскрыта лишь малая его часть.

Материал для строительства крепости — великолепный белый известняк — брали тут же на месте, поскольку мыс, на котором стоит городище, представляет собой сплошной меловой холм, прикрытый слоем дерна. Частично камень добывали при рытье рва. Возможно, стены рва потому и получились такими ровными и отвесными, что камень высекали из толщи холма сразу правильными квадрами нужной величины. Работа производилась таким же зубчатым зубилом, какое употребляли и строители Правобережного зáмка. Отделка поверхности блоков совершенно аналогична на обоих городищах.

На многих камнях Маяцкого городища строители и обитатели зáмка начертили самые разнообразные рисунки. Основными мотивами их были лошадь и всадник. Иногда на камнях изображали личину, иногда — ослика и очень часто — тамги в виде отдельных букв тюркского алфавита и даже целые слова, написанные орхонским письмом. Надписи и рисунки не являются оригинальной особенностью Маяцкого городища. На Правобережном городище мы обнаружили несколько обломков камней с буквами того же алфавита, а в Саркеле найдены десятки кирпичей с тамгами и рисунками, нанесенными еще на сырые необожженные поверхности.

Вокруг городища, на всем огромном мысу, образованном двумя поймами, раскинулось селище. Общая площадь его не менее 20 га. В настоящее время оно распахивается. Культурный слой, толщина которого не превышала 30 см, разрушен до материка. Небольшие углубления на поверхности, замеченные Н. Е. Макаренко, сейчас запаханы. Исследовав несколько углублений, Н. Е. Макаренко выяснил, что это обычные вырезанные в мелу полуземляночные жилища. Селище, несомненно, связано с городищем и датируется концом VIII—началом IX в.

К востоку от городища, на соседнем меловом мысу, расположен могильник, оставленный обитателями зáмка и селища. Его открыли случайно, при рытье водоотводных канав в 1890 г. В 1906 г. А. И. Милютин раскопал в нем восемь погребений-катакомб и два жилища. Видимо, селище вплотную подходило к могильнику, так как жилища и могилы расположены почти рядом, на расстоянии нескольких метров друг от друга.

Маяцкое городище — самый северный памятник салтовской культуры. Поставленная в устье пограничной речки, крепость охраняла путь не только к окрестным землям, но и к дальним степным и лесостепным просторам Подонья. Севернее лежала славянская земля, северо-восточнее — мордовская. В 25 км от Маяцкого городища, выше по Дону, на высоком меловом мысу, находился самый южный из памятников славянской боршевской культуры — городище Титчиха [48].

Восточнее и северо-восточнее Маяцкого городища нет ни одного салтовского памятника. Но вниз по Дону, его левым и правым притокам и западнее — по Тихой Сосне — уже сейчас известны десятки поселений салтово-маяцкой культуры. Несомненно, что этот зáмок играл роль своеобразного ключа ко всему водному пути по Дону. Феодалы, завладевшие началом этого крупнейшего пути, были по существу безраздельными хозяевами Дона. Именно поэтому мне кажется неправомерным считать Дон того времени «славянской рекой» [49]. Уже само название Дон (т. е. «вода») — аланское. А белокаменные зáмки, стоявшие на реке, — городища Маяцкое, Костомарово, Карабут, Правобережное Цимлянское — делали эту магистраль непроходимой для какого-либо народа, не признающего безраздельного права на пошлины за владель-

[48] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

[49] А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках. — Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 5, стр. 463.

цами этих цитаделей, т. е. в конечном счете за хазарским каганом. Славянские переселенцы, проникавшие на берега среднего и нижнего Дона в IX в., неизбежно попадали в сферу политического и культурного влияния народов, создавших салтовскую культуру и входивших в состав тогда еще мощного Хазарского каганата.

Рассмотрев все белокаменные за́мки Подонья, мы видим, что никакого существенного различия между ними нет. Все они были крупными феодальными гнездами и сооружались с двоякой целью: для контроля над водными путями и для возвышения над оседлым или полуоседлым местным населением. Кроме того, некоторые из них имели, несомненно, и оборонное значение для всей салтовской земли.

Внешний вид, местоположение и даже техника строительства укреплений были в общем одинаковы. Для подавляющего большинства этих крепостей характерны белокаменные стены с напольной стороны и по периметру. Они придавали за́мкам чрезвычайно живописный и величественный вид, производивший, вероятно, большое впечатление как на окрестное население, так и на приезжавших в за́мки для торговли купцов. М. И. Артамонов высказал очень интересную мысль, что до постройки Саркела Правобережное городище также называлось Саркелом, т. е. Белой Крепостью [50]. Мне кажется, что так называли любой из белокаменных за́мков. Белые крепости были неотъемлемой и характернейшей чертой всей культуры Подонья в VIII—IX вв. Может быть, именно поэтому в нартском эпосе хазарская крепость за Доном названа «Саркал» [51]. Это не имя знаменитого хазарского города, а более широкое понятие — саркел, т. е. белая крепость [52].

Как мы видели, большинство за́мков было сложено из рваного камня, по распространенной в те столетия технике. Из необработанного камня была выстроена вся Византия. Так же строило крепостные стены и жилые дома население крымских и боспорских городов и селений. Тем необычнее на этом фоне выглядят два великолепных белостенных за́мка, сооруженных из прекрасно обработанных стандартных блоков. Производство этих блоков было, несомненно, весьма трудоемким и дорогостоящим. Особые трудности испытывали строители Правобережного Цимлянского за́мка в связи со сложностями перевозки материалов. Возможно, потому и не имела эта техника большого успеха среди еще недавно кочевого, беспечного и в достаточной степени ленивого населения Подонья, тем более что постройки южных (приазовских) поселений из рваного камня были для донских и донецких строителей прекрасным примером.

Техника кладки из тесаного камня была широко распространена в то время только на территории нынешней Северо-Восточной Болгарии, на землях, захваченных и освоенных в середине VII в. ордой Аспаруха. Примерно через 100 лет, в середине VIII в., осевшие болгарские племена (или, как их называют, праболгары) в тесном союзе с остатками местного населения и славянами создали яркую и самобытную культуру, очень близкую к салтово-маяцкой. На этом вопросе нам еще неоднократно придется останавливаться в следующих разделах книги. Здесь же важно отметить, что именно среди народов, родственных этнически и близких культурно, появилась и расцвела оригинальная и для того времени совершенная техника кладки из тесаного камня.

Величественные стены, дворцы и храмы Плиски, Преслава, Мадары, Аила Омуртага и нескольких безымянных крепостей до сих пор производят неизгладимое впечатление на исследователей и туристов.

Несомненно, что техника кладки болгарских памятников более совершенна, чем на Дону. Стены ставили там на фундамент, а не на материк или даже прямо на дерн, как в наших за́мках, брали камни бо́льших размеров и связывали их известковым раствором. Нередко болгары использовали огромные квадры, вынутые из древних кладок римского времени. На этих блоках археологи находят так называемые ласточкины хвосты — выбоинки на краях [53]. Высокая культура строительства у болгар легко объясняется, если мы вспомним, что рядом с их землей находилось культурнейшее государство того времени — Византия, что на Дунае стояли крепости, возведенные византийскими мастерами, и что кругом было полно развалин древних зданий, выстроенных еще греками и римлянами. Мы видели, с какой творческой жадностью воспринимали салтовцы строительные приемы скифов, живших за тысячелетие до них. Естественно, что болгары, имея перед глазами совершенные строения прошлого и

---

[50] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 318.

[51] Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947, стр. 58, 59, 78.

[52] Следует вспомнить при этом, что белый и синий цвета были священными цветами неба, т. е. бога Тенгри-хана, главного в тюркском пантеоне.

[53] Эти выбоины, имеющие форму ласточкиного хвоста, вытесывали на блоках, лежащих рядом, и затем заливали свинцом. Так осуществлялась связка блоков между собой в римское время.

мощные византийские за́мки, также использовали творчески римское и византийское наследие.

Но применение в строительстве тщательно обтесанных блоков было и в Болгарии оригинальной особенностью, которая выделяет местные постройки из всех синхронных с ними памятников. Интересно, что дунайские мастера изображали на блоках такие же рисунки (лошадь, всадник) и писали такие же рунические знаки, как и их далекие восточные единоплеменники [54].

Возникает вопрос: откуда пришла и где зародилась техника обтески камня в эпоху средневековья? Наивно думать, что болгарские ханы на Дунае были настолько очарованы дошедшими до них остатками квадровых римских кладок, что приказали своим ремесленникам немедленно освоить обтеску каменных блоков.

Мне представляется, что технику обтески камня жители Хазарского каганата заимствовали из стран, где она была широко распространена в VIII в., например из государств Закавказья [55]. Постоянные связи Хазарии с этими государствами хорошо известны нам по многочисленным письменным источникам [56]. Их еще более укрепили арабские походы. Строительного материала на Кавказе и в его предгорьях было много. Оседавшие на землю и к тому же теснимые арабами племена нуждались в крепостях, и им пришлось овладеть строительной техникой. Вероятно, вначале такие крепости появились на Северном Кавказе, а затем распространились и в северные районы Хазарского каганата. Можно назвать, например, Хумаринское городище, расположенное на плоской вершине горы Калеж, на крупном торговом пути, шедшем через Клухорский перевал к побережью Черного моря [57].

Городище это почти не изучено и в настоящее время активно разрушается соседним совхозом, добывающим камень из древних стен. В. А. Кузнецов, обследовавший памятник в 1960 г., пришел к правильному выводу, что городище представляет собой развалины феодального за́мка, занимавшего выгодное стратегическое положение. Стены за́мка возведены, как и на Дону, в виде двух щитов с забутовкой между ними. Щиты сложены из тесаных квадров размерами $1 \times 0{,}4 \times 0{,}5$ м. Поверхности блоков обработаны совершенно так же, как на донских городищах. Особенно важно, что на них, как в Подонье и на Дунае, строители писали целые слова, фразы или отдельные буквы-тамги. Интересно, что название горы — Калеж — означает по-черкесски крепость. Возможно, что и этот за́мок называли Крепостью или Белой Крепостью. В. А. Кузнецов датирует за́мок X—XI вв., однако материалы, на которых основана датировка, можно отнести и к IX, и даже к VIII в. Думаю, что будет правильнее считать этот за́мок одновременным со всеми остальными, близкими ему и по типу, и по этнической принадлежности населения. Все эти постройки возникали на широких просторах Причерноморья и Подонья в эпоху бурного оседания кочевников на землю, в эпоху становления феодализма.

Как и в любом другом феодальном обществе, на берегах Дона и в приморских областях некоторые крепости и феодальные за́мки, стоявшие на бойких военно-торговых дорогах, стали расти и превращаться в города.

В следующем разделе мы остановимся на характеристике городов Хазарии, выросших из феодальных за́мков или завоеванных и разрушенных, а затем частично отстроенных уже под властью каганата.

ГОРОДА

Города, выросшие из феодальных усадеб и крепостей, я отношу к типу I. Это Саркел (23), Итиль и Семендер, а также городище Семикаракорское (31; рис. 9, *1*). Хотя Итиль и Семендер, судя по сообщениям а́рабских писателей, были значительно больше Саркела и играли в жизни каганата более заметную роль, мы начнем описание городов с Саркела, так как это единственный город, исследованный археологами. Благодаря этим исследованиям в нем ярче и заметнее выявлены черты, которые позволяют считать, что город вырос из каганской пограничной крепости-за́мка.

Городище Саркел расположено в нижнем течении Дона, на левом низком берегу старицы реки, у хут. Попова, в 4 км от старой ст. Цимлянской. В настоящее время развалины города лежат на дне Цимлянского моря, примерно в 15 км от берега. Спор о местоположении Саркела, будораживший научный мир с конца

---

[54] Стамен Михайлов. Археологически материали от Плиска. — Известия на Археологическая институт, XX. София, 1955, рис. 11, 13, 14; Ст. Станчев. Разкопки и новооткрити материали в Плиске през 1948 г. — Там же, рис. 28а, б.

[55] Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, стр. 172. Характерно, что в VIII в. в Армении камни (плиты) облицовки укладывали насухо, без раствора.

[56] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 142—157.

[57] В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. — СА, 1963, № 1.

XIX в., блестяще разрешен работами М. И. Артамонова, который неопровержимо доказал тождество городища у хут. Попова, или, как его называли, Левобережного Цимлянского городища, с хазарским городом-крепостью Саркелом [58].

Саркел, согласно сообщению Константина Багрянородного, был построен в 30-е годы IX в. Император Феофил, по словам Константина, откликнувшись на просьбу кагана и бека Хазарии построить им крепость, послал в каганат инженера и дипломата спафарокандидата Петрону Каматира, который и создал в месте, выбранном хазарами, кирпичную крепость, названную Саркелом [59].

Город разместился на мысу левого берега Дона, на искусственном острове, образованном рекой и глубоким проточным рвом, с внутренней стороны которого тянулся земляной вал (рис. 9, *2*). Самая оконечность мыса, где стояла кирпичная крепость, была отделена вторым рвом, ныне почти полностью заплывшим. Раскопками открыто более половины всей крепости. Она имеет форму четырехугольника, обведенного кирпичными стенами с многочисленными башнями. Стены почти везде разобраны до основания местными жителями, использовавшими кирпич в современных постройках. Размеры крепости 193,5 × 133,5 м; толщина стен 3,75 м. Квадратные башни до половины высоты имели сплошную кладку. И стены, и башни построены без фундаментов, на материке. Главный въезд в крепость находился в пролете северо-западной башни. Вторые ворота выходили на реку. Внутри крепость была разделена на две части поперечной стеной. Юго-восточная, меньшая часть не имела никаких наружных выходов. Это была, вероятно, цитадель. Внутри нее, в южном углу, стояла квадратная в плане башня-донжон. Таково было устройство крепости, сооруженной, несмотря на участие в строительстве византийских инженеров, в местных, «варварских» традициях.

Действительно, черты, объединяющие Саркел со всеми остальными памятниками Подонья, настолько ярки и выразительны, что трудно даже уловить, в чем заключалось участие византийцев в постройке его укреплений. Очевидно, прав М. И. Артамонов, полагавший что миссия Петроны была скорее дипломатической и шпионской, чем строительной [60]. Константин Багрянородный недвусмысленно говорит о том, что Петрона по возвращении на родину представил подробный доклад о положении на востоке и о возможностях, открывающихся для империи в связи с заметным политическим ослаблением Хазарского каганата [61].

Саркел, как и остальные укрепленные поселения на Дону и Северском Донце, отделен от основного берега глубоким рвом и земляным валом. Эта линия укреплений защищала жившее при крепости посадское население. Кирпичные стены поставлены без фундаментов, что было бы совершенно необъяснимо, если бы их строили византийцы. Но этот прием, как мы видели, характерен для всех крепостей Подонья. Наконец, планировка крепости, разделение ее на несколько частей внутренними стенами, также весьма типична для местных строительных традиций. Петрона мог только посоветовать строить крепость из кирпича, да и то кирпичное строительство было уже известно в каганате, поскольку из кирпича возводились здания для кагана. Кирпичники были, несомненно, местными, так как размеры кирпичей не византийские и на многих из них нанесены по сырому тесту знаки и рисунки, аналогичные упоминавшимся.

Таким образом, Саркел представляет один из вариантов обычного феодального замка-крепости, причем характерно, что посад города был спланирован одновременно с постройкой крепости, как, например, на Дмитровском городище, где каменные валы крепости были возведены одновременно с земляным валом поселения, расположенного за ними. Крепость Саркел просуществовала всего одно-два десятилетия [62]. Затем ее начали постепенно заселять прибывающие жители. Новые поселенцы предпочитали селиться не на посаде, а в самой крепости. Посад, по-видимому, до самой гибели города использовался в основном в качестве загона для табунов и скота защитников крепости во время опасности или осады и для купеческих караванов, проходивших через Саркел. Правда, площадь, раскопанная на посаде, очень невелика, и, возможно, что жилища просто не попали в заложенные здесь раскопы и траншеи.

---

[58] М. И. Артамонов. Средневековые поселения...; Он же. Саркел — Белая Вежа; Он же. История хазар.

Подробнее о Саркеле см. в указанных работах М. И. Артамонова и в трех томах «Трудов Волго-Донской экспедиции» (МИА, № 62, 1958; № 75, 1959; № 109, 1963), где опубликованы статьи, посвященные различным археологическим материалам из раскопок в Саркеле и на других памятниках зоны затопления.

[59] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[60] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 302.

[61] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[62] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, стр. 27.

Зато на территории самой крепости не оставалось незастроенного пространства. Новые жители немедленно приступили к частичной перепланировке кирпичных сооружений; разбирая их, они строили из кирпича очажки, вымостки, использовали его в качестве домашней утвари. Нижний, хазарский, слой городища толщиной около 1 м относится ко времени от начала 40-х годов IX в. до 965 г., когда Саркел был взят Святославом.

Всего в хазарском слое на раскопанной территории расчищено около 100 более или менее сохранившихся жилищ. Если предположить, что территория, оставшаяся неисследованной, была заселена так же интенсивно, то на ней должно находиться примерно 75 жилищ. Конечно, не все они существовали вместе, но все же одновременно в городе стояло не меньше 100—120 жилищ. В каждом жили примерно 4 человека. Следовательно, население городка в среднем составляло 400 человек, не считая гарнизона, расквартированного, вероятно, в кирпичных крепостных пристройках и юртах, поставленных на большие вымощенные кирпичом площадки, а также обитателей посада. Этнически население это было довольно пестрым. Судя по керамике и типам жилищ, оно делилось в основном на три группы, и каждая из них занимала в крепости особую территорию. В юго-западной части жило алано-болгарское население, в северо-западном углу — славяне и в цитадели — какая-то тюркская группа, из которой и состоял гарнизон крепости [63]. Представляя личные войска кагана, гарнизон не только охранял городок от внешних врагов, но занимался сбором дани с населения и пошлин с проезжавших по реке торговых караванов (как на Кагановом-Кабановом городище). Разрушив Правобережный за́мок — старый «саркел», новый Саркел, очевидно, взял на себя все его функции.

В отличие от Правобережного за́мка это был уже настоящий, хотя и небольшой, город. Многочисленные привозные вещи — поливная керамика, художественные поделки, вырезанные из кости, и, наконец, монеты — говорят об оживленных торговых связях Саркела не только с Византией и Крымом, но и с Закавказьем и с далекой Средней Азией. В городе жили ремесленники — гончары и ювелиры. За воротами крепости, за рвом, было обнаружено большое количество железного шлака: здесь, видимо, находился район кузнецов и, возможно, оружейников. К сожалению, в Саркеле найдено мало железных изделий, так как в местной сырой почве железо сохраняется плохо. Однако можно предполагать, что гарнизон, постоянно нуждавшийся в оружии, поощрял развитие в городке именно оружейного производства.

Торговля и ремесло превратили в город крепость, сооруженную для сбора пошлин и для охраны северо-западных границ каганских земель (домена).

Таким же городом, вероятно, была и столица Хазарии — Итиль. Многие попытки найти развалины этого города, который, по сообщениям арабских источников и письму царя Иосифа, находился где-то в дельте Волги, не увенчались успехом. Они, видимо, были размыты и засыпаны песком.

Столица каганата, разумеется, обращала на себя внимание современников, и до нас дошло несколько довольно подробных, хотя и запутанных, описаний этого города. Подробный анализ и сопоставление различных источников проведены М. И. Артамоновым и А. Ю. Якубовским [64]. Чтобы не повторяться, мы не будем вновь перебирать все имеющиеся сведения об Итиле. Подчеркнем только черты, которые делают его похожим, на мой взгляд, на Саркел и тем самым на все остальные памятники Подонья.

Итиль состоял из двух частей — каганского кирпичного дворца-за́мка, построенного на острове, и большого города, соединенного с ним плавучими мостами и также огражденного мощной стеной. Араб Мукаддеси сравнивает ее со стенами Ургенча (древнего Джурджана), откуда следует, что она была построена из сырцовых кирпичей. Крепость кагана на острове называлась Ал-Байда, или Сарашен, т. е. опять-таки Белая, или Белая крепость [65]. М. И. Артамонов высказывает весьма аргументированное мнение, что в VIII в. Ал-Байда была простой ставкой кагана, основанной на месте зимовища, и только позже, в IX в., стала уже крупным торговым городом. В большом

[63] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959, стр. 72, рис. 22.

[64] М. И. Артамонов. История хазар, глава 21; А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. — СА, X, 1948.

[65] Я не согласна с М. И. Артамоновым, считающим, что Ханбалык — это название каганской крепости, а Ал-Байда, или Сарашен, — название торговой части (М. И. Артамонов. История хазар, стр. 396). Я думаю, что поскольку город, возникший на месте каганской ставки в VIII в., назывался Ал-Байда, то по традиции, согласно которой все феодальные крепости именовались Белыми, название за́мковой части и в IX, и в X в. оставалось прежним — Белая крепость.

городе — Ханбалыке, или Хамлидже, было, по свидетельствам современников, много различных общественных зданий: бани, базары, синагоги, церкви, мечети и даже минарет и школы по изучению Корана. Однако в целом этот большой город состоял из беспорядочно разбросанных по его территории жилищ: глинобитных домишек и юрт. Здесь жили купцы, ремесленники и разный простой люд. Население города отличалось этнической пестротой. По словам ибн Хаукаля, в нем жило не меньше 10 тысяч человек, среди которых были и язычники, и христиане, и мусульмане, и иудеи, и славяне, и русы. Город утопал в садах и, по-видимому, жилища стояли довольно далеко друг от друга. Поэтому город занимал огромную площадь: в длину вдоль берега около 1 фарсаха, т. е. 5—6 км. Город владел большой окрестной территорией — около 300 км в окружности. Это была собственная земля кагана и его приближенных, на которой он кочевал, а его беднейшие подданные пахали, сеяли и разводили сады, бахчи и виноградники.

Таким образом, Итиль обладал всеми чертами города, развившегося из каганского зимовища, позднее превращенного в крепость, а затем, примерно к середине IX в., обросшего огромным посадом. Город стоял на пересечении оживленных торговых путей, связывавших славян, Волжскую Болгарию и весь Север с богатыми странами Востока. Через него проходили и водная и сухопутные дороги. Город и каган получали от этого громадные барыши, почему именно Итиль и стал столицей, а каган выбрал его в качестве своего основного обиталища.

Что касается Семендера, то сведений о нем сохранилось очень мало, поскольку к IX—X вв., когда было написано большинство дошедших до нас источников, он уже потерял свое былое значение. Археологически он совершенно не изучен, до сих пор в науке еще не установлено, с каким из городищ Дагестана можно связывать имя Семендера. Из сообщений Истахри и Мукаддеси видно, что это был тоже очень большой город (больше Итиля), окруженный виноградниками и садами[66]. Пестрое, разноязыкое население исповедовало все четыре религии, известные в каганате. Жилища — юрты и глинобитные мазанки — располагались беспорядочно. Жители занимались торговлей, земледелием, ремеслами и разбоем. У города и примыкающей к нему области был свой «царь», т. е. правитель, союзный, вернее, подчиненный кагану. Можно предположить, что здесь находилась крепость этого правителя, вокруг которой и вырос впоследствии широко раскинувшийся в долине беспорядочный полукочевой город.

Полагаю, что к городам такого же типа мы можем отнести и городище Семикаракорское (31), расположенное на 100 км ниже Саркела, на речке Салок — притоке Сала, впадающего в Дон (рис. 9, *1*). По внешнему виду и размерам оно напоминает Саркел. Однако никаких сведений об этом городке не сохранилось, а раскопки на нем вряд ли добавят что-либо новое, поскольку холм городища распахан под виноградник плантажным плугом на глубину 0,7 м. Распашка фактически уничтожила не только культурный слой, но и укрепления. Обломки кирпичей на холме позволяют думать, что кирпич употребляли при постройке крепости.

Вместе с новыми городами в конце VIII в., в эпоху бурного экономического подъема, отстроились и разрушенные гуннами города Боспора и Крыма (тип II). Но далеко не во всех городах обнаружены слои этого возрождения. К тому же все эти памятники настолько слабо изучены археологами, что сейчас мы, конечно, не в состоянии восстановить картину жизни ни в одном из них. Однако можно проследить, какие из них отстраивались и росли, а какие хирели и беднели. Иногда удается определить, какие причины вызвали развитие того или иного города и в каком направлении шло это развитие.

В Приазовье, на территории древнего Боспорского царства, жизнь в почти заброшенных и занесенных песком городках стала возрождаться именно в первой половине VIII в. В то время как Херсон и другие поселения Западного Крыма пришли в упадок и запустели, в восточной части Крыма, на развалинах многих античных городков, в VIII в. возникают, а в IX в. развиваются многочисленные крупные поселения. Как выясняется в раскопках последних лет, некоторые из них были вновь укреплены мощными каменными стенами. К такому заключению пришел крупный специалист по истории средневекового Крыма А. Л. Якобсон[67]. Думаю, что нет смысла повторять здесь его убедительнейшую аргументацию или приводить материалы, которыми пользовался этот скрупулезный и до-

[66] Ал-Мукаддеси (СМОМПК, вып. 38, стр.5); Ал-Истахри, стр. 47.

[67] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма; Он же. Средневековый Крым, стр. 27.

бросовестный исследователь. Коснемся только поселений, входивших, на мой взгляд, в состав каганата и игравших видную роль в его экономике. Каган Иосиф упоминает в своем знаменитом письме к Хаздаю ибн Шафруте следующие западные города, якобы принадлежавшие Хазарии: Ш-р-кил — Саркел, С-м-к-р-ц — Самкерц, К-р-ц — Керчь, Суграй — Судак, Алубиха — Алупка, Кут — ?, Манк-т —Мангуп, Бур-к — Балаклава?, Ал-ма — Алма, Грузин — Гурзуф [68]. Иосиф включил в этот список города не только хазарские, но и платившие дань каганату или подчинявшиеся власти его наместников-тудунов, следивших в основном за правильным поступлением торговых пошлин в казну кагана. Список этот далеко не полон. Иосиф писал в X в., но показывал свое государство таким, каким оно было 100—150 лет назад, в период расцвета. Поэтому странным, на первый взгляд, кажется, что он не включил в список столь крупные города, как Херсон и Фанагория. Попытаемся объяснить эту странную «забывчивость».

Действительно, в VIII в. верховной администрацией в совершенно захиревшем Херсоне был еще хазарский тудун. Однако в середине IX в. город уже освободился из-под власти каганата и стал вместе с областью одной из наиболее важных фем Византийской империи. Этот факт был, несомненно, настолько известен всему цивилизованному миру, что в письме к образованному испанскому сановнику Иосиф не решился прихвастнуть Херсоном, чтобы не возбудить недоверия у своего адресата.

Что касается Фанагории (248), то история ее гораздо сложнее и запутаннее. В первой половине VII в. она была столицей так называемой Великой Болгарии. Когда часть болгар ушла на Дунай и «Великая Болгария» прекратила существование, Фанагория все же сохранила положение главного города оставшихся болгар, подчиненных каганату. Правителем ее по-прежнему был какой-то болгарский феодал [69]. На территории Фанагорийского городища на протяжении многих лет работала археологическая экспедиция под руководством М. М. Кобылиной. Раскопки, направленные в основном на исследование древнейших, античных слоев, затронули и средневековые напластования, которые по керамическому материалу датируются VI—IX вв. Слоя X в. на городище не оказалось. Создается впечатление, что в конце IX в. город был разрушен и перестал существовать. Разорить его могли печенеги. Их нашествие и связанные с ним бедствия были достаточно известны в Европе. Возможно, разрушение Фанагории произвело такой же шум, как и отделение от Хазарии Херсонской фемы. Характерно, что и Константин Багрянородный, писавший, как и Иосиф, в X в., ни разу не упомянул о городе Фанагории, хотя неоднократно возвращался к рассказу о приазовских (черных) болгарах. Таким образом, к моменту появления письма Иосифа города фактически не было.

До гибели Фанагория, по-видимому, соперничала с наиболее крупным приморским городом каганата Таматархой (Самкерцем). По словам Константина Багрянородного, это был крупнейший перевалочный порт, в котором скрещивались многие морские и сухопутные дороги. Средневековый город Таматарха возник на развалинах античной Гермонассы. Судя по археологическим материалам, жизнь в городе не прекращалась даже в тяжелый период после нашествия гуннов. Городище находится напротив Пантикапея — Керчи, на Таманском полуострове, у ст. Таманской, на самом берегу Керченского пролива (247). Оно представляет собой огромный холм культурных напластований высотой в 10—15 м. Волны постоянно размывают берег, треть городища уже обрушилась в море. Размеры оставшейся части 300 × × 200 м. Городище имеет неправильно трапециевидную форму. С севера оно круто обрывается к морю; на юге его границей служило соленое озеро (или заливчик), ныне пересохшее; с востока и запада — овраги. По расположению городище весьма напоминает обычное кочевническое приморское становище. Может быть, поэтому оно так и полюбилось аланоболгарскому населению, обосновавшемуся в небольшом поселке в VIII в.

Планомерные исследования городища были начаты еще в 30-х годах экспедицией А. А. Миллера и продолжены в 1952—1955 гг. Б. А. Рыбаковым [70]. Несмотря на большой размах последней экспедиции, вскрытая ею площадь (более 2000 кв. м) оказалась очень небольшой сравнительно с огромными размерами городища. Все же материалы позволяют сделать некоторые выводы, в частности об истории города в интересующий нас период. Прежде всего очевидно, что в VIII—X вв. город занимал площадь всего холма и даже кое-где выходил за его пределы. Холм был очень

[68] Перечисление и толкование дано по кн.: М. И. Артамонов. История хазар, стр. 385.

[69] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 196.

[70] См.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

густо заселен, о чем свидетельствуют интенсивное нарастание культурного слоя (1 м в столетие, т. е. так же, как в Саркеле) и чрезвычайная насыщенность слоя обломками керамики и костями животных.

Судя по тем участкам городища, где сохранились старые постройки, спланированные кварталами, новые жители не нарушили прежней планировки, а только время от времени мостили улицы битой керамикой, чинили и надстраивали каменные стены старых домов. В тех же местах, где древние здания были разобраны до основания, дома строились без всякого плана, беспорядочно и разбросанно. Причем стены их были уже не каменными, а глинобитными или саманными на каменных цоколях. В то время такие дома строились на всех поселениях Крыма и Приазовья. Наконец, новое население принесло с собой и новую технику кладки камня — «в елочку». «Елочку» применяли далеко не всегда. Если приходилось подновлять старое здание, то обычно его чинили той же кладкой, какой была сложена вся стена. Но новые кладки почти все сложены «в елочку», т. е. приемом, совершенно не известным в Причерноморье до VIII в.

Кладка «в елочку» применялась только в Дагестане и странах Закавказья (Албании, Грузии) в VI—IX вв.[71] Очевидно, оттуда ее и заимствовали жители Таматархи, заселившие город в VIII в. Тогда же эта кладка распространилась и в Восточном Крыму. Даже стены некоторых базилик (например, на холме Тепсень у пос. Планерское) сложены частично в этой технике.

Сравнительный стратиграфический анализ слоев Таманского городища приводит к заключению, что наиболее полной и интенсивной жизнью средневековый город жил в хазарский период, т. е. в VIII—начале X в. В слоях этого времени попадается наибольшее количество монет, много привозной посуды. Кроме того, тогда же здесь возникли ремесленные гончарные мастерские, о чем свидетельствуют многочисленные керамические изделия (в основном посуда), обнаруженные на городище[72].

В следующий — русский — период Таматарха, ставшая русским городом Тмутараканью, потеряла, по-видимому, значение главного порта и превратилась в военизированный форпост русских в Приазовье. Роль приморского торгового города перешла к расположенному напротив Тмутаракани Корчеву (Керчи).

Керчь (Пантикапей), столица бывшего Боспорского царства, также была занята хазарами. Иосиф называет ее К-р-ц. Возможно, что именно в хазарский период (в начале VIII в.) вокруг приморского городка, расположенного у подножия горы Митридата, были построены мощные двойные стены с контрфорсами, обнаруженные Т. И. Макаровой в раскопках 1963 г.[73] В крепости сидел хазарский тудун. Однако рядом с разросшейся и богатой Таматархой, к которой стягивались и водные, и сухопутные дороги, К-р-ц как торговый город потеряла значение. В русский период роли переменились. Керчь (Корчев), связанная с Херсоном (Корсунем), с Днепром и, следовательно, с Киевом, поднялась и разбогатела, превратилась в военный форт. В русский период Корчев вновь отстроился и вырос. Раскопки показали, что перепланировка города произошла в конце IX в. Тогда же была поставлена и церковь Иоанна Предтечи, видимо, на центральной площади, от которой радиусами отходили новые улицы города. Характерно, что в отличие от хазар и их полукочевых подданных, никогда не соблюдавших в городах никакой внутренней планировки, здесь сразу стали возникать правильно спланированные ровные улицы. Ширина проезжей части улиц достигала 3 м, на них стояли каменные, часто двухэтажные дома, а не глинобитные мазанки, типичные для крымских и азовских поселений VIII—IX вв. Корчев стал совсем другим городом, с иной своеобразной культурой, заметно подчиненной византийскому влиянию.

Остальные города салтовского времени археологически совершенно не изучены, картина их внутренней жизни остается неясной. Письменные, в основном византийские, источники упоминают иногда об их торговых и политических связях с Передней Азией и Византией или кратко сообщают, что в том или ином городе сидел хазарский тудун. Известно, что в каждом из восточнокрымских древних городов прослеживается хазарский слой с характерной керамикой. Однако ни об одном из этих городов мы не можем рассказать даже с такой степенью подробности, как, например, о Таматархе. Впрочем, раскопки в Таматархе могут служить своеобразным эталоном для исследователей памятников этого типа во всем Причерноморье.

---

[71] И. П. Щеблыкин. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943.

[72] С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, стр. 66—68.

[73] Т. И. Макарова. Древний Корчев. — КСИА АН СССР, 104, 1965.

* * *

Обзор поселений кочевников показывает, что в течение VIII в. они прошли сложный путь от кочевий-становищ к большим, экономически развитым городам. За это столетие на огромных пространствах бассейна Дона, в Причерноморье и Приазовье возникли многочисленные большие и малые, укрепленные и неукрепленные поселения.

Я уже не раз отмечала, что поселения различных видов и типов существовали в одно и то же время и в основу избранного мною порядка описания этих памятников положены не хронологические, а социальные признаки.

Однако не подлежит сомнению, что социально наименее развитая форма поселения степняков — кочевое становище — была и самой ранней. Затем более постоянные кочевья — зимовища — стали превращаться в поселки, жители которых постепенно переходили к земледелию и оседлому быту. Впрочем, таких поселков, где население полностью стало оседлым, немного. Только беднейшие жители не могли выезжать на летние кочевки. В целом обитатели Подонья и Приазовья вели полукочевой образ жизни. Наряду с десятками земледельческих поселений на берегах и в поймах рек сохранились следы синхронных им кочевий-летовок, и именно поэтому хронологическая разница между постоянным поселком и становищем недостаточна для типологической характеристики памятника. Становища продолжали ставить в летнюю пору, в то время как жизнь на зимних поселениях становилась стабильнее, и на них оставалось для возделывания полей и садов все больше и больше народа.

Археологическое исследование кочевий дало возможность выделить два их типа. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что разница между ними трудноуловима. Логически рассуждая, можно предположить, что наиболее древними были большие становища, которые представляли собой родовые, или, как называл их Б. Я. Владимирцов, куренные, кочевья. Затем размеры становищ сократились: богачи стремились выделиться из куреня и кочевать своей семьей со своими стадами. Но по мере разложения родового строя и развития феодальных отношений богатство отдельных семей возрастало, увеличивались их стада, а количество домочадцев у наиболее крупных феодалов становилось так велико, что их становища по размерам мало чем отличались от обычного куренного кочевья. Таким образом, большое становище, возникшее как древнейший вид поселения степняков, сохранилось у них и позднее, но оно перестало быть родовым стойбищем, превратившись в соответствии с новыми общественными отношениями в аильное кочевье. И вот именно это социальное отличие в археологических материалах почти не находит отражения. Историю развития становищ приходится прослеживать с помощью этнографических параллелей.

Что же касается земледельческих поселков, то большинство их, безусловно, принадлежало феодалам. Особенно это относится к многочисленным селищам, группирующимся вокруг за́мков, и к большим поселениям с земляными валами. Эти последние представляли наиболее раннюю форму феодального за́мка, хотя практически они сосуществовали с каменными за́мками. В свою очередь и каменные за́мки продолжали жить, когда вокруг некоторых из них возникали торгово-ремесленные слободы и разрастался феодальный город. Внешним видом эти города, где население держалось полукочевого быта, весьма напоминали обычное кочевье. Такими были и Итиль, и Семендер, и Саркел. Такой же была и древняя столица Болгарского царства — Плиска.

Даже старинные города Причерноморья с их античными традициями, будучи заняты и освоены полукочевниками-полуземледельцами, приобретали, по всей вероятности, характерный облик кочевий. Особенно придавали им такой вид юрты, строившиеся по канонам, выработанным за тысячелетия.

В заключение еще раз подчеркну, что при анализе одной только группы салтовских памятников уже становится очевидной своеобразность этой молодой культуры, сохраняемая, несмотря на явное влияние более цивилизованных и развитых стран и народов. Оседающие кочевники, творчески осваивая культурное наследие соседей и побежденных народов, создавали новую яркую культуру.

ГЛАВА II

ЖИЛИЩА, ОЧАГИ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ, ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ

Жилища, их внутренняя планировка, хозяйственные сооружения около них и даже расположение построек на поселениях служат, как и сами поселения в их различных вариантах, важнейшим источником для изучения экономики и культуры народов, обитавших на обширных степных и лесостепных пространствах бассейна Дона и в Приазовье. Географическое размещение разных типов жилищ на исследуемой территории представляет к тому же весьма существенный фактор при определении взаимосвязи этнических и хозяйственных групп населения.

В 1959 г. вышло из печати серьезное исследование В. Д. Белецкого, посвященное жилищам Саркела—Белой Вежи[1]. В этой работе уделено большое внимание жилищам хазарского слоя города, т. е. жилищам VIII—IX вв. В городе, где население было очень смешанным, и типы жилых построек оказались многообразными. Однако именно в результате смешения разноязыких групп на сравнительно небольшой площади многие специфические черты, свойственные жилищам Подонья, потеряли свою выразительность. В Саркеле много жилищ относится к «промежуточным» типам.

В. Д. Белецкий взял за основу классификации саркельских жилищ формальные признаки: форму очагов или печей, углубленность в землю, устройство стен. Несомненно, для археологического анализа этот подход правомерен и правилен, тем более что подавляющее большинство жилищ дошло до нас в очень фрагментарном состоянии (изрезаны позднейшими ямами и перекопами).

Теперь, как мне кажется, следует попытаться классифицировать не остатки жилых построек, а сами постройки в том виде, как они восстановлены археологами по материалам раскопок, т. е. рассмотреть жилища с этнографической точки зрения. Для этого я привлекаю разновременные и разнообразные этнографические данные.

Наиболее ценным трудом, посвященным истории развития кочевнического жилища, остается до сих пор «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России» Н. Харузина, вышедшая из печати в 1896 г. Особая ценность этого исследования заключается в том, что в нем дана характеристика не только юрты, наиболее типичной для кочевых народов, но и различных жилищ кочевников, переходящих на оседлый и полуоседлый образ жизни.

Пользуясь классификацией, выработанной Н. Харузиным, я делю все известные жилища юго-восточных народов VIII—IX вв. на следующие группы: юрты, полуземлянки, наземные жилища.

Две первые группы жилищ в свою очередь можно разделить на типы по степени углубления в землю. Форма очагов не играет в предложенной типологии существенной роли, поскольку она чрезвычайно единообразна на всей громадной площади распространения жилищ салтово-маяцких типов (исключая Саркел). Это обычно тарелкообразное углубление с обожженными дном и стенками.

Виды кочевнических жилищ (юрт) я определяю по форме их оснований, а виды полуземлянок — по расположению очагов внутри них: в центре пола, в углу, у одной из стен. Те редкие случаи, когда вместо очага в жилище сооружена печь, отмечены специально. В Саркеле жилища с печами, как правило, принадлежат иной этнической группе населения — славянам. Находки таких жилищ на салтовских поселениях также являются, по-видимому, результатом теснейшего общения или даже слияния славян с местным алано-болгарским населением.

[1] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959.

ЮРТЫ

Исходной формой поселения кочевников донских степей, как показано выше, являлись временные стоянки — кочевья. Характернейшим жилищем на кочевьях были юрты.

Остатки юрт впервые открыл И. И. Ляпушкин при раскопках Правобережного Цимлянского городища в 1939 г.[2], затем их обнаружили в Саркеле в 1949—1951 гг. Эти исследования облегчили дальнейшую работу по изучению и открытию юртообразных жилищ. Продолжая раскопки на Правобережном городище, мы выявили более 40 жилищ этого типа. Кроме того, остатки двух юрт исследованы мною на городище и селище у с. Дмитровского (101, 102), на крайнем северо-западном памятнике салтово-маяцкой культуры. В последние годы следы наземных юрт обнаружены А. В. Гадло при рекогносцировочных раскопках одного из кочевий на нижнем Дону (58) и мною при обследовании кочевья, расположенного на песчаных дюнах Белой Калитвы (193)[3].

Благодаря многочисленным средневековым и современным этнографическим описаниям мы хорошо представляем себе юртообразные жилища. Это легкие наземные каркасные постройки, конусовидные или куполообразные, крытые лубом или войлоком. В центре пола обычно помещается очаг. Дым выходит через отверстие в верху купола. По этой общей схеме сооружались, судя по сохранившимся остаткам, и юрты, обнаруженные раскопками.

К типу I я отношу юрты, совершенно не углубленные в землю или углубленные не больше чем на 0,2 м (рис. 11, *2*). От первых в раскопках заметны обычно только очажки в виде пятен обожженной земли или тарелкообразных углублений, заполненных угольками и золой. Изредка очажки обложены плоскими камешками (193), что до некоторой степени сближает их с очажками, обставленными кирпичами (Саркел, группа II). Очертания юрты в черноземном слое обычно не прослеживаются, в песке же они выделяются в виде темных натоптанных пятен с обломками костей, раковин, керамики и рыбьей чешуей. Судить о размерах и деталях внутреннего устройства на основании таких остатков вряд ли возможно.

Значительно более выразительные материалы мы получаем при раскопках остатков чуть углубленных жилищ. На Правобережном городище я исследовала восемь таких юрт, на Дмитровском городище — одну. Углубление (0,15—0,20 м) получалось, видимо, при подчистке и выравнивании пола внутри юрты. Обычно пол подчищали до материка, и поэтому, расчищая жилище, можно проследить не только его общие очертания, но нередко и различные мелкие подробности устройства.

Наиболее простые из слабо углубленных юрт имели в плане круглую или овальную форму. Размеры их очень невелики — диаметр не превышает 3 м. По периметру в полу прослеживаются ямки от кольев каркаса (рис. 12, *2*). Толщина кольев достигает 0,05 м, в пол они вбиты на 0,15 м, причем не наклонно, а вертикально. Следовательно, юрты были не конические, или шалашеобразные, а так называемые решетчатые, т. е. сравнительно более благоустроенные. Стены у решетчатых юрт состоят из поставленной по кругу решетки. К ее вертикальным жердям надвязываются жерди перекрытия, концы которых вставляются в круг (чангарык), расположенный в центре крыши. Чангарык обрамляет дымовое отверстие; непосредственно под ним, в центре пола, находится очаг.

Очаги в таких юртах были тарелкообразными, диаметр их колеблется от 0,5 до 0,8 м. Вокруг очага обычно заметны ямки от кольев-стояков для перекладины, на которой подвешивали котел. Огонь горел в очаге постоянно, поэтому место очага всегда сильно прокалено. Золы и углей в ямке очага бывает очень мало, очевидно потому, что очаг, почитаемый у кочевников основным домашним божеством, содержался всегда в чистоте и порядке. Иногда в юрте находится еще один очажок — обогревательный камелек. Он имел вид расширенной в нижней части ямки (глубина 0,4—0,5 м, диаметр устья 0,2—0,4 м). Ямку заполняли горячими углями и раскаленными камнями, и она долго сохраняла тепло. Вход в юрту находился чаще на южной стороне. У противоположной от входа стены располагались своеобразная божница (тёр) и место хозяина дома. В жилище 20 на Правобережном Цимлянском городище на месте тёра сооружен из обломков кирпичей и большой кирпичной плиты, положенной на них, столик или сидение.

Другой вид юрт типа I составляют сложные, двукамерные жилища. На Правобережном Цимлянском городище к ним относятся

---

[2] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. — КСИИМК, IV, 1940; Он же. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62, 1958, стр. 100.

[3] Кроме того, остатки двух юртообразных жилищ раскопаны Л. А. Евтюховой на кыргызском поселении VIII—IX вв. у с. Малые Копёны (Л. А. Евтюхова. Кыргызское поселение у с. Малые Копёны. — КСИИМК, XVI, 1947; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 319).

жилища 1 и 2 (рис. 11, *5*). Подробнее я остановлюсь на характеристике двукамерных жилищ при рассмотрении юрт типа II, поскольку для них двукамерность более типична. Здесь же отмечу только, что обе юрты Правобережного городища состоят из двух частей и в плане как бы восьмеркообразны. В центре большой камеры находится очаг — простой костер, даже не углубленный в пол. В меньшей камере очага нет. В обеих юртах она расположена напротив входа, являясь тёром — почетным местом, причем в юрте 2 оно отделено от основной части перегородкой (по-видимому, плетнем). По размерам эти юрты, естественно, превосходят однокамерные (4×3 и 5×2,5 м).

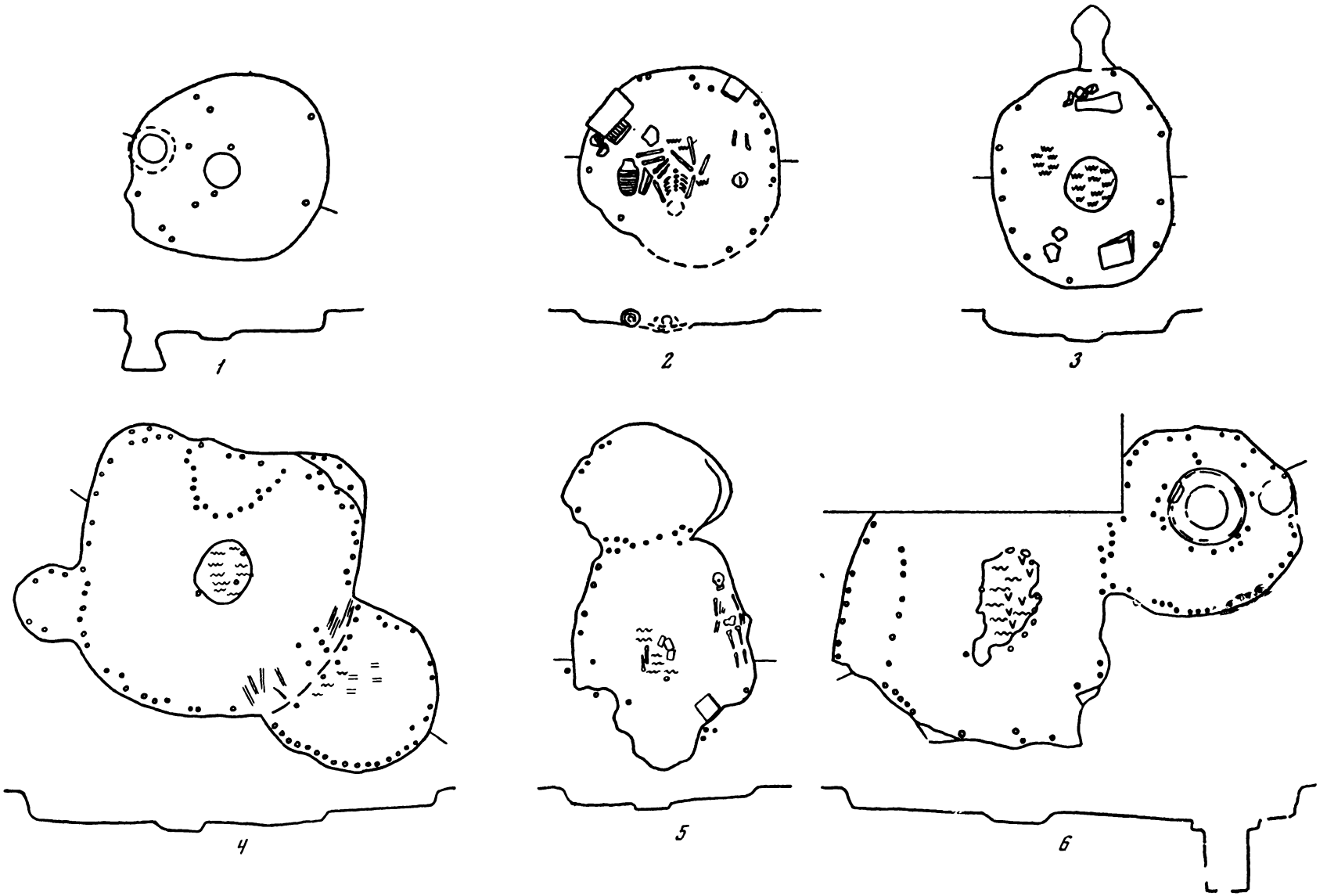
Перейдем теперь к описанию юртообразных жилищ, основания которых углублены в землю на 0,3—0,5 м (тип II). На Правобережном Цимлянском городище основания более 30 юрт углублены в предматериковый слой. В основном они, как и юрты типа I, делятся на два вида: однокамерные и двукамерные. В 12 случаях мы не можем восстановить форму жилищ в плане, поскольку они уходят под борта раскопов, поэтому трудно сейчас судить о количественном соотношении тех и других юрт. Однако очевидно, что двукамерных юрт типа II значительно больше, а однокамерные отличаются бóльшими размерами и сложным устройством. Маленькие однокамерные юрты аналогичны таким же жилищам типа I: в них обнаружены и ямки-камельки, и кирпичи или обтесанный белый камень на месте тёра, стены их также решетчатые, т. е. вертикальные, а не наклонные. В юрте 18 у северной стенки прослеживается небольшой полукруглый выступ (диаметр 0,9 м), который служил, по-видимому, тёром или кладовой. В больших однокамерных юртах такие выступы-пристройки, выдающиеся из основного корпуса жилища, встречаются постоянно. Юрты 12 и 29 из-за нескольких выступов настолько неправильны в плане, что их можно назвать четырех- или даже пятилепестковыми. Юрта 12 — самая большая на городище (рис. 11, *7*, *8*). Площадь, занятая ею, 6,5×5 м. С юга в нее ведут два входа (два «лепестка»), в северном выступе, напротив входа, рядом с тёром, прослеживаются следы какого-то полукруглого сооружения (диаметр 1,5 м). Очертания его заметны благодаря ряду ямок от столбиков, вбитых в пол. В современных юртах это место занято обычно ложем хозяина. И в данном случае здесь, вероятно, помещалось сидение, своеобразный «трон» хозяина большой юрты. Юрта четко делится на три части: северную, западную и восточную. В каждой из них горел свой очаг, в северной, помимо обычного очажка, справа от «трона» находился еще очажок-камелек. Восточная и западная части имели отдельные входы. Из описаний древних и современных путешественников мы знаем, что юрты делились обычно на две половины: мужскую и женскую. Рубрук, описывая татарскую юрту, подчеркивал, что «мужчины никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне»[4]. Сооружение отдельных очажков и двух входов в юрте 12 свидетельствует, по-видимому, о том, что ее владелец соблюдал разделение юрты на две половины особенно строго. Однако здесь, в северной части, был и общий, объединяющий очажок, горевший перед ложем хозяина.

Юрта 29 с четырьмя выступами напоминает в плане квадрат с неровными стенками и закругленными углами. Она также большая (около 4 м в поперечнике), но в отличие от предыдущей одноочажная. Под южной стенкой вырыта небольшая ямка-тайничок. Вход находится с восточной стороны. Четкое членение на части не прослеживается.

Двукамерные юрты типа II имеют в плане вид восьмерки (рис. 11, *4*, *6*; 12, *1*). В основной, большей камере такого жилища в центре пола расположен очаг. Диаметр ее достигает примерно 4 м. Вторая камера, углубленная в материк, меньше и отделена от первой легкой перегородкой, от кольев которой сохраняются ямки. Очажка в ней, как правило, нет. В юрте 5 на Правобережном городище в этой дополнительной пристройке находилась большая хозяйственная яма, следовательно, и сама пристройка имела хозяйственное назначение. Для хозяйственных нужд была предназначена меньшая камера и в юрте 7. В жилище 8, как и в юрте 2, эта камера могла служить тёром (расположена у северной стороны жилища). Таким образом, назначение пристроек было самым разнообразным, однако очевидно, что пристройки намного увеличивали площадь самого жилища.

Юрты с выступами были одной из переходных форм от однокамерных к двукамерным сложным сооружениям. Другой формой являются продолговатые юртообразные жилища с перегородкой, обнаруженные в Саркеле. Судя по этнографическим материалам, деление юрты на части производилось внутри основного помещения, т. е. не выходило за пределы круга. Но у некоторых северных народов, стремящихся максимально утеплить свои жилища, например у якутов, вспомогательные пристройки к основному корпусу жилища были

[4] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 94.

1
2
3
4
5
6

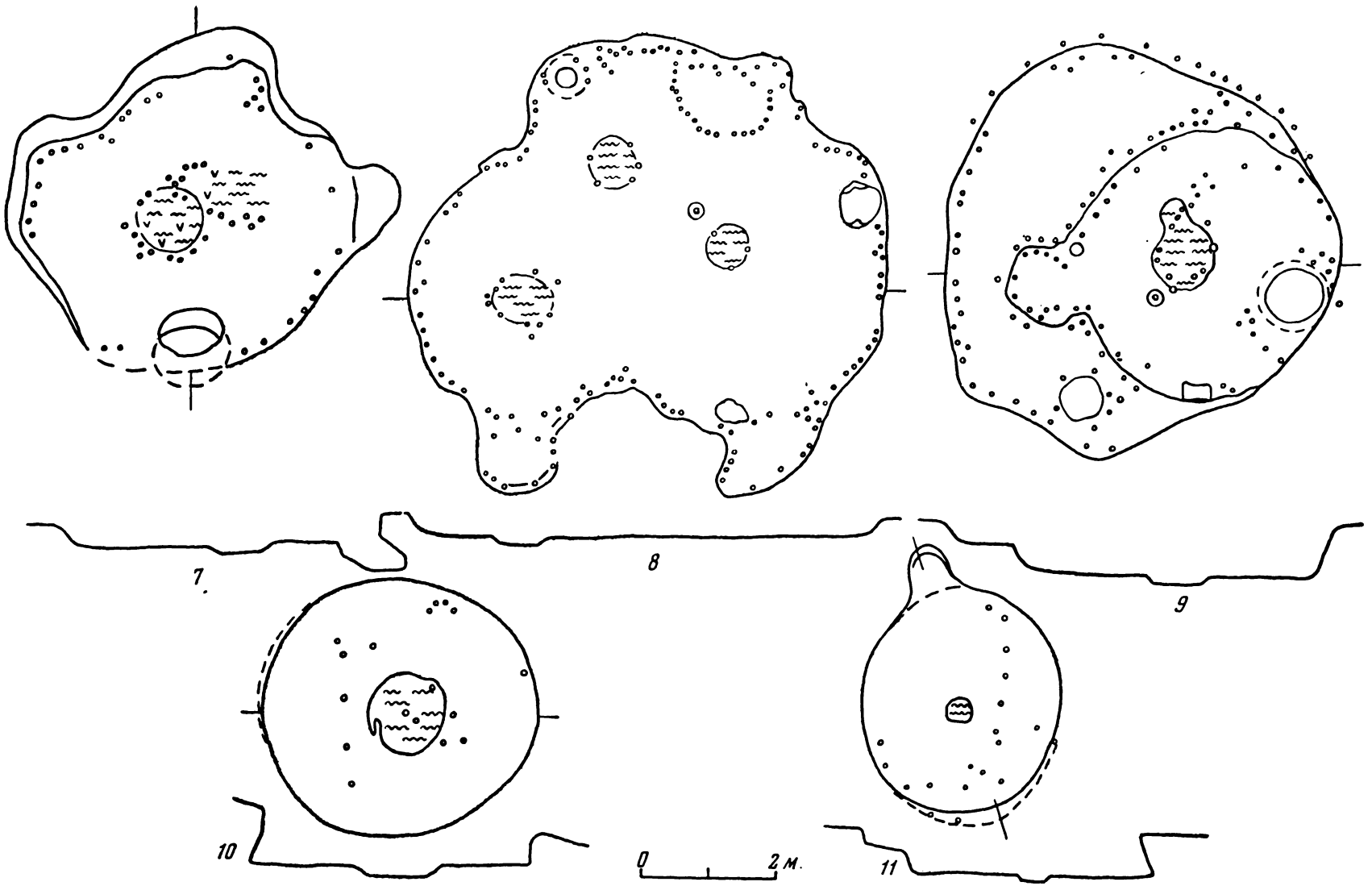

Рис. 11. Планы и разрезы юрт

1 — 3, 5 — тип I; *4, 6, 7—9* — тип II; *10, 11* — тип III

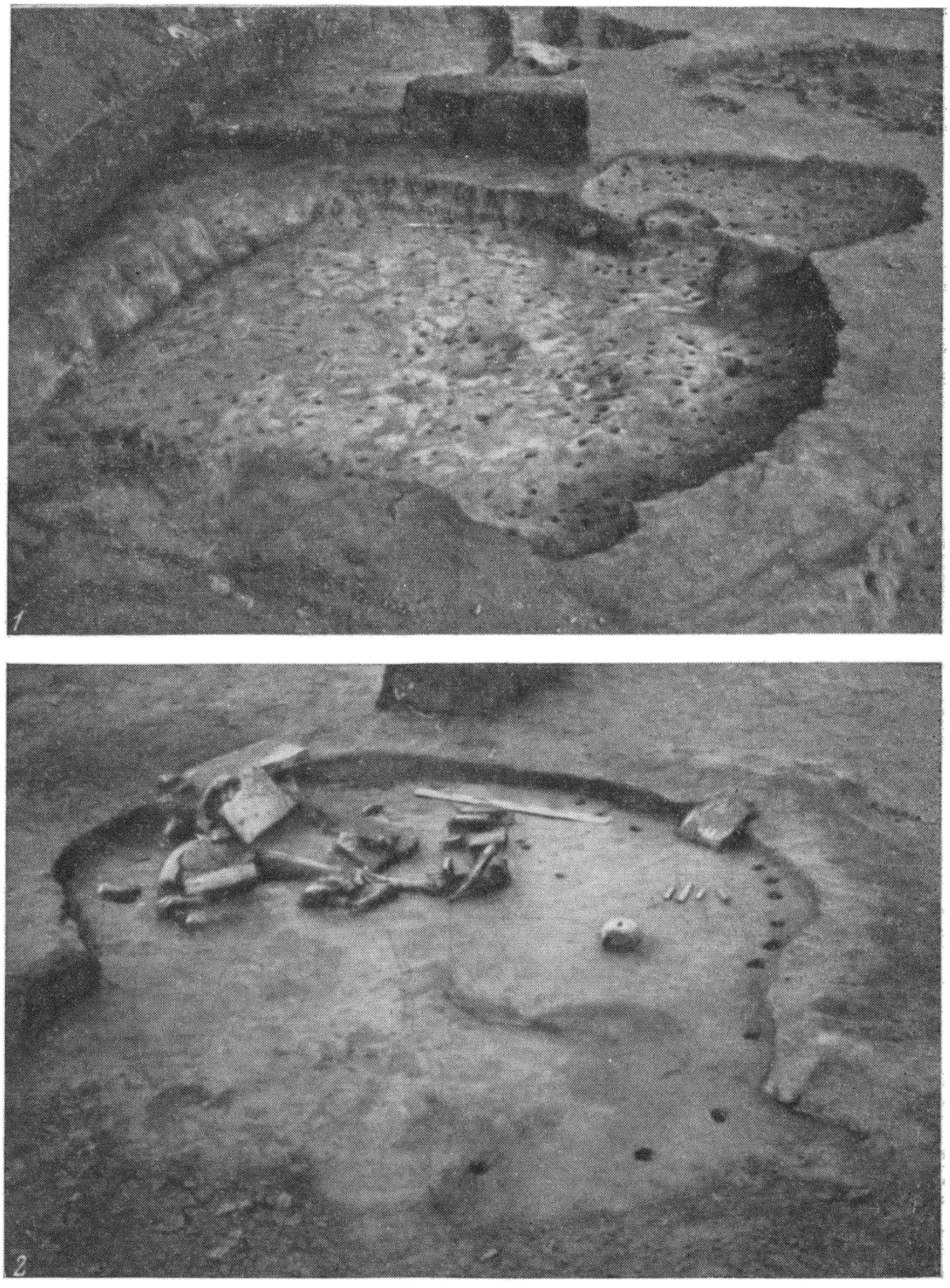

Рис. 12. Юрты Правобережного Цимлянского городища: 7 (*1*) и 20 (*2*)

обязательны[5]. Вход в них вел через жилое помещение. Основания юрт, раскрытые в раскопках, также дают право предполагать, что вход в пристройки находился внутри юрты и оба помещения были органически связаны друг с другом. Зимой в таких пристройках, возможно, помещался молодняк.

Совершенно необычна юрта 6, обнаруженная на Правобережном Цимлянском городище (рис. 11, *9*). Она состоит из основной, сильно углубленной части, круглой в плане, и дополнительного, более мелкого помещения, обрамлявшего юрту с трех сторон. Только со стороны входа (с востока) эта мало углубленная часть жилища сходит на нет. При первом взгляде на остатки этого жилища представляется, что на месте, где стояла мелкая, почти наземная, большая юрта, немного позднее соорудили другую — небольшую и глубокую. Однако впечатление это ошибочно. Обе части связаны следами одного пожара: пол мелкой части и стенки основной местами сильно прокалены. Кроме того, и конструктивно углубленная часть юрты правильно вписывается в большую юрту, и только со стороны входа стенки обеих сливаются вместе. В центре пола жилой части находился очаг, справа от входа — большая хозяйственная яма, напротив входа, в западной стороне, — круглый в плане выступ, по-видимому, тёр. Причем он не выходил за пределы слабо углубленной части жилища. Диаметр основного помещения 3 м, ширина дополнительных 1—1,5 м. Эта дополнительная площадь была, вероятно, как и в двукамерных юртах, складским помещением. Несомненно, что жилая часть юрты, окруженная как бы двойным перекрытием, была очень теплой. Такие «двупологовые» юрты-яранги сооружаются многими северными народами и в наши дни. Жилища, аналогичные юрте 6, были обнаружены на Правобережном городище трижды. Общий принцип окружения юрты дополнительным помещением с трех сторон (кроме входа) характерен для всех трех.

Основная часть этих юрт углублена в землю на 0,5—0,6 м, что сближает их с жилищами типа III — юртами-полуземлянками.

Юрты-полуземлянки углублены в землю на 0,6—0,8 м. Такие юрты встретились мне в раскопках дважды: одна — на Правобережном Цимлянском городище (рис. 11, *11*), другая — на Дмитровском селище (рис. 11, *10*). В плане они обе круглые. У юрты Правобережного городища хорошо сохранилась ступенька входа (с севера), в центре юрты находился маленький очажок, слева от входа прослежена линия столбиков, отделяющая восточный сегмент. Ямок от столбиков по периметру юрты (на полу) почти нет. Объясняется это, по-видимому, тем, что каркас юрты был опущен глубоко в землю и закреплять его не было необходимости. Стенки полуземлянки слегка наклонны. Наклон позволяет предполагать, что юрта не была решетчатой, т. е. вертикальной в нижней части. Она представляла собой более древний вид — шалашеобразный. Остов ее составляли жерди, сходившиеся к чангарыку (верхнему кольцу). Диаметр юрты (2,5—3 м) и угол наклона стенки позволяют восстановить примерную высоту жилища — видимо, 4 м. Очажок в этой юрте очень мал — всего 0,3 м в диаметре, вокруг него нет даже ямок от столбиков. На нем не могли готовить пищу. По-видимому, в этой юрте только спали. Примеры таких «специализированных» юрт хорошо известны этнографам.

Юрта на Дмитровском селище чуть больше в поперечнике — 3,5 м. Очаг в ней большой. На полу, как и в юрте, описанной выше, выделяется линия ямок от столбиков, отделяющая сегмент. По-видимому, в обоих случаях в нем находилась постель хозяина дома.

Юрты с врытым в землю основанием — редкое явление, однако они известны некоторым северным народам, например корякам[6]. У алтайских тюрок нижнюю решетчатую часть юрты на зиму нередко обкладывали нарезанными кусками дерна, уложенными по внешнему периметру правильными рядами. Нижнюю часть жилища таким образом как бы опускали в земляной цилиндр, что сближает этот вид с юртами-полуземлянками. Чем глубже опущено основание юрты в землю, тем большее сходство приобретает она с обычным жилищем оседлых народов лесостепи — с полуземлянкой. По существу круглые в плане юрты-полуземлянки являются уже жилищами оседлого населения, освоившего основные принципы строительства постоянных жилищ. С юртами их сближает, во-первых, круглая в плане форма и, во-вторых, расположение очага в центре пола. Действительно, помещение очага посредине жилища — наиболее древняя и устойчивая традиция кочевнического дома. Большинство исследователей склонны объяснять такое размещение очага причинами только практического харак-

[5] Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896, глава 2.

[6] К. Бауэрман. Следы тотемического устройства у паренских коряков. — Ж. Советский Север. 1934, № 2.

тера, именно тем, что в перекрытии юрты дымовое отверстие неизбежно должно находиться в центре конуса — чангарыке, а следовательно, очаг наиболее целесообразно сооружать непосредственно под ним — в центре пола. Однако сами кочевники, например монголы, так поют об очаге в своих песнях:

Выкован богом огня,
Чист и гладок очаг,
Чтоб ему поклоняться,
Он стоит посредине [7].

Домашний очаг у всех языческих народов мира был объектом поклонения, духом-покровителем и объединителем семьи. Из приведенного отрывка мы видим, что монголы связывали очаг с богом огня. В одной из алтайских сказок говорится, что на очаг через дымовое отверстие падает солнечный луч — солнечный столб, удары по которому отдаются на небе [8]. Мне представляется, что не случайной была и сама планировка юрты — круг с точкой (очагом) в центре. У всех народов древности этот символический знак означал солнце. Расположение очага в центре жилища было, вероятно, не только бытовой традицией, но и религиозным обрядом кочевников [9]. Недаром даже после перехода их к оседлости, к типичным столбовым полуземлянкам, обычай располагать очаг в центре жилища держался еще долго.

ПОЛУЗЕМЛЯНКИ

В предыдущем разделе мы проследили постепенное превращение легкой каркасной наземной постройки-юрты в углубленное в землю жилище-гибрид: полуюрту-полуземлянку. Несмотря на сильную углубленность в землю, эти жилища по-прежнему имели каркасные легкие, видимо войлочные, стены. Для настоящей полуземлянки характерны не только углубленность, но и изменение конструкции стен и крыши.

Археологам известно свыше 50 жилищ-полуземлянок, раскопанных на 14 поселениях VIII—IX вв. в бассейне Дона (5, 6, 10, 22, 23, 55, 63, 65, 71, 86, 101, 102, 105, 148). Все они расположены в лесостепи и на плодородных землях нижнего Дона, т. е. в зоне земледельческих поселков с оседлым населением. Таким образом, уже географическое распространение свидетельствует, что полуземлянки сооружали люди, переходящие от кочевания к оседлости. Причины перехода к новому типу жилища заключались и в желании иметь зимой более теплое и благоустроенное жилище, чем юрта, и во влиянии соседних оседлых народов, в частности славян, для которых полуземлянка была основным видом жилища. Н. Харузин проследил этот процесс на этнографическом материале. Он писал, что у таких жилищ сохранялось даже русское название: так, кундровские татары называли углубленное в землю жилище «з'эмнэнк'э» — землянка [10].

В. Д. Белецкий делит все салтово-маяцкие полуземлянки Саркела на три типа по конструкции их стен: жердевые, двустолбовые и бестолбовые [11].

Мне кажется, что конструкция стен не может служить основой классификации полуземлянок, в которых жили осевшие на землю кочевники. Для создания правильного типологического ряда таких жилищ необходимо учитывать их историческое развитие, т. е. происхождение от смешения двух строительных традиций: оседлой и кочевнической. Первая заключалась в сооружении полуподземной основы жилища и постройке остова стен и крыши из толстых бревен; вторая — в форме и местоположении очага. Несмотря на то, что внешний вид и конструкция жилищ совершенно изменились, очаги в них долгое время оставались плоскими, тарелкообразными и располагались в центре пола. Вот эти-то полуземлянки с очагами в центре пола я выделяю в тип I, поскольку типологически они ближе всего стоят к древнему кочевническому жилищу — юрте и являются логическим завершением длительного процесса превращения ее из наземной постройки в полуземлянку.

Полуземлянки типа I имели квадратную, реже прямоугольную форму. Углубленность их в землю различна, она колеблется от 0,5 до

---

[7] А. Рона-Таш. По следам кочевников. М., 1964, стр. 284.

[8] Алтайские сказки. Новосибирск, 1937, стр. 265, прим. 94.

[9] Трехочажная большая юрта, обнаруженная на Правобережном Цимлянском городище, на первый взгляд противоречит этой гипотезе. Однако основным — «священным» — очагом был только центральный, а второй использовался лишь в зимнее время для обогрева.

В большой, мало углубленной юрте Правобережного городища дополнительные очажки были совершенно необходимы. При этом очаг перед тёром и местом хозяина считали, по-видимому, центральным, хотя геометрически он и не занимал центрального места.

[10] Н. Харузин. История развития жилища..., стр. 76.

[11] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела..., стр. 41, 42.

0,9 м. Размеры 2,5 × 2,5 м; 2,5 × 3 м; 3,5 × 4 и даже 4×5 м.

Столбы от каркаса полуземлянок первого вида прослеживаются посредине двух противоположных сторон. Они играли роль стояков, поддерживающих поперечное бревно конька крыши. Стены были плетневыми. На полу одной из полуземлянок на Дмитровском селище хорошо сохранились вдоль стен ямки от тонких вбитых в пол жердей и колышков плетня (рис. 13, *3*). В этой полуземлянке интересна еще одна особенность: яма, в которой сооружено жилище, была больше него. После того как стены полуземлянки были поставлены, строители заполнили пространство между ними и стенками ямы материковой глиной, нарезанной пластами. Местами эти пласты глины выглядят, как сырцовые кирпичи шириной примерно 0,3 м. Крыши у жилищ первого вида были, по-видимому, двускатными и сооружались из досок, засыпанных сверху землей. Очаги в небольших полуземлянках окружены загородкой из плетня.

Столбы полуземлянок второго вида стояли по углам, и в них, вероятно, были вырезаны пазы, в которых закреплялись плахи или доски, образующие стены (рис. 13, *2*). В маленькой полуземлянке на селище у дер. Жданово (10) два угловых столба, более массивные, чем остальные, служили, вероятно, стояками, поддерживавшими односкатную крышу (рис. 13, *1*).

Полуземлянки со стенами из поперечных плах уже близки по внешнему виду к срубным жилищам. Мне представляется, что так называемые бесстолбовые полуземлянки и были срубными, т. е. самыми совершенными по технике постройки деревянными сооружениями. Их я отношу к третьему виду. Характерно, что встречаются они преимущественно в Саркеле, где строительство стояло на значительно более высокой ступени, чем на рядовых поселениях. Однако попадались они и в отдаленных от больших городов районах: например, на Дмитровском городище раскопано большое жилище с подбоями в стенах (рис. 13, *5*). Столбы поддерживали только навес подбоя, сама же полуземлянка была бесстолбовой, по-видимому, срубной. Подбой вдоль стен жилища — оригинальная особенность, не встреченная больше ни в одном из салтовских жилищ. Назначение подбоя хозяйственное — это был своеобразный обширный стенной шкаф для хранения продуктов и вещей владельца жилища.

Исходя из данных, приведенных Н. Харузиным, мы можем утверждать, что все кочевники в освоении постоянных жилищ шли одним путем: сначала сооружали полуземлянки с плетневыми стенами, затем — с досчатыми и, наконец, переходили к срубным постройкам.

Долгое время очаги в жилищах всех трех видов помещались в центре пола, несмотря на то, что форма и строение крыши совершенно изменились. Интересно, что у кундровских татар даже печи ставились не в углу, а в центре жилища [12]. Однако, судя по археологическим материалам, в центре пола, как правило, помещались только примитивные древние тарелкообразные очаги. Планировка внутри жилища у осевших кочевников, по словам Н. Харузина, была глубоко традиционна. Не только очаг, но и священное место — тёр — по-прежнему находились напротив двери (а не в углу, как у русских). Как и в юртах, в подавляющем большинстве полуземлянок типа I вход расположен в южной или восточной стенках. Исключения встречены только в Саркеле, где при постройке жилища приходилось считаться с планировкой того участка, на котором сооружали полуземлянку.

Изменение местоположения очага внутри жилища привело к значительным сдвигам во внутренней планировке всего помещения и означало, вероятно, что в идеологических представлениях их обитателей произошли какие-то перемены. Именно поэтому полуземлянки с очагом в углу или у стены представляют собой принципиально новый тип жилища.

Полуземлянки типа II отличаются несколько большими размерами и большей углубленностью в землю. Размеры их 2×3 м; 2,5× × 3 м; 3 × 4 м. Углубленность достигала 0,75—1 м. В подавляющем большинстве случаев они были прямоугольными в плане. Наиболее характерными были многостолбовые жилища со столбами в середине длинных сторон и в углах (рис. 13, *4, 8*), но существовали и полуземлянки с плетневыми стенами (двустолбовые) и срубные постройки (бесстолбовые). Как правило, очаг в жилищах типа II располагался в углу. Очень редко его помещали у одной из стенок, причем это был очаг в виде прежнего тарелкообразного углубления в полу (рис. 13, *8*). Стену, примыкающую к очагу, обычно замазывали глиной. Очаги, помещенные в углах жилищ, имели иной облик. Обычно они представляли собой небольшие углубления, обложенные камнем (рис. 13, *4, 6*). В самих очагах среди золы и углей в беспорядке лежали мелкие камни. В землянках некоторых беднейших башкирских семей XVIII—XIX вв. «печи»

---

[12] Н. Харузин. История развития жилища..., стр. 77.

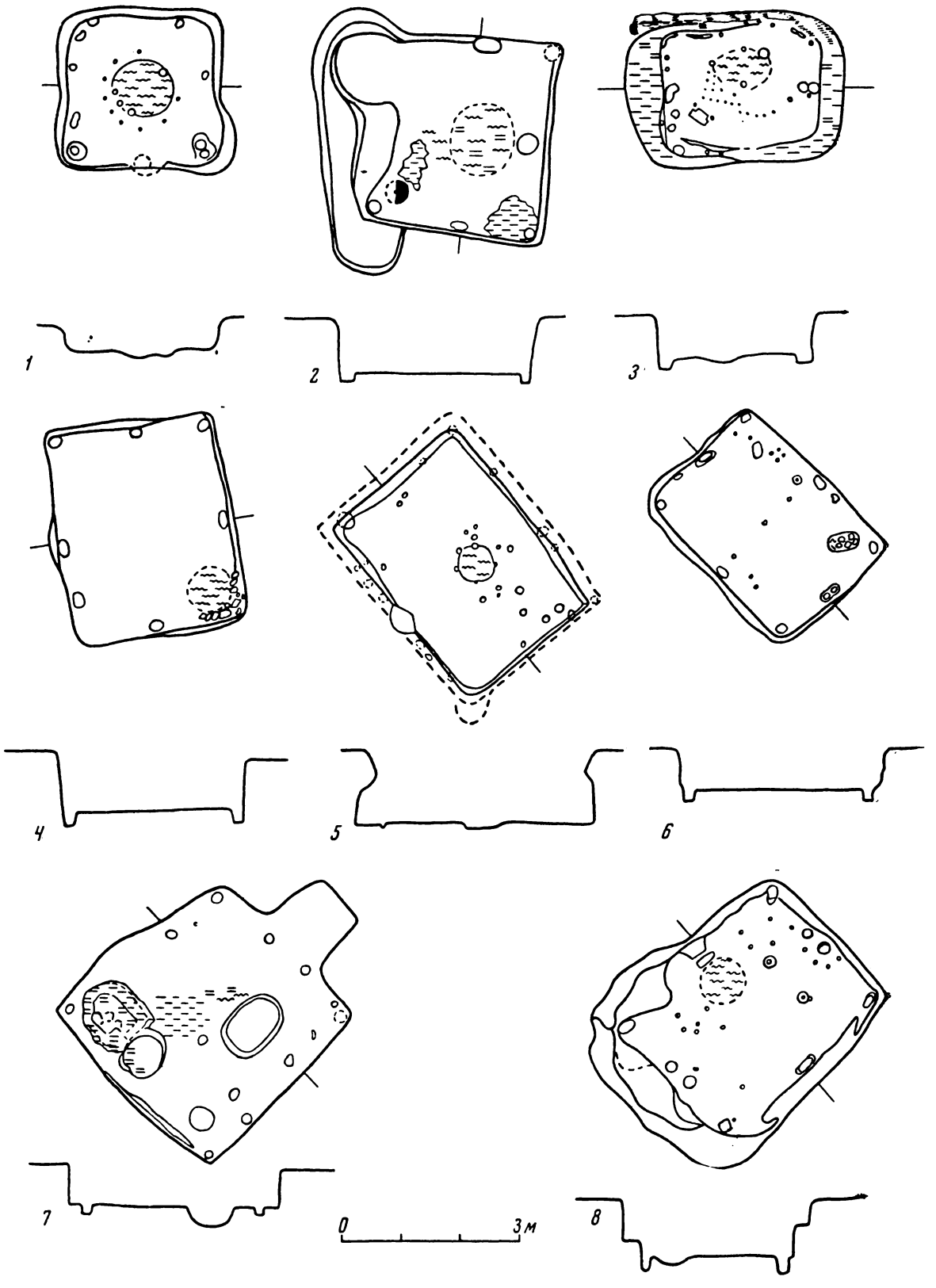

Рис. 13. Планы и разрезы полуземлянок

1 — 3, 5 — тип I; *4, 6—8* — тип II

состояли из наваленных в кучу камней-голышей [13]. Такие примитивные сооружения отражали первый шаг кочевников к овладению настоящей печью. Накаленные в огне камни значительно дольше хранили тепло, чем содержавшийся в чистоте очаг. Он обогревал помещение, только пока горел яркий огонь. Время от времени в жилище вместо очага начали ставить и настоящую печь-каменку (148) или глинобитную печь на каркасе (102; рис. 13, *7*). Оба типа печей хорошо известны, оба характерны для славянских жилищ того же и более позднего времени.

Вход в полуземлянки типа II обычно находится в той стороне, какая казалась хозяину жилища наиболее удобной. Нередко он выходит на северную сторону, что для юрт было невозможно. Определить, где находился тёр, по археологическим материалам нельзя. Н. Харузин писал, что буряты, например, даже в избе, построенной по русскому образцу, располагали тёр напротив двери [14]. Однако в раскрытых нами полуземлянках очень часто напротив двери находился очаг, а места для тёра не было.

Таким образом, жилища типа II уже ничем не отличаются от обычных полуземлянок оседлого населения.

Помимо юрт и полуземлянок, осевшее на землю население Подонья и Приазовья пользовалось и наземными жилищами. Они отличаются и общей конструкцией, и конструкцией стен. Прежде чем перейти к их характеристике, остановимся на описании жилища, обнаруженного на Дмитровском селище и являвшегося промежуточной формой между полуземлянками и наземными постройками. Жилище расположено на пологом склоне, пол его выровнен и потому часть жилища оказалась углубленной в землю, а часть — наземной (рис. 14, *1*). Вход в жилище находился в восточной, наземной стенке. Размеры жилища 4×3 м, конструкция стен — столбовая, крыша двускатная. Очаг, обложенный камнями, был расположен справа от входа. Кроме очага, в полу напротив двери была вырыта яма, заполнявшаяся, видимо, горячей золой и углями и служившая для дополнительного обогрева. В Саркеле раскрыто шесть таких же жилищ с кровлями, опирающимися на два столба, и с плетневыми или досчатыми стенами, обмазанными глиной. Все эти жилища по планировке, размерам и внешнему виду мало отличались от обычных полуземлянок.

[13] Н. Харузин. История развития жилища..., стр. 76.

[14] Там же, стр. 89.

НАЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

При описании Семендера араб Истахри остановился на характеристике жилищ: «Постройки этого города — войлочные палатки, за исключением некоторых жилищ, выстроенных из глины» [15]. Другой арабский автор того же времени, Мукаддеси, добавляет, что жилища строились «из дерева, переплетенного камышом» [16].

Об этих выстроенных из дерева, камыша и глины наземных жилищах и пойдет речь. Конструкция стен позволяет выделить два типа наземных жилищ.

К типу I относятся жилища со стенами из тростника, обмазанного с обеих сторон глиной (рис. 14, *2*). Такие жилища И. И. Ляпушкин обнаружил на Карнауховском поселении (55). Все пять раскопанных там жилищ имеют общие конструктивные черты и одинаковую планировку. Размеры их 4,5×5,4 м; 3×6 м; 8×5 м; форма в плане прямоугольная. Под стенами жилищ выкопана канавка, в которую ставили во время строительства камышовый каркас. Затем каркас обмазывали глиной и обжигали ее. Толщина стен равнялась 0,15 м. Пол в таких жилищах плотный, материковый, местами на нем сохранились следы обжига. Кровля опиралась, по-видимому, на столбы, врытые в пол или просто упирающиеся в него, поскольку тонкие стены вряд ли могли выдержать даже легкое перекрытие [17].

Очаги в наземных жилищах типа I, как правило, тарелкообразные. Однако нередко кроме них в доме были и камельки — ямки, наполнявшиеся теплой золой и углями. Открытые на Карнауховском поселении жилища с их тонкими и обожженными стенками крайне неустойчивы и слишком легки для сурового климата Подонья. Создается впечатление, что это были только летние жилища, заменявшие в теплое время юрты. Показательно, что буквально рядом с этими наземными постройками строились полуземлянки, видимо, служившие зимними жилищами. То обстоятельство, что стены наземных зданий были обожжены, также говорит в пользу нашего предположения: обожженная поверхность не размокала от воздействия дождя, в то время как

[15] Ал-Истахри (СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901, стр. 41).

[16] Ал-Мукаддеси (СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 5).

[17] Такие дома со столбами внутри жилища известны, например, у киргизов. К. И. Антипина (Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 186) выделяет их в первый (памирский) тип.

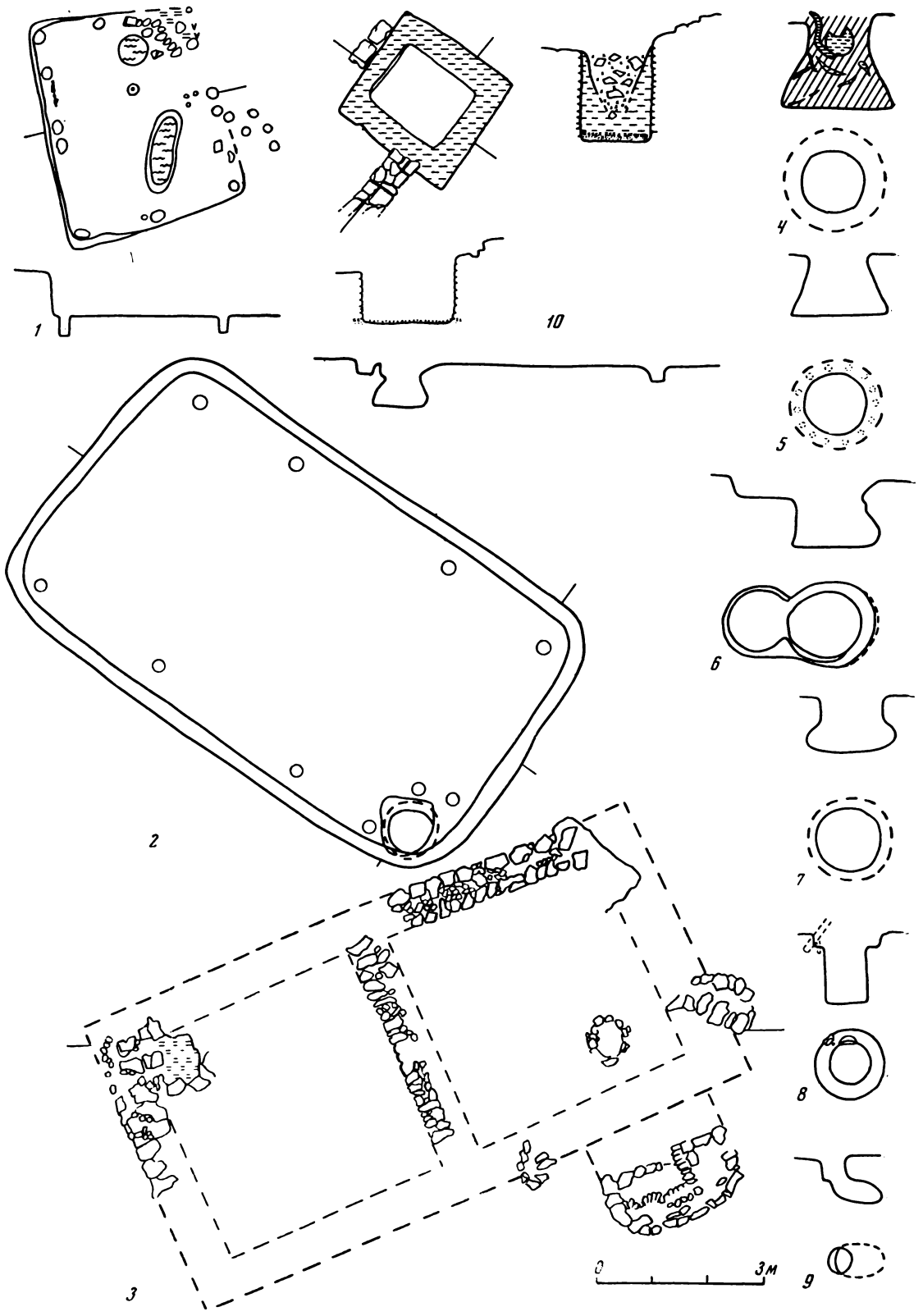

Рис. 14. Планы и разрезы наземных жилищ и хозяйственных построек

1 — жилище промежуточного типа (полуземное); *2* — жилище типа I; *3* — жилище типа II; *4—9* — зерновые и продуктовые ямы; *10* — погреб с саманными стенами

сравнительно тонкий внешний слой глины на камышовом каркасе был бы смыт при первом же грозовом летнем ливне.

К типу II я отношу здания на каменных цоколях, прямоугольные в плане, часто пятистенные, т. е. разделенные перегородкой на два помещения. Размеры их примерно такие же, как у жилищ с обожженными стенами (рис. 14, *3*). Цоколи выложены из местного рваного камня и булыжника в той же технике, что и белокаменные стены городищ; два панцирных ряда сложены из более крупных камней без раствора, а забутовка между ними состоит из мелких камешков и щебня. Толщина цоколей 0,6 м. Нередко камни в панцирях уложены «елочкой», приемом, широко распространенным в VIII—IX вв. в Крыму, Приазовье, Дагестане и Закавказье. Цоколи наиболее примитивных и небольших строений — это просто один ряд камней, уложенных прямо на древнюю дневную поверхность. Толщина их не превышает 0,3 м. На цоколях возводили глинобитные массивные стены, от которых в раскопах сохраняются только развалы глины внутри и снаружи цоколей. Пол в жилищах типа II был земляным, материковым, без подмазки. Очаги, как правило, сохраняли прежнюю тарелкообразную форму. Они расположены в центре или в углу большого помещения. Меньшая часть дома не отапливалась и служила, видимо, сенями, в которых зимой находился молодняк домашнего скота.

Такие мазанки с пристройками для молодняка характерны для всех оседающих на землю кочевых народов [18]. Форма и расположение очага в них говорят о том, что эти жилища появились у кочевников сразу после перехода их к оседлости, после оставления привычной юрты. Недаром Истахри писал, что в Семендере были и такие жилища, и юрты. В глиняные домики переселялись вначале наиболее бедные жители, не имевшие уже достаточного количества скота для изготовления войлока, покрывавшего каркас юрты [19]. Постепенно юрта потеряла свое значение, и на поселениях ее почти совершенно вытеснили постоянные домики. По-прежнему она использовалась только во время летних кочевий, на которые выезжали наиболее обеспеченные жители городов и поселений.

Глиняные жилища на каменных цоколях широко распространились в Приазовье, где почти нет леса, и климат позволяет жить в наземных постройках. Повсюду в Средней Азии кочевники, переходя к оседлости, строили такие же домики на каменных цоколях. Там, где климат был суровее, например в Приуралье, башкиры и татары часто строили землянки. То же можно сказать и о кочевниках Подонья, которые при переходе к земледелию освоили наиболее рентабельное из оседлых жилищ той полосы — полуземлянку.

Смешение различных строительных приемов вообще чрезвычайно характерно для поселений Подонья и Приазовья. На одном поселении единовременно существовали полуземлянки и юрты, глинобитные дома и полуземлянки, глинобитные дома и юрты. Это явление типично для всех кочевых народов во все времена. Особенно явственно разнообразие типов жилищ прослеживается на крупных поселениях и в городах типа Саркела. Тем не менее для каждой зоны был, как мы видели, характерен свой тип жилища: в лесостепи преобладали полуземлянки, в степях — юрты, а в приазовских степных поселениях-зимовищах — глинобитные дома (рис. 15).

Кроме приазовских степей, глинобитные жилища на каменных цоколях были широко распространены на поселениях Восточного Крыма, а также Северо-Восточной Болгарии (например, в Преславе). Наряду с ними во всех крупных приморских городах (Тамани, Корчеве, Фанагории, Херсоне) строились целые кварталы из каменных домов. Стены их, как и цоколи, сооружались из двух панцирей и забутовки, но только не насухо, а на растворе из жидкой глины. Нередко и цоколи, и стены сложены «елочкой». Эти постройки выполнены уже византийскими строительными приемами, особенно те из них, что составляли целые кварталы пристроенных вплотную друг к другу домов с общими стенами. От византийских их отличает только «елочка», никогда не применявшаяся в византийских городах. Что касается планировки домов кварталами, то она перешла к жителям приморских городов от более раннего времени. Например, на восточном раскопе в Тамани дома VIII—IX вв. были выстроены на основе стен VI—VII вв., а те в свою очередь существовали с незначительными поправками и реставрациями в течение нескольких предшествующих веков (IV—VI вв.) [20].

---

[18] Н. Харузин. История развития жилища..., стр. 99, 100.

[19] К. И. Антипина. Особенности материальной культуры..., стр. 171.

[20] Отчеты Таманской археологической экспедиции за 1954—1955 гг. (восточные раскопы). — Архив ИА АН СССР, № 1051, 1052 и 1417, 1418.

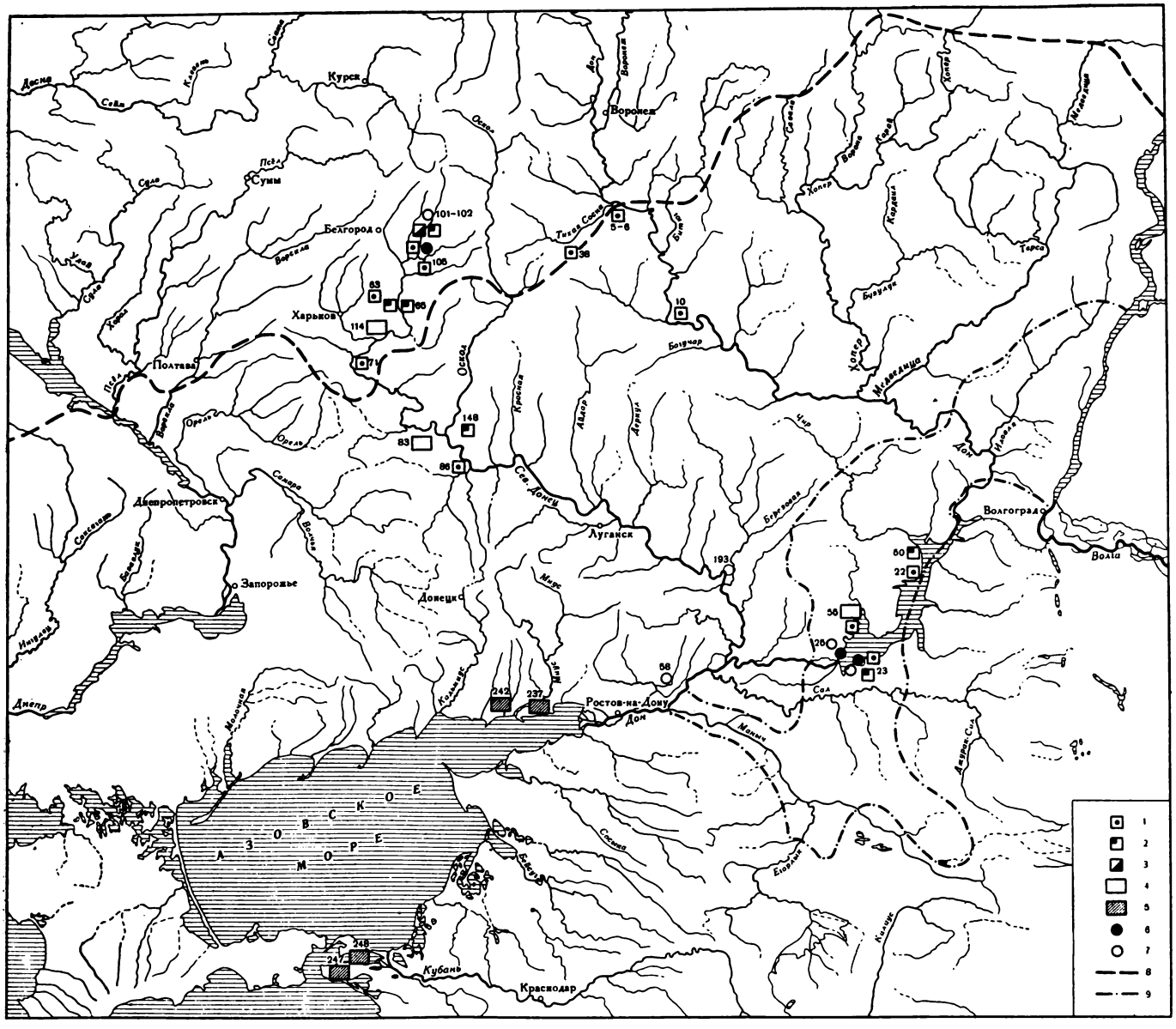

Рис. 15. Распространение жилищ различных групп и типов на Дону

1 — полуземлянки типа I; *2*, *3* — полуземлянки типа II (с очагом и печью в углу); *4* — наземные жилища типа I; *5* — наземные жилища типа II; *6* — юрты типа III; *7* — юрты типов I и II; *8* — граница степи и лесостепи; *9* — граница винотравных земель на нижнем Дону

Таким образом, каменные дома не характерны для оседающих кочевников VIII—IX вв. Скорее всего в этих домах-кварталах жило местное или византийское городское население, оказавшееся под властью кочевников, захвативших город. Под влиянием кочевников это население нередко изменяло технику кладки, заимствуя «елочку», а кочевники при сооружении домов постоянно имели перед глазами жилища своих городских соседей — каменные пятистенные дома.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ

Рядом с жилищами, а нередко и внутри них находилось огромное количество больших и маленьких хозяйственных ям. По форме они делятся на четыре типа: конусовидные, очковидные (или восьмеркообразные), туфелькообразные (с глубоким подбоем в одной стенке), цилиндрические.

Наиболее распространенными были конусовидные ямы. Размеры их в общем стандартны: диаметр устья 0,8—1,2 м, диаметр дна 1—1,6 м, глубина 0,6—1,2 м. Ямы вырыты в материковом грунте, дно тщательно выровнено. Если грунт, в котором рыли яму, оказывался крепким (глина, мел), то стенки никак не крепили. Над ямой ставили, видимо, шалаш из жердей и соломы. Это перекрытие обмазывалось иногда несколькими слоями глины. Прослойки углей, золы и глины прослеживаются почти во всех хозяйственных ямах этого типа (рис. 14, *4, 7*). Исключение составляют только ямы, которые уже при жизни поселения были заброшены и превращены в помойки. Они всегда наполнены костями животных и обломками керамики. Судя по этнографическим аналогиям[21], в ямах хранили зерно. Хорошо защищенные шалашами и глубокие, они могли служить и погребами, куда складывали молочные или мясные продукты. На каждом поселении ям очень много и примерно $^1/_3$ их была заброшена в древности. Объясняется это, видимо, тем, что со временем стенки ямы осыпáлись, истачивались грызунами и насекомыми. Тогда рыли яму в другом месте, а старую превращали в помойку. На поселениях с песчаным материком при рытье ямы, как правило, старались добраться до крепкого глинистого или каменистого грунта, который и служил прекрасным полом.

Стенки обычно обносили плетнем, как бы вставляя в яму большую корзину без дна (рис. 14, *5*). Возможно, что плетень обмазывали глиной, но установить это не удалось, так как следы обмазки не сохраняются. От плетня на дне по периметру ямы остаются ямки от колышков каркаса, вбитых в дно.

Ямы типа II — восьмеркообразные в плане — по существу являются настоящими погребами с двумя отделениями. Одно из них глубокое конусовидное, другое (мелкое) — круглое в плане, с прямыми стенками и ровным дном (рис. 14, *6*). Перекрытие ям было, по-видимому, шалашеобразным, как и у конусовидных.

Ямы типа III имеют подбой в стенке. По форме эти ямы также конусовидны, но с одной стороны они сильно углублены в бок стенки. В разрезе такая яма напоминает очертания башмака или сапога. Еще более выразительную форму «туфельки» имеют ямы, в которых подбой начинается прямо от устья (рис. 14, *9*). Они совершенно аналогичны скифским хозяйственным ямам, известным по раскопкам на скифских поселениях[22].

Цилиндрические ямы (тип IV) встречаются на памятниках салтовской культуры очень редко. Такова яма в юрте 5 на Правобережном Цимлянском городище (рис. 14, *8*). Она имеет форму правильного цилиндра глубиной 1 м. По периметру ее окружает широкая ступенька; на ней лежала массивная крышка, которую поднимали, видимо, с помощью блока, подвешенного на толстой плахе, вбитой в пол рядом с ямой под углом к поверхности. Яма из жилища 5 была благоустроенным погребом. Расположена она в подсобном помещении — в пристройке юрты — и служила для хранения самых необходимых продуктов. Сооружение таких небольших погребков внутри жилища известно и по этнографическим материалам. В отличие от конусовидных ям — своеобразных закромов для зерна — в погребах внутри домов всегда хранили наиболее дорогие и необходимые для ежедневной стряпни продукты.

ПОГРЕБА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Кроме хозяйственных ям, на поселениях попадаются и настоящие погреба или какие-то углубленные в землю складские помещения. Поскольку поселения VIII—IX вв. исследованы далеко не достаточно, количество таких построек пока очень невелико. Но можно

[21] У киргизов такие ямы назывались «орoo». Их рыли обычно на дворе, около дома (К. И. Антипина. Особенности материальной культуры..., стр. 199).

[22] Такие ямы обнаружены, например, при раскопках скифского культурного слоя Дмитровского городища.

с уверенностью утверждать, что их и было значительно меньше, чем ям и жилищ. Так, на площади в 1000 кв. м, раскопанной на Дмитровском селище, обнаружены 22 хозяйственные ямы, 11 жилищ и всего два погреба (рис. 16, *3*, *№ 5*, *11*). Оба они относятся к типу полуземляночных столбовых построек. Один из них имеет форму прямоугольника (3 × 1,8 м) и углублен в землю на 0,8 м. Стенки и пол ровные, в углах и посредине длинных сторон сохранились следы массивных столбов. Крыша этого строения была двускатной. Другое строение, также прямоугольное (2,2 × 1,8 м), углублено в землю на 1,6 м. Стены его правильно вертикальные, пол ровный, по углам были врыты столбы, по-видимому, для односкатной крыши. К этому сравнительно глубокому помещению примыкала ступенчатая пристройка, углубленная всего на 0,2 м, в полу которой была вырыта обычная конусовидная яма. Таким образом, это хозяйственное сооружение было комплексным, объединявшим две постройки: амбар и зерновую яму.

Совсем иной облик носят углубленные в землю складские помещения на Правобережном Цимлянском городище. Там, в южном углу наиболее укрепленной части замка мы обнаружили два прямоугольных, врытых в материк на 1 м погреба с саманными стенами. Друг от друга они отличаются только размерами: внутреннее пространство одного занимает площадь 1,2 × 1,4 м (рис. 14, *10*), другого — 2 × 2,4 м. Дно у обоих ровное глинистое, как во всех ямах на городище. Погреба были вырыты в верхнем песчаном материковом слое, и, видимо, поэтому стены их были обложены саманом. Толщина стен 0,5—0,6 м, они выведены и над поверхностью. В целом постройки выглядели, как обычные глинобитные или саманные домики. Крыши держались на массивных стенах [23].

Наконец, в Саркеле тоже найдены погреба, вырытые в рыхлом культурном и материковом слое. Стены одного из них сложены из кирпича и, вероятно, выходили на поверхность, другой представляет собой углубленный в землю сруб.

Очевидно, салтовцы утруждали себя дополнительными креплениями стен погребов и ям только в том случае, если грунт оказывался сыпучим.

Вероятно, на поселениях были и наземные постройки хозяйственного назначения, однако от них на поверхности не осталось никаких следов. Поэтому нет ничего удивительного, что мы мало знаем о различных хозяйственных сооружениях, служивших, например, для зимнего размещения скота (молодняка, дорогих коней и т. п.). Только на Карнауховском поселении И. И. Ляпушкин открыл следы нескольких надворных построек, вероятно, загонов для скота. Таково П-образное в плане сооружение с плетневыми стенами (рис. 16, *1*, *№ VI*). Размеры его 4 × 4 м. Каркас стен был установлен в канавке, как и каркас стен наземных домов. Загон имел только три стены, четвертая была, видимо, дверным проемом и закрывалась плетневыми (подвесными?) воротами. Такие легкие загоны для коней и крупного рогатого скота сооружались многими кочевниками, переходящими к оседлой жизни [24]. Для овец строили более теплые помещения, например у киргизов — из камней и глины. На Карнауховском поселении открыты очень сложные помещения для овец: длинные, хорошо утепленные полуземлянки. Длина их 9—14 м, ширина 3 м, углубленность в землю достигает 1 м. Пол неровный, слегка покатый к центру, к канавке, идущей вдоль длинной оси помещения. Перекрытие держалось на двух столбах и было, вероятно, односкатным. К одному из этих сооружений примыкала квадратная в плане полуземлянка, служившая, видимо, для отделения молодняка от взрослых овец и коз. И. И. Ляпушкин убедительно показал, что в эти длинные полуземлянки загоняли именно мелкий рогатый скот [25]. В каждой из них могло поместиться 25—30 овец. Загон был не только хорошо утеплен, но и достаточно благоустроен: его часто чистили, а покатый пол и канавка посредине устраняли влажность в помещении. В соседней квадратной полуземлянке, куда вел вход из большого помещения, могло одновременно находиться не меньше 15 ягнят.

Все эти сооружения свидетельствуют о высоком уровне хозяйства у оседающих кочевников. Несомненно, что жители Карнауховского и других аналогичных поселений были знакомы с сенокошением. Устройство хлевов для скота свидетельствует о том, что тебеневка — содержание скота зимой на подножном корму — уступила место значительно более надежному

[23] Размеры саманных кирпичей очень стандартны: 0,4×0,2×0,08 м; кладка правильная, толщина раствора между рядами кирпичей 1—2 см; цвет кирпичей — желтый, раствор — зеленоватая речная глина (кил).

[24] К. И. Антипина. Особенности материальной культуры..., стр. 177.

[25] И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. — МИА, № 62, 1958, стр. 288.

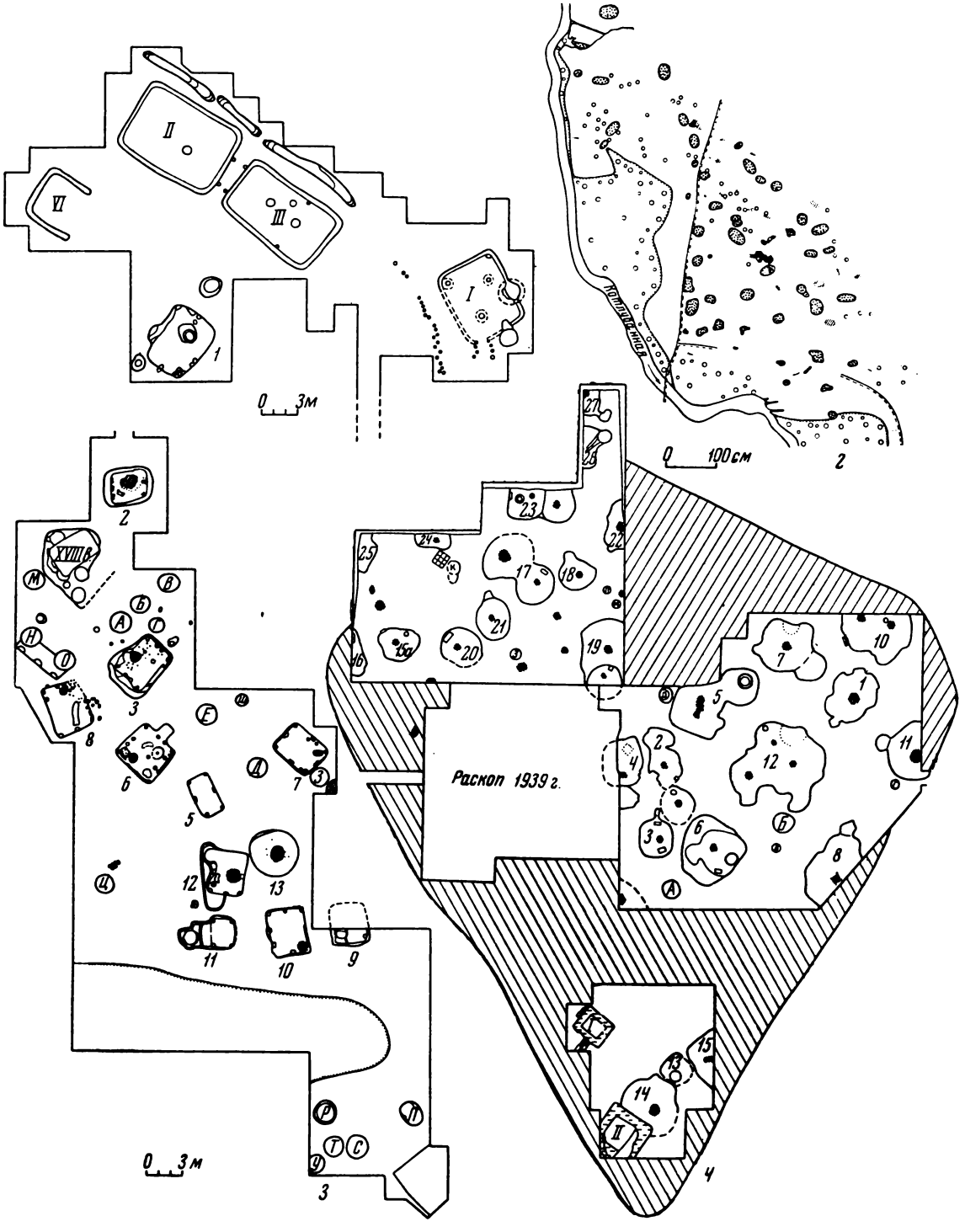

Рис. 16. Планы раскопанных участков на поселениях Дона (25, 55 и 102)

1 — раскоп 1 на Карнауховском поселении; *2* — план Карнауховского поселения и раскоп 1; *3* — раскопы 2—12 на Дмитровском селище; *4* — раскопы 1, 2 и 4 на Правобережном Цимлянском городище

хлевному зимнему прикорму. Во всяком случае, наиболее слабые и молодые особи или же весь скот во время снегопадов и морозов уже обеспечивались помещением и кормом.

Заканчивая описание хозяйственных помещений, следует упомянуть, что на многих постоянных поселениях салтовской культуры найдены большие зольные кучи, наполненные обломками керамики, костями животных и рыб и т. д. Особенно отчетливо они выделялись на поверхности Карнауховского поселения (рис. 16, *2*). И. И. Ляпушкин раскопал несколько таких куч и установил, что это огромные помойки, в которых основным отбросом были зола и угли. Можно предположить, что зольные кучи состояли из специальных очажных отбросов. Так как очаг в каждом доме был священным местом, то и выкид из него не бросали на ветер, не ссыпали в помойные ямы и не рассыпали на поверхности селищ. Его собирали в особые для каждого жилища кучи, и вся зола в каждой такой куче накапливалась, по-видимому, из одного очага.

ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ

Раскопки послевоенных лет выяснили облик салтовских жилищ и хозяйственных построек. Значительно меньше материала для суждения о планировке поселений, поскольку из 150 поселений и кочевий VIII—IX вв. только два раскопаны почти полностью: Саркел и Правобережное Цимлянское городище. На остальных 12 исследовавшихся памятниках вскрытая площадь настолько меньше всего поселения, что восстановить его планировку не представляется возможным. Правда, следует оговориться, что хотя, например, на Карнауховском поселении вскрыта небольшая территория, но И. И. Ляпушкин отметил на плане видимые на поверхности зольные кучи и западины полуземлянок. Кроме того, на Дмитровском селище мы раскопали довольно большой (1000 кв. м) участок, в пределах которого также можно судить о расположении жилищ и хозяйственных комплексов. Таким образом, для представления о внутренней планировке поселений мы располагаем материалами четырех памятников. Один из них — крайнее северо-западное селище у с. Дмитровского — относится к типу постоянных поселений лесостепной зоны (рис. 16, *3*); другой — Карнауховское поселение — представляет собой образец постоянного поселка на плодородных землях низовьев Дона (рис. 6, *1*); третий — феодальный Правобережный кочевнический замок (рис. 16, *4*); наконец, четвертый — город Саркел. Как мы видим, каждое из этих четырех поселений соответствует одному из основных типов памятников (исключая кочевья), и, следовательно, по ним можно в какой-то степени судить и обо всех остальных.

Для трех из перечисленных выше памятников (кроме Правобережного замка) характерна полная беспорядочность в размещении жилищ на территории поселка. Н. Харузин, исходя из этнографических наблюдений, также констатирует, что обычно оседающие кочевники на зимовках ставили свои дома в наиболее удобных, приглянувшихся местах, отнюдь не сообразуясь со строгой планировкой [26].

Другим признаком быта недавно осевших кочевников он считает отсутствие двора, т. е. огороженного участка земли вокруг дома и придомных построек. Попытаемся проследить этот признак на поселениях VIII—IX вв. И. И. Ляпушкин на Карнауховском поселении раскопал, по-видимому полностью, один хозяйственный комплекс. В него входили жилище-полуземлянка, два легких больших наземных дома с обожженными стенами, загончик для скота, две хозяйственные ямы. С северо-восточной стороны эти сооружения были защищены плетневой загородкой, обмазанной глиной. Очевидно, что в легких, насквозь промерзавших зимой наземных домах, к тому же весьма плохо отапливаемых, жить в наиболее холодное время года было невозможно. Зимой хозяева ютились в полуземлянках, а остальное время жили в больших просторных домах. Зимой в них могли работать, содержать молодняк. Рядом находился и загончик для взрослого скота.

Все эти сооружения расположены на довольно компактной площадке размерами 25 × 20 м. В 6 м к востоку от этого комплекса находился другой, также огороженный участок, а в 16 м к северу — третий (оба они не раскопаны полностью). Таким образом, участки располагались вблизи друг от друга, но без всякого строгого плана. Никаких улиц или правильных проездов между ними не было. Однако появление отдельных дворов говорит о сравнительно длительной и, несомненно, прочной оседлости их обитателей. Такие полуоформившиеся дворики были типичны, например, для поселков оседлых киргизов [27].

На Дмитровском селище дворы-усадьбы выражены значительно слабее. Из этнографических материалов мы знаем, что в одну усадьбу могло входить несколько домиков-жи-

[26] Н. Харузин. История развития жилища..., стр. 97—103.

[27] К. И. Антипина. Особенности материальной культуры..., стр. 179.

лищ. На Карнауховском поселении усадьбы так и спланированы — на них стояли и летние, и зимние жилища. Наиболее богатые полукочевники ставили на усадьбе рядом с теплым жилищем юрту, крытую войлоком. На раскопанном участке Дмитровского селища рядом стоят полуземлянка и юрта-полуземлянка, но определить, принадлежали ли они одной или двум разным семьям, сейчас нельзя. Полагаю, что жилища 3 и 8, навес с ямами и все близлежащие ямы были связаны с одним двором, но ни восстановить его планировку, ни разграничить его с другими комплексами невозможно. Таким образом, на Дмитровском селище дворы еще не определились, усадьбы не выкристаллизовались в обособленные хозяйственные единицы. Как на обычном кочевье, каждая юрта была жилищем одной семьи и вся земля вокруг юрты считалась ее двором, так и здесь участки не отделялись, а, наоборот, сливались друг с другом. Никакой единой ориентировки на селище не было: жилища и ямы вокруг них разбросаны беспорядочно по склону холма.

Проследить порядок или хотя бы отсутствие порядка в Саркеле очень трудно, поскольку жили в городе тесно и, видимо, часто предпринимали различные перестройки. В результате жилища перекрывают или перерезают друг друга, а хозяйственные ямы, постоянно переносимые с места на место, почти сплошь источили материк и культурный слой. Однако, судя по тому, что жители города не считались даже с планировкой каменной крепости и по прошествии небольшого времени, когда крепость стала заселяться и превращаться в город, в пролете ее северо-западных ворот построили жилище-полуземлянку, мы можем думать, что в Саркеле не было улиц и он внешне ничем не отличался от обычного салтовского поселения.

Наибольший интерес для нас представляет Правобережный Цимлянский за́мок (рис. 16, *4*), раскопанный в настоящее время почти полностью. Его внутренняя площадка разделена на три части. Одна из них — западная — привратная, нежилая. Две остальные — южная и восточная — сплошь застроены юртами.

В южной (меньшей) части юрты расположены совершенно беспорядочно, в восточной же отчетливо выделяется группа из восьми юрт, расположенных «куренем». Такое построение кочевнического лагеря было описано Рашидом ад-Дином в XIII в.: «В давние времена какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно располагалось наподобие кольца, и старейшина находился в середине (этого) круга подобно центральной точке; это и назывался курень» [28]. На Правобережном городище вокруг большой трехочажной юрты стояли семь самых благоустроенных юрт этого поселения. Построение это можно, видимо, связывать с культом солнца, древнейшим символом которого был круг с точкой в центре. По этой же схеме планировали и внутреннее помещение юрт, в которых очаг, как мы видели, всегда помещался в центре пола. Построение лагеря «куренем» у кочевников держалось очень долго: еще в середине XIX в. некоторые башкирские кочевки располагались по кругу, причем такая планировка у башкир считалась древнейшей [29].

Рашид ад-Дин писал, что в центре круга находилась юрта старейшины. В Правобережном за́мке также в центре круга стояла, вероятно, юрта князя — хозяина за́мка. Семь юрт принадлежали ближайшим домочадцам князя. Поскольку никакого зимнего жилища обнаружено не было, надо думать, что в этих юртах князь с семьей проводили всю зиму. На лето этот, судя по характеру жилищ, еще не освоившийся с оседлостью феодал отправлялся на кочевку.

Другие жилища в восточной части за́мка располагались без какой-либо системы, как и на всех остальных поселениях.

Таким образом, на Правобережном Цимлянском городище сохранилась древняя, возникшая еще в дофеодальный период традиция построения стойбища. Позднее она, вероятно, исчезла, хотя небольшое количество исследованных поселений не позволяет утверждать это категорически. Однако на основании этнографических материалов мы, по-видимому, можем сделать вывод, что для феодальных поселков это построение нетипично и, как правило, заменяется беспорядочным или однорядным. Показательно, что «курень» в за́мке построен только из восьми юрт, а остальные не подчинены этой системе. Следовательно, в эпоху расцвета Правобережного за́мка такой способ построения уже отмирал и использовался только в редких случаях, когда необходимо было как-то обособить жилище князя и выделить его из массы остальных юрт. Это было тем более необходимо, что никаких признаков усадеб, разделения поселка на отдельные дворы здесь не было. Впрочем, весь за́мок с его обитателями принадлежал, вероятно, князю и был единой обширной усадьбой, заселенной домочадцами и дружинниками (баатурами) князя.

[28] Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 86.

[29] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 100, рис. 1, 2.

* * *

Исследование салтовских жилищ и хозяйственных сооружений показывает, что в VIII—IX вв. кочевники, оседавшие на землю, освоили типы домов, характерных для соседних оседлых народов. В лесостепной полосе это были полуземлянки, а в Приазовье — глинобитные мазанки на каменном цоколе.

Несмотря на изменения типов жилищ, население долго придерживалось прежней планировки внутри них: очаги и в домах осевших кочевников располагались в центре пола, а тёр — напротив двери.

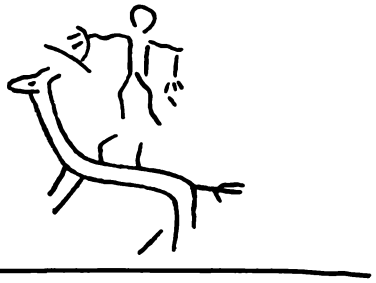
В дофеодальный период кочевники, по-видимому, строили свои поселки по древнему обычаю — «куренем». С развитием феодальных отношений, по мере бурного оседания кочевников на землю и становища, и поселения утратили эту планировку. Жители начали ставить свои дома так, как им было удобно, т. е. без всякого плана.

Следующим этапом в развитии поселения было образование дворов или обособленных друг от друга усадеб. В усадьбу входили обычно зимнее и летнее жилища, хозяйственные ямы и загоны для скота (на зимнее время). Каждая усадьба окружалась забором, иногда довольно массивным.

По существу такой же усадьбой, только большой, был и каждый княжеский за́мок. Он объединял и жилища челяди, и хозяйственные постройки, и загоны для скота. Князь — владелец за́мка — мог для поддержания престижа ставить в нем «курень». Этот факт интересен потому, что из этнографических данных мы знаем о распространенном среди кочевнических феодалов обычае изображать себя «старейшинами» рода. Пользуясь древними, на деле давно отмершими формами родового строя, они эксплуатировали своих «сородичей». Облечь свою власть в родовые одежды стремился и хозяин Правобережного за́мка. Поставив свою юрту в центр круга, согласно древним родовым традициям, он как бы принял роль родового старейшины по отношению ко всем обитателям за́мка. Однако это не должно скрывать от нас, что, судя по мощности, богатству и расположению за́мка, его владелец был одним из самых крупных феодалов Хазарского каганата.

ГЛАВА III

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И КУЛЬТОВЫЕ ОБРЯДЫ

Погребальные обычаи — это различные, складывающиеся из поколения в поколение способы обращения с телом умершего. С. А. Токарев убедительно доказал, что в основе любого погребального обычая лежат два мотива, «которые в виде темных инстинктивных действий существовали еще у наших дочеловеческих предков. Эти мотивы — стремление избавиться от тела умершего и стремление удержать его около себя» [1]. Этнографические и археологические материалы свидетельствуют, что у всех народов по мере развития религиозных представлений традиционные древние погребальные культы сплетаются с другими формами религии, сохраняя, однако, свою обособленность и самостоятельность [2].

Народы Подонья в VIII—IX вв. находились уже на той стадии общественного развития, когда погребальный культ полностью слился с господствовавшими религиозными представлениями.

Анализ погребальных обрядов, которые удалось проследить при раскопках могильников того времени, позволяет познакомиться с этими представлениями.

В придонских и приазовских степях в VIII—IX вв. были распространены три способа, или обычая, захоронения мертвых: трупоположение в катакомбах, трупоположение в ямах и трупосожжение. По схеме развития форм погребения, приведенной в книге С. А. Токарева [3], каждый из этих обычаев связан с обоими первичными мотивами — с инстинктами опрятности и социальной привязанности. Тем не менее обычай погребения тела умершего в катакомбах наиболее ярко отражает инстинкт социальной привязанности, т. е. стремление сохранить труп; захоронение трупа в яме в равной степени объединяет оба инстинкта, а в сожжении выступает прежде всего инстинкт опрятности — стремление избавиться от трупа. Все три обычая, как мы увидим, тесно переплетены с религиозными воззрениями народов Подонья.

ПОГРЕБЕНИЯ В КАТАКОМБАХ

Мы начнем обзор салтовских погребальных обычаев с характеристики катакомб, поскольку по ним легче проследить многочисленные культовые обряды, чем по ямным погребениям или трупосожжениям. Есть еще одно немаловажное обстоятельство: катакомбные погребения в настоящее время изучены значительно полнее погребений двух остальных групп.

На Дону известно уже девять катакомбных могильников (4, 7, 42, 64, 103, 125б, 131, 132, 158), причем в Салтовском (64) раскопано более 300 катакомб, а в Дмитровском (103) — около 50 (рис. 17). Несмотря на то, что остальные могильники исследованы мало, полученного материала вполне достаточно для необходимых наблюдений и выводов. Следует, однако, подчеркнуть, что материалы Салтовского могильника я использую не в полном объеме. С одной стороны, они не всегда поддаются обработке, что объясняется методологической неточностью различных исследователей этого памятника, давностью раскопок и т. д. С другой стороны, Салтовскому могильнику уделено в литературе наиболее пристальное внимание. Ему были посвящены диссертация и несколько статей Н. Я. Мерперта, обобщившего результаты всех раскопок [4]. История

[1] С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 170.

[2] Там же, стр. 210—212.

[3] Там же, стр. 171.

[4] Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Канд. дисс. — Архив ИА АН СССР, № 884; Он же. О генезисе салтовской культуры. — КСИИМК, XXXVI, 1951; Он же. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. — СА, XXIII, 1955; Он же. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.

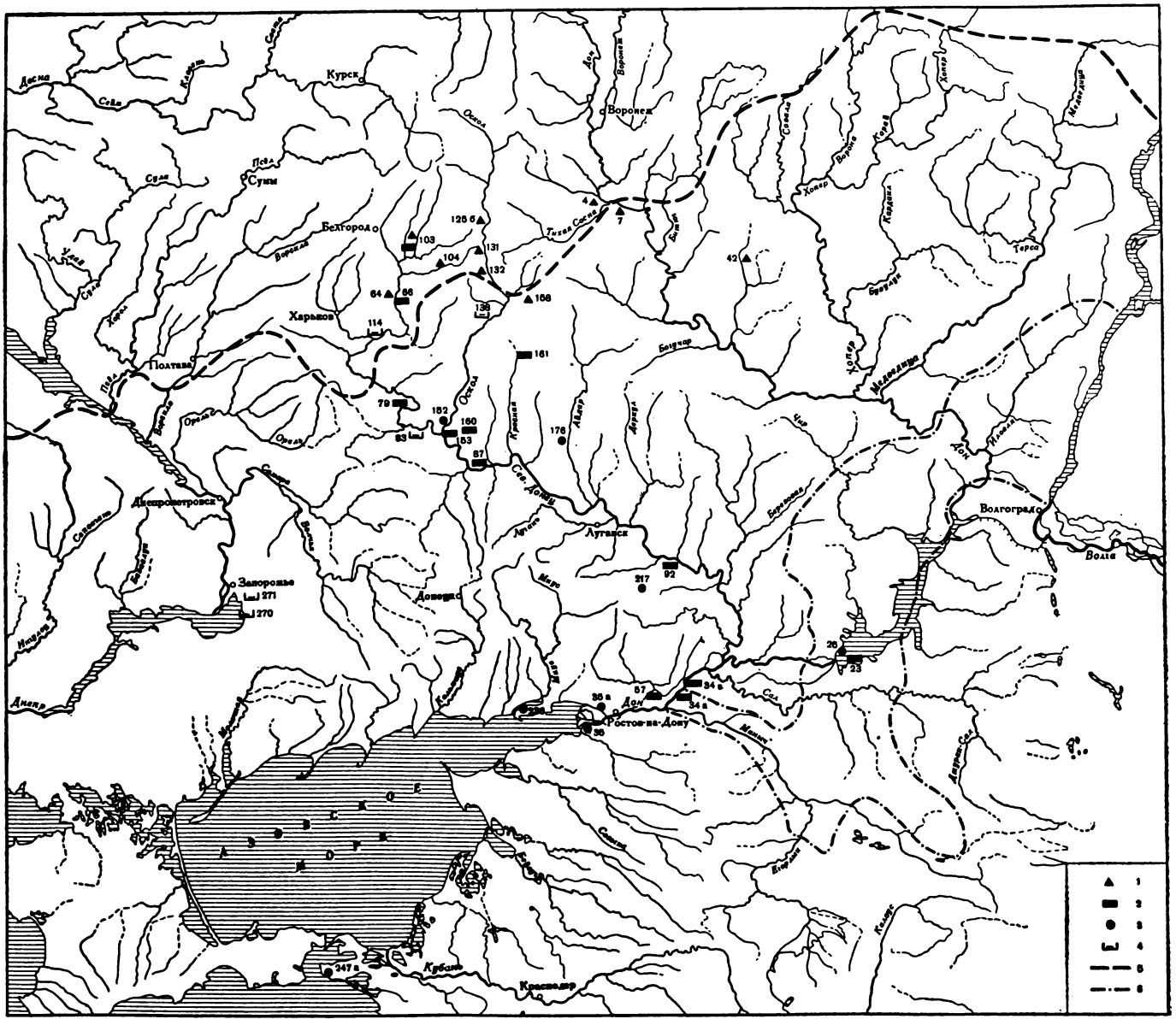

Рис. 17. Могильники салтово-маяцкой культуры

1 — катакомбные могильники; *2* — ямные могильники; *3* — одиночные ямные погребения; *4* — трупосожжения; *5* — граница степи и лесостепи; *6* — граница винотравных земель на нижнем Дону

(Под № 103 ошибочно отмечен ямный могильник. Должно быть обозначено, кроме катакомбного могильника, одиночное ямное погребение.

изучения Салтова и частично его материалы описаны в работах И. И. Ляпушкина [5].

В 1959—1960 гг. в Салтове работала экспедиция под руководством Д. Т. Березовца, вскрывшая 12 катакомб. Данные этих раскопок я привлекаю лишь в той степени, как они отражены в краткой предварительной публикации [6].

Чрезвычайная однотипность обряда погребения в катакомбах позволяет судить о нем на основании раскопок любого катакомбного могильника, в частности, наиболее изученного Дмитровского, который мы исследовали в 1957—1964 гг. Вскрытые здесь 55 катакомб дают полное представление и о погребальном ритуале, и о богатейшем инвентаре, который сопровождает покойников.

Основой рассматриваемого обычая было сооружение для захоронения специальных пещер. Их рыли в твердом глинистом или меловом грунте на склонах холмов.

Каждая катакомба состояла из двух частей: дромоса и погребальной камеры. Дромос прорезал материковую толщу узкой (0,5—0,6 м) траншеей, ориентированной по склону. Если естественный уклон холма был значительным, то дно дромоса делали почти горизонтальным. В пологом склоне дромос рыли или с большим наклоном, или со ступенями, или как обыкновенную могилу (рис. 18, *1—5*). Стенки дромосов всегда тщательно выровнены, вертикальны. Длина дромосов колеблется от 0,6 до 7 м в зависимости от того, кто был похоронен в камере. Длинные дромосы ведут обычно в камеры с богатыми погребениями: чем больше вещей и чем они дороже, тем длиннее дромос. Глубина дромоса зависит от его длины: длинный дромос, естественно, глубже прорезает склон. В материке глубина достигала 0,8—3 м, а от древней дневной поверхности — 1—3,5 м. Вход в погребальную камеру находился в узкой стене, у пола. Ширина входа обычно на 0,15—0,20 м меньше ширины дромоса, т. е. равна 0,4—0,5 м, высота 0,4—0,7 м, длина 0,1—0,4 м.

Погребальные камеры, как правило, овальные в плане и куполообразные. Ровный пол чаще всего ниже дна дромоса на 0,1—0,4 м, однако известны и катакомбы, в которых полы камеры и дромоса имеют одинаковый уровень. Размеры камер чрезвычайно разнообразны и зависят от ряда причин. Главнейшая из них — имущественное неравенство погребенных: большие камеры сооружали для богатых, тесные — для бедных. Камеры, служившие коллективной усыпальницей, превышали по величине одиночные камеры. Наконец, размер камеры зависел от возраста и отчасти от пола погребенных. Для умершего ребенка сооружали совсем маленькую камеру с коротким дромосом (рис. 18, *4, 5*); для женщин, которых хоронили в скорченном положении, также рыли небольшие помещения; для мужчин, вытянутых на спине, камеры должны были сооружаться во всяком случае не меньше 1,8 м в длину.

Длина камер колеблется от 0,55 до 3 м, ширина — от 0,35 до 2 м, высота — от 0,25 до 1, 5 м. Самые маленькие были гробницами детей, почти младенцев, самые большие служили коллективными семейными усыпальницами с богатым набором вещей.

После похорон дромос обычно плотно забивали материковым грунтом (глиной, мелом). Чтобы земля не попадала в камеру, оставшуюся полой, вход в нее закрывали дубовыми плахами, поставленными на торец, или (очень редко) большим камнем. Однако камеры далеко не всегда оставляли полыми. Довольно часто их, как и дромосы, тщательно забивали материковой землей. Впервые это обнаружил Д. Т. Березовец в Салтове [7]. В Дмитровском могильнике примерно 40% всех открытых камер до потолка заполнены материковой глиной и мелом, и только изредка под куполом оставлено небольшое пустое пространство. Забить камеру землей через узкое и низкое входное отверстие было очень трудно и требовало навыка и большой физической силы. Входное отверстие у таких катакомб, как и у полых, закрывали плахами.

Как объяснить этот странный обычай забивать погребальные камеры землей и меловым щебнем?

Данные, полученные при раскопках Дмитровского могильника, свидетельствуют о том, что, во-первых, подавляющее большинство забитых катакомб имеет длинный дромос; во-вторых, во всех забитых катакомбах с длинным дромосом похоронены покойники с особенно богатым инвентарем; наконец, в-третьих, землей заполнены все детские катакомбы. Исключение составляет только детская катакомба 29: она была полой, но вход в нее завалили массивным камнем (рис. 19, *5*). Наблюдения позволяют заключить, что почти все погребения,

---

[5] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. — МИА, № 62, 1958, стр. 86—88, 105 и др.; Он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, № 104, 1961, стр. 199, 200.

[6] Д. Т. Березовец. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. — КСИА АН УССР, 12, 1962.

[7] Д. Т. Березовец. Раскопки в Верхнем Салтове..., стр. 20.

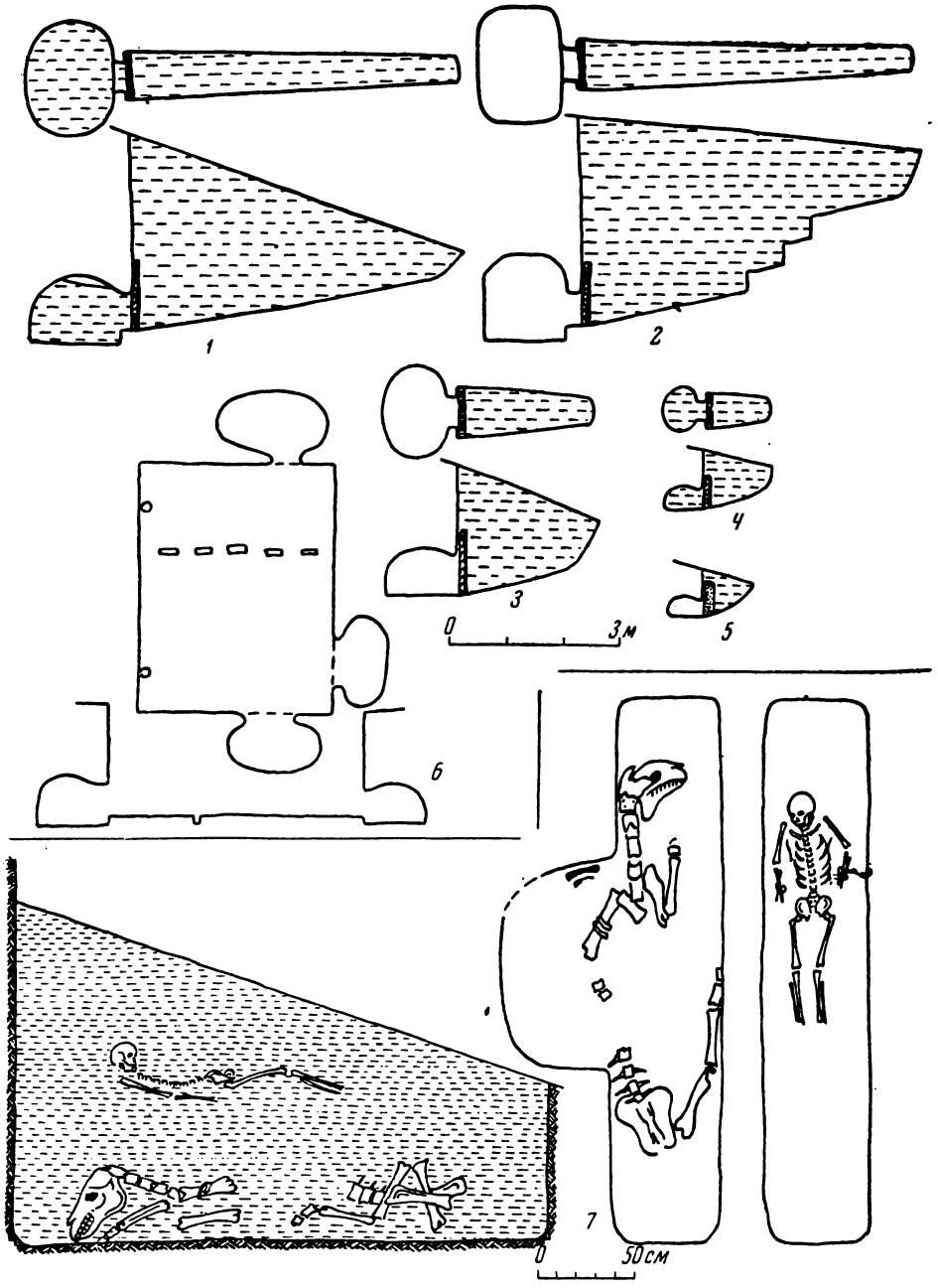

Рис. 18. Различные типы катакомб и дромосов

1, *4* — катакомбы с забитыми глиной камерами; *2*, *3*, *5* — катакомбы с полыми камерами; *6* — погребение на Маяцком могильнике (7) с «дромосом»-полуземлянкой; *7* — кенотаф-дромос с подбоем и погребенными в нем останками коня и женщины (Дмитровский могильник (103), погребение 12)

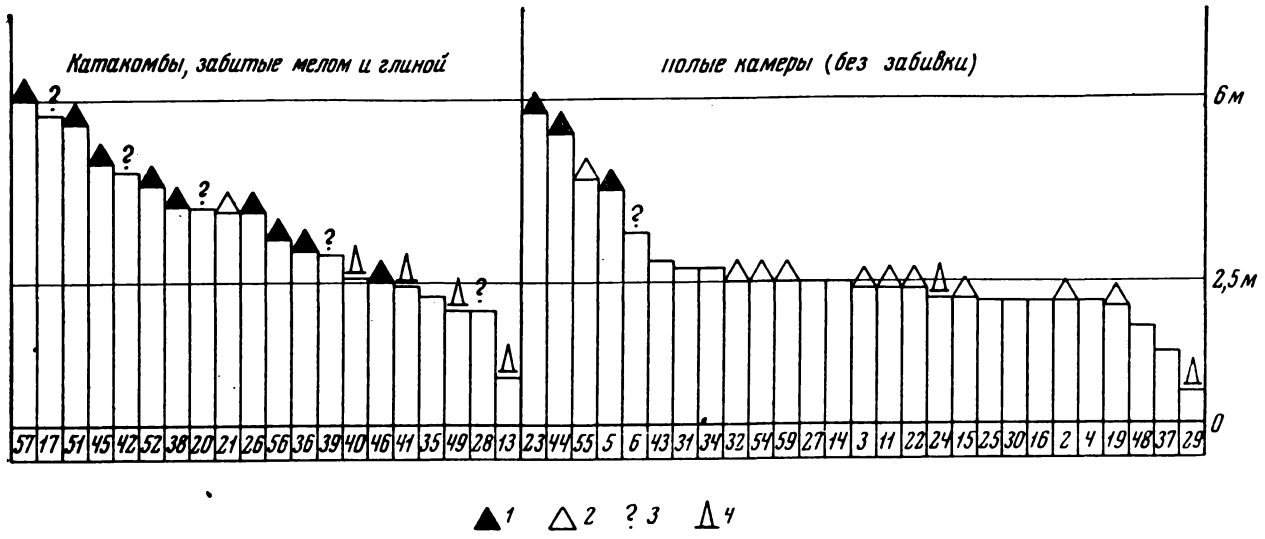

Рис. 19. Сравнительная длина дромосов в катакомбах Дмитровского могильника (103)

1 — погребения, богатые вещами; *2* — погребения с небольшим количеством вещей; *3* — разрушенные погребения; *4* — детские погребения

которые требовали тщательной охраны от грабителей, от осквернителей могил, были засыпаны землей, затруднявшей доступ к покойникам и к их вещам. Длинный и глубокий дромос также служил защитой от грабителей. Что касается детских катакомб с короткими дромосами, то их можно было случайно обвалить, поскольку они находились близко от поверхности, и поэтому их также засыпали землей.

Рытье катакомбы было чрезвычайно трудоемким делом, требующим многих рук, и беднякам приходилось ограничиваться сооружением неглубокой и небольшой катакомбы. Грабить могилу бедняка не имело смысла: бедность обеспечивала ей неприкосновенность лучше, чем любые меры предосторожности и охраны, предпринимаемые богачами.

Перейдем теперь к описанию способов захоронения в катакомбах.

Все катакомбные погребения я разделяю на две группы: одиночные и коллективные. Каждая из них в свою очередь делится на типы.

За основу типологии одиночных захоронений я принимаю пол и возраст покойников. Таким образом, намечаются три типа погребений: мужчин, женщин и детей.

Одиночные погребения мужчин попадаются очень редко (примерно 1—1,5% всех известных погребений). Покойники вытянуты на спине, руки лежат вдоль тела (рис. 20, *1*, *2*). Тела положены по длинной оси камеры, головой влево от входа. Никаких следов подстилки или подсыпки под скелетами нет, только в катакомбе 5 Дмитровского могильника под головой юноши оказалась длинная и узкая подушка, набитая сеном. Изредка ноги мужчин перекрещены и связаны витой лыковой веревочкой.

Как правило, вместе с покойником в камеру клали вещи. Состав и количество их в разных камерах различны. В больших катакомбах с длинным дромосом вещей много: это вооружение, конская сбруя, украшения, остатки богатой одежды и пояса с бляшками, мотыжка, сосуды (сосуды обычно стоят не в самой камере, а на дне дромоса у входа). Подробная характеристика вещей дана в следующих главах, здесь же отметим только, что для некоторых вещей в камере были особые, традиционные места. Сбруя всегда находится у ног, топорик — чаще всего в руке (рабочая часть как бы зажата в правой ладони), мотыжка — у черепа, иногда у черепа лежат и серьги, на тазе — бляшки пояса. В небольших камерах вещей нет, лишь иногда у правого бедра скелета положен нож, а на тазе — железная пряжка. Бедным покойникам не ставили даже сосудов.

Одиночные захоронения женщин в Дмитровском могильнике составляют примерно 10—12% всех погребений. Очевидно, что их гораздо больше, чем мужских, но в целом также очень немного. Женщины лежат в скорченном положении, преимущественно на правом боку, лицом ко входу (рис. 20, *3*), реже — на левом боку, спиной ко входу (рис. 20, *4*). Ориентированы все по длинной оси камеры, головой влево от входа. Руки согнуты в локтях, кисти

находятся у лица или на поясе. Как и в мужских погребениях, никаких следов подсыпки или подстилки под скелетами женщин нет. Из вещей обычны украшения и остатки одежды. Иногда в дромосе у входа в камеру стоит сосуд: кувшин, кружка или горшочек. Без вещей женщин хоронили очень редко. Однако в целом набор вещей в женских катакомбах очень ограничен: ни оружия, ни какой-либо бытовой утвари (кроме ножиков), ни предметов туалета, ни амулетов нет. Даже зеркала попадались только в самых богатых камерах. Традиционный набор вещей состоит из серег, низки бус на поясе, браслетов, перстней, бронзовых пуговок и бубенчиков, количество которых никогда не превышает пяти—семи. Любопытно, что дромосы женских катакомб бывают средней длины: 2—2,5 м. Однако и здесь заметна связь между количеством вещей в катакомбе и степенью ее защиты от разграбления: чем больше вещей, тем длиннее дромос, а камеры наиболее богатых покойниц (с наборами вещей, в которые входили зеркала) забиты глиной.

Одиночные погребения детей также встречаются сравнительно редко (в Дмитровском могильнике всего 5 из 55 раскопанных катакомб). По положению скелета погребения детей можно разделить на два вида: скелет или вытянут на спине с вытянутыми вдоль тела руками, или скорчен на боку с согнутыми в локтях руками (кисти — на тазе или у лица) (рис. 20, *5*, *6*). Очевидно, при погребении детей половые различия тоже учитывались: мальчиков хоронили по обряду захоронения мужчин, девочек — по обряду захоронения женщин. Детские катакомбы, как отмечено выше, небольшие. Подстилок под скелетами нет. Нет и вещей, но, несмотря на это, камеры почти всегда забиты землей.

Подведем некоторые итоги. При анализе материалов Дмитровского могильника бросается в глаза явное преобладание групповых захоронений над одиночными (одиночные — 30%, групповые — 70%). Поэтому обычаи и обряды значительно лучше прослеживаются в групповых погребениях, тем более что они, как правило, богаче вещами, чем одиночные. Однако уже можно выявить черту обряда, наиболее характерную для многих катакомбных могильников: различное положение скелетов мужчин и женщин. Мужчины и мальчики всегда вытянуты на спине, женщины и девочки скорчены на боку. Скорченное положение покойников прослеживается с древнейших времен. В. В. Гольмстен, исходя из этнографических материалов, объясняет это желанием обезвредить покойника, связать его и лишить силы[8]. Однако мне кажется, что в данном случае этот обряд носит несколько иной характер.

Среди алтайских погребений VI—VIII вв. С. В. Киселев выделил группу бедных захоронений под небольшими курганами или каменными кольцами[9]. Некоторые из них группируются вокруг богатых курганов. Все бедные покойники скорчены. С. В. Киселев полагал, что это — погребения зависимых людей, возможно, убитых во время похорон главного покойника. Можно предположить, что древний обряд «скорченности», возникший еще при родовом строе, в классовом обществе приобрел новый смысл, стал символом подневольности. Покойника-бедняка специально «ослабляли» по сравнению с другими — богатыми и полноправными членами общества. Погребения скорченных мужчин и детей (обычно бедняков) попадались в могильнике дунайских болгар у с. Нови Пазар[10]. «Скорченность» женщин и в Дмитровском могильнике, и в других аналогичных ему памятниках VIII—IX вв., по-видимому, отражала их неравноправное, подчиненное по отношению к мужчинам положение. Причем интересно, что это распространялось не только на взрослых женщин, но и на девочек чуть ли не с грудного возраста.

Любопытен и другой обычай, прослеженный в одиночных захоронениях и также связанный не с религиозными представлениями, а с общественным устройством: отсутствие вещей во всех погребениях детей независимо от положения их родителей. Надо отметить, что величина детских камер обычно соответствует возрасту (размерам) ребенка и, следовательно, состоятельность семьи умершего не влияла

[8] В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. — ПИДО. 1935, № 5—6.

[9] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 299, 300.

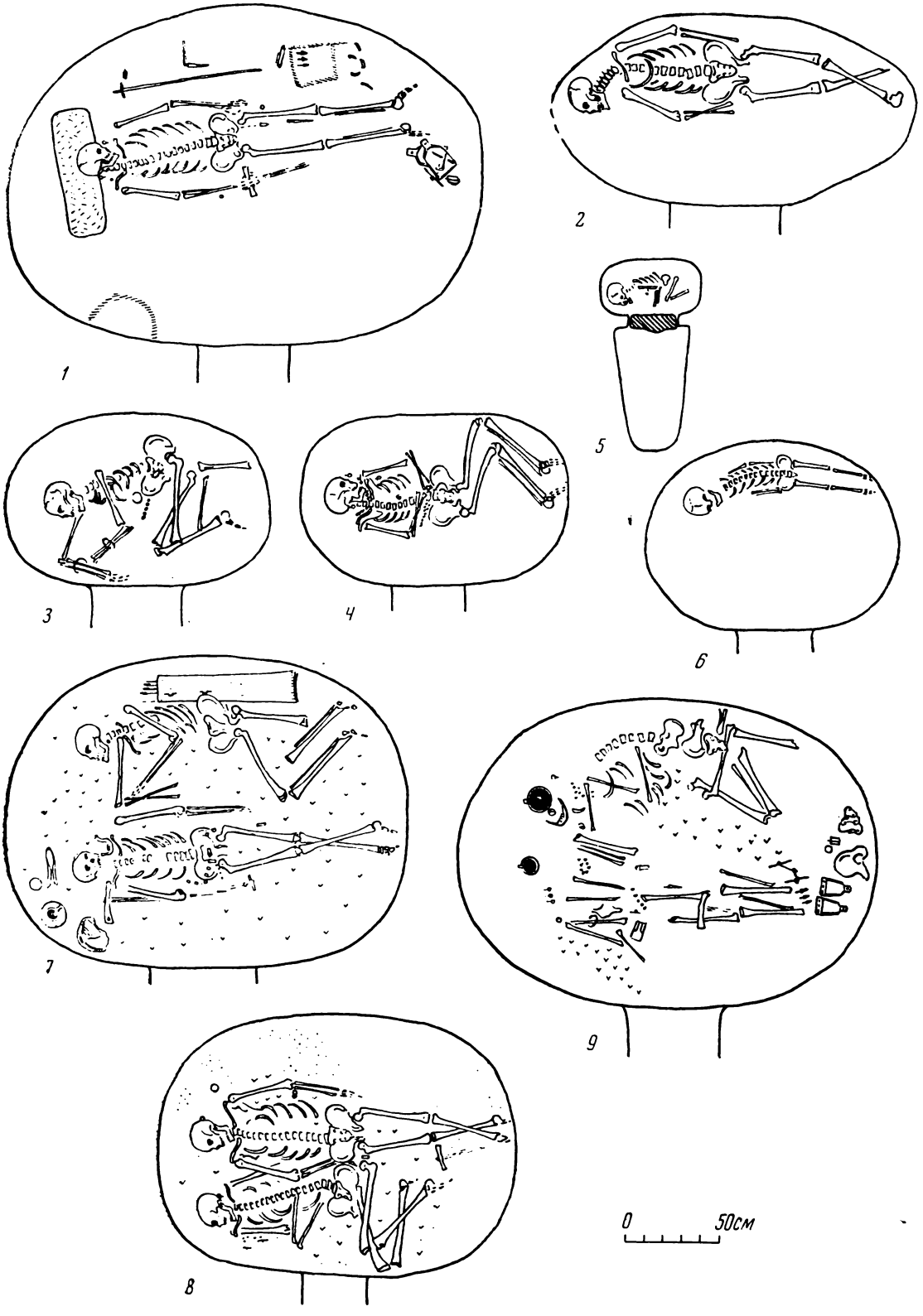
[10] Ст. Станчев. Некрополът до Нови Пазар. София, 1957, стр. 32—34; Он же. Новый памятник ранней болгарской культуры. — СА, XXVII, 1957, стр. 113.

Рис. 20. Одиночные захоронения в камерах Дмитровского могильника (103)

1, *2* — захоронения мужчин (5, 37); *3*, *4* — захоронения женщин (19, 32); *5*, *6* — захоронения детей (29, 24)

Парные захоронения в камерах Дмитровского могильника

7—9 — захоронения мужчины и женщины (55, 33, 23)

1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
50см

в этом случае на характер погребального сооружения. Чем же объяснить эту особенность обряда?

Насколько можно установить, никто из похороненных детей не достиг шести-семи лет. В этом возрасте ребенок находился еще под покровительством матери, у него не было ни имени, ни собственности.

Многие сказки кочевых народов начинаются с того ответственного в жизни героя момента, когда он просит у отца дать ему имя, оружие и коня [11]. В эпосе и сказках герою в это время может быть даже три года, но этнографические материалы свидетельствуют, что мальчик впервые садился на своего коня примерно в шесть-семь лет [12]. Этот обычай, несомненно, является отголоском древнего обычая инициаций, существовавших на определенной ступени общественного развития у всех народов мира. Мне кажется вполне правомерным предположение, что все дети, похороненные в одиночных катакомбах без вещей и не достигшие, судя по антропологическим показаниям, шести-семи лет, не дожили до посвящения в зрелость и не приобрели права на владение каким бы то ни было имуществом. Показательно, что в Дмитровском могильнике раскрыта одна катакомба (катакомба 49), в которой была похоронена девочка 12—13 лет с серьгами, низкой бус, бубенчиками и двумя зеркалами. Набор вещей ничем не отличается от тех, что бывают в захоронении взрослых женщин. Эта девочка, по-видимому, уже прошла обряд посвящения и была похоронена со своими вещами.

Что касается всех взрослых покойников, то наборы их украшений никак не зависят от возраста: и юных, и старых, если они были богаты, хоронили с вещами. Чем богаче был человек при жизни, тем больше вещей клали в его могилу. Это прекрасно видно на примере одиночного захоронения юноши-воина (катакомба 5 Дмитровского могильника), погребенного с золотыми серьгами, с полным набором оружия (включая саблю) и поясом [13]. Он, как и девочка из катакомбы 49, был погребен с вещами, принадлежавшими ему при жизни.

Приведенные сведения исключают предположение, что в могилу клали случайные вещи — подношения опечаленных родственников. Подбор вещей отвечает общественному положению умершего и свидетельствует о том, что люди верили в продолжение жизни за гробом, когда все эти вещи пригодятся и позволят занять то место, которое он занимал при жизни. Таким образом, обряд захоронения с вещами раскрывает перед нами религиозные представления: веру в загробную жизнь как продолжение земной.

Несомненно религиозный, суеверный оттенок имел и обряд связывания ног трупу. Этот обряд возник из страха перед покойником, из веры в то, что он может встать и как-то повредить живым. К сожалению, проследить его бывает очень трудно, поскольку веревочка, которой перевязывали ноги, быстро истлевает [14]. У многих тюркоязычных народов считалось, что души всех людей, умерших раньше срока (до 70 лет), превращаются в злых духов [15]. И вот, чтобы обезопасить живых, трупам связывали ноги, лишая их тем самым возможности выйти из могилы. Кроме этого простейшего «средства», население, хоронившее в катакомбах, пользовалось и другим, более «эффективным» приемом, но он прослежен в погребениях второй группы — в коллективных захоронениях.

Коллективные захоронения я разделяю на два типа. К первому относятся парные, или супружеские, захоронения следующего состава:

Мужчина и женщина
Мужчина, женщина и дети
Двое мужчин, две женщины и дети

Второй тип объединяет так называемые семейные погребения, в которых лежат скелеты двух—шести человек в самых различных сочетаниях:

Две женщины
Женщина и дети
Мужчина и дети
Двое мужчин, женщина и дети и т. д.

[11] Например, богатырская сказка о Батыре Дамбин-Улане и храбром коне его Давшурин-Хурдун-Харе (в кн.: Медноволосая девушка. М., 1964).

[12] Например, у адыгов мальчики воспитывались женщинами до семи лет, после этого они попадали в руки мужчин, обучавших их владеть оружием (Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947, стр. 31). Правда, у огузов мальчик получал имя и коня и считался взрослым бойцом гораздо позднее — в 15 лет (Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962, стр. 15, 33 и др.). Интересно, что сын нарта Урызмага и Сатаны, случайно убитый отцом в младенческом возрасте, назван в эпосе «безымянным» (Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957, стр. 292—301).

[13] О значении поясов как знаков отличия см. в главе VII.

[14] Довольно часто при связывании ноги лежавших на спине покойников скрещивали в голенях, поэтому в тех случаях, когда веревочка не сохранилась, а ноги скрещены, мы можем уверенно говорить о том, что они были связаны.

[15] Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии, вып. I. Пг., 1916, стр. 46—49.

Погребения первого типа — парные — встречаются довольно часто: так, в Дмитровском могильнике они составляют примерно 25—30% всех погребений. Наиболее характерным видом парного погребения является совместное захоронение мужчины и женщины (рис. 20, *7—9*).

Оба покойника лежат в одной камере и ориентированы головами влево от входа. Мужчина вытянут на спине, женщина скорчена на правом боку с согнутыми в локтях руками, с кистями у лица или на тазе. Ближе ко входу обычно помещен мужчина, слева от него, у внутренней стенки камеры, — женщина. Однако нередко у входа лежит и женщина — справа от мужчины, спиной к нему. Изредка кости одного из похороненных или даже обоих сильно перемешаны: сдвинуты в сторону или уложены в относительном порядке, но явно после того, как ткани, связывавшие кости, полностью или частично сгнили. Ноги у неперемешанных скелетов часто связаны веревочкой или скрещены в голенях.

Наиболее характерными признаками парных захоронений можно считать, во-первых, богатство, во-вторых, угольные подсыпки под трупами. Богатство выражается не только в изобилии вещей, но и в размерах камер и дромосов. Иногда парная могила сопровождается захоронением коня — в специальной дромосовидной могиле или непосредственно перед камерой в дромосе. Конечно, встречаются разные исключения, причем количество их будет расти по мере новых раскопок. Например, в Дмитровском могильнике парное погребение 48 имело сравнительно короткий дромос (1,85 м), к тому же здесь не было ни угля, ни вещей (кроме мотыжки и двух ножиков).

Прежде всего встает вопрос: кто же похоронен в парных погребениях? В тех случаях, когда череп или скелет сохраняются сравнительно хорошо, удается установить, что во всех богатых парных погребениях захоронены мужчины-воины в возрасте 20—35 лет. Возраст подавляющего большинства женщин такой же, иногда они моложе мужчин, и только в виде исключения встречаются погребения юноши и женщины 30—35 лет. Очевидно, можно с полным основанием предполагать, что в парных погребениях похоронены супружеские пары. Угольная подстилка, на которую положены трупы, имела в данном случае специальное «свадебное» значение. Дело в том, что по смерти главы семьи — мужчины — вряд ли убивали его жену: ведь на вдове оставался дом и дети. Поэтому убивали не жену, а наложницу-рабыню. Новый «посмертный» брак воина с этой женщиной, вероятно, символизировала обсыпка пола камеры и частично трупов горячими углями.

Известно, что огонь играл большую роль во многих ритуальных обрядах кочевников. В частности, у некоторых тюркоязычных народов молодые в день свадьбы кланялись очагу [16]; невеста обязана была или зажечь очаг, или бросить в него масло [17]; монголы, прося о потомстве, обращались в молитвах к солнцу, т. е. опять-таки к огню [18], и т. д. Огонь связывал мужчину и женщину в супружескую пару. Такое «связующее» значение и имела, по моему мнению, угольная подсыпка в камере. Мужчина сочетался в могиле с новой женой [19].

В тех случаях, когда мужчину хоронили с его настоящей женой, угольная подсыпка была не нужна. Так, в катакомбе 48 похоронили старика с очень пожилой женщиной — очевидно, оба умерли примерно в одно время и были погребены в одной могиле, но без брачного ритуала. Причем старика похоронили без оружия (он, по-видимому, уже не был воином), а жену его — без украшений.

Во всех парных погребениях найдено оружие: в наиболее богатых — сабля, стрелы, топорик, в обычных — топорик и нож. Почти каждый мужчина перепоясан поясом с бляшками и пряжкой, иногда на руках у него — браслеты, а у черепа — серьги. Бусы, копоушки, зеркала сосредоточены в области таза — их прикрепляли к поясу. Интересно, что зеркала всегда лежат рядом с юными мужчинами.

Чем богаче набор вещей при мужчине, тем богаче и женщина, погребенная с ним. Помимо традиционных серег, перстней, бус и браслетов, с женщинами клали зеркала, туалетные наборы и подвески-амулеты. Изредка около женщины положен топорик, а на поясе у каждой всегда был нож, у ног или головы — ножницы. Мотыжки и сосуды находятся, как пра-

---

[16] Доржи Банзаров. Собр. соч. М., 1955, стр. 75, 76.

[17] А. Рона-Таш. По следам кочевников. М., 1964, стр. 280.

[18] Доржи Банзаров. Собр. соч., стр. 75, 76.

[19] Большой интерес представляет сообщение Марко Поло (конец XIII в.) о «татарских» погребальных обычаях: «Если у двух людей помрут — у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимается на воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену...» (Книга Марко Поло. М., 1955, стр. 92). Таким образом, обычай скреплять огнем брак умерших юноши и девушки существовал у кочевников вплоть до XIV в.

вило, в ногах или в головах обоих покойников. Кроме того, сосуды поставлены и в дромосе.

В целом парные погребения весьма напоминают одиночные захоронения воинов, потому что женщина положена в камеру умершего мужчины в качестве его имущества, так же как вещи или лошадь. Эти погребения были не семейными склепами, а захоронениями богатых воинов со всем необходимым, что может понадобиться в загробной жизни.

Особый интерес представляют погребения с разрушенными скелетами. Выше я пыталась объяснить причину, по которой трупам связывали ноги: люди старались обезопасить себя от умерших. Эту же цель преследовали, разрушая труп. Из этнографии мы можем почерпнуть огромный материал, свидетельствующий, что многие народы для борьбы со злой силой, заключенной в трупе, всячески уродовали его [20]. Этот странный обычай нельзя объяснить, например, стремлением освободить место в камере еще для одного погребения, поскольку перемешанные и даже собранные в кучу кости занимали значительную площадь и положить на них или рядом с ними еще одного умершего практически было невозможно (рис. 20, *9*).

Очень близки к парным погребения второго вида, содержащие захоронения мужчины, женщины и одного или нескольких детей (рис. 21, *1, 2*).

Мужчины вытянуты на спине, женщины скорчены на правом боку. Детские скелеты, как правило, сохраняются очень плохо, но иногда удается определить, что они тоже вытянуты на спине. Ориентированы скелеты головой влево от входа. Порядок расположения трупов в камере такой же, как в парных погребениях: первым от входа лежит мужчина, затем — ребенок и у внутренней стенки — женщина.

Для групповых погребений характерны те же признаки, что и для парных: богатство и угольные подсыпки на полу камер. Такое сходство обрядов наводит на мысль, что они являются по существу погребениями мужчины-воина с «посмертной» женой и ее детьми. Правда, количество людей, специально умерщвленных, невольно вызывает сомнение в высказанном предположении. Однако если мы вспомним, сколько людей убивали при похоронах гуннских богачей и хазарских каганов, то оно не покажется невероятным. Так, у гуннов времен шаньюя Модэ «соумирающих» бывало от ста до нескольких сот человек [21], а у хазар в IX в. убивали всех, кто хоронил кагана, «чтобы не было известно, в каком из домов находится его могила» [22]. Кровавого правила — уничтожать могильщиков и всех, встретивших похоронную процессию, — придерживались, по словам Рашида ад-Дина, и монгольские ханы в XIII в.[23] Убийство женщины и ее детей по смерти знатного воина было частью традиционного ритуала.

Постоянство соблюдения правила, по которому труп мужчины укладывали у входа, женщины — у стенки и детей — между ними, свидетельствует о явной одновременности похорон. Трудно допустить, что люди постоянно вымирали целыми семьями от эпидемий, тем более что покойники принадлежали к наиболее богатой части общества. Поэтому мы вправе думать, что из всех погребенных в камере только мужчина умирал естественной смертью (или в бою). Остальные были умерщвлены на его похоронах.

Во многих погребениях второго вида кости скелетов сильно перемешаны (рис. 21, *2*), видимо, согласно обряду. Но даже в этом случае известная стройность ритуала сохранена: у входа набросаны кости мужчины, у стенки — женщины, между ними — детей.

Количество вещей в могилах значительно меньше, чем в камерах с парными погребениями. Особенно заметна разница в количестве оружия. Если в погребениях первого вида мужчина похоронен с почти полным набором оружия, то здесь обычно ограничивались одним топориком. Характерно, что мужчины в погребениях второго вида старше, чем в парных погребениях: юношей в них почти не хоронили,

[20] С. А. Токарев. Ранние формы религии..., стр. 186.

[21] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 50.

[22] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 147.

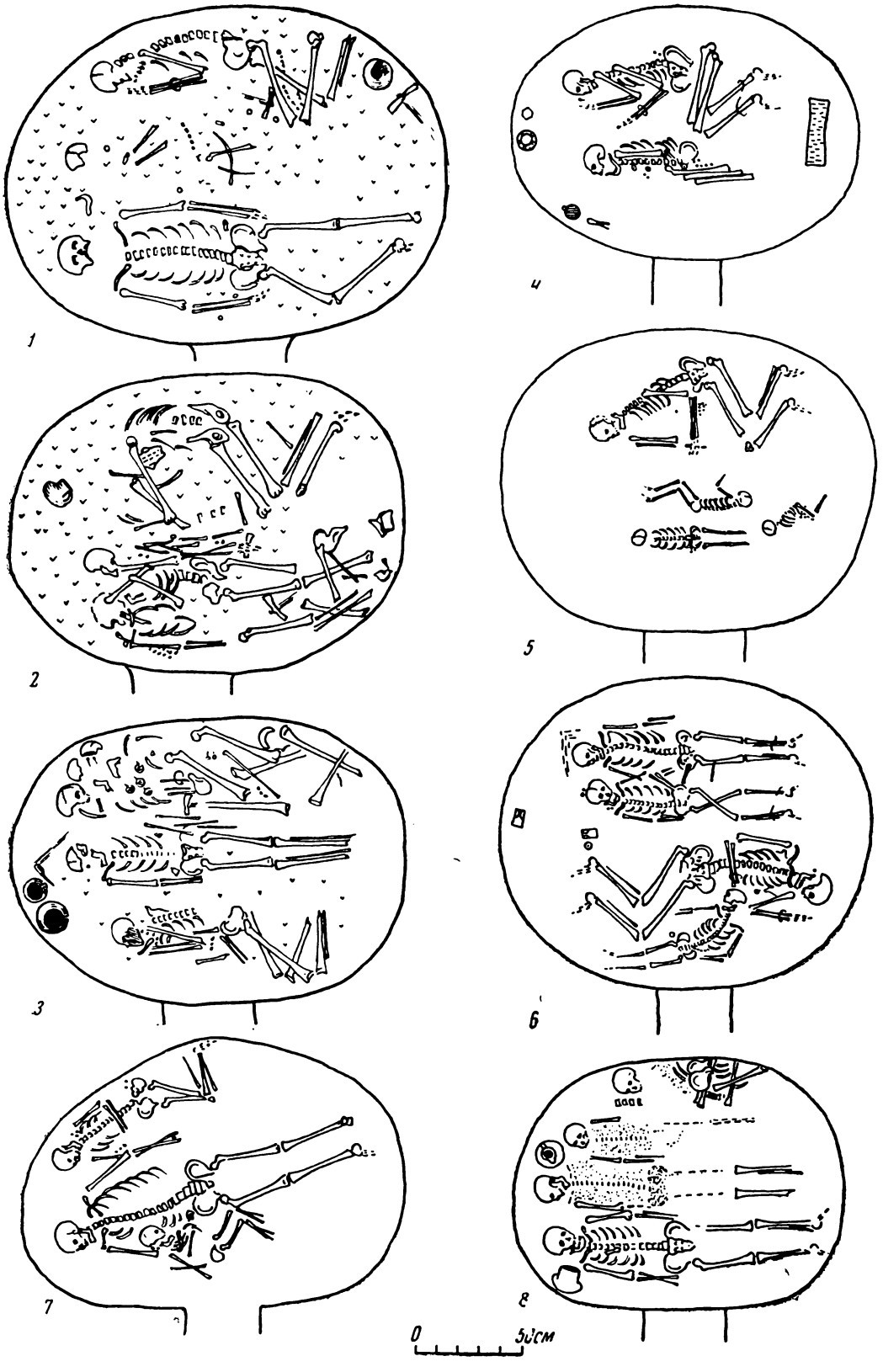
[23] Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. II. М.—Л., 1960, стр. 19.

Рис. 21. Супружеские захоронения в камерах Дмитровского могильника (103)

1, 2 — погребения мужчины, женщины и ребенка (3, 46); *3* — смешанное погребение (38)

Семейные захоронения в камерах Дмитровского могильника

4 — захоронения женщин; *5, 6* — захоронения женщины с детьми (30, 10); *7* — захоронение мужчины с детьми (9); *8* — захоронение двух мужчин, ребенка и женщины (1)

1
2
3
4
5
6
7
8
0
50см

в большинстве могил лежат пожилые (зрелые) воины.

Возраст женщин в погребениях обоих видов одинаков (преимущественно юный). Инвентарь при них обычный — в более богатых камерах встречаются полные комплекты украшений и амулетики, в погребениях победнее — бусы и серьги.

Наконец, возраст детей в могилах второго вида колеблется от двух до десяти лет. Судя по вытянутому положению, это были мальчики. Как и в одиночных детских погребениях, мальчики до пяти—семи лет похоронены без вещей, восьми—десяти лет — с вещами, как взрослые мужчины (иногда даже с поясом).

Таким образом, к отличительным признакам погребений второго вида мы можем отнести, во-первых, появление детских захоронений, во-вторых, возраст погребенных мужчин и, в-третьих, однообразие и бедность положенного в могилу оружия. Все эти особенности, как мне кажется, связаны с тем, что в погребениях второго вида похоронены пожилые семейные воины. Хотя они только в крайних случаях участвовали в военных действиях, но все же принадлежали к сословию воинов. Поэтому в могилы положены знаки их воинского достоинства — топорик и пояс. Согласно ритуалу, они погребены вместе с женщинами. Появление в камере детских трупов означало, по-видимому, что умерший оставлял после себя большую семью.

Иногда женщин хоронили в вытянутом положении, нарушая традиционную обрядность. Нарушения эти не поддаются смысловой расшифровке. Следует упомянуть, что в Дмитровском могильнике вытянутые женские скелеты были редчайшим исключением, тогда как в Салтовском они преобладали. Поэтому мы вряд ли можем считать такой обряд совершенно не свойственным катакомбному погребальному обычаю в целом. Однако в Дмитровском могильнике это нарушение повлекло за собой изменение всего ритуала: в камере с женщиной, похороненной в вытянутом положении, не было угольной подсыпки. Очевидно, такие погребения нельзя относить к парным. Это были семейные усыпальницы, как, например, совместное погребение старика с женой (катакомба 48) или совместное погребение пожилого мужчины с пожилой женщиной и ребенком (катакомба 54).

К числу смешанных семейно-парных катакомб я отношу камеры, заключавшие погребения двух пар с детьми. Пол в таких камерах покрыт слоем угля, что свидетельствует о соблюдении посмертного «свадебного» ритуала. Интересно, что, поскольку камеры были сравнительно небольшими и для шести покойников места явно не хватало, обычно пару, погребенную раньше, сдвигали к внутренней стенке (например, в катакомбе 38), а новую пару укладывали на освободившееся место с соблюдением всех необходимых обрядов. В катакомбе 38, судя по возрасту похороненных, сначала были погребены пожилые муж и жена с двумя детьми (мальчиком пяти—семи лет и годовалым ребенком), затем, после того как их сдвинули к стенке, в камеру на подстилку из угля положили юношу-воина с женщиной (рис. 21, *3*). Погребение это было небогатым: около юноши лежал всего один топорик. Даже поясных блях на нем не было. По-видимому, здесь похоронили семью: сначала стариков с детьми, затем их сына с «посмертной» женой-рабыней. Семья эта, судя по бедности инвентаря, принадлежала к числу рядовых, младший из мужчин не имел даже права носить пояс. Итак, погребение по существу относится к типу семейных усыпальниц, описание которых следует дальше. Подведем прежде краткие итоги обзора коллективных захоронений первого типа — парных, или супружеских.

Общей характернейшей чертой всех парных захоронений является их единовременность, т. е. погребение всех находящихся в камере трупов в один прием. Все они были, по-видимому, погребениями мужчин-воинов, на похоронах которых убивали женщин-рабынь и их детей [24].

Возраст умершего воина обусловливал форму погребального обряда. Самых юных (не достигших, видимо, еще 20 лет) хоронили без женщин и детей, но с поясом и полным набором оружия (таково одиночное захоронение в катакомбе 5). Молодых мужчин (от 25 до 35 лет) посмертно обеспечивали женами,

[24] Н. Я. Мерперт в своей диссертации отметил, что на единовременность парных погребений в Салтовском могильнике обратил внимание еще в начале XX в. основной исследователь этого памятника В. А. Бабенко. А. Захаров (A. Zakharow, W. Arendt. Studia Levedica. — Archaeologica Hungarica, XVI. Budapest, 1935) на основании этого наблюдения пришел к выводу, что у салтовцев был принят обычай ритуального убийства женщин во время похорон мужчины. Однако большинство исследователей, в том числе и Н. Я. Мерперт, сомневались в возможности существования этого обычая в салтовском обществе и, по сути дела, оставляли единовременность погребений в катакомбах без объяснений. Мне кажется, что гипотеза А. Захарова должна быть принята уже потому, что пока только она и дает возможность объяснить странную, но повторяющуюся во всех катакомбах единовременность парных захоронений.

поясами и оружием. Пожилых семейных воинов, отошедших от участия в походах и набегах, сопровождали в загробный мир женщины и дети; традиционный пояс с бляшками им также оставляли, но вместо набора оружия полагался только один топорик.

Многочисленные случайности нередко нарушали эту стройную систему. Так, нам известны и бедные (без вещей) одиночные погребения пожилых мужчин, и бедные погребения пар — стариков, почему-либо умерших одновременно, и даже бедные погребения молодых воинов без пояса, но с «посмертной» женой, похороненных в общем (семейном) склепе.

Погребения второго типа представляют собой коллективные семейные усыпальницы. Чаще всего в них хоронили женщин и женщин с детьми. Характеристикой этих двух видов мы и начнем описание семейных склепов.

К первому виду относятся коллективные захоронения женщин (рис. 21, *4*), составляющие всего 5—7% погребений одного могильника. В камере находятся две женщины. Обе лежат на правом боку в скорченном положении, с согнутыми в локтях руками, обе обращены головами влево от входа.

Для этих погребений характерна частичная или полная перемешанность скелетов. Особенно часто нарушено положение костей ног, причем иногда они и перемешаны, и связаны. Кости смешанных скелетов нередко бывают разбросаны по всей камере, причем ясно, что смешение трупов происходило не из-за недостатка места: камера, как правило, свободно вмещает два трупа. Кости разбросаны по всему свободному пространству, а нарушены скелеты лежавших не только вдоль внутренней стенки, но и у входа. Возможно, что разрушения, которым подвергались скелеты в специальных женских погребениях, объясняются особым страхом перед женскими злыми духами — албастами. Албастами становились все женщины, умершие несвоевременно. Вера в албаст среди тюркоязычных народов дожила почти до наших дней [25].

Никаких следов подстилок под скелетами не обнаружено. Количество вещей в камере, видимо, зависело от имущественного положения умерших и их родственников. Возраст похороненных примерно одинаков: это в основном пожилые (зрелые) женщины. Оружие в такие могилы не клали, набор бытовых предметов ограничивается ножницами и ножиками, иногда — пряслицами. Сосуды и в камеры, и в дромосы ставили редко. В основном могилы женщин наполнены украшениями и предметами туалета. Особенно богатые и знатные женщины перепоясаны поясами, украшенными бляшками, на груди и на поясе у них нередко лежат самые разнообразные амулеты.

Ко второму виду семейных склепов я отношу совместные захоронения женщин и детей (рис. 21, *5*, *6*). Таких погребений в могильнике бывает 10—15%. В них, как правило, находятся одна или две женщины и два—четыре ребенка в возрасте от одного года до 12 лет. В большинстве погребений женщина уложена вдоль внутренней стенки камеры, дети — в пространстве между женщиной и входом. Женщина погребена в скорченном положении с согнутыми в локтях руками, дети вытянуты или скорчены в зависимости от пола. Все покойники ориентированы головами влево от входа, однако есть и исключения: ребенок или женщина могут лежать головами вправо от входа. В таких камерах встречаются и перемешанные скелеты, и скелеты со сдвинутыми костями ног, и скелеты, сдвинутые в сторону, чтобы освободить место для следующего покойника. Порядок укладки трупов в камеру часто бывает нарушен: вместо обычного, когда у внутренней стенки лежит женщина, а затем дети, известны такие случаи: ребенок — женщина, ребенок — женщина — ребенок, двое детей — женщина — ребенок и т. д. Видимо, у задней стенки укладывали того, кто умирал раньше.

Подстилок под скелетами не было. Подавляющее большинство погребений второго типа очень богато вещами — украшениями и предметами туалета. Почти у всех скелетов в области таза обнаружены ножики, в головах женщин — ножницы, у ног — топорики, с топориками и поясами хоронили и мальчиков 10—12 лет. К поясам и ожерельям женщин и девочек подвешивали различные амулетики. Дети, даже не достигшие возраста посвящения, иногда погребены с вещами. Правда, набор и количество их значительно скромнее, чем у посвященных (браслет, низка бус, бубенчики). По-видимому, в таких случаях детей хоронили с вещами матери.

Как уже отмечено, в семейных усыпальницах хоронили чаще всего женщин и детей. Похороны мужчин-воинов совершались по сложному обряду, требующему больших затрат. Однако беднейшие мужчины погребены, как и женщины, в общих семейных склепах. В одних случаях их трупы помещали вместе с детскими (рис. 21, *7*), в других — хоронили двух мужчин, женщину, детей (рис. 21, *8*). Вариации могут быть самыми разными, но для

[25] Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии, вып. I, стр. 199.

всех семейных погребений с мужчинами характерна чрезвычайная бедность: в них ставили только сосуды, на поясе у мужчин иногда висел ножик.

Самым типичным признаком семейных коллективных усыпальниц, отличающим их от парных, является разновременность помещения трупов в камеру. В тех случаях, когда по какой-либо причине люди погибали одновременно, их, разумеется, и в камеру укладывали одновременно, соблюдая общепринятый ритуальный порядок: женщину помещали у внутренней стенки, детей — перед входом. Такого же порядка придерживались, если женщина умирала раньше: ее труп клали в глубине камеры, чтобы он не мешал при повторных захоронениях.

Расположение скелетов внутри многих камер свидетельствует о том, что покойники были уложены в них в разное время. Совершенно очевидно, что камеры, в которых похоронены один или два члена семьи, затем вскрывались еще два-три раза и только после полного заполнения трупами забивались землей (если были богаты вещами). Тогда же, вероятно, окончательно заполняли землей и дромос. До этого он оставался полузасыпанным или совсем открытым. Впрочем, какое-то время дромос оставался полым не только в семейных склепах, но и в парных погребениях всех видов. Я неоднократно упоминала о разрушенности многих скелетов в камерах. Но разрушить и перемешать скелеты можно было лишь после того, как ткани, связывавшие кости, истлевали. Следовательно, дромос в катакомбах с разрушенными скелетами, несомненно, сохраняли пустым столько времени, сколько нужно было для разложения трупа.

Мы видели, что, кроме естественного стремления сохранить труп и уберечь его от осквернения, во всех вариантах погребального обряда салтовцев отражены их общественные и религиозные представления. Так, несомненно, с древнейшим инстинктом социальной и общественной привязанности связаны обычай сооружать большие и удобные усыпальницы — катакомбы, стремление обезопасить могилу от разорения путем выкапывания длинных дромосов, забивки камер землей и др. С этим же инстинктом в какой-то мере связан обычай класть в могилы умершим родичам различные вещи.

Анализ погребального обряда показывает картину резкого имущественного неравенства, существовавшего в обществе того времени. Об этом неравенстве можно судить по количеству вещей в различных камерах, по размерам самих катакомб и степени их защищенности от грабителей. Удалось выделить различные группы воинов: богатую и знатную молодежь, бедных молодых воинов, семейных богатых воинов. Детские погребения позволили заметить обычай посвящения в зрелость в возрасте шести—восьми лет, а сравнение мужских и женских захоронений убеждает нас в подчиненном положении женщины.

Наконец, выявлены и некоторые религиозные представления людей, хоронивших в катакомбах. Наборы необходимых для жизни вещей, обнаруженные в камерах, свидетельствуют о вере в загробную жизнь — такую же, какой была земная. Угольные подсыпки в камерах служат одним из немаловажных доказательств веры в связующее значение огня. Представление о вере в злые силы, которыми обладали умершие, дают нам многочисленные факты разрушения (полного или частичного) скелетов и связывания ног покойников.

Остановимся на характеристике двух видов погребальных памятников, которые отражают еще один религиозный погребальный обряд. Речь пойдет о кенотафах и тризнах, обнаруженных в Дмитровском могильнике[26].

Кенотафы сооружались в память родственников-воинов, ушедших в поход, убитых и погребенных или брошенных где-то на чужбине. Кенотафы Дмитровского могильника представляют собой траншеи, ориентированные, как и дромосы, по склону. Один из них сооружен в память богатого воина, другой — в память бедного.

Богатый кенотаф имел вид довольно длинного дромоса (2,8 × 0,7 м), глубина которого от поверхности до материка 1,5 м. Стенки отвесные, тщательно выровненные, дно горизонтальное (см. рис. 18, 7). На дне кенотафа на левом боку, головой на северо-запад (как бы ко входу в камеру) лежал труп лошади с вырубленной спиной. Морда коня опущена вниз, шея изогнута, передние ноги согнуты в коленях, задние — поджаты. На 0,4—0,5 м выше коня, в материковой засыпке был помещен труп женщины, похороненной в вытянутом положении на спине с немного раскинутыми и согнутыми в локтях руками. На руках у нее были железные браслеты, на черепе и на пальце правой руки сохранилась окись от серег и перстня, а у таза — обломок зеркала.

В юго-западной стенке кенотафа сделан

[26] С. А. Плетнева. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. — Исследования по археологии СССР. Сборник в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.

подбой, в котором обнаружены топорик, мотыжка, стремя, бубенчик от сбруи и пряжка от подпруги. По останкам коня и рабыни, оружию и сбруе можно судить о том, что погибший воин был богатым и знатным членом общества. Интересна поза рабыни: она похоронена не в скорченном положении, как требовал обряд, а в вытянутом. Объяснение следует искать, видимо, в том, что рабыня не принадлежала к племени, обитавшему на Дмитровском поселении. Она была в отличие от похороненных в камерах долихо- и мезокранов ярко выраженным брахикраном. А брахикранное население Подонья обычно хоронило и мужчин, и женщин в вытянутом положении на спине, о чем будет сказано далее.

Второй кенотаф был выкопан в память о бедняке. Это неглубокий и короткий (1,5 × 1 м) дромос. У стенки, в которой должен был находиться вход в катакомбу, поставлен горшочек, вероятно, с поминальной пищей. Очевидно, родственники бедняка, не вернувшегося из похода, выполнив обряд, не имели возможности оформить памятник с подобающей пышностью.

Погребальным памятником являются и тризны, остатки которых обнаружены среди дромосов Дмитровского могильника (26 тризн). Все они разделены на три типа: с глиняными сосудами (I), с останками животных (II), смешанные — с сосудами и останками животных (III) [27].

В первый тип включено наибольшее число тризн (примерно 80%). Такие тризны состоят или из группы поставленных рядом сосудов (рис. 22, *3*), или из сосудов, расставленных на сравнительно большой территории (около 4 м в поперечнике), или из одного сосуда и рассыпанных вокруг него мелких обломков различных горшков (рис. 22, *4*). Сосуды разнообразны, однако чаще попадаются обыкновенные кухонные грубые горшки плохого обжига. В земле они сохраняются плохо, размокают и прорастают корнями трав. Сосуды ставили, вероятно, в неглубокие ямки, вырытые в культурном слое могильника. Поскольку сосуды всегда стоят на материке, очевидно, что ямки рыли только до уровня материка; в редких случаях, когда сосуды были очень большими, они слегка врезались в материк. Верхняя часть сосудов нередко сильно разрушена из-за близости не только к древней, но и к современной дневной поверхности.

Тризны второго типа состоят исключительно из костей животных (рис. 22, *5*). Жертвенными животными на таких тризнах всегда служили козы. Их кости лежат компактной кучкой в культурном слое или на материке. По-видимому, их также складывали в неглубокие ямки. В большинстве тризн найдены кости только одной козы, однако иногда резали несколько животных. Особенно интересна тризна, помещенная в сравнительно большую, круглую в плане яму (длина 0,8 м). В ней были в беспорядке набросаны кости семи особей. Как известно, число «семь» у многих народов было священным. Эта цифра в соединении с циркульной (солярной) формой ямы особенно ярко подчеркивает культовое значение тризны. Характерно, что бóльшая часть костей разбита, т. е. животное было съедено. Таким образом, тризны были по существу остатками ритуальных трапез. Это подтверждается и тем обстоятельством, что кости жертвенных коз принадлежали, как правило, молодым особям, иногда даже козлятам.

Тризны третьего типа наиболее редки: обнаружено всего четыре смешанных тризны. Две из них, расположенные на расстоянии около 2 м друг от друга, совершенно одинаковы по внешнему виду и содержанию. В них входят по три сосуда: лощеный с двумя ручками — полупифос-полугоршок, кухонный горшок и вложенный в него маленький горшковидный сосудик (рис. 22, *1*). Рядом с сосудами и частично под ними помещены голова и отчлененные по коленный сустав передние ноги коровы. Все это было уложено в довольно глубокую, прорезающую материк яму (диаметр около 0,7 м, глубина в материке 0,4 м, от древней дневной поверхности 0,8 м). Третья тризна, относящаяся к этой группе, состоит из двух лощеных сосудов (горшка и кувшина) и головы, ног и части вырубленной спины коровы, четвертая — из лощеного горшка, кубышки и разбросанных костей козы (рис. 22, *2*).

Остатки тризн сохранились и дошли до нас только благодаря обычаю зарывать или хотя бы присыпать землей остатки ритуальных трапез и сосуды с поминальной пищей.

Оба вида погребальных памятников — кенотафы и тризны — относятся к числу поминальных, сооруженных или справленных в память и честь умершего родственника. Хотя в поминальных обычаях, как справедливо утверждает С. А. Токарев, проявлялась простая привязанность к умершему [28], тем не менее они значительно больше, чем сам обряд погребения, свя-

[27] С. А Плетнева. О некоторых погребальных обычаях..., стр. 189, 190.

[28] С. А. Токарев. Ранние формы религии..., стр. 170—182.

заны с различными культовыми представлениями — с верой в загробную жизнь покойника и в то, что после смерти он видит и слышит, что́ происходит на земле. В какой-то степени оба обряда можно связать и с культом предков, широко распространенным в шаманистской религии кочевнических народов с древнейших времен вплоть до XIX в.

Весьма существенным представляется вопрос о расположении катакомб и тризн, т. е. о планировке могильника. В Дмитровском могильнике мы вскрыли площадь около 1000 кв. м (рис. 23, *1*). Раскоп четко определил северо-западный край могильника. При первом взгляде на открытый участок становится ясно, что дромосы катакомб располагались рядами по склону холма в направлении с севера на восток (с отклонением). Ряды были неровными, неправильными, нередко их нарушали один или несколько дромосов, выходящих за линию ряда, иногда дромосы более поздних катакомб врезались в дромосы ранних (например, катакомбы 43, 45, 48). По-видимому, дромосы после окончательной их засыпки не были видны на поверхности. Одна тризна врезалась в дромос (тризна XIV — в дромос катакомбы 17).

Тризны располагались среди катакомб без всякого порядка. Можно только предполагать, к какой из катакомб они относятся. Вероятно, тризны по умершим справлялись в сравнительно короткий промежуток времени, пока дромос не был окончательно засыпан.

Катакомба с засыпанным дромосом была почти не доступна для грабителей, открытые же катакомбы у многих вызывали желание поживиться. Чтобы избежать постоянных ограблений и осквернений незасыпанных могил, на кладбищах оставляли сторожей. Об обычае охранять кладбища, существовавшем в древности у кочевников, писал в XIII в. Плано Карпини: «К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены для охраны...» [29] На Дмитровском кладбище среди вскрытых дромосов мы обнаружили остатки маленького квадратного полуземляночного строения (1,5 × 1,5 м), возможно сторожки. Она находилась примерно в 35 м от северо-западного края могильника. Судя по раскопанному участку, в крайнем ряду катакомбы были расположены редко, а второй и особенно третий ряды были насыщены могилами. По краю могильника размещались могилы рабов. Они относятся к совершенно иному типу памятников и будут описаны в соответствующем разделе.

В основу характеристики катакомбного погребального обряда я положила материалы Дмитровского могильника, но для того, чтобы выяснить локальные варианты этого обряда, необходимо привлечь данные других, раскопанных хотя бы частично катакомбных могильников: Подгоровского (158), Маяцкого (7) и Салтовского (64).

Наиболее близок по типу к Дмитровскому могильнику Подгоровский, на котором в 1926 г. С. Н. Замятнин вскрыл площадь около 100 кв. м и обнаружил семь катакомб [30]. Три из них были разрушены грабителями еще в древности, одна заключала в себе двойное детское захоронение и три были парными. Причем в камере одной из парных катакомб на подстилке из угля лежал скорченный скелет женщины на правом боку, место для мужчины было оставлено, но трупа почему-то не оказалось. Возможно, камеру частично разграбили еще в то время, когда дромос не был засыпан. Таким образом, в Подгоровском могильнике соблюдались все основные детали погребального обряда, какие мы проследили на Дмитровском кладбище: парные захоронения, угольная подсыпка в них, скорченное положение женщин. Мужчин также хоронили с оружием и поясами. Никаких отличительных особенностей в погребениях Подгоровского могильника нет. Можно лишь отметить, что парные погребения здесь более богаты оружием и украшениями.

Я уже упоминала, что материалы Салтовского могильника сейчас с трудом поддаются обработке. Основной исследователь памятника В. А. Бабенко не всегда тщательно фиксировал погребения. Поэтому в ряде случаев мы можем высказать то или иное мнение о погребальном обряде предположительно, основываясь на невполне достоверных чертежах и недостаточно подробных описаниях, в которых основное внимание уделялось перечислению найденных вещей. Поэтому я не привожу никаких цифровых данных, касающихся Салтовского могильника. Однако массовый характер материала (более 300 катакомб) позволяет восстановить обряд довольно точно.

Начнем с характеристики самих катакомб. В отличие от дмитровских они нередко бывали не только овальными, но и прямоугольными в плане. Размеры их, как и ведущих к ним дромосов, в общем больше, чем у дмитровских: длина дромосов достигает 7 м, площадь

[29] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 33.

[30] С. А. Плетнева. Подгоровский могильник. — СА, 1962, № 3.

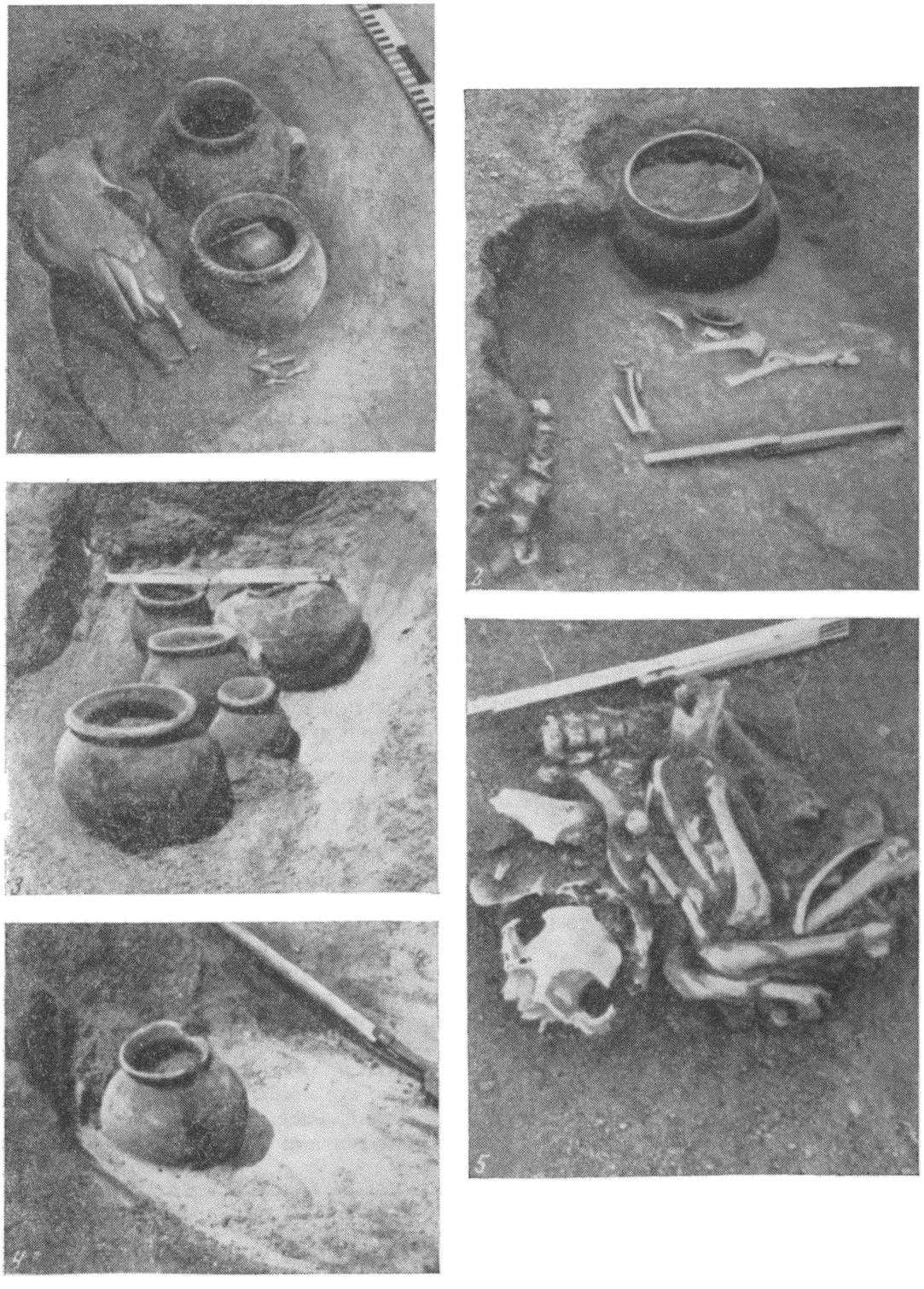

Рис. 22. Тризны

1, *2* — тип III; *3*, *4* — тип I; *5* — тип II

камер — 3 × 2 м. В связи с тем, что склоны холмов, на которых расположен могильник, очень пологи, пол дромосов крутой (наклон примерно 30—40°), иногда в нем вырезаны глубокие ступени. Большие катакомбы принадлежали богатым покойникам. Камеры в них забиты материковой землей. Вскрыты и небольшие катакомбы, сооруженные для бедняков и детей.

Захоронения в камерах делятся на две группы: одиночные и коллективные. Одиночных захоронений значительно меньше, чем коллективных, — примерно 15%. Они принадлежат взрослым мужчинам и женщинам, положенным обычно головами влево от входа. Женщины и мужчины вытянуты на спине, руки протянуты вдоль тела. Однако среди одиночных захоронений попадаются и скорченные на правом или левом боку. Это преимущественно самые бедные из погребений, принадлежащие мужчинам и женщинам, относившимся, видимо, к беднейшим и бесправным слоям общества.

Коллективные захоронения в Салтове делятся на два типа: парные и семейные. Парных погребений мужчин-воинов с «посмертной» женой очень много, как и в Дмитровском могильнике, — около 25%. Большинство скелетов в них, судя по отчетам, лежит на угольной подстилке. Женщины в парных погребениях, как мужчины, вытянуты на спине. Семейные погребения в общем включают те же варианты, что и дмитровские усыпальницы, однако в связи с тем, что в Салтове раскопано почти в семь раз больше катакомб, они гораздо разнообразнее. Например, в Салтове найдено много усыпальниц, где похоронены только дети (иногда по шесть-семь человек). Все они вытянуты на спине. Нередко покойники обращены головами то вправо от входа, то ко внутренней стенке, то к входу.

Во многих одиночных и особенно коллективных захоронениях Салтовского могильника скелеты перемешаны, а погребения частично нарушены. Впервые на эту черту обратил внимание Д. Т. Березовец, расценив ее как часть погребального обряда. Изучение планов погребений, раскопанных В. А. Бабенко, подтверждает наблюдение Д. Т. Березовца. Кроме того, во многих салтовских катакомбах обнаружены скелеты со скрещенными костями ног. Очевидно, и здесь широко применялся обряд «обезвреживания» мертвецов, прослеженный нами в Дмитровском могильнике.

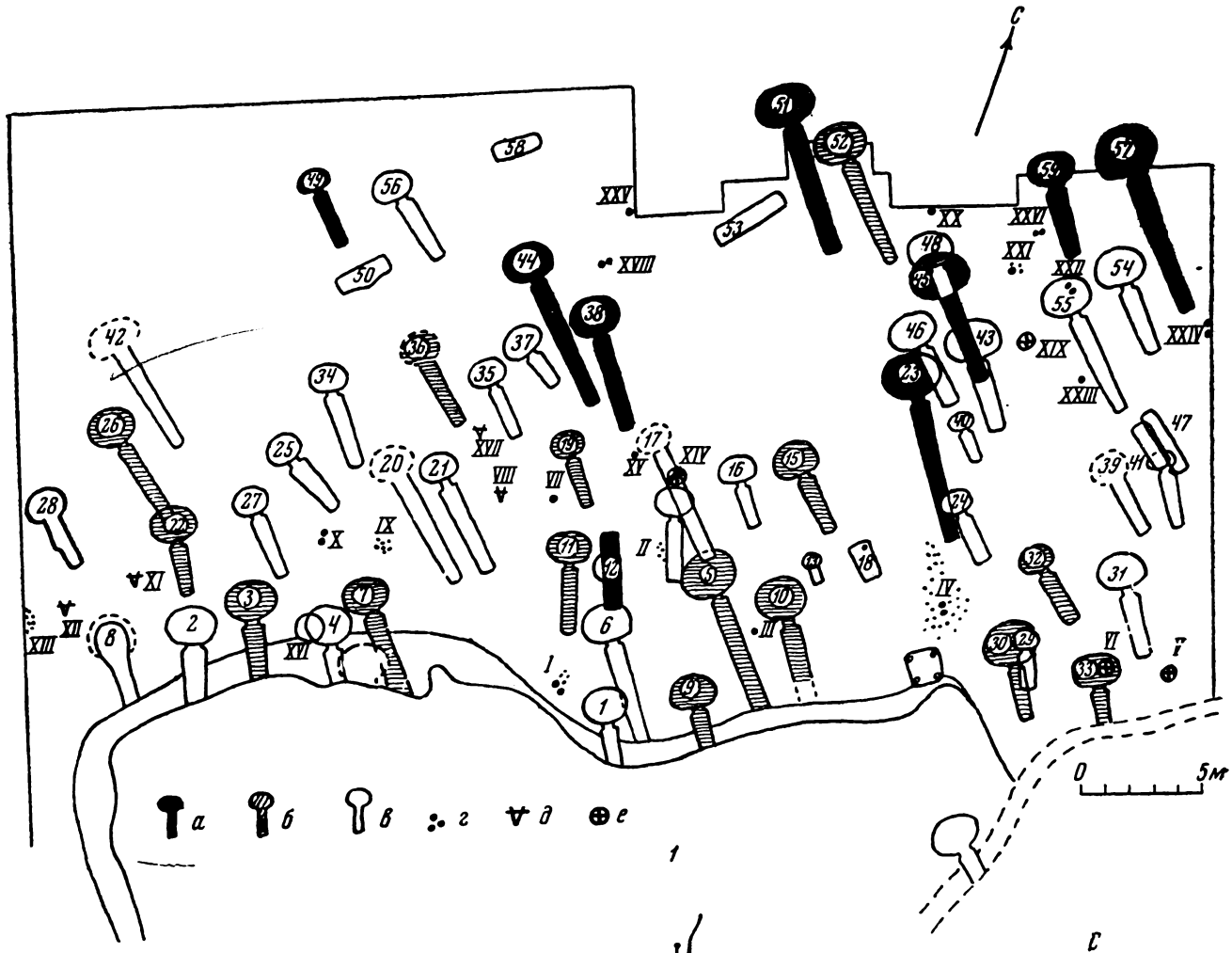
Несмотря на явное сходство обоих могильников, в погребальном обряде того и другого замечено много различий. Важнейшим из них является, несомненно, вытянутое положение женщин, лежащих на спине. Из менее существенных и реже встречающихся различий упомяну форму камер, беспорядочность ориентировки, состав инвентаря. Так, почти в каждой салтовской камере (богатой или бедной) вместе с сосудом лежали берцовая или бедренная кость или ребра коровы — запас мясной пищи. В Дмитровском могильнике не было ни одного погребения с костями животных.

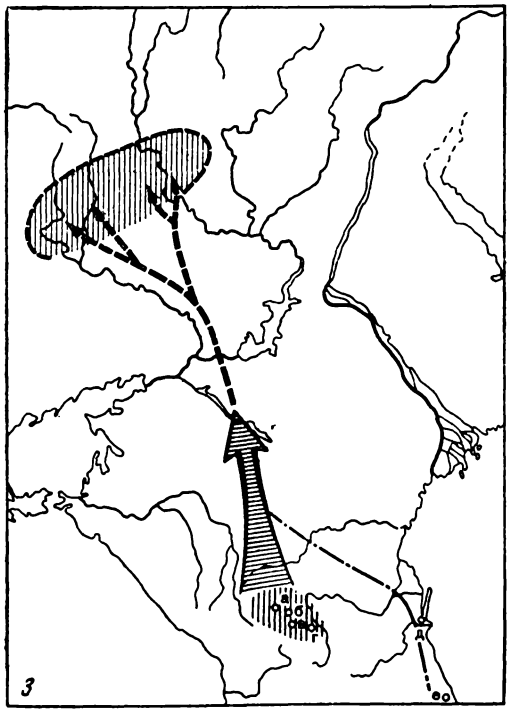
Наконец, в Салтове нет погребальных тризн. Правда, В. А. Бабенко копал узкими траншеями, а Д. Т. Березовец снимал культурный слой могильника бульдозером. Исследователи могли просто не заметить тризн, которые часто состояли из хрупких косточек козленка или из рыхлых, поросших корнями трав, грубых кухонных горшков. Тем не менее на огромной вскрытой В. А. Бабенко площади, вероятно, сохранилось хотя бы несколько тризн из крепких лощеных сосудов, если бы они здесь имелись. Возможно, впрочем, что тризны, врытые в культурный слой неглубоко, просто не уцелели до наших дней, поскольку поверхность могильника в Салтове столетиями распахивалась, а культурный слой постепенно смывался в овраги с пологих склонов.

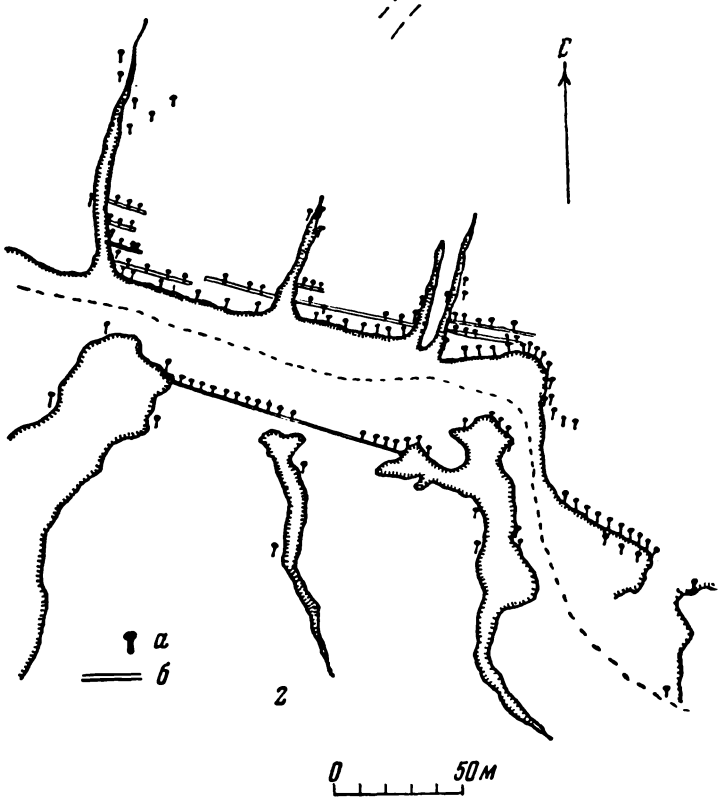
Как и на Дмитровском кладбище, в Салтове дромосы катакомб располагались рядами. В связи с тем, что площадь могильника раскапывалась не полностью, а узкими траншеями, на план попадали только те катакомбы, которые были привязаны к траншее, промежуточные дромосы на него не нанесены (рис. 23, *2*). Поэтому планировка Салтовского могильника кажется значительно более стройной и правильной. По расчетам Д. Т. Березовца, Салтовский могильник занимал площадь около 100 га, где могло поместиться не менее 30 тыс. катакомб. Раскопать полностью этот грандиозный памятник вряд ли когда-нибудь удастся.

Рис. 23. Планы катакомбных могильников

1 — план раскопанного участка Дмитровского могильника: *а* — катакомбы конца VIII—первой половины IX в., *б* — катакомбы второй половины IX в., *в* — катакомбы, неопределимые хронологически, *г* — тризны типа I, *д* — тризны типа II, *е* — тризны типа III; *2* — план Салтовского могильника: *а* — катакомбы, *б* — траншеи; *3* — распространение и передвижение аланских племен в VIII—IX вв. (по В. А. Кузнецову): *а* — Песчанка, *б* — Хазнидон, *в* — Садон, *г* — Чми, *д* — Батугай, *е* — Паласасырт

С
0 5м
а б в г д е
1

3

С
а
б
2
0 50м

Дмитровский могильник, судя по данным разведки, значительно меньше, но и там исследователя ждут тысячи погребальных комплексов. Поэтому вопрос о планировке могильников нельзя решить окончательно. Вполне возможно, например, что могилы не покрывали сплошь всю намеченную площадь, а располагались на ней участками, каждый из которых принадлежал отдельному роду или даже семье. При сплошном вскрытии площади могильников должны быть открыты многочисленные тризны и сторожки для людей, охранявших могильник, костры, из которых брали уголь для подсыпок в камеры, и т. п.

Последний из раскапывавшихся катакомбных могильников Подонья расположен рядом с крайним северо-восточным памятником салтово-маяцкой культуры — Маяцким городищем. Могильник находится на меловых горах, примерно в 1 км от городища. Здесь обнаружены четыре обычные катакомбы (камера с дромосом) и одна совершенно оригинальная могила, состоящая из большого полуземляночного помещения и трех выходивших в нее погребальных камер. Четыре обычные катакомбы полностью или частично разрушены. Сохранился только один дромос — короткий и широкий (примерно 1 × 2 м) с очень крутым дном (45—50°). Вход в камеру был заложен камнем. В камере похоронен «сидя», по словам А. И. Милютина, т. е., видимо, в скорченном положении, один человек. Из вещей здесь были только украшения — вероятно, это могила женщины.

Наиболее интересно на Маяцком кладбище комплексное захоронение с тремя камерами, выходящими в одно общее помещение (см. рис. 18, *б*). Помещение это представляет собой прямоугольное, углубленное в меловой материк сооружение с угловыми столбами для перекрытия и следами перегородки, разделявшей его на две неравные части. И перегородка, и перекрытие были деревянными и к моменту раскопок истлели. Размеры сооружения 3,5 × 5 м, глубина 1,8 м. Погребальные камеры выдолблены в трех стенах помещения. Самая большая из камер выходит в меньший отсек. В ней погребены мужчина и женщина. Оба лежат головами влево от входа, мужчина у входа, вытянут на спине, женщина — вдоль внутренней стены, скорчена на правом боку. Рядом с мужчиной найдены топор, сосуды, ножи и браслет, рядом с женщиной — топор и набор украшений. Угля под скелетами не было. В больший отсек земляночного помещения выходят две погребальные камеры. В них похоронено по одному покойнику. В камере, выдолбленной в узкой стороне помещения, лежал в скорченном положении на левом боку, головой вправо от входа скелет, по-видимому, женщины. Под ним была подстилка из угля, а рядом с ним и на нем найдены бусы и бубенчики. В третьей камере, как во второй, похоронена женщина в скорченном положении, но на правом боку, головой влево от входа. Здесь найден богатый набор украшений и туалетных принадлежностей.

Мне кажется, что эта богатая комплексная катакомба должна быть отнесена к разряду парных могил, поскольку все сооружение выглядит единовременным. В камере, для которой отгорожен специальный отсек, похоронен воин с женой, а в больший отсек выходят камеры «посмертной» жены воина, лежащей на углях, и рабыни. Для семейной усыпальницы сооружение слишком «роскошно», да и использовано оно нерационально: огромное входное помещение вырыто из-за трех камер.

Хотя все погребения не отличаются богатством инвентаря, все же вместе они представляют собой захоронение несомненно очень богатого воина.

Несмотря на необычность описанного сооружения, Маяцкий могильник мало отличается от всех остальных катакомбных могильников Подонья. Для него характерны и захоронения в камерах, и угольные подстилки, и «скорченность» женских скелетов, т. е. все основные признаки, прослеженные в других могильниках.

Мы видели, что каждый из могильников, обладая определенными чертами сходства с другими, все же своеобразен. Особенно ярко различия прослеживаются на двух сравнительно полно изученных памятниках — Салтовском и Дмитровском. По-видимому, географическая близость (расстояние между Салтовом и Дмитровкой не больше 50 км) не определяла племенной или родовой близости. Судя по этому примеру, каждая группа населения имела массу особенностей в погребальном обряде, который в целом был единым — катакомбным.

Однако катакомбный обряд не был характерен для всего Подонья. Южная граница территории, занятой катакомбными могильниками, почти точно совпадает с границей степи и лесостепи, а вся эта территория приблизительно совпадает с областью распространения в верховьях Дона и его притоков оседлого земледельческого населения.

Антропологически здешнее население принадлежало к мезо-долихокранному европеоидному типу с небольшой примесью брахикранов. Г. Ф. Дебец, сравнивая этот тип с древним скифским, полагает, что на территории По-

донья он автохтонен[31]. Однако следует помнить, что между скифами и салтовцами лежит целое тысячелетие. За это время по южнорусским степям прошло столько племен и народов, сменилось столько этнических группировок, что мне представляется исторически неверным сопоставление людей этих двух отдаленных эпох, хотя, несомненно, мы можем считать салтовцев потомками скифов в той же степени, в какой сами они являются предками современных жителей Подонья.

Ближайшие синхронные аналогии салтовским черепам мы находим в катакомбных могильниках Северного Кавказа. Характерно, что и сами эти могильники, и вещи из них, как уже не раз отмечали исследователи, не только близки по типу, но и почти идентичны. Этническая принадлежность погребенных в катакомбных могильниках Северного Кавказа давно определена — это аланы. Предположение, что и могильники Подонья оставлены аланами, не ново и не оригинально. Еще А. А. Спицын и Ю. В. Готье утверждали, что салтово-маяцкая культура принадлежит этому народу[32]. В том, что Салтовский и подобные ему могильники оставлены аланами, не сомневаются ни Н. Я. Мерперт, ни И. И. Ляпушкин, ни М. И. Артамонов[33]. Ю. В. Готье, Н. Я. Мерперт и М. И. Артамонов полагают, что культура в целом и Салтовский могильник в частности оставлены потомками племен, обитавших в южнорусских степях еще в догуннское время.

Присоединяясь к мнению И. И. Ляпушкина, я считаю более вероятной другую гипотезу: катакомбные могильники в Подонье принадлежали выходцам из северокавказских областей — аланам, вынужденным покинуть насиженные предгорья на рубеже VII и VIII вв. Гипотеза эта имеет достаточно веские доказательства. Во-первых, в южнорусских степях нет катакомбных могильников V—VII вв., предшествовавших могильникам VIII—IX вв.; во-вторых, на Северном Кавказе известны могильники, датирующиеся временем до начала VIII в. (V—VII вв.)[34]. Создается впечатление, что жители, хоронившие в этих могильниках, ушли со старых мест, переселились в другие области (рис. 23, *3*), возможно, к верховьям Дона и Северского Донца, где именно в VIII в. и появились памятники этого типа.

Таким образом, обитателей Верхнего Подонья, видимо, можно связывать с аланами, переселившимися из нескольких областей Северного Кавказа. Особенно много племенных групп ушло из центральных областей Северного Кавказа (из района современного Пятигорска) и с побережья Каспийского моря.

Говоря об аналогии салтовских и северокавказских черепов, обычно имеют в виду их долихокранную серию. Какому же народу принадлежали брахикраны, в большом количестве обнаруженные в катакомбах и ямных погребениях Подонья? Для выяснения этого вопроса обратимся к другому погребальному обычаю, широко распространенному в Подонье, — ямному.

ЯМНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

По берегам Дона и Северского Донца в настоящее время известно 11 ямных могильников (66, 79, 153, 160, 161, 92, 34а, 23, 57, 87, 34б) и 8 единичных ямных захоронений (25, 35, 35а, 152, 176, 217, 236, 247а) (см. рис. 17). Хотя могильников этой группы больше, чем катакомбных, изучены они гораздо хуже. Более или менее полно исследован Зливкинский могильник (87), раскопанный в 1901 г. В. А. Городцовым (35 погребений)[35]. В 1959—1960 гг. Д. Т. Березовец обнаружил и частично раскопал другой ямный могильник (66), расположенный на левом берегу Северского Донца у Салтова, напротив катакомбного могильника (82 погребения)[36]. В остальных могильниках этой группы открыто не больше двух—шести погребений.

Кроме могильников VIII—IX вв., в Подонье известен памятник этого же типа, но относящийся к более позднему времени — IX—XI вв. Это знаменитый Саркельский могильник с сотнями ямных захоронений. Исследованный экспедицией М. И. Артамонова[37] и великолепно, с исчерпывающей полнотой изданный

---

[31] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 252.

[32] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца. — ЖМНП, н. с., ч. XIX, 1909, январь; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 86.

[33] Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах, стр. 32; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 146; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 356.

[34] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, № 106, 1962, стр. 13—20, рис. 1.

[35] В. А. Городцов раскопал 35 могил, в 1956 г. я вскрыла там еще две могилы.

[36] Д. Т. Березовец. Раскопки в Верхнем Салтове..., стр. 22.

[37] В 1934—1936 и 1949—1951 гг.

О. А. Артамоновой[38], он является уникальным памятником средневековой истории Подонья. По нему мы можем проследить эволюцию ямного погребального обряда на протяжении четырех веков (VIII—XI вв.).

Анализ ямного погребального обычая в Подонье я построила в основном на материалах двух раскопанных могильников: Зливкинского VIII—IX вв. и Саркельского IX—XI вв. Материалы остальных могильников VIII—IX вв. (в том числе и Салтовского) я привлекаю только в тех случаях, когда в них отражены особенности, не отмеченные в основных памятниках.

Зливкинские могилы представляют собой неглубокие (0,6—0,8 м) ямы прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры их 1,8—2 × 0,6—0,8 м. Никаких конструктивных особенностей в строении ям нет: стенки ровные и вертикальные, без ступенек и подбоев. Возможно, это связано с характером грунта: могилы вырыты в рыхлом песке. Кроме того, яма в песке становится заметной только на глубине 0,2—0,3 м от дна; если ступеньки в стенках могилы были вырезаны выше этого уровня, то их при раскопках просто не замечали. Не обнаружены в могилах и следы деревянных перекрытий, и остатки гробов. Впрочем, и это можно объяснить тем, что дерево в песке на сравнительно небольшой глубине плохо сохраняется. В Покровском могильнике (161), расположенном в 80 км к северу от Зливок, в одной из ям прослежена деревянная обкладка могилы (две боковые доски), а в одной из Зливкинских могил найдено несколько кованых гвоздей, видимо, от гроба. Судя по этим находкам, отсутствие деревянных конструкций в могилах не связано с обрядами или традицией.

Могилы, как правило, одиночные. В них похоронены мужчины, женщины и дети. Обряд погребения очень прост и абсолютно одинаков для всех покойников независимо от их пола и возраста (рис. 24, *1*). Все они вытянуты на спине головой на запад (с сезонными отклонениями); ноги у скелетов детей иногда слегка согнуты в коленях; руки и у взрослых, и у детей обычно вытянуты вдоль тела, но у некоторых покойников одна (правая или левая) рука согнута в локте и кисть лежит на тазе. Никаких следов подстилок под скелетами нет.

Важнейшей деталью обряда был инвентарь погребений. В отличие от катакомбных могильников в ямных могилах набор вещей очень скромен. Он состоит из одного, редко двух сосудов и костей животных: овец, коров, лошадей, свиней. Причем характерно, что в могилы мужчин и детей клали, как правило, баранину, а в могилы женщин — говядину и изредка конину и свинину. Кости животных — это остатки пищи, положенной рядом с сосудом, в котором также была пища. Других вещей в могилах очень мало. Оружия нет совсем: из 37 могил Зливкинского могильника только в двух найдены стрелы, но в обоих случаях этими стрелами погребенные мужчины были убиты (одна находилась в грудной клетке, другая засела в носовых костях черепа). Украшений и бытовых предметов настолько мало, что мы не можем даже выделить бедные и богатые могилы. В погребениях, где совсем не было вещей, похоронены, как правило, дети. Однако эта деталь обряда, так хорошо прослеживающаяся по материалам катакомбных могильников, здесь выявляется нечетко: в большинстве детских захоронений имеется тот же скудный набор вещей, что и во взрослых могилах. Был ли у этого народа обряд посвящения в зрелость, по материалам ямных могильников сказать нельзя.

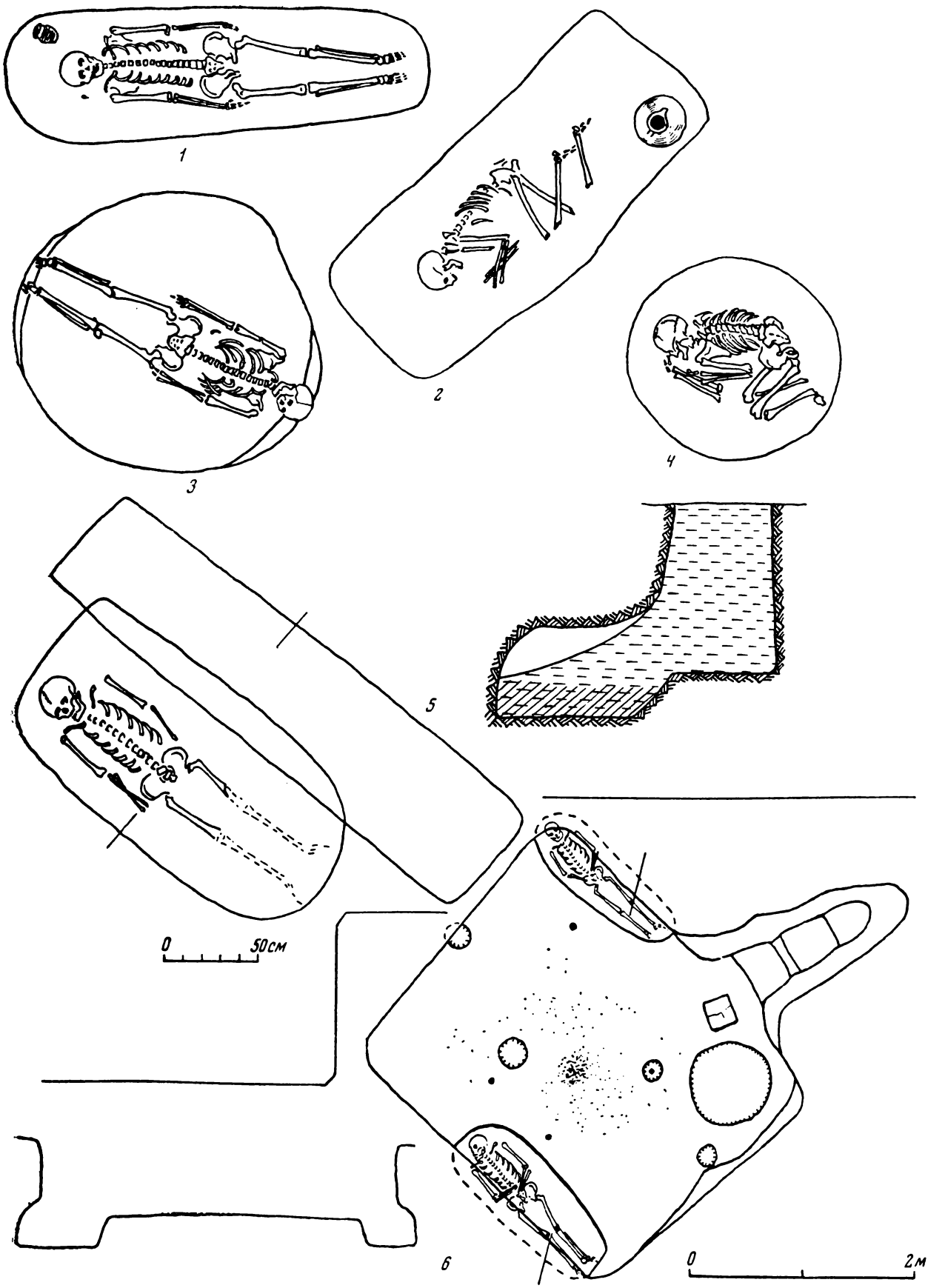
Единственное заключение, к которому приводят материалы подобных могильников, касается религиозных представлений людей, хоронивших в ямах. Они верили в загробную жизнь. Однако умерших снабжали только небольшим запасом пищи. Ни коня, ни оружия, ни жены, ни роскошных украшений и оберегов им, по-видимому, не требовалось. Это отличие от погребального обряда катакомбных могильников, очевидно, вызвано разными представлениями о загробном мире. Создатели катакомб считали потустороннюю жизнь продолжением земной и старались заложить основу благополучия умершего родича, тогда как люди, оставившие ямные могильники, стремились лишь обеспечить покойника пищей на время пути до «того света».

Небольшое количество вскрытых могил и неверная методика раскопок траншеями не позволяют судить о планировке Зливкинского могильника. Тем не менее этот памятник,

[38] О. А. Артамонова. Могильник Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 109, 1963.

Рис. 24. Ямные захоронения

1 — Зливки, могила 36; *2* — Дмитровский могильник, могила 50; *3* — Саркел, мужское погребение 128 в яме 65; *4* — Саркел, женское погребение 161 в яме 25; *5* — Дмитровский могильник, план и разрез могилы 47; *6* — Саркел, захоронения в жилище 12

1
2
3
4
5
0 50см
6
0 2м

несомненно, является своеобразным эталоном для всех подобных могильников Подонья того времени. Действительно, большинство ямных могильников и отдельных погребений, обнаруженных в бассейне Дона и в Приазовье, идентичны зливкинским: это простые могильные ямы с вытянутыми на спине скелетами. Правда, иногда инвентарь погребений несколько богаче и разнообразнее. Например, в Гуковском погребении (217) найдены удила и стремена, т. е. сбруя боевого коня. Но в общем все ямные могилы принадлежат к погребениям зливкинского типа.

При исследовании ямных погребений огромное значение приобретают антропологические определения черепов, которые в данном случае являются единственным или важнейшим признаком этнической и культурной принадлежности покойников. Все зливкинские черепа относятся к европеоидной расе и имеют брахикранную форму. В этом расовом типе, по мнению В. В. Гинзбурга, «сочетаются признаки типов Среднеазиатского междуречья и переднеазиатского, с явной примесью монголоидной расы»[39]. Подавляющее большинство покойников из ямных погребений и могильников Подонья относится именно к такому типу.

Несколько ямных могильников и отдельных захоронений в Подонье значительно отклоняются от «классического образца» — Зливкинского могильника.

Обратимся снова к Дмитровскому могильнику (103), на северо-западной окраине которого обнаружены два ямных погребения. Могильные ямы прямоугольные и неглубокие — они врезаются в материк всего на 0,2—0,5 м, т. е. глубина их не превышала первоначально 0,8 м. В одной из них в скорченном положении на правом боку лежала старая женщина, обращенная головой на юго-запад. При ней были серьги, бусинка, белемнит, а в ногах стоял большой лощеный кувшин (рис. 24, *2*). В другом погребении находился скорченный скелет девочки (очень плохой сохранности), уложенной на левый бок, головой на юго-запад. В ногах у нее также стоял сосудик — небольшая приземистая лощеная кружечка. Очевидно, здесь смешаны обряды двух погребальных обычаев: люди похоронены в ямах, почти без вещей, но в скорченном положении, как требовалось по обрядам местного населения хоронить женщин. Характерно, что череп старой женщины имел долихокранную форму, т. е. она относилась к коренному населению, погребавшему обычно в катакомбах. Чем объяснить такое нарушение ритуала?

Я предполагаю, что расположенные по краю могильника бедные погребения принадлежали рабам (в данном случае — рабыне). Рабынь, убитых во время похорон хозяина-мужчины, укладывали вместе с ним в катакомбу. Но рабынь и рабов, умерших своей смертью, хоронили, по-видимому, по особому обряду — отдельно от остальных членов коллектива. Однако почти все мезо- и долихокранные женщины в дмитровских катакомбах скорчены на боку, поэтому и долихокранная старуха-рабыня была похоронена в ритуальной позе. Вероятно, скорченное положение покойника для какой-то группы долихокранных — аланских — племен было обязательно. Редкие женщины-долихокраны, погребенные в дмитровских катакомбах в вытянутом положении на спине, принадлежали, видимо, к другой племенной группе, возможно салтовской, поскольку именно там покойницы всегда вытянуты на спине.

В том же Дмитровском могильнике известны погребения женщин-брахикранов, вытянутых на спине. Одно из них описано выше — это погребение в кенотафе. Все остальные детали ямного обряда в нем нарушены, поскольку оно носило специфический характер: женщина была убита и небрежно положена в засыпку дромоса вместе с конем, сбруей и оружием в память о погибшем воине. Другая женщина-брахикран захоронена в подбойной дромосовидной могиле с тщательно выровненным дном (рис. 24, *5*). В левой, юго-западной стенке «дромоса» на глубине 0,6 м от поверхности материка сделан узкий и длинный подбой прямоугольной формы с закругленными углами (размеры 1,4 × 0,75 м). Дно подбоя ниже дна «дромоса» на 0,2 м, высота — 0,4 м. Подбой заполнен мягкой серой землей, никаких следов заслона между ним и «дромосом» нет. По конструкции эта могила чрезвычайно близка подбойным могилам сарматских племен, у которых подбои были традиционны. Напомню к тому же, что, по мнению антропологов, брахикранные черепа зливкинского типа близки черепам сарматов Подонья и Волгоградского Заволжья[40]. Таким образом, подбойная могила Дмитровского могильника приобретает особый интерес. К сожалению, в ней не было никаких датирующих вещей, но по типу она относится, несомненно, к наиболее ранним захоронениям,

[39] В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Саркела — Белой Вежи и его происхождение. — МИА, № 109, 1963, стр. 262.

[40] В. В. Гинзбург. Антропологический состав..., стр. 262.

связанным с древними, еще догуннскими погребальными обрядами, распространенными в среде сарматских племен, заселявших бассейн Дона.

Уже на примере Дмитровского могильника становится очевидным, что аланские долихокранные племена жили в постоянном общении с брахикранами. Даже здесь, на окраине салтовских земель, удаленной от территории классических ямных могильников на сотни километров, связи этих двух этнических групп донского населения были очень крепкими. Из 41 дмитровского черепа, определенного антропологами, 4 принадлежали женщинам-брахикранам и один — мужчине-брахикрану. Две женщины похоронены по обрядам, не свойственным создателям катакомб (погребения 12 и 47), две — в одиночных небольших катакомбах с бедным набором вещей или совсем без них (погребения 35 и 36), мужчина-брахикран погребен как обычный аланский воин — в катакомбе, с женщиной-рабыней, на угольной подстилке (погребение 33).

Все это говорит не только о перемешанности обрядов двух сосуществовавших групп населения, но и о том, что брахикраны входили в тесные, по-видимому семейные, контакты с основным долихокранным населением. В результате таких смешений, вероятно, появились мезокраны, черепа которых в большом количестве обнаружены в дмитровских катакомбах.

Характерно, что четверо из них похоронены в одиночных катакомбах 4, 5, 19, 32, одна женщина-мезокран погребена в вытянутом положении (погребение 22), трое похоронены с соблюдением всех катакомбных обрядов (катакомбы 3, 26, 33).

Во всех коллективных захоронениях мезокраны похоронены с мезокранами. Только в двух случаях женщины-мезокраны погребены с мужчиной-брахикраном (погребение 33) и с мужчиной-долихокраном (погребение 22). Причем в погребении 22 прослежено еще одно нарушение обряда: трупы положены без угля.

В то же время и долихокраны нередко нарушали обрядность, по-видимому, под влиянием живших рядом брахикранов: хоронили в одиночных камерах (погребение 25, 34), в простых могилах (погребение 50), женщин укладывали в вытянутом положении (погребение 25) и т. п. Нарушения эти затрагивали, судя по инвентарю, наиболее бедных членов дмитровского общества.

Прослеженный нами в Дмитровском могильнике обряд смешения костей скелетов касается, за одним исключением (погребение 26), только долихокранов. Можно было бы сделать вывод, что этот обряд типичен лишь для аланских племен. Однако материалы Салтовского могильника полностью опровергают такой вывод.

Обширный ямный могильник (66) в Салтове находится напротив катакомбного, на низком левом песчаном берегу, в 1,5 км от реки. Д. Т. Березовец, обнаруживший его, раскопал 82 погребения с останками брахикранов зливкинского типа. В 79 могилах скелеты лежали не в анатомическом порядке. Кости были или сложены кучкой, или разбросаны в беспорядке по дну могилы. Обряд «обезвреживания» мертвеца в этом могильнике выражен сильнее, чем в катакомбах, что существенно отличает его от классических ямных захоронений. Другая особенность салтовских ямных погребений заключалась в том, что их инвентарь оказался таким же богатым, как в катакомбах. Наиболее богаты погребения воинов с конями, роскошными поясами и сбруей. Третьей оригинальной чертой этого могильника было отсутствие в нем детских захоронений. Наконец, необычной была и форма погребальных ям — длинных, узких и глубоких (дромосовидных).

Очевидно, все эти изменения появились под влиянием правобережных соседей — аланов, с которыми население, оставившее левобережный могильник, безусловно, поддерживало постоянные экономические, политические и семейные связи.

Большой интерес представляет могильник у г. Каменск-Шахтинский, близ Рыгинского городища (92). Судя по отчету Ив. Тимощенкова, обследовавшего этот памятник, могилы были или обложены каменными плитами по стенкам, или перекрыты ими. Рыгинский могильник имеет и другие оригинальные черты: в нем часто встречаются коллективные захоронения, покойники лежат головами на юг, иногда в скорченном положении и на угольной подсыпке. Инвентарь бедный — это в основном сосуды, поставленные в головах. Сосуды — желтые кувшины с шаровидным туловом и без лощения, лепные горшки — отличаются от керамики типично зливкинских форм. Очевидно, и датируются они более ранним временем — VI—VII вв. Антропологически Рыгинский могильник не обследован. Сейчас он полностью срыт карьером.

Аналогичный могильник обнаружен разведками М. И. Артамонова на левом берегу Дона в урочище Артугановском у ст. Багаевской (34б). Погребения также были окружены каменными обкладками, а покойники ориентированы головами на северо-восток.

Обычай обставлять могилы камнями или хотя бы подкладывать камень под голову покойника известен и в Саркельском могильнике (23).

В. Ф. Генинг высказывает предположение, что обычай обкладывать могилы камнями пришел в южнорусские степи из Прикубанья и Крыма [41], где он был распространен очень широко [42]. Гипотеза эта вполне вероятна, однако слабая изученность памятников не позволяет, мне кажется, решить этот вопрос окончательно.

Исключительно ценный материал получен при раскопках Саркельского могильника. Здесь смешалось множество обрядов, распространенных среди местных жителей, их соплеменников, далеких и близких соседей. Не будем подробно останавливаться на характеристике памятника, поскольку эта работа уже сделана О. А. Артамоновой. Погребения, относящиеся к хазарскому периоду существования города, т. е. к IX—началу X в., она разделила по обряду погребения на несколько типов. Первый тип объединяет ямные захоронения (во дворе городища). Это погребения мужчин, женщин и детей, вытянутых на спине, головами на юго-запад. Вещей в них почти нет, не поставлены даже сосуды. По-видимому, здесь хоронили беднейших жителей города. По немногочисленным находкам О. А. Артамонова датировала эти погребения примерно X в.[43]

Второй тип погребений составляют подбойные могилы. «Классическая» подбойная могила обнаружена нами в Дмитровском могильнике (см. рис. 24, *5*). В Саркеле одна из подбойных могил представляет собой глубокую (2,2 м) четырехугольную в плане яму (размеры 1,40×1,20 м) — «колодец» с наклонным дном и подбоем в юго-западной стенке. В подбое лежала немолодая женщина. Она была погребена в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад и лицом к внутренней стенке. В заполнении подбоя найдены кости двух собак: черепа, часть позвоночника и лапы.

Близкая по форме подбойная могила обнаружена на дворе городища случайно, при рытье погреба. Подбой в ней настолько глубок, что напоминает низкую (0,5 м) катакомбу, забитую землей. Скелет плохо сохранился — от него остались только разрозненные кости ног.

Разновидностью подбойных могил являются могилы с полуподбоями. Две из них находились в полуземляночном жилище, расположенном внутри крепости (рис. 24, *6*). Подбои врезались в две противоположные стенки жилища. В этих могилах лежали вытянутые на спине мужчины, трупы которых как бы втиснули в узкие и короткие могильные ямы. Захоронения в жилищах известны у различных народов мира, но всюду они были довольно редки. Например, в Новой Каледонии в жилищах хоронили только тела вождей, причем после погребения жилище табуировалось [44].

Мужчины, захороненные в саркельском жилище, были, вероятно, братьями и принадлежали, судя по находкам в жилище, к сословию ремесленников-гончаров. Из этнографических наблюдений хорошо известно, что гончары, так же как и древние кузнецы, постоянно имевшие дело с огнем, считались колдунами [45]. Недаром братьев-гончаров, умерших, по-видимому, одновременно, похоронили вне общего могильника, в их полуземлянке, которая была после этого оставлена остальными обитателями.

Большой интерес представляет погребение 170 — третье подбойное захоронение Саркела. Погребальное сооружение очень сложно: это большое четырехугольное полуземляночное помещение (размеры 2,75×3 м) со входом в западном углу. Внешнее помещение со входом отделено от внутреннего — глухого — перегородкой. В северо-западной стене внутреннего помещения врезан неглубокий подбой, дно которого находилось почти на одном уровне с дном камеры. В подбое похоронена женщина зрелого возраста, вытянутая на спине и обращенная головой на юго-запад [46]. Это погребение весьма напоминает захоронения в жилище, но в данном случае жилище для совершения погребения соорудили на территории могильника специально. Более близкая аналогия известна в описанном выше Маяцком могильнике. Там также большое погребальное сооружение, разделенное перегородкой на две части, было врыто в материк. В стены этого помещения врезали три камеры. Я отнесла маяцкое погребение к типу парных захоронений богатого воина с рабынями. Вокруг этой могилы на Маяцком кладбище располагались катакомбы и круглые ямы (вроде хозяйственных) с остатками захоронений. Саркельское погребальное сооружение также находилось в окружении круглых в плане могил. Их можно выделить в третий тип.

[41] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 121.

[42] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 42, 43.

[43] О. А. Артамонова. Могильник Саркела — Белой Вежи, стр. 27.

[44] С. А. Токарев. Ранние формы религии..., стр. 168.

[45] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 3, 118, 127, 129, 374.

[46] О. А. Артамонова. Могильник Саркела — Белой Вежи, стр. 20, 199.

Сходство подобных захоронений Маяцкого и Саркельского могильников было отмечено О. А. Артамоновой [47]. В 19 из саркельских погребений, совершенных в круглых ямах, похоронены мужчины, женщины и дети, а в остальных — животные. Характерно, что, несмотря на крайне неудобную форму могилы, погребальный обряд был довольно устойчивым: мужчин хоронили в вытянутом положении на спине (втискивая их в яму), женщин — в скорченной позе (рис. 24, *3*, *4*). Скелеты детей были и вытянутыми, и скорченными, видимо, как и в Дмитровском могильнике, в зависимости от пола ребенка. Детей не хоронили в особых ямах — их укладывали обычно со взрослыми покойниками. Ориентировка покойников самая разнообразная: север, юг, восток и запад (с сезонными отклонениями).

Иногда в ямах находились нарушенные погребения: скелеты в них были разбросаны или сложены кучкой. Вещей при покойниках нет — в круглых ямах похоронены беднейшие жители строящегося Саркела — рабочие, поселок которых находился здесь же, за стенами крепости, у западной башни. Изредка в погребениях вместе со скелетом человека попадались отдельные кости или целые остовы лошади, коровы, а также рыбы. В одной из таких могил (яма 8) лошадь была втиснута на дно круглой ямы, а над ней, на засыпке, лежал скелет женщины. Это захоронение, по справедливому замечанию О. А. Артамоновой [48], весьма напоминает кенотаф из Дмитровского могильника, где женский скелет тоже был брошен на засыпку. Возможно, что и в Саркеле это было не самостоятельное погребение женщины, а кенотаф в память об убитом воине.

В круглых ямах нередко бывают только останки животных: целые остовы собак (ямы 2, 31, 46, 55а) и овцы (яма 23) или разрозненные кости собак, коров, рыб (ямы 49, 59, 66, 157, 170а). Кости животных обнаружены и в двух больших четырехугольных ямах с обожженными стенками и слоем угля и золы на дне (ямы 13 и 50) [49]. В одной из них захоронены четыре пары коровьих ног с копытами, в другой — ноги девяти коров и 48 овец. Присоединяясь к мнению О. А. Артамоновой [50], я считаю такие погребения останков животных тризнами, известными нам по материалам Дмитровского могильника. Только там подбор животных был иным: корова и коза. Впрочем, и у дмитровцев собака иногда служила ритуальным животным. Так, в дромосе катакомбы 20 обнаружены череп и передние лапы собаки: череп положен на дно, мордой ко входу в камеру. В Саркеле же собака была, судя по находкам, основным жертвенным животным.

Несмотря на странную форму погребальных ям, ранние саркельские погребения мало чем отличаются от погребений зливкинского типа. В Зливках нам удалось обнаружить одну круглую («хозяйственную») яму, на дне которой лежали череп и несколько костей человека. Таким образом, и в классическом Зливкинском могильнике попадались необычные круглые ямы с останками людей. Очевидно, погребения этого типа, как и подбойные могилы, можно считать характерными для могильных сооружений брахикранов.

Раскопки Саркельского могильника — наиболее исследованного из всех памятников такого рода — дали наиболее полную картину погребальных обрядов, принятых среди брахикранного населения. Трудно объяснить, чем было вызвано появление различных форм погребальных сооружений. Вероятно, здесь отразились общественные различия похороненных — принадлежность к разным родовым группам, к разным социальным прослойкам — и вместе с тем иные культовые представления. Возможно, например, что в круглых, как бы «зерновых» ямах хоронили земледельцев. Это подтверждается и тем обстоятельством, что в круглых ямах погребены, судя по отсутствию вещей, наиболее бедные члены общества. А земледельцами у кочевников становились, как правило, беднейшие люди, лишившиеся привычных средств к существованию. В таком городе, как Саркел, оседлых земледельцев, совершенно оторвавшихся от кочевого скотоводства, естественно, было больше, чем в поселках — недавних зимовищах. И действительно, в большом ямном могильнике в Салтове не было ни одного погребения в круглой яме — по-видимому, все похороненные там еще оставались полукочевниками, как и подавляющее большинство зливкинцев.

Подбойные могилы в Подонье, видимо, следует считать пережиточным явлением: они перешли сюда от поволжских сарматов, с которыми донское население поддерживало постоянные связи в VIII—IX вв.[51]

[47] О. А. Артамонова. Могильник Саркела — Белой Вежи, стр. 20.

[48] Там же, стр. 16.

[49] Там же, стр. 19.

[50] Там же, стр. 12, 205.

[51] Все поздние сармато-аланские погребения Поволжья (V—VIII вв.) совершены в подбойных могилах (Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. — Труды Саратовского областного музея краеведения, вып. 1, 1956, рис. 40).

Трудно определить причины появления больших, имитирующих жилища погребальных камер с вырезанными в стенках катакомбами или подбоями для покойников. Выше я пыталась объяснить происхождение могил в обычном жилище. Возможно, что и остальные камеры-жилища сооружены для людей, занимавших в обществе какое-то особое положение. На Маяцком кладбище в таком погребении похоронен богатый воин со слугами, вероятно военачальник. В Саркеле такая могила предназначена для женщины, причем она погребена даже без вещей. Правда, из ряда обычных женских погребений эту могилу выделяет не только форма, но и вытянутое на спине положение покойницы (саркелок того времени хоронили в скорченной позе). По-видимому, женщина принадлежала к особой категории людей: может быть, как и гончары, она считалась колдуньей, предсказательницей и т. п.

Таким образом, в ямном погребальном обычае (как и в катакомбном), несмотря на общее единство, прослеживается множество разных обрядов, нарушающих строгий и простой ритуал. По-видимому, изменения в обрядах явились результатом взаимного влияния катакомбного и ямного обычаев. Иначе трудно было бы объяснить проникновение в ямный обычаї обряда «скорченности» для женских трупов, перемешанности скелетов (нарушенных погребений) и, наконец, что особенно важно, нарушения строгой западной ориентировки, характерной для подавляющего большинства ямных погребений Подонья VIII—IX вв.

Из анализа погребальных обычаев становится очевидным, что многие религиозные представления в равной степени характерны как для создателей катакомб, так и для населения, хоронившего в ямах. Не говоря уже об «обезвреживании» мертвеца или «скорченности» женского трупа, мы должны отметить культ солнца, несомненно существовавший у обеих групп и особенно ярко отразившийся в амулетах, поминальные тризны в честь покойников, одинаковый подбор жертвенных животных и др.

Общим оказались обычаи хоронить выдающихся чем-либо покойников в могилах в виде жилища, а часть населения (земледельцев?) — в круглых ямах.

Однако и различия между ямными и катакомбными могильниками весьма значительны. Я уже отмечала, что в отличие от катакомбных могил, в которых похоронены долихокраны-аланы, в ямных погребениях лежат брахикраны. Этническая принадлежность их не вызывает особых разногласий: все исследователи — и антропологи, и археологи — сходятся на том, что ямные погребения брахикранов VIII—IX вв., обнаруженные на территории Подонья и Приазовья, оставлены болгарами. Повторять убедительную аргументацию этих исследователей я не буду. Напомню только, что основным доказательством служит распространение аналогичных могильников в Волжской и Дунайской Болгариях [52]. Черепа похороненных там людей идентичны зливкинским и ранним саркельским.

Но и в волжских, и в дунайских погребениях имеются некоторые своеобразные черты, отличающие их от зливкинских. Важнейшей особенностью волжских могил (Больше-Тарханский и Кайбельский могильники) являются заплечики, прослеженные примерно в 30% всех раскрытых погребений и служившие, по справедливому замечанию В. Ф. Генинга, для сооружения перекрытий.

В дунайском болгарском могильнике у с. Нови Пазар наиболее существенное отличие заключается в ориентировке погребенных — головой на север, северо-восток.

Недостаточная изученность могильников Подонья не позволяет категорически отрицать существование заплечиков и перекрытий в ямных могилах. Напротив, поздние погребения Саркела косвенно подтверждают, что они были. Что же касается ориентировки, то она в придонских погребениях, как неоднократно подчеркивалось, весьма устойчива и притом обусловлена, по-видимому, культовыми представлениями многих тюркоязычных племен, связанными с солнцем — Востоком. Еще гуннские шаньюи каждое утро выходили из лагеря «поклоняться восходящему солнцу» [53]. Покойников, как правило, хоронили головой на запад, лицом на восток.

Однако в Подонье известны и нарушения этого строгого обряда. Например, в Саркеле ориентировка погребенных в круглых ямах и подбоях была совершенно беспорядочной. В соседнем Правобережном замке беспорядочно были ориентированы и юрты (хотя восточное направление и преобладало). В единственном погребении, обнаруженном на этом поселении, похоронен старик-брахикран, обращенный головой на юго-восток, т. е. опять-таки без точного соблюдения обряда.

Очевидно, нарушение ритуальной ориентировки в этом районе нельзя считать случай-

---

[52] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге; Ст. Станчев. Новый памятник...; Он же. Некрополът до Нови Пазар.

[53] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., т. III. М.—Л., 1950, стр. 50.

ным. Здесь жило гораздо более пестрое, чем в других областях, население. С востока Нижнее Подонье граничило с сарматским Нижним Поволжьем, с юго-запада — с землями аланов. И у тех, и у других ориентировка была крайне неустойчивой: аланы даже в одной могиле укладывали мертвых в самых различных направлениях. Со всеми этими народами и областями Нижнее Подонье и особенно город Саркел имели тесные контакты. Таким образом и появились здесь различные нарушения традиционной обрядности, в частности и разнообразная ориентировка.

Следовательно, несмотря на Саркел и прилегающие к нему земли, мы все же можем говорить, что обращение покойника головой на запад представляет собой весьма существенный признак болгарских захоронений Подонья.

Тем более интересно, что в новопазарских погребениях Болгарии покойники ориентированы головой на север. По-видимому, эту особенность можно считать племенной, характерной только для дунайских болгар — орды, ушедшей с Аспарухом.

Точно так же и заплечики для перекрытий над могилами, распространенные в погребениях волжских болгар, может быть, являются признаком, типичным для болгарского племени, откочевавшего из Приазовья на Волгу[54]. Однако следует помнить, что и в могильниках поволжских болгар заплечики встречаются только в 30% всех исследованных погребений. Возможно, что этот обычай был заимствован болгарами у соседей, напрпмер у сарматов Нижнего Поволжья, ставивших каменные и деревянные перегородки между подбоями и входной ямой. Кстати, в Больше-Тарханском могильнике в ямах иногда попадаются небольшие подбойчики.

Вероятно, дальнейшие исследования ямных могильников Подонья позволят обнаружить и здесь могилы с заплечиками и подбоями.

Весьма существенно, что кочевнические погребения конца IX—XI в., обнаруженные в курганном могильнике, расположенном к юго-востоку от Саркела, мало отличаются по погребальному обряду от ямных погребений Подонья, Поволжья и Подунавья[55].

Форма могильных ям простая, но встречаются в них и приступки, и небольшие подбойчики. Покойники — мужчины и женщины, как в Зливкинском ямном могильнике, обращены головами на запад, вытянуты на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Иногда они лежат в гробах, но чаще без гроба, прямо на дне могилы. Набор инвентаря небогатый, хотя известны и сравнительно богатые захоронения женщин с украшениями и мужчин с оружием, в которое входят даже сабли, и конской сбруей. Почти в каждой могиле положены в анатомическом порядке голова и ноги коня. Они лежат или рядом с покойником, или на приступке, или на крышке гроба, или на засыпке (примерно на одинаковом расстоянии от дна и от края могилы). Нередко в могилах бывают остатки поминальной пищи, обычно бараньи кости. Изредка кости коней похоронены отдельно, без покойника. Такие погребения, вероятно, были поминальными кенотафами.

Все эти черты сближают кочевнические погребения с ямными более раннего времени. Различия между ними невелики: над могилами поздних кочевников сооружены небольшие земляные насыпи — курганы, а в могилах никогда не стоят сосуды.

Если мы обратимся к более поздним кочевническим погребальным памятникам, то увидим, что этот погребальный обряд сохранился с незначительными изменениями вплоть до прихода в степи татаро-монголов и даже позднее. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным. Оно означает, что степные кочевые народы — от болгар до половцев — объединяли не только идентичные религиозные взгляды, но и этнические связи. Этническую близость их подтверждают и антропологические измерения черепов из курганов кочевнического могильника близ Саркела. Л. Г. Вуич считает возможным предположить, что болгарское население было частично ассимилировано новой волной кочевников, хлынувших в степи в конце IX в.[56]

Слияние двух родственных тюркоязычных народов привело к незначительным изменениям в погребальном обряде. Характерно, что печенеги, например, довольно часто вводили погребения в насыпи предыдущих эпох, т. е. сами не сооружали надмогильных памятников. Отсутствие посуды в позднекочевнических погребениях связано с тем, что печенеги уничтожили в степи и гончарные мастерские, и ремесленников: глиняная посуда стала дорогой. Но, по сообщениям ибн Фадлана и Рубрука, кочевники вплоть до XIII в. ставили в могилы

[54] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 121, 122.

[55] С. А. Плетнева. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 109, 1963.

[56] Л. Г. Вуич. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 109, 1963, стр. 444.

умерших родственников деревянные сосуды с напитком. Иногда, впрочем, попадаются и глиняные горшки — лепные, типично кочевнические, или (в Поросье, на границе с Русью) гончарные русские IX—XII вв. С приходом в степи половцев в традиционном обряде появились новые черты (курганы с каменной обкладкой и т. п.) [57], однако в целом он изменился очень мало.

Наконец, если мы обратимся к погребениям кочевников, обитавших на всей огромной территории от предгорий Алтая до Дуная, то и здесь нас поразит необычайное единообразие обрядов: вытянутые на спине мужчины и женщины похоронены с останками коня (полным остовом или только головой и ногами) и запасом пищи.

Археологические исследования прекрасно иллюстрируются и дополняются описаниями, которые оставили нам очевидцы от араба ибн Фадлана до француза Рубрука включительно [58]. В основе обряда лежало стремление обеспечить покойника на время его пути в загробный мир. Для этого нужен был конь и небольшой запас пищи.

В большинстве тюркских волшебных сказок герой, отправляющийся в путешествие на «тот свет», находит там точно такую же жизнь, как на земле. Он завоевывает счастье без всякой помощи «земных» предметов, нередко даже без коня. Ему помогают волшебные силы (звери, сабля, меч и т. п.), с которыми при жизни следует обращаться с должной почтительностью.

Правда, у кочевых племен и народов существовало, как мы видели, и другое представление о загробном мире, куда полагалось прибыть с запасом оружия и украшений, рабами и женой.

Как бы ни были различны обряды, каким бы религиозным воззрениям ни следовали люди, хоронившие в катакомбах или ямах, под курганами или каменными кольцами, — в основе погребального обычая лежал один прием обращения с телом умершего — трупоположение. Первичным было стремление сохранить труп.

Принципиально отличается от этого погребального обычая обычай сжигать труп. В основе его лежал инстинкт опрятности — стремление избавиться от трупа.

ТРУПОСОЖЖЕНИЯ

Обычай трупосожжения был широко распространен в среде тюркоязычных народов. В интересующее нас время (VI—VIII вв.) так хоронили мертвых хакасы: «При похоронах... обертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости через год погребают» [59]. Этот обычай прослежен раскопками С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой в чаатасах Южной Сибири [60]. Могильник VII—VIII вв. с трупосожжениями обнаружен П. С. Рыковым и Т. М. Минаевой в Поволжье [61].

В бассейне Дона могильник с трупосожжениями открыт на крайнем северо-западе кочевых земель — рядом с «Кагановым» городищем, на левом берегу речки Уды, у с. Ново-Покровское (114). Здесь раскопаны 20 бескурганных погребений. Каждое состоит из продолговатой, «корытообразной» ямы, вытянутой с запада на восток. Неглубокая яма заполнена углями и обломками перегоревших человеческих костей. Кости черепа находились обычно в западном конце могилы, т. е. соблюдалась ориентировка, характерная и для ямных захоронений Подонья. Иногда среди углей в могиле встречались вещи: бусы, пряжки и др.

Могильная яма перекрыта угольно-золистым слоем, выходящим за границы могилы. Перекрывающее пятно имеет неправильно округлую форму (диаметр около 2 м); над могилой толщина слоя достигает 0,1 м, к краям сходит на нет. Сожжение, очевидно, производилось на стороне. Кости сожженного вместе с углями и золой погребального костра ссыпали в яму, но поскольку она была небольшой, то часть углей насыпали и поверх могилы, по-видимому холмиком. Затем погребение присыпали землей. В настоящее время могилы на поверхности не видны, но в древности они имели, вероятно, вид невысоких холмиков. Грунт на территории могильника песчаный, поэтому насыпи быстро разрушились, сравнялись с поверхностью, а угольно-зольные холмики расплылись в круглые пятна. Рядом с могилами, видимо, наиболее богатых покойников находятся тайнички, в которых лежат стрелы, остатки колчанов, ножи, поясные пряжки, бусы и пр. Очень редко в тайничке оказываются сосуды. Обнаружены

---

[57] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, № 62, 1958, стр. 172—182.

[58] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 128; Путешествия..., стр. 102.

[59] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., т. I, стр. 353.

[60] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири (МИА), стр. 336.

[61] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. — Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, т. VI, вып. 3, 1927.

два богатых комплекса, состоявших из оружия и сбруи. Оба они были зарыты на большом расстоянии от погребений. Возможно, что это поминальные комплексы типа кенотафов.

Вещевой материал могильника и примыкавшего к нему селища датируется VIII—IX вв. и по составу, тождествен инвентарю салтово-маяцких могил с трупоположениями. Однако в археологической литературе могильник долгое время считался славянским. Основным аргументом сторонников этого мнения был обряд трупосожжения, характерный якобы только для славянских племен. Но ареал трупосожжений на территории Восточной Европы и Азии в VI—IX вв. был гораздо шире области, занятой славянскими памятниками. И по письменным источникам, и по археологическим данным хорошо известно, что кроме славян обычай трупосожжения был распространен и у балто-германских, и у многих финно-угорских, и у тюркоязычных племен.

Славянские могильники на территории, граничащей с салтовскими землями, имели иной облик, чем синхронные салтовские памятники. Боршевские племена хоронили прах покойников под курганными земляными насыпями в срубиках, окруженных круглой в плане оградкой из плах; волынцевские племена складывали прах и угли в урны, хотя и не сооружали над ними курганов. Ново-Покровский могильник был и бескурганным, и безурновым. Весьма важной деталью являются тайнички с вещами при погребениях. В славянских курганах их нет, зато в далеких алтайских погребениях хакасов тайнички сооружались постоянно. Следует отметить, что для алтайских сожжений тоже выкапывали длинные, как для трупоположений, ямы. В них засыпали прах сожженных на стороне покойников.

Таким образом, гипотеза о славянстве людей, похороненных в Ново-Покровском могильнике, представляется мне ошибочной. Она тем более невероятна, что могильник, как уже говорилось, расположен в окружении салтовских памятников: рядом с ним находилось типично салтовское поселение, а напротив, на правом берегу Уды, — Кабаново, или «Каганово», городище.

Выше я упомянула о предположении, что на этом городище помещалась ставка тудуна хазарского кагана. Возможно, воины, похороненные в Ново-Покровском могильнике, принадлежали к дружине тудуна, этнический состав которой был иным, чем окрестное население. Это были не аланы и не болгары, а какое-то чуждое тюркское племя. Материальная культура этих тюрок резко отличалась от славянской. Особый интерес представляют два ново-покровских комплекса, зарытых в землю в память о погибших воинах. Комплексы состоят из предметов вооружения: меча-сабли, кинжалов, стрел, копья и остатков сбруи — стремян и удил. Кроме того, в каждом комплексе имелся серп, необходимый всаднику для накоса травы. В целом набор вещей близок инвентарю богатых типично салтовских могил. Существенное отличие заключается только в том, что сабли (как, кстати, и во многих тайничках) согнуты пополам. Возможно, это действие было вызвано необходимостью уложить вещи в небольшую ямку, но очень вероятно и иное истолкование: обычай требовал, чтобы после смерти воина оружие его приводили в негодность. Интересно, что иногда в тайничках при погребениях таким же образом, как сабли, согнуты и простые ножички. Показательно, что это явление имеет место во всех погребальных комплексах того времени, связанных с трупосожжением.

Таков комплекс аналогичных вещей, найденный в 1891 г. у с. Тополи на Осколе (138). Комплекс этот богаче ново-покровских: помимо оружия (в том числе и боевого топорика), в нем обнаружены остатки железного котла, железные цепи и бляшки от пояса. Сабля согнута вдвое. Остатки трупосожжений рядом не обнаружены. Объясняется это, видимо, неизученностью участка, примыкавшего к комплексу, который, как и ново-покровские, был кенотафом. Датируется он тем же временем, что и Ново-Покровский могильник.

К тому же времени относится погребение с детским трупосожжением, открытое в урочище Бондариха близ Изюма на селище VIII—IX вв. (83). В квадратную (0,5×0,5 м) ямку были насыпаны угли и обожженные кости двух скелетов — взрослого и ребенка. Вещей при них нет.

Наконец, несомненно, что к этому же кругу памятников относится знаменитое приднепровское погребение у с. Вознесенское (270). Оно находилось, как и бондарихинская могила, непосредственно на территории поселения — небольшой, укрепленной каменным валом крепости. Характерная лощеная керамика, амфоры и лошадиные кости, найденные здесь, а также каменные укрепления по периметру поселка (военного лагеря?) позволяют считать этот памятник салтово-маяцким.

Погребение помещалось внутри кольца из рваного камня и состояло из сложенных в кучу сбруи, оружия и украшений, перемешанных с углями и слегка скипевшихся. Комплекс, судя по вещам, синхронен поселению, т. е. да-

тируется примерно VIII в. Сооружение каменных квадратных и круглых оградок вокруг погребений представляет одну из наиболее типичных деталей похоронного ритуала у многих тюркоязычных народов Сибири VI—XIII вв.[62] По-видимому, и Вознесенское погребение оставлено какой-то тюркоязычной группой. Его богатство и исключительное (почти центральное) положение на поселении позволяют предполагать, что в нем похоронили знатного и влиятельного хана, возглавлявшего дружину или орду, жившую в крепости.

Материальная культура поселения не отличалась от алано-болгарской культуры Хазарского каганата, но погребальный обряд оставался своеобразным — тюркским.

Аналогии Вознесенскому погребению представляют восемь могил, обнаруженных еще в конце XIX в. у с. Новогригорьевка, в том же районе Среднего Приднепровья (271). Все они находились под большими (диаметр 10—30 м) каменными кольцами, сложенными из рваного камня и булыжника, и состояли из угольков, сгоревших костей человека и лошади, обломков сосудов (в частности, амфор), оружия (копий, стрел и др.) и бляшек от поясов. Сожжение произведено на стороне. Возможно, каменные круги были остатками каменных курганов. В этом случае близость их к хакасским памятникам становится еще очевиднее [63].

Таким образом, все перечисленные погребальные комплексы оставлены, по-видимому, тюркоязычными народами. Их нельзя связывать со славянами. Это типично кочевнические по инвентарю и обряду погребения памятники, расположенные к тому же в степной и лесостепной зоне, захваченной еще в IV в. гуннскими полчищами и остававшейся под властью кочевников вплоть до XVII в.

Как правило, постоянно передвигавшиеся орды, захватывая новые земли, нигде не задерживались и редко оставляли после себя какие-либо памятники. Не сохранилось ни следов кочевий, ни постоянных могильников, в которых хоронили хотя бы на протяжении 20—30 лет.

Только после того как кочевники начали оседать на землю и радиус их кочевок сузился, у них появились большие могильники. Характерно, что могильники VIII—IX вв. известны только в лесостепи и в низовьях Дона, т. е. в районах, где обосновалось оседлое население. Очевидно, в днепровском надпорожье в VIII в. наметился еще один «центр оседлости» — вознесенско-новогригорьевский район. Здесь жило население, отличное от основных обитателей Подонья — алано-болгар.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Кочевники, заселившие Подонье и Приазовье в VIII—IX вв., знали три погребальных обычая: трупоположение в катакомбах, трупоположение в ямах и бескурганное трупосожжение. Особенно распространенными были два первых способа захоронения. Катакомбные могильники располагались в районах, заселенных аланскими племенами, — в верховьях Дона и его притоков; ямные (болгарские) — по границе степи и лесостепи и в Нижнем Подонье. Судя по тому, что в степной полосе попадаются только одиночные ямные погребения, она служила сезонным (летним) кочевьем для болгарских племен. Аланы, по-видимому, уже почти перешли к оседлому существованию. Если они еще и придерживались традиционных летних кочевок, то радиус их кочевания сузился до нескольких десятков километров. Погребения и могильники с трупосожжениями оставлены народом или племенем, также входившим в состав Хазарского каганата. Вероятно, это было какое-то тюркоязычное племя, приближенное к центральной власти, к кагану. Одну из дружин, состоящую из людей этого племени, каган отослал для поддержания своей власти на далекий от Итиля северо-запад — в верховья Северского Донца.

Погребальные комплексы всех трех групп дают возможность изучить многие ритуально-религиозные обряды. Хотя в основе похоронных обычаев лежало вполне материалистическое отношение к трупу, в изучаемое нами время каждый из них сопровождался массой как общих, так и своеобразных церемоний. Различные детали обряда помогают уловить разницу в представлениях о загробном мире. Создатели катакомб стремились обеспечить умершего всем необходимым для продолжения потусторонней жизни. Хоронившие в ямах наделяли покойника вещами, пищей и иногда конем только на дорогу. Наконец, люди, сжигавшие мертвых, полагали, по-видимому, что только огонь и дым помогут достичь «того света», хотя и они нередко снабжали умерших вещами и оружием, будучи, вероятно, не в силах преодолеть «инстинкт привязанности».

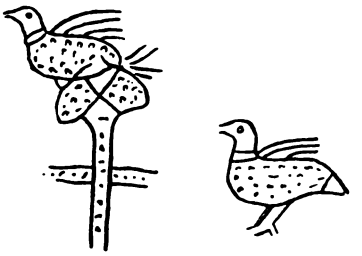
---

[62] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. XXXI.

[63] Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. — Вестник МГУ, 1964, № 4, стр. 78—82, табл. II.

ГЛАВА IV

КЕРАМИКА

Керамика — наиболее постоянный, массовый и характерный материал — служит источником объективных и неопровержимых данных об этническом составе населения, об экономике, о сложных исторических процессах. К сожалению, многие историки и даже иногда археологи пренебрегают возможностями, которые открываются при исследовании керамических материалов, и предпочитают многократно пережеванные в литературе неточные и порой нарочито неверные сведения древних авторов.

Керамика народов Хазарского каганата отличается богатством форм и выразительностью. История ее развития теснейшим образом, как мы увидим, связана с важными историческими процессами.

За последнее тридцатилетие вышло несколько работ, в которых приведена с той или иной степенью подробности характеристика салтово-маяцкой керамики [1].

Таким образом, предварительная обработка материала более или менее закончена, и основы его классификации и относительной датировки уже известны. Поэтому я старалась по возможности сократить раздел, посвященный типологии, и уделить главное внимание тем типам керамики и тем вопросам, которые не затронуты еще в литературе.

Вся керамика, обнаруженная на памятниках салтово-маяцкой культуры, делится на три основные группы: кухонная, столовая (парадная) и тарная. Каждая из этих групп в свою очередь разделена на отделы, типы и виды. Наиболее выразительной и типичной группой следует считать кухонную посуду.

КУХОННАЯ КЕРАМИКА

Обломки кухонной керамики (преимущественно горшков) попадаются на подавляющем большинстве алано-болгарских поселений и могильников в бассейне Дона и в Приазовье. Значительно реже встречаются целые сосуды — их можно обнаружить только в хорошо сохранившихся комплексах. Мы располагаем примерно сотней целых или реставрированных горшков и несколькими тысячами их обломков. Несомненно, что этот обширный материал дает право судить о всей группе в целом. Обломки сосудов находят свое место в той классификации, которую я предлагаю, опираясь в основном на результаты изучения целых горшков.

По технике изготовления вся кухонная керамика алано-болгарских племен Подонья и Приазовья разделена на три отдела:

1. Лепная, изготовленная без гончарного круга.
2. Круговая, изготовленная на ручном и даже на ножном гончарном круге.
3. Подправленная или изготовленная на ручном круге из грубого теста с примесью крупнодробленого шамота или дресвы.

1. Лепная кухонная керамика

Подавляющее большинство лепных кухонных сосудов относится к одному типу. Это горшки с яйцевидным туловом, слабо профилированным венчиком и плоским дном. Как правило, горшки не сохраняются полностью,

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. — ИГАИМК, 131. Л., 1935, стр. 24, 26, 30, 33—78; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, № 6, 1941; Он же. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62, 1958, стр. 107—116; Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Канд. дисс. — Архив ИА АН СССР, № 884; Б. А. Шрамко. Керамика салтівської культури. — Труды Іст. фак. ХГУ, т. 7, 1959; С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959; Она же. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

однако по редким целым экземплярам, обнаруженным в основном при раскопках Таманского и Саркельского городищ, и по ряду крупных обломков удалось установить соотношение диаметра венчика с наиболее широкой частью горшка ($D_1 : D_2 = 1 : 1{,}2—1{,}3$), а также соотношение высоты сосуда с расстоянием от края венчика до линии, пересекающей наиболее расширенную часть горшка ($h_1 : h_2 = 1 : 0{,}4$ — реже 0,5). Соотношения эти чрезвычайно устойчивы, и, следовательно, имея в руках даже небольшой обломок лепного горшка, мы можем восстановить форму целого сосуда. Таким образом, несмотря на малое количество целых экземпляров, мы получаем полное представление о внешнем виде сосудов этого типа (рис. 25, *1—3*).

Другим важным компонентом, по которому мы устанавливаем принадлежность сосуда к той или иной керамической группе, является состав глиняного теста и способ обжига сосуда (в очаге или специальной печи).

Тесто, из которого изготовлены горшки, довольно рыхлое, с примесью более или менее крупной дресвы и рубленой травы. Дресва в зависимости от места находки различна. Так, в Тамани — это крупнодробленая морская ракушка, примесь которой характерна для всей посуды, изготовленной в этом городе; на приречных поселениях — это речной мелкий песок или дробленый сланец; в районах, где есть меловые горы, — дробленый мел. Траву в тесто подмешивали не всегда. Если ее рубили мелко, то тесто выходило довольно плотным, а при крупной резке оно получалось рыхлым, с хорошо видимыми пустотами.

Поверхность сосудов (внутреннюю и наружную) заглаживали мокрой рукой или пучком травы, от которой на глине оставались мелкие, беспорядочно расположенные бороздки. Обжиг горшков, как правило, неровный, очажный: поверхность их желто-серая (часто пятнистая), излом — черный или темно-серый.

90% горшков не орнаментировано. У остальных венчик украшен насечками или пальцевыми вмятинами. В исключительных случаях (например, на некоторых саркельских горшках) на тулове сосуда по сырому тесту прочерчивали один или несколько тамгообразных знаков.

В целом лепные горшки, обнаруженные в городских слоях VIII—X вв. и на поселениях салтово-маяцкой культуры, не только очень просты, но и крайне однообразны. Характерно, что этот тип появился в степях задолго до формирования салтово-маяцкой культуры. Варварская лепная кухонная керамика из боспорских городов и сарматская первых веков нашей эры [2] мало отличается от кочевнических сосудов аварской эпохи (VI—VII вв.) [3] и лепных горшков болгарских племен Подонья и Приазовья VIII—IX вв. Существенным отличием является только широко распространившийся в конце I тысячелетия обычай подмешивать в глиняное тесто рубленую траву. Интересно, что позднее — в X и XI вв. — очень близкие горшки с примесью травы в тесте лепили другие кочевнические племена, в частности печенеги и половцы, занявшие тогда южнорусские степи. Правда, у печенегов горшки нередко украшены пышным орнаментом, а у половцев они зачастую приобретали баночную форму [4].

Но если рассматривать позднюю кочевническую керамику, не вдаваясь в детали, то сходство ее с ранней — аварской и болгарской — становится очевидным: это преимущественно такие же яйцевидные сосуды с примесью дресвы и травы в тесте.

Горшки описанного типа встречаются на огромной территории. Северная граница их распространения совпадает с границей степи и лесостепи. Они попадаются на всех степных поселениях болгарских племен VIII—IX вв. и даже в крупных городах — древней Таматархе, Фанагории и Саркеле (также в слоях VIII—IX вв.).

Подъемный материал разведок не позволяет точно определить, посуда каких групп, отдела или типа преобладала на изучаемых поселениях. Однако исследования показали, что примерно на 30% всех степных поселений (кочевий) лепные горшки являются единственным типом кухонной посуды [5].

Помимо черепков лепных сосудов, на таких кочевьях попадаются и обломки амфор, которые обычно дают возможность датировать кочевье. Характерно, что кочевья, на которых кухонная керамика состоит исключительно из лепных горшков, датируются по обломкам амфор VII — началом VIII в.

---

[2] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Илурата. — МИА, № 85, 1958.

[3] См., например: J. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyan. Budapest, 1963, табл. I, *32*; II (комплекс 40); VIII, *25*; IX, *18*; A. Cs. Sos. Le deuxième cimetière avare d'Ullo. — Acta archaeologica. VI. Budapest, 1955, табл. LXXV; LXXX.

[4] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 234, рис. 19; стр. 240, рис. 26.

[5] Правда, на таких поселениях-кочевьях находок вообще очень мало — от 5 до 20 обломков керамики, — но тот факт, что рыхлая лепная керамика сохранилась, а значительно более твердые обломки круговых горшков не найдены, позволяет предполагать, что круговой керамики здесь, по-видимому, совсем не было.

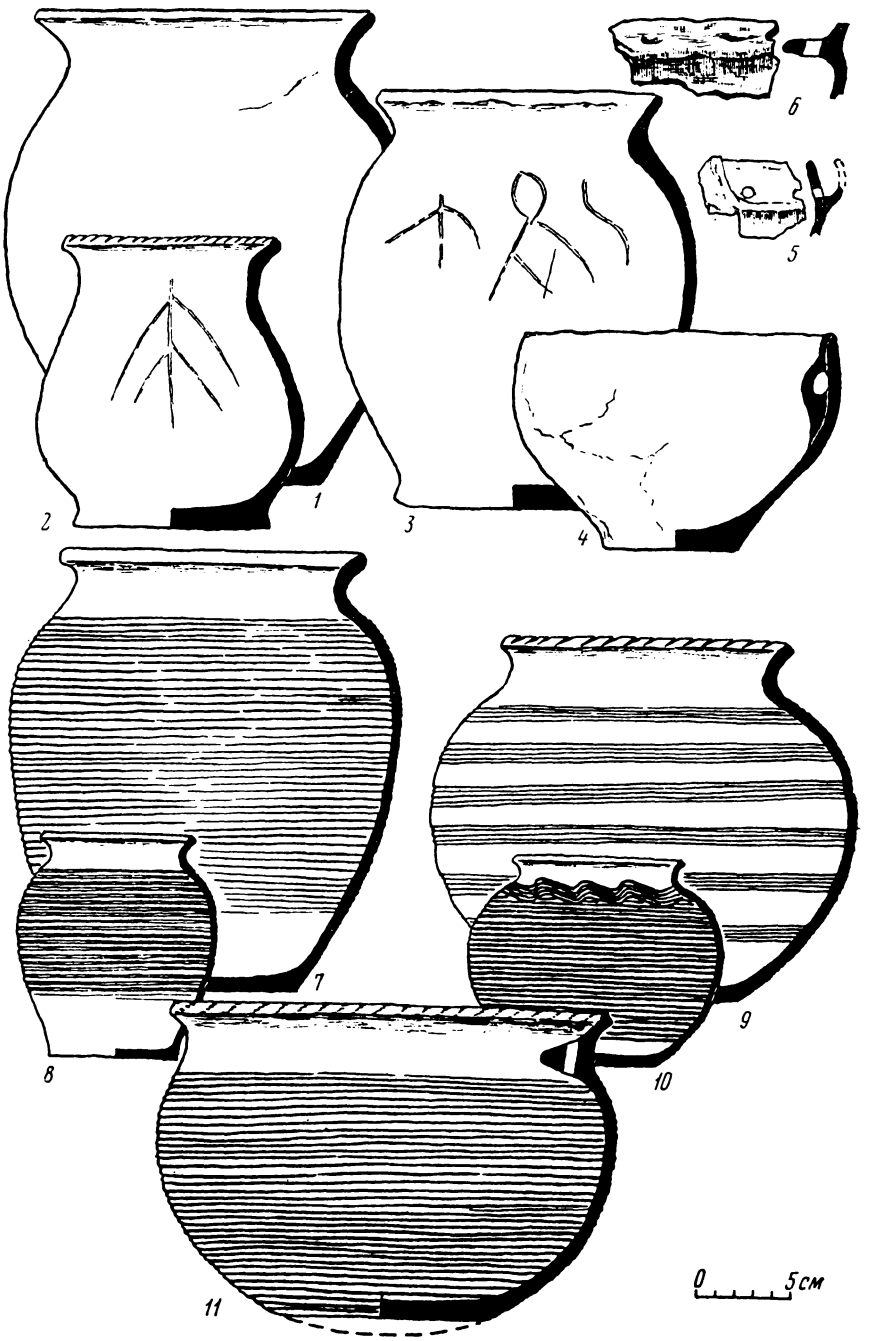

Рис. 25. Лепная и круговая кухонная керамика салтово-маяцкой культуры

1—3 — лепные горшки из Тамани и Саркела; *4* — лепной котел из Саркела (ручка — вид II); *5, 6* — обломки котлов с ручками (виды I и III); *7* — круговой горшок из Карнаухова; *8* — круговой горшок из Зливок; *9, 10* — круговые горшки Тамани и Саркела; *11* — реконструкция котла по обломкам, обнаруженным в Саркеле и на Правобережном Цимлянском городище

На 40% поселений, обнаруженных в степях бассейна Дона и в Приазовье, состав кухонной керамики смешанный, т. е. кроме обломков лепных горшков, попадается довольно большое количество круговой посуды.

Что касается крупных приморских городов и селищ с ярко выраженным культурным слоем, то там круговая кухонная керамика явно преобладает.

2. Круговая кухонная керамика

Тип А. К этому типу относятся самые ранние на средневековом юго-востоке Европы круговые кухонные сосуды. Это горшки, обломки которых составляют характернейшую находку на всех степных памятниках VIII—IX вв. Горшки обычно яйцевидные или шарообразные, с небольшим плоским дном и слабо отогнутым (10—30°) венчиком (рис. 25, *7—10*). Изредка в городских слоях попадаются экземпляры с сильно отогнутым (45°) венчиком. Края венчиков преимущественно закругленные, иногда с небольшим утолщением, но бывают и плоскими, как бы срезанными.

Судя по донышкам с отпечатками подставки гончарного круга (иногда с клеймом) и с невысоким бортиком по краю, подавляющее большинство горшков этого типа изготовлено на ручном гончарном круге. Однако в больших приморских городах вроде Херсона или Таматархи нередко попадаются горшки (или обломки донышек), обрезанные с круга ниткой, что свидетельствует об изготовлении их на быстро вращающемся ножном круге.

Глиняное тесто имеет, естественно, специфические особенности в каждом районе. Обезжиривающие примеси были весьма постоянны: в Подонье обычно использовали крупно- или мелкозернистый кварцевый речной песок; в приморских населенных пунктах Крыма и Приазовья брали морской песок с примесью значительного количества дробленой белой ракушки. И в том, и в другом случае примесь бывает хорошо видна не только в изломе черепка, но и на поверхности сосуда: на речных горшках поблескивают крупные кварцевые песчинки, а на приморских — хорошо заметны пластинки белых ракушек.

Обжиг сосудов ровный, черепок в изломе серый, поверхность темно-серая или черная (нередко с нагаром). Только некоторые сосуды, обожженные другим способом, имеют желтый или ярко-оранжевый цвет. Оранжевыми сосуды становились, вероятно, при обжиге в тех же печах, где обжигали амфоры, фляжки и красные высокие кувшины, о которых речь пойдет дальше [6].

Чрезвычайно устойчив орнамент этих горшков — горизонтально-линейный, сплошной, линейно-зональный, линейно-волнистый. Наносили его гребенчатым штампом в три—семь зубцов. Зубцы были острыми и потому прочерчивали глубокие бороздки с острыми краями. Изредка гребенчатый штампик заменяли палочкой с плоским и узким рабочим концом. Венчик горшков, как правило, не украшен, но иногда его покрывали косой насечкой, наколами штампика, наколами круглой палочки, волнистым орнаментом.

Емкость горшков очень разнообразна: от 0,5 до 6 л. Самые крупные сосуды употреблялись, судя по отсутствию на стенках нагара, не только для варки пищи, но и для ее хранения, т е. играли роль небольших пифосов.

Такова характеристика круговых горшков VIII—IX вв. Обратимся теперь к более общим вопросам, возникающим при изучении посуды этого типа. Проследим, насколько позволяют материалы, за распространением ее на территории Подонья и всего Северного Причерноморья.

Граница массового распространения горшков исследуемого типа на севере совпадает с границей степи и лесостепи. В основном они характерны только для степных — болгарских — памятников. Правда, в небольшом количестве они встречаются и на лесостепных поселениях, причем, как удается проследить при шурфовке, в самых нижних слоях. Так, раздавленный круговой горшочек был обнаружен в валу Дмитровского городища (под белокаменной кладкой). Создается впечатление, что строители крепости еще до прихода сюда пользовались керамикой этого типа, а затем уже перешли к изготовлению несколько иной посуды, которая будет описана ниже.

На подавляющем большинстве степных поселений и кочевий, как я уже отмечала, круговые горшки хотя и преобладают, но не являются единственным типом кухонной посуды. Даже в замках вместе с круговыми горшками использовали в хозяйстве и лепную кухонную посуду. Только в Фанагории и Таматархе круговая керамика почти полностью вытеснила в VIII—IX вв. лепную посуду. На крымских поселениях круговые горшки явно преобладают, хотя изредка попадаются и лепные. Ни разу не найдены лепные сосуды в Дунайской Болгарии. Вся кухонная керамика состоит там из харак-

[6] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. — КСИИМК, 54, 1954.

терных горшков с линейным и линейно-волнистым орнаментом. В археологической литературе горшки с линейно-волнистым орнаментом, находимые на поселениях и в могильниках VIII—IX вв. на огромной территории от Волги до Дуная, давно служат предметом спора, продолжающегося и в наши дни. Некоторые ученые полагают, что эти горшки следует рассматривать как один из наиболее характерных признаков славян[7]. Действительно, между болгарскими горшками VIII—IX вв. и кухонной посудой, распространенной в конце IX—X в. на всех славянских памятниках от великоморавских поселений и городов до Смоленска и Новгорода Великого, есть несомненное сходство. Но обычно забывают о хронологическом разрыве в 100 с лишним лет между появлением гончарного производства на степных и славянских памятниках. В то время как оседающее население степей широко освоило гончарный круг, соседние славянские племена пользовались еще лепной посудой.

Кроме того, при сопоставлении массового керамического материала разница между обеими группами бросается в глаза. Славянские горшки имеют другие примеси в тесте (мелкую дресву), венчики у них в разрезе нередко бывают сильно изогнутыми (фигурными), тулово — конусовидное с крутыми плечиками. Конечно, в обеих группах попадаются горшки, нарушающие описанные схемы. Так, у степняков встречаются стройные конусовидные горшки с изогнутым реберчатым венчиком, а на славянских поселениях находят горшки с яйцевидным туловом и простым венчиком. Тем не менее в массе обе группы сосудов резко отличаются друг от друга. Впрочем, несостоятельность мнения о принадлежности всех горшков с линейно-волнистым орнаментом славянам уже неоднократно и, на мой взгляд, достаточно убедительно доказывалась в работах, посвященных салтово-маяцкой культуре и, в частности, керамике[8].

Вопрос о распространении круговых кухонных горшков связан с вопросом об их производстве. Очевидно, что их изготовляли не в одном или двух ремесленных центрах. Транспортировка на огромные расстояния по степи, пересеченной бесчисленными балками, была бы просто невозможной. Этнографические параллели позволяют предположить, что производство круговых горшков было налажено почти в каждом более или менее крупном земледельческом поселке.

Примеси к тесту, определяемые простым глазом, свидетельствуют по крайней мере о двух больших районах производства кухонных горшков изучаемого типа: приморском (тесто с примесью ракушек) и донском (тесто с кварцевым речным песком)[9]. Десятки мастерских и отдельных ремесленников пользовались в пределах каждого района одинаковым сырьем, а при формовке и орнаментации сосудов применяли одни и те же приемы. Все же, несмотря на общее сходство, горшки из разных городов и селений всегда, хотя бы немного, отличаются друг от друга.

К сожалению, материалы, которыми мы располагаем, не позволяют определить районы, обслуживаемые одной мастерской, однако на некоторых наиболее обследованных участках их можно наметить.

Так, в донском производственном районе выделяются горшки, изготовленные в Саркеле: это преимущественно шаровидные сосуды со слабо отогнутым венчиком и глубоким линейным или линейно-волнистым орнаментом, проведенным острозубым штампом (рис. 25, *10*). Такие же горшки характерны и для Правобережного за́мка, находящегося в 15 км от Саркела. Конечно, нельзя утверждать, что все эти горшки изготовлены в одной мастерской. Быть может, мастерские обоих поселений руководствовались одинаковыми техническими приемами. Очевидно только, что и Саркел, и Правобережный за́мок представляли собой единый производственный район.

Это нельзя сказать о расположенном в 30 км от Саркела Карнауховском поселении. Там формовались преимущественно высокие стройные яйцевидные горшки с тщательно нанесенным орнаментом, и хотя штамп также был острозубым, но врезан он в стенки горшка гораздо слабее (рис. 25, *7*). Часто попадаются там большие горшки (почти пифосы) с так называемым витым венчиком (с глубокими косыми вмятинами, создающими впечатление перевитости). В Саркеле такие венчики — редкая находка. Карнауховский производственный центр был связан с нижнечирским районом, поскольку для нижнечирских поселений

---

[7] Кр. Миятев. Славянска керамика. София, 1948; А. П. Смирнов. К вопросу об истоках Приазовской Руси. — СА, 1958, № 2; А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 169 и др.

[8] М. И. Артамонов. Средневековые поселения..., стр. 45—54; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 108; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 220—225; Она же. Средневековая керамика..., стр. 20—24; Ст. Станчев. Домашнята керамика от Преслав. — РП, III, 1949.

[9] Третий район, определяемый по составу теста, — дунайский (в тесте примесь мелкой дресвы).

типичны горшки вытянутых («карнауховских») пропорций. По-видимому, в экономически развитом земледельческом Нижнем Подонье производство керамики было сосредоточено в мастерских городского типа, где работали мужчины-ремесленники. Недаром в Саркеле обнаружена табуированная полуземлянка гончаров, в которой они и похоронены. Переход гончарного дела из женских рук в мужские характерен для общества с развитыми классовыми отношениями [10].

Нижнее Подонье снабжало своей продукцией окружающую кочевую и полукочевую степь. Радиус распространения нижнедонских горшков не превышал, видимо, 100—150 км. Предположение это основано на том обстоятельстве, что на участках, более удаленных от этого района (например, на среднем Северском Донце), кухонная керамика имеет несколько иной облик.

Таковы горшки, известные по находкам в Зливкинском могильнике (рис. 25, *8*). Они стройные и отчасти напоминают конусовидные славянские горшки. В тесте их, как и всех степных донских горшков, примесь песка очень значительна, но даже внешне они кажутся отличными от нижнедонских, поскольку песок в этом районе мелкозернистый. Обжиг придает этим сосудам светло-серый цвет, тогда как на нижнем Дону они темно-серые и иногда даже черные. По орнаменту зливкинские сосуды также несколько отличаются от саркельских и карнауховских; нижняя часть их (примерно на $^1/_3$ высоты) часто не украшена, волнистый орнамент нанесен очень редко, а венчики, как правило, гладкие.

В целом вид горшков зливкинского района значительно более скромный, хотя бросается в глаза тщательность их изготовления (тонкое тесто, аккуратно нанесенные линии орнамента и т. д.).

Было ли производство среднедонецких круговых горшков сосредоточено на одном поселении (скорее всего, на одном из городищ) или осуществлялось почти на каждом крупном земледельческом поселении этого района, — сказать трудно. Отсюда горшки переправлялись и в степь — к кочевникам, и в северные районы — на верхнеоскольские и верхнедонецкие поселения.

В двух расположенных рядом больших городах приазовского района — Фанагории и Таматархе — были мастерские, выпускавшие различающуюся в деталях посуду. Таманские горшки обычно темно-серые или черные. Примерно 25% обнаруженных на городище венчиков орнаментировано насечками (рис. 25, *9*), волной, наколами или «мазками» штампика, ямками. Фанагорийские горшки светло-серые или серые. Орнамент на их венчиках встречается значительно реже (примерно 10%). Это преимущественно имитация витка — глубокие косые вмятины или насечка. Венчик с наколами представляет здесь редчайшее исключение, а остальные приемы орнамента вообще не применяются.

В обоих городах и особенно часто на крымских поселениях и в Херсоне попадаются обломки горшков, изготовленных на быстро вращающемся ножном круге и обожженных до оранжевого цвета. Эти горшки вышли из больших приморских мастерских, где выделывали массовую тарную керамику.

Круговые кухонные горшки, найденные на приазовских кочевьях и полукочевьях, насколько можно судить по подъемному материалу, изготовлены в мастерских приморского района: из теста с морским песком с мелкодробленой ракушкой. Из Подонья сюда горшки совершенно не попадали. По-видимому, большие города Приазовья вполне удовлетворяли спрос кочевников на простую кухонную посуду. Впрочем, количество ее на поселениях и становищах кочевников очень невелико: они предпочитали пользоваться самодельной лепной посудой.

Итак, материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, дают возможность сделать следующие выводы: во-первых, очевидно, что производство горшков было налажено в более или менее крупных земледельческих поселках; во-вторых, особенно развитым оно было в городах; в-третьих, всюду (от Волги до Дуная), несмотря на частичные различия, горшки эти были исключительно единообразны, что свидетельствует о высоком развитии производства и о единых стабильных традициях.

Тип Б. Кроме горшков, кочевники для варки пищи часто пользовались наиболее удобной для очагов посудой — котлами (рис. 25, *11*). Обычно котлы клепали из железных пластин и подвешивали над очагом на железных крючьях и цепях. Однако в IX в., с развитием гончарного ремесла гончары попытались внедрить в производство и в быт народов Подонья и Приазовья глиняные котлы.

Судя по обломкам котлов, обнаруженных на салтово-маяцких памятниках, и по единственному почти целому котлу, найденному И. И. Ляпушкиным на Правобережном Цим-

[10] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр 3, 374.

лянском городище [11], это были невысокие и широкие горшки с плоским дном и слабо выделенным венчиком. С внутренней стороны венчика налеплены два массивных глиняных выступа. Оба выступа разделены выемкой на две части и в каждой из них круглой палочкой проткнуты отверстия для продевания ремня, на котором сосуды подвешивались над очагом. Тулово покрыто линейным или линейно-волнистым орнаментом, венчик иногда украшен насечками, волной, наколами штампа. Целый котел из Правобережного городища был плоскодонным, но есть основания предполагать, что изготовлялись и круглодонные экземпляры.

Так, в Саркеле найдено несколько обломков, по-видимому, нижней части шаровидных котлов с закрученным в спираль линейным орнаментом на выпуклой внешней поверхности.

Территория распространения котлов очень ограниченна: Саркел, Правобережное городище, Карнаухово, поселения вдоль северного берега Таганрогского залива, Фанагория. В Таматархе, где вскрыта большая площадь, найден всего один обломок кругового котла. Незначительное количество обломков котлов на памятниках и малочисленность самих памятников заставляют сделать вывод, что эта посуда редко употреблялась в быту степного населения как городов, так и поселков и кочевий.

Большинство котлов обнаружено на Правобережном Цимлянском городище и в Саркеле, где был постоянный приток кочевого населения, оседавшего в крепости. Как уже упоминалось, кочевники, хотя и переняли у оседлых земледельцев типы жилищ, долгое время держались за древнюю, сугубо кочевническую форму очага — открытого костра в центре жилища. Над таким очагом пищу можно было варить только в подвесном сосуде — котле. Кочевой образ жизни требовал, чтобы посуда была или очень прочной — железной, или очень дешевой — лепной.

В период оседания на землю, когда недавний кочевник приобретал постоянное неподвижное жилище, появилась возможность разнообразить выбор глиняной хрупкой посуды. Вот тогда-то, вероятно, в жилищах с открытыми очагами и начали готовить в глиняных котлах, которые удобно было вешать над очагом. Поэтому глиняные котлы стали специфической особенностью только что осевших кочевников.

Первое появление их у восточноевропейских народов относится, видимо, к середине IX в. Эту дату позволяет установить стратиграфия: саркельские котлы обнаружены в слое, датирующемся примерно 840—890 гг. Первоначально производство котлов, скорее всего, наладилось именно в Саркеле, являвшемся в те годы центром большого земледельческого района, куда стекались оседавшие кочевники. Формовали котлы те же ремесленники, которые занимались выделкой обычных горшков, и они делали котлы по образу и подобию последних (только шире). Внутренние ручки-налепы были оригинальным изобретением саркельских гончаров. Судя по небольшому количеству находок, производство котлов было развито слабо, а к концу IX в. совершенно прекратилось.

Точно такие же котлы в IX в. употребляли и жители Дунайской Болгарии. Обломки котлов с внутренними ушками довольно часто находят в древнейшей их столице — Плиске. По-видимому, этим производством там также занимались гончары-горшечники, поскольку котлы и по форме, и по орнаменту подобны горшкам. Тот факт, что в отдаленных друг от друга районах изготовляли совершенно одинаковые сосуды, как нельзя лучше свидетельствует об экономической, культурной и этнической близости населения.

Изготовление котлов в мастерских Подонья, Приазовья и Подунавья прекратилось в конце IX—начале X в.

Правда, некоторое время в восточноевропейских степях еще пользовались котлами, но все они были лепными и к середине X в. окончательно вышли из употребления. Стратиграфия Саркела позволяет говорить о том, что лепные котлы появились уже после освоения производства круговых, форме которых они в общем подражали. Обнаруженный в Саркеле лепной котел представляет собой низкий (высота 17 см), широкий (диаметр 28 см) сосуд с узким дном (10 см) (рис. 25, *4*). Только венчик у него в отличие от круговых не отогнутый, а прямой. Кроме того, у лепных котлов очень разнообразны по форме ручки. Их можно разделить в основном на три вида: очковидные, как у круговых (рис. 25, *6*); кольцевидные — широкие и плоские, прикрепленные одним концом к венчику, а другим — к стенке сосуда с внутренней стороны (рис. 25, *4*); наконец, ручки-раковины (рис. 25, *5*). Последние представляли собой налепы на внешней стороне сосуда и имели форму створки раковины. Внутри этой «раковины», в стенке сосуда, протыкали два отверстия для продевания ремня. Многообразие форм свидетельствует, по-

[11] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения..., стр. 109, рис. 6, *5*.

видимому, о том, что каждая женщина, лепившая котел для собственного хозяйства и не связанная канонами производства, делала ручку такой, какая была ей удобна.

Ареал лепных котлов значительно у́же, чем круговых. Их нет на приазовских поселениях, в Карнаухове, Правобережном за́мке и Фанагории. Жизнь на этих поселениях прекратилась в конце IX в., т. е. раньше, чем началось массовое изготовление лепных котлов. Только в Саркеле и Таматархе, которые продолжали жить и в последующие века, керамика этого типа хорошо известна. Возможно, что изготовление лепных котлов было в основном освоено не болгарским населением, а новыми кочевниками — печенегами, проникавшими в Подонье и Приазовье с конца IX в. и оседавшими в Саркеле и Таматархе. Характерно, что в дунайских городах и поселениях X в., где совершенно не было притока новых кочевнических семей, не встречаются и лепные котлы.

С горшкообразными котлами (круговыми и лепными), распространенными в Подонье и Приазовье и на поселениях IX в. Северо-Восточной Болгарии, не следует смешивать северокавказские и румынские котлы с внутренними ушками. Они имели и другую форму, и другое происхождение.

Выше я пыталась показать, что при изготовлении горшкообразных котлов салтовские ремесленники брали за образец обычные кухонные горшки, украшенные линейно-волнистым орнаментом. Северокавказские котлы (IX—X вв.) повторяют форму полушаровидных кочевнических железных котлов-казанов. Большинство северокавказских котлов сделано на круге, но попадаются и обломки лепных сосудов. С болгарскими горшкообразными котлами восточноевропейских степей и Подунавья их сближает только остроумный способ прикрепления ручки внутри сосуда. Впрочем, нередко ручки у них имеют форму раковины. В. А. Кузнецов полагает, что северокавказские поселения, на которых найдены обломки котлов с внутренними ушками, оставлены болгарами, как Саркел и другие степные поселки [12]. Это вполне вероятно, однако казанообразная форма котлов свидетельствует, по-видимому, что приемы их изготовления не перешли к обитателям Верхнего Прикубанья непосредственно с Таманского полуострова или Нижнего Подонья. Жители северокавказских поселений заимствовали тольке оригинальную деталь сосуда — внутреннюю ручку.

[12] В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. — КСИА АН СССР, 99, 1964.

Многочисленные котлы, обнаруженные на памятниках Румынии и датирующиеся XI—XII вв., сделаны по образцу железных котлов (некоторые даже украшены шишечками, имитирующими клепку). Основной исследователь этих сосудов Петре Диакону связывает их с печенегами, оседавшими в Северном Подунавье в XI—XII вв.[13] Лепить глиняные котлы печенеги начали, как уже говорилось, еще в бытность свою в южнорусских степях — в конце IX—начале X в. Они заимствовали у болгар горшкообразную форму этих сосудов. Откочевав в земли Подунавья и освоив там земледелие и ремесла, они перешли к изготовлению котлов на гончарном круге. Сами они не выделывали круговой керамики и, вероятно, поэтому при формовке котлов взяли за основу обычные для всех кочевников котлы-казаны.

Мы рассмотрели лепную и круговую кухонную посуду степной полосы Подонья и Приазовья.

Обратимся к кухонной керамике, характерной для поселений и за́мков лесостепных районов — верховьев Дона, Оскола и Северского Донца.

3. Керамика, подправленная или сделанная на ручном круге из грубого теста с примесью шамота

К третьему отделу относится посуда одного типа — горшки. Как правило, все они яйцевидные с небольшим дном и слабо отогнутым, как бы обрезанным венчиком. Изредка попадаются экземпляры, похожие на славянские горшки, — с почти конусовидным туловом и довольно крутыми плечиками. Горшки этого отдела изготовлены на малоподвижном ручном гончарном круге, а некоторые даже сформованы от руки на подвижной подставке.

Тесто всегда грубое с примесью крупно- или мелкодробленого шамота. От степени раздробленности шамота зависели рыхлость теста, толщина дна и стенок сосудов. Можно выделить два вида горшков.

Горшки первого вида, изготовленные из более качественного, хорошо промешенного теста с мелким шамотом, как правило, сформованы на гончарном круге. Толщина стенок не превышает 10 мм (рис. 26, *3—5*). Обжиг очажный, иногда очень неровный, поверхность

[13] Petre Diaconu. Cu privire la problema căldărilor de lut în epoca feudală timpurie (Sec. X—XIII). — Studii şi gergetări de istorie veghe, t. VII, nr. 3—4, 1956; Петре Диакону. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР. — Dacia, n. s., VIII, 1964, стр. 249—263.

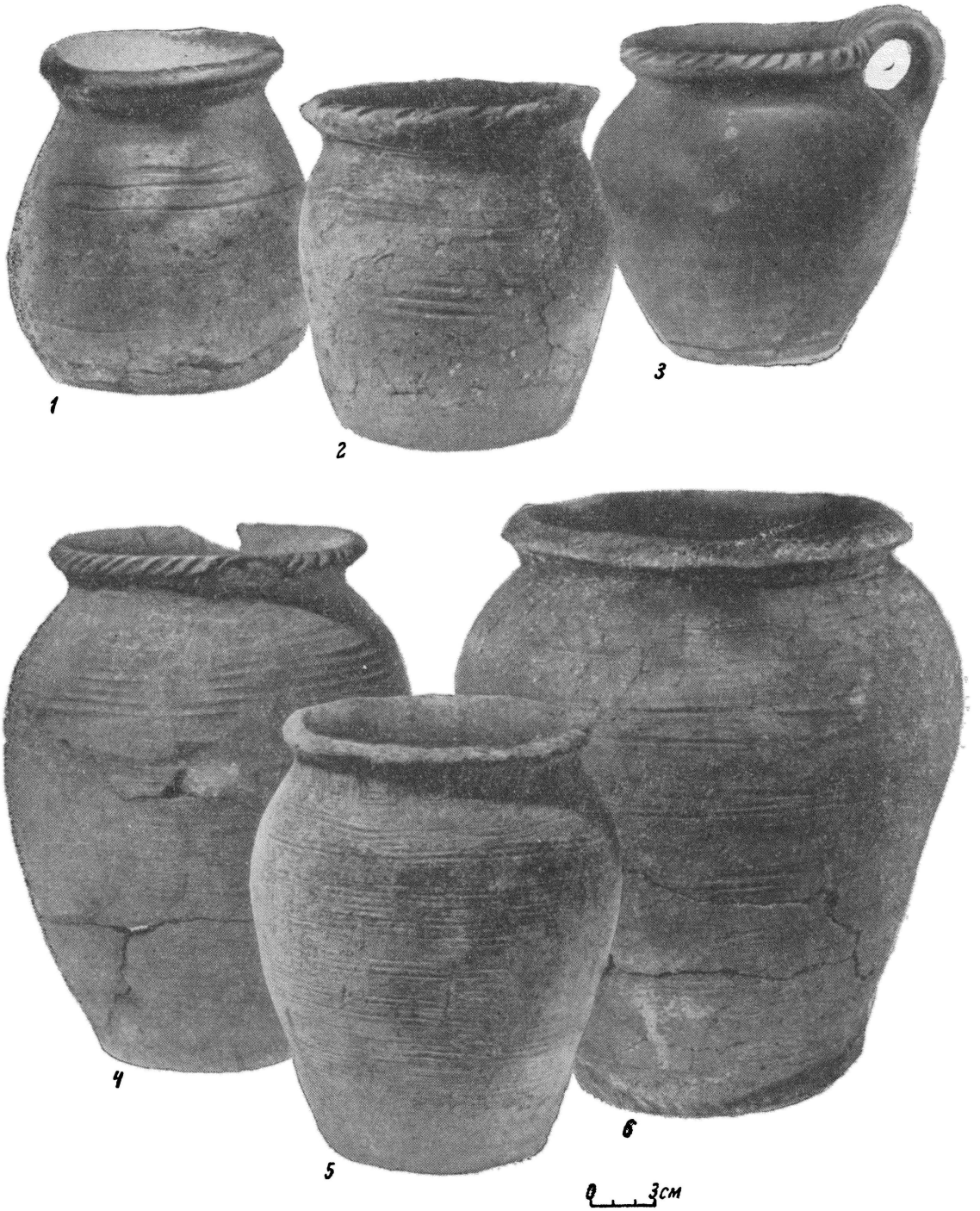

Рис. 26. Горшки, изготовленные домашним способом на ручном гончарном круге.
1—6 — из Дмитровского могильника

оранжево-черная (пятнистая), черепок в изломе — черный. Нередко дно и нижняя часть стенок закопчены. Это — кухонные печные горшки. Их емкость 1,5—3 л. Поверхность сплошь украшена линейным или линейно-пересеченным орнаментом, который иногда расположен зонами. Венчик всегда покрыт узором, чаще всего насечками и наколами штампа.

Изредка горшки украшены продольными сплошными полосками, проведенными тем же штампом, что и обычный орнамент. Этот прием применяли иногда в Саркеле и Таматархе на лепных горшках. Гораздо чаще горшки с продольными полосками попадаются на аланских памятниках Северного Кавказа, хотя и там такой узор не типичен.

Горшки второго вида выделаны из очень грубого теста с крупным шамотом, отдельные кусочки которого достигают 3 мм в поперечнике (рис. 26, *1*, *2*, *6*). Толщина стенок 20—25 мм, а толщина донышка 40 мм. Большинство горшков этого вида также изготовлено на гончарном круге, но попадаются отдельные экземпляры, явно вылепленные от руки, возможно, на поворачивающейся подставке. Обжиг очажный. Линейный или линейно-пересеченный орнамент прочерчен очень небрежно, криво. Насечки на венчике глубокие, нередко крестообразно пересекающиеся. Размеры горшков довольно значительны: емкость некоторых из них достигает 5—6 л. Очевидно, что эти горшки предназначались не для варки пищи и не для хранения жидкостей, так как тесто их слишком рыхло и плохо обожжено. Это были небольшие домашние пифосы для хранения сухих продуктов. Недаром обломки их часто попадаются в засыпке хозяйственных ям на селищах и почти никогда не встречаются в могильниках.

В то время как описанные выше круговые горшки с песком в тесте были распространены в основном в степной зоне салтово-маяцкой культуры, горшки из теста с шамотом характерны для лесостепных районов Подонья. Причем, если горшки, изготовленные на степных поселениях, нередко привозили в лесостепной район, то горшки из лесостепи совсем не попадали к степному населению. Очевидно, их выделывали для узколокального употребления.

Даже при первом взгляде бросается в глаза разница между кухонной керамикой южных и северных районов Подонья. Горшки лесостепных поселков значительно грубее, стенки их толще, орнамент нанесен небрежнее. Основная причина этого разительного отличия заключалась в составе теста. Грубая примесь шамота мешала изготовлять тонкостенные сосуды, тщательно проводить линии узоров. Однако и форма, и мотивы орнамента, и то обстоятельство, что большинство из них сделано на круге, несомненно, сближают кухонные сосуды лесостепи с горшками Нижнего Подонья и Приазовья и позволяют относить их к одной культуре.

Почему же население северных районов салтово-маяцкой территории примешивало к глине шамот, так сильно изменивший внешний вид кухонной посуды? Ведь обитатели степи, как мы видели, не применяли такой примеси: кочевники использовали для этого траву, а осевшие на землю кочевники-ремесленники — речной или морской песок. Лепная керамика с примесью мелкого и крупного шамота в тесте была типична в то время для славянского населения территории, охватывающей с севера и северо-запада памятники алано-болгарских племен Верхнего Подонья.

Алано-болгарские племена этого огромного района были тесно связаны со своими северными соседями. От славян они переняли форму жилищ-полуземлянок и печей. Оттуда же, вероятно, был заимствован и навык приготовления теста для горшков. В свою очередь славяне, обитавшие на днепровском левобережье, переняли у салтовцев важнейшее усовершенствование керамического производства — гончарный круг, которым начали пользоваться примерно с начала X в.

Следует помнить, что лесостепные районы Подонья были «глухой провинцией» Хазарского каганата. Высококачественные сосуды, вышедшие из больших мастерских, редко попадали в эти отдаленные земли, а собственных мастерских здесь, по-видимому, не было.

Выше уже говорилось, что массивные и тяжелые, изготовленные из рыхлого теста верхнедонские горшки не были пригодны даже для недалекой транспортировки. Остается предположить, что их изготовляли на месте и притом почти в каждой полуземлянке.

На Дмитровском селище в углу полуземлянки 12 на полу был обнаружен запас глины, смешанной с обломками грубого шамота. В центре пола найдены расколотый жернов, большой кусок глины и расплющенный необожженный, но уже орнаментированный грубый горшок-пифос. Жернов служил, по-видимому, подставкой для примитивного ручного круга, на котором формовали или подправляли горшок. В полах других жилищ Дмитровского поселения сохранились круглые ямки (диаметр 0,15 м, глубина 0,05 м) с углублением от вбитого массивного квадратного кола в центре. Вероятно, это остатки подставок под вращающийся диск круга. Подставки должны были

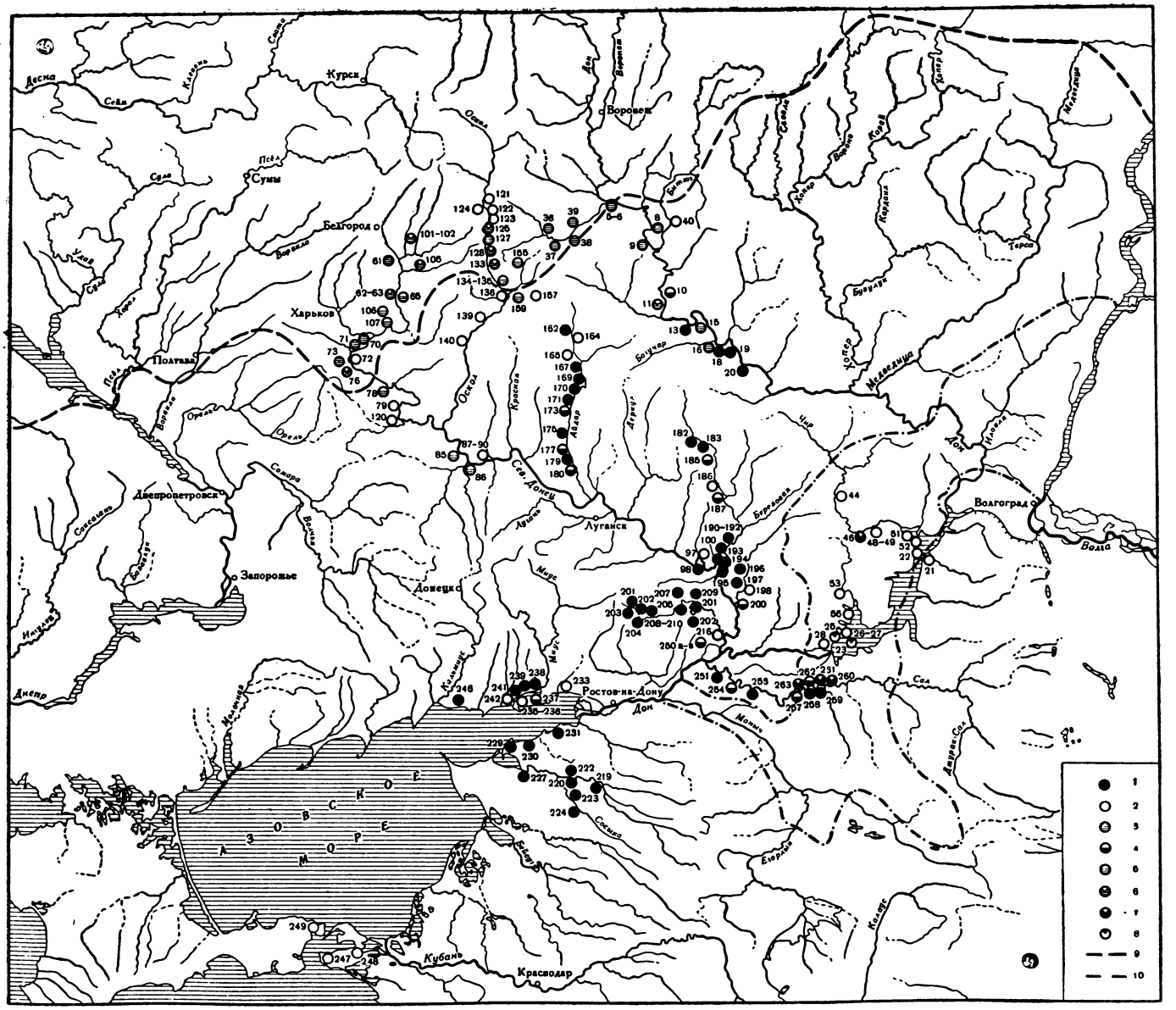

Рис. 27. Распространение различных групп кухонной посуды

1 — лепные горшки; *2* — круговые горшки; *3* — круговые горшки, изготовленные на домашнем круге; *4* — 50% лепных и 50% круговых горшков; *5* — 50% круговых и 50% домашних круговых горшков; *6* — 25% круговых и 75% домашних круговых горшков; *7* — 25% круговых и 75% лепных горшков; *8* — 25% лепных и 75% круговых горшков; *9* — граница степи и лесостепи; *10* — граница винотравных земель на нижнем Дону

крепко держаться в полу жилища: их вбивали в пол или закрепляли с помощью тяжелого жернова. На этих маленьких домашних ручных кругах хозяйки по мере надобности изготовляли посуду.

Изучение гончарного производства Средней Азии дает прекрасные материалы, подтверждающие это предположение [14]. Там женщины ежегодно изготовляли посуду и обжигали ее в общей куче. Каждая хозяйка сама готовила горшки для обжига, а руководили этой работой и подготовкой глины опытные «мастерицы». О том, что такие «мастерицы» наблюдали за домашним гончарным производством и в лесостепных поселках салтово-маяцкой культуры, свидетельствует хотя бы общий для всех кухонных сосудов состав глины и сравнительно стандартные формы горшков.

Из этнографических описаний гончарных домашних производств известно, что наиболее опытные и способные женщины-гончары часто выделывают посуду не только для себя, но и для родственников и даже на продажу. Хорошие кухонные салтово-маяцкие горшки первого вида изготовлены, видимо, именно такими «надомницами-мастерицами», которых в селении было не больше двух-трех.

Вероятно, они быстро усвоили рецепт приготовления глины, которым пользовались женщины соседних славянских поселков, тем более что именно через этих женщин они познакомились с устройством новых для них жилищ и печей.

Таким образом, если на юге производство глиняной кухонной посуды находилось в ведении сравнительно крупных ремесленных мастерских, работавших на рынок, то в северных районах распространения салтово-маяцкой культуры гончарство было еще в руках женщин. Во всяком случае бесспорно, что вся кухонная посуда изготовлена ими.

Такова картина, которую удается восстановить при знакомстве с кухонной керамикой, распространенной в VIII—IX вв. в Подонье и Приазовье (рис. 27).

Иным путем шло развитие более совершенной группы салтово-маяцкой керамики — столовой, или парадной, посуды.

СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА

Столовая керамика была красивее и разнообразнее кухонной. Почти вся она изготовлена на круге, а редкие лепные экземпляры являются более или менее удачными подражаниями круговым сосудам.

Посуда обычно прекрасно сформована на ручном гончарном круге (на донышках часто встречаются знаки гончаров).

В приморских городах попадаются отдельные сосуды, выделанные на ножном гончарном круге.

Два устойчивых признака характерны для всех разнообразных форм, типов и видов столовой посуды: состав теста и лощеная поверхность.

Тесто, как правило, отмученное и плотное, обезжиривающие примеси тонкие: мелкотолченая дресва или шамот, мелкий просеянный речной песок.

Обжиг керамики всегда очень ровный. Черепок в изломе серый или серо-желтый, поверхность серая или черная. Правда, на юге, в городах, попадаются сосуды ярко-оранжевого обжига, а на северных лесостепных поселениях наряду с черно-серой посудой нередко встречаются сосуды с желтыми поверхностью и изломом. Однако в массе столовая керамика отличается характерным серовато-черным цветом.

С помощью твердой палочки, вероятно косточки, с круглым отполированным концом на слегка подсушенную ровную и гладкую поверхность сосуда обычно наносили лощеные полоски, что придавало ему особенный переливчатый блеск, красоту и парадность.

Стратиграфические наблюдения на Таманском городище позволили установить, что изготовление лощеной салтово-маяцкой керамики началось здесь в VIII в. Она пришла на смену парадной римско-византийской керамике — серолощеным сосудам и блюдам красного обжига, покрытым красным лаком. Прекратилось производство лощеной керамики во второй половине X в. Она в свою очередь была сменена новой группой — парадной поливной керамикой.

Лак и полива имели не только декоративное, но и практическое значение. Они уплотняли поверхность сосуда, делали ее непроницаемой для жидкости. Такую же роль играло и сплошное лощение, характерное для римской керамики и для сосудов черняховской культуры, распространенной в южнорусских степях во II—IV вв.

Лощение столовой керамики салтово-маяцкой культуры имело в основном орнаментальное значение. Комбинации лощеных полосок на поверхности были чрезвычайно разнообразны: группы прямых вертикальных и горизонтальных линий, пересекающиеся линии,

[14] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Ч. I. Женское гончарное производство.

образующие сетчатый узор, треугольники, завитки и арочки.

Хотя лощение поверхности было, безусловно, одним из основных признаков парадной салтово-маяцкой керамики, к ней следует отнести некоторые сосуды, лишенные этой особенности. Они изготовлены из такого же теста, но одни из них вовсе не орнаментированы, а у других только по горлу и плечикам небрежно проведено несколько горизонтальных линий. Кроме того, известны целые типы керамики из того же теста, но без характерного лощения. Это сосуды иного хозяйственного назначения: пифосы, маслобойки и др. Не будучи столовой посудой, они иногда очень богато украшены врезными, налепными и даже лощеными узорами. Их, несомненно, следует считать парадными.

Думаю, что провести строгую грань между парадной столовой керамикой и парадными сосудами специального назначения, сделанными из теста одного состава, невозможно. Грань эта была бы слишком условной и потому неверной.

Таким образом, в группу парадной столовой посуды входит вся керамика, изготовленная из хорошей плотной глины, тщательно сформованная на круге и обычно украшенная лощеными и врезными узорами.

В отличие от кухонной парадная столовая посуда распространена на территории Подонья и Приазовья довольно равномерно. Ее обломки попадаются и на кочевьях, и в замках, и на земледельческих поселениях, и в городах. На поселениях иногда находят целые сосуды, позволяющие судить о формах парадной керамики того или иного памятника. Но массовый материал, дающий представление о всем разнообразии этой группы, приносят раскопки могильников, так как почти в каждой могиле стоит от одного до восьми сосудов. На поселениях лощеная посуда обычно составляет от 1,5 до 20% всей керамики, а в могильниках она достигает 90%.

Мы видели, что кухонная керамика включает сосуды всего двух типов — горшки и котлы. Руководствуясь тем же принципом, т. е. беря за основу форму и назначение сосуда, в группе столовой керамики можно выделить шесть основных типов: кувшины, небольшие кувшинчики-«кружки», кубышки, корчаги, пифосы, полупифосы-полукувшины. Многообразие этой группы заключается не столько в количестве входящих в нее типов, сколько в необычайном богатстве форм сосудов внутри каждого типа и даже вида.

Тип А. Кувшины

Кувшины — самый нестандартный из всех типов столовой керамики. Тем не менее даже их можно по основным признакам разделить на несколько видов. Признаки эти — соотношение высоты кувшина с высотой горла и соотношение высоты и ширины тулова.

К первому виду относятся кувшины с яйцевидным удлиненным туловом и коротким горлом (соотношение высоты и ширины тулова 1 : 0,6 — 0,7, соотношение высоты тулова с высотой горла 1 : 0,2 — 0,25). Горло таких кувшинов обычно прямое, венчик часто не имеет слива, хотя попадаются и венчики со сливом. Как правило, кувшины этого вида снабжены довольно массивной ручкой, прикрепленной одним концом к плечику сосуда, а другим — к стенке горла. Наиболее крупные экземпляры имеют по две массивные ручки (рис. 28, *4*). Емкость некоторых кувшинов достигает 5—8 л. Орнамент всегда очень прост — вертикальные лощеные полосы. По плечикам иногда проведена полоса сетчатого орнамента или вырезан линейно-волнистый узор. Нередко эти кувшины обожжены до оранжевого цвета.

Кувшины второго вида имеют шаровидное тулово (соотношение высоты и ширины 1 : 1 или 1 : 0,9) и прямое, довольно высокое горло, составляющее примерно треть высоты всего сосуда. Как правило, венчики этих кувшинов изогнуты в более или менее глубокий слив, иногда даже вытянутый в виде носика (рис. 28, *6*). Ручка всегда одна, прикрепленная к плечику и горлу. Емкость кувшинов второго вида также довольно значительна — от 2 до 5 л. Орнамент прост — прямые вертикальные или горизонтальные (почти сплошные) полоски по горлу и тулову, сетка на плечиках.

К этому виду относятся по основным пропорциям кувшины с приземистым и реберчатым туловом (рис. 28, *5*, *7*, *8*). У первых наиболее широкая часть приходится не на середину, а примерно на $^1/_3$ высоты тулова, что придает им несколько сплющенную форму. У кувшинов с реберчатым туловом наиболее широкая часть приходится на $^2/_3$ высоты. Тулово у них состоит как бы из двух обрезанных конусов, соединенных основаниями. «Реберчатые» кувшины всегда выделаны очень тщательно, венчик у них изогнут в высокий слив, а тулово и горло покрыты густым, великолепно заглаженным орнаментом.

Кувшины третьего вида характеризуются низким раздутым туловом (соотношение высоты и ширины 2 : 1,2—1,4) и высоким горлом (соотношение 1 : 0,5). Нередко наиболее

широкая часть тулова находится почти у дна (на 1/4 высоты), что создает впечатление большой сплющенности сосуда. Венчик всегда со сливом, ручки, как и горло, длинные, поскольку одним концом они прикреплены к плечикам, а другим — к горлу, почти у самого венчика (рис. 28, *3*). Орнамент довольно однотипен: в нижней части тулова — горизонтальные полоски, в верхней и на горле — вертикальные или сетчатые.

Кувшины четвертого вида сильно отличаются от описанных выше. Они изготовлены из тщательно отмученного тонкого теста и обожжены до желтого или оранжевого цвета (рис. 28, *2*). Яйцевидное тулово с широким дном плавно переходит в невысокое горло. Венчик обычно изогнут (так называемый энохоевидный слив). Ручка, высокая и тонкая, прикреплена одним концом к стенке сосуда, другим — к горлу у самого венчика. Поверхность покрыта белым ангобом, а по плечикам и горлу проведены таким же ангобом горизонтальные прямые и волнистые полоски. Как правило, кувшины небольшие (емкостью до 1 л) и отличаются особым изяществом формы и тщательностью отделки.

Кувшины перечисленных видов известны на территории всей салтово-маяцкой культуры: в Нижнем и Верхнем Подонье, Приазовье, Подунавье и Волжской Болгарии, а также в аланских могильниках Северного Кавказа. Можно установить, какой вид преобладал в каждом из исследуемых районов.

Кувшины первого вида распространены преимущественно в крупных населенных пунктах Приазовья и Нижнего Подонья; второго вида (шаровидные) — также чаще попадаются в больших степных городах типа Саркела; третьего вида (с приземистым туловом) — чрезвычайно характерны для лесостепного района салтово-маяцкой культуры. Энохоевидные ангобированные кувшины четвертого вида наиболее редки. Их обломки найдены в Таматархе и Фанагории, по два целых кувшинчика — в Саркеле и Салтове, один — на Правобережном Цимлянском городище. Несмотря на малочисленность находок, ареал их очень велик — от Салтова до Саркела и Фанагории. Судя по необычайной однотипности этих сосудов, они изготовлены в одной мастерской какого-то южного приморского города, где особенно сильно сказывалось римско-византийское влияние. Из этого центра они расходились в самые отдаленные уголки территории салтово-маяцкой культуры — даже в верховья Северского Донца.

В заключение следует подчеркнуть, что для кувшинов из степных памятников (особенно городского типа) характерна некоторая стандартизация форм, тогда как в лесостепи даже в одной могиле редко попадались совершенно одинаковые экземпляры. Кувшины, входящие формально в один вид, здесь отличаются друг от друга множеством деталей формы и орнамента.

Тип Б. Кру́жки

Стенки кружек тонкие, выделка прекрасная, тулово приземистое, горло широкое, венчик всегда без слива. Емкость их колеблется от 0,25 до 0,75 л. Каждая кружка обычно снабжена массивной ручкой, прикрепленной одним концом к средней или нижней части тулова, другим — к средней или верхней части горла. Форма ручек двоякая: простейшая (кольцевая или овальная) и «двойная» (в виде сильно стилизованного животного). Такие ручки, с бо́льшим или меньшим реализмом изображающие животных, изготовлялись еще в сарматское время [15]. Кру́жки с «двойными» ручками распространены в основном в верховьях Северского Донца. Особенно много их в Дмитровском могильнике (в 60 комплексах обнаружено 12 кружек). В соседнем Салтовском могильнике их найдено очень мало, зато там попадаются кружечки без ручек, почти не известные на других памятниках Подонья.

Несмотря на бросающееся в глаза различие ручек, я делю эти сосудики на виды не по форме ручек, а по тому же принципу, что и кувшины, т. е. по соотношению высоты сосуда с высотой тулова. Кру́жки по этому признаку членятся на два вида.

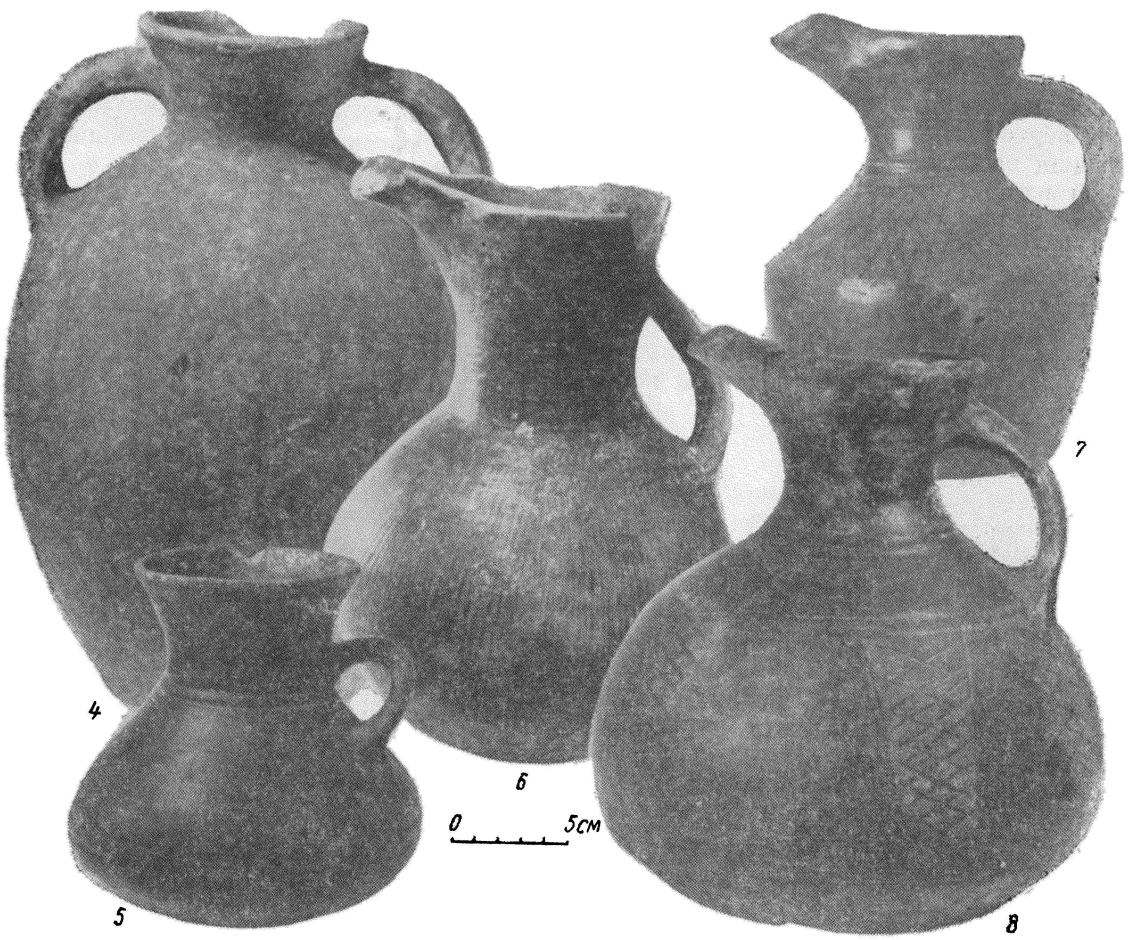
К первому виду относятся кру́жки с соотношением 1 : 0,5. Тулово у них приземистое, раздутое (соотношение высоты и ширины 1 : 2 и даже 1 : 3). Наибольший диаметр тулова приходится обычно на середину его высоты, но встречаются и кру́жки, у которых широкая часть тулова приходится примерно на 1/3 его высоты. Дно у таких кружек, как правило, широкое, почти равное максимальному диаметру тулова (рис. 29, *1*, *2*, *5*, *7*).

[15] К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. — Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ, т. 1. Л., 1941.

Рис. 28. Кувшины

1—3 — из Саркела; *4—8* — из Дмитровского могильника

1
2
3

4
5
6
7
8
0
5см

Второй вид кружек включает сосуды с соотношением высот 1 : 0,3 — 0,35. Тулово у них еще более приземистое и сплющенное, чем у кружек первого вида (рис. 29, *3*, *4*, *6*).

Орнамент на кру́жках обоих видов очень прост: он состоит обычно из вертикальных почти сплошных полосок. Иногда горло украшено сетчатым лощеным узором, а по линии стыка горла с туловом проведен один желобок или нанесены частые насечки.

Кру́жки (обломки и целые экземпляры) попадаются на всей территории Подонья и Приазовья, однако в Нижнем Подонье и особенно в приазовских поселениях они очень редки. Приземистые кру́жки второго вида на степных поселениях и вовсе не найдены. В лесостепных районах верховьев Дона и Северского Донца большинство кружек обнаружено в катакомбных могильниках. Создается впечатление, что они служили специальными погребальными сосудиками. Однако процентные подсчеты, произведенные по материалам Дмитровского могильника, где кружек особенно много, и соседнего с ним селища, показали, что в могильнике кру́жки составляют 31% лощеной посуды, а на селище — 28—30%. Таким образом, очевидно, что кру́жки были обычным бытовым предметом, одинаково используемым жителями как при жизни, так и в погребальных обрядах.

Кроме кружек описанных видов, и в могильниках верховьев Дона, и в слоях приазовских городищ попадались кружечки усеченно-конической или цилиндрической формы с небольшими кольцевыми ручками. Некоторые из них изготовлены, вероятно, в больших мастерских: они обожжены до оранжевого цвета и украшены пышным спиральным орнаментом, в общем не свойственным салтовцам. Такова кружка, найденная на Таманском городище и датирующаяся стратиграфически первой половиной X в.[16]

Тип В. Кубышки

Кубышки представляют собой небольшие (емкостью до 1 л) сосудики, напоминающие по внешнему виду нижнюю (шаровидную или слегка сплющенную) часть кувшинов. Диаметры дна и венчика всегда одинаковы и составляют обычно $^1/_2$ максимального диаметра сосуда. Венчики вертикальные или резко отогнутые наружу. Ручек у кубышек никогда не бывает. Орнаментированы они сетчатым или вертикальным лощением (рис. 29, *10*).

Кубышки характерны тем, что и в могильниках, и на поселениях лесостепи и степи они попадаются одинаково редко, составляя в среднем 5—7% столовой посуды.

Тип Г. Горшки, корчаги

Лощеные столовые горшочки относятся к первому виду этого типа столовой посуды. Это шаровидные сосуды с плоским дном и отогнутым небольшим венчиком. Все они снабжены небольшой кольцевой ручкой, прикрепленной одним концом к плечику сосуда, другим — к венчику. Емкость горшочков очень небольшая — 1 — 1,5 л. Сделаны они всегда тщательно, стенки отглажены лощением, иногда даже сплошным (рис. 29, *8*, *9*).

Как правило, обломки таких сосудиков почти не попадаются на поселениях и в слоях южных степных городов, зато представляют частую находку в Салтовском и особенно в Дмитровском катакомбных могильниках.

Иногда эти небольшие сосудики снабжены двумя довольно массивными ручками, прикрепленными к плечикам. Такие двуручные горшочки явно подражают по форме большим двуручным горшкам-корчагам. Корчаги, представляющие собой второй и основной вид сосудов этого типа, отличаются чрезвычайным однообразием и стандартностью форм (рис. 30, *5*). Это очень массивные тяжелые горшки емкостью 4—6 л. Они шарообразны, с плоским, часто широким дном и слабо отогнутым, почти вертикальным низким венчиком. Примерно 50% обнаруженных корчаг имеют по две небольшие, но довольно массивные кольцевые ручки, прикрепленные к плечикам сосудов. Орнамент на этих сосудах обычно очень прост — вертикальные лощеные полоски. Иногда по плечикам проводили вдавленную линию, или несколько лощеных поперечных линий и одну волнистую, или наносили зубчатым штампом линейно-волнистую композицию. Обжиг сосудов черно-серый, но в Саркеле и Таматархе часто попадаются обломки корчаг оранжевого обжига.

Именно эти корчаги изготовлены на ножном круге и украшены (помимо лощения) различными мотивами резного линейно-волнистого орнамента.

Корчаги были распространены очень широко. Они встречаются на поселениях и в могильниках верховьев Дона, на поселениях и в городах его низовьев и в Приазовье. Правда, в катакомбных могильниках корчаги представляют сравнительно редкий вид посуды

[16] С. А. Плетнева. Средневековая керамика..., стр. 39, рис. 23, *2*.

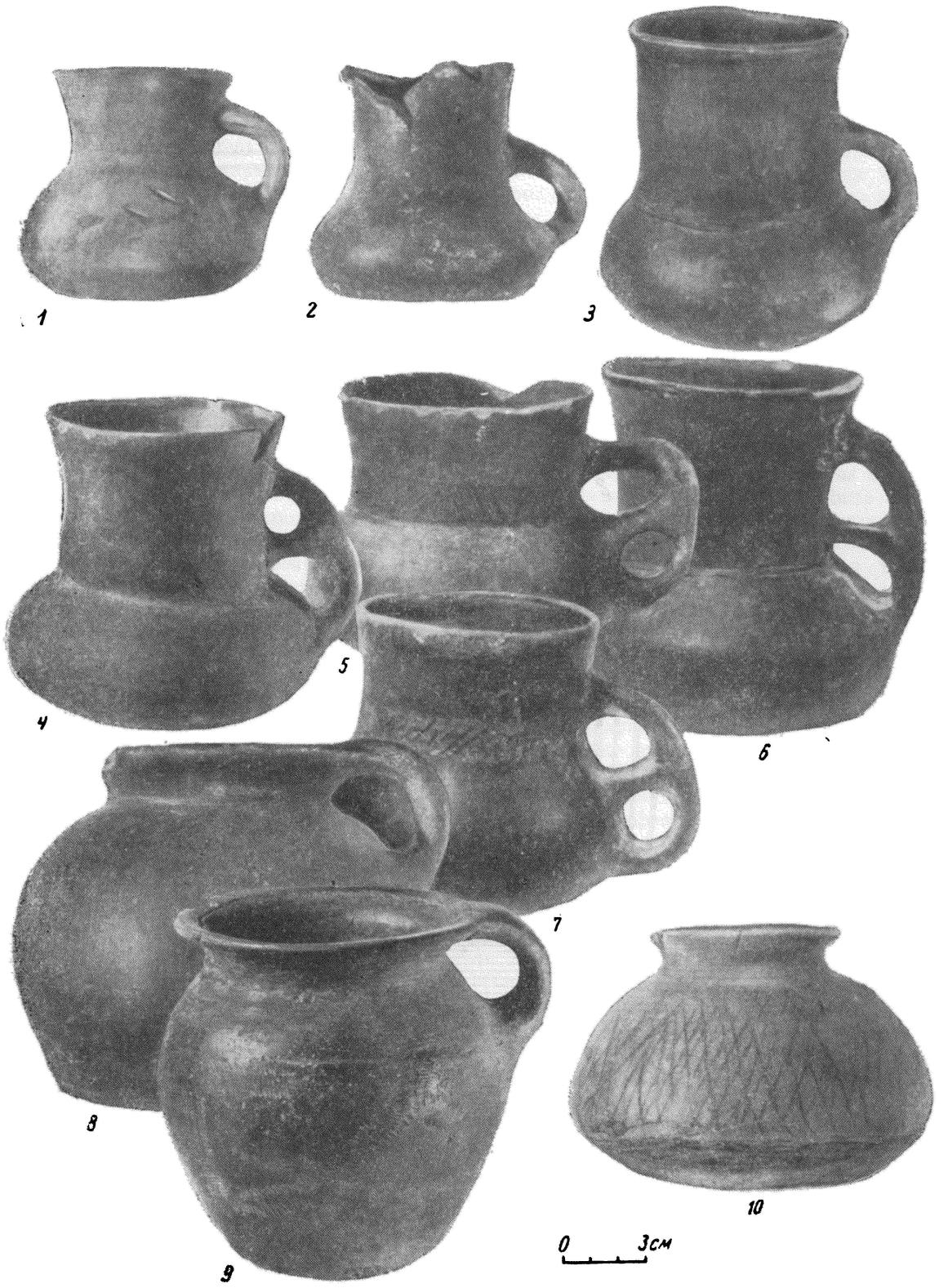

Рис. 29. Кру́жки (*1—7*), горшочки (*8, 9*) и кубышка (*10*) из Дмитровского могильника

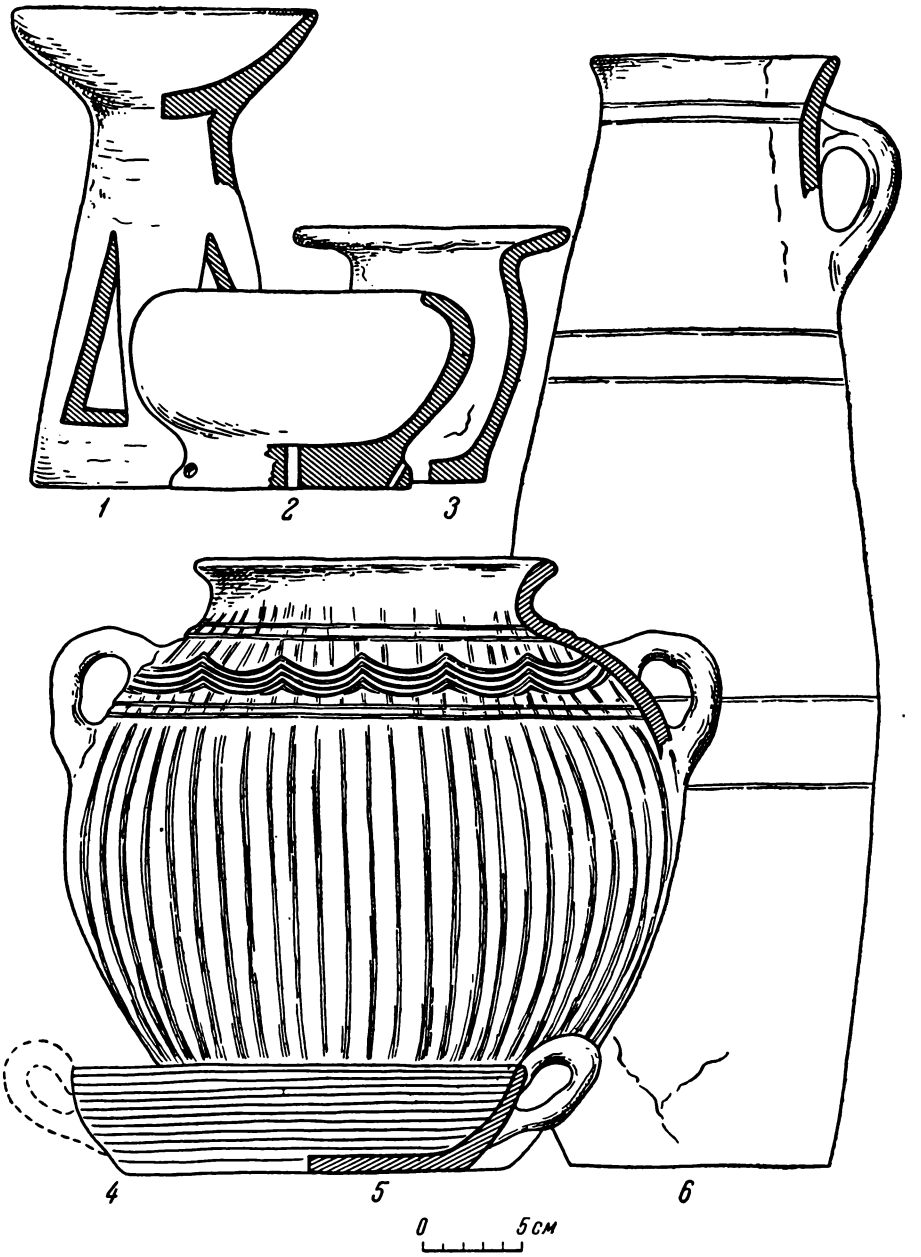

Рис. 30. Различные типы салтово-маяцкой керамики (из Саркела)

1, 2 — светильники; *3* — детский горшок; *4* — сковородка; *5* — корчага; *6* — маслобойка

(1—2%), зато на городищах — это самая характерная форма парадной керамики (примерно 50—70% всей столовой посуды) [17].

К третьему виду рассматриваемого типа относятся горшки-корчаги своеобразной формы, не свойственной салтовской керамике. Это широкогорлые сосуды с высоким вертикальным венчиком, крутыми плечиками, конусовидным туловом и небольшим дном. Форма типично славянская (тип IV, по классификации И. И. Ляпушкина) [18], однако техника изготовления, тесто, лощение и даже обжиг — салтовские (рис. 31, *3*, *4*).

Подавляющее большинство корчаг этого вида найдено на памятниках славянской волынцевской культуры, территория которой граничила с салтовскими землями [19]. На салтово-маяцких памятниках такие сосуды попадаются редко — только на поселениях и в могильниках, расположенных вблизи от славянских поселков или как-то связанных со славянами (например, в Дмитровке, Жовтневе, Саркеле).

Интересно, что слияние производственных керамических традиций наблюдается и на памятниках Подунавья. Там в результате взаимодействия славянских и праболгарских элементов сложилась новая культура, близкая волынцевской. Эта близость особенно бросается в глаза при ознакомлении с керамикой, хорошо известной по раскопкам ряда «смешанных» памятников (например, могильника у ст. Разделна) [20]. Одной из наиболее характерных керамических форм этих памятников являются лощеные корчаги славянского облика.

Тип Д. Пифосы

Пифосы подразделяются на два вида по величине и емкости.

К первому виду относятся небольшие пифосы, равные по объему обычным корчагам (емкость до 10 л). Внешне они также весьма напоминают корчаги, только у них тулово яйцевидное, а дно и горло (венчик) имеют небольшой диаметр, что придает сосудам стройную и изящную форму. К плечикам или стенкам (в наиболее широкой части сосуда) прикреплены довольно массивные ручки. Состав теста, из которого изготовлены эти пифосы, такой же, как и остальной столовой посуды салтовцев. Однако лощили их редко и очень небрежно. Иногда поверхность просто заглаживали мокрой рукой, иногда проводили по ней несколько горизонтальных лощеных или вдавленных линий, а бывает, что сосуд заглажен, по старой кочевнической традиции, пучком мокрой травы (рис. 31, *2*).

Пифосы первого вида найдены на степных и лесостепных поселениях и в могильниках. Как и корчаги, небольшие пифосы, например в Саркеле, довольно часто изготовлены на ножном круге и обожжены до оранжевого цвета.

Пифосы второго вида — это большие сосуды, которые по форме мало отличаются от небольших. Только нижняя часть их тулова обычно конусовидна, а ручки, хотя и достаточно массивны, но кажутся из-за величины сосуда небольшими, малозаметными. Емкость пифосов достигает 20 л. Поверхность большинства таких пифосов не лощили, а только заглаживали мокрой рукой. Лощеные полосы нанесены обычно по плечикам или у венчика. Кроме того, плечики украшали линейно-волнистым врезным орнаментом. Пифосы, изготовленные с особой тщательностью, украшены, помимо лощеных полос, налепными валиками, имитирующими обручи, стягивающие бочку. Валики тонкие (толщина 1 см), невысокие. Иногда они не только охватывают пифос по параллелям, но и расходятся двумя короткими пучками лучей вверх и вниз от ручек.

Большие пифосы попадаются на поселениях редко и неравномерно. В верховьях Северского Донца и на кочевьях всех типов они пока не найдены, в Таматархе и Фанагории их мало. Чаще всего их находят на поселениях нижнего Дона и на Тихой Сосне (в верховьях Дона) — на Алексеевском и Маяцком селищах. Интересно, что на этих памятниках крупные обломки серых богато орнаментированных пифосов составляли почти 25% всей керамики.

Такой же процент керамики составляли на этих поселениях обломки больших кувшинов-пифосов, включенных мной в последний тип столовой посуды салтовцев.

Тип Е. Кувшины-пифосы

Название, которое я дала этим сосудам, говорит само за себя. Это сосуды-«гибриды», имеющие черты сходства и с кувшинами, и с пифосами. С последними их объединяет величина и форма тулова. Сходство с кувшинами

---

[17] Принято считать, что количество обломков зависит от величины разбитого сосуда (чем больше обломков, тем больше сосуд), однако следует помнить, что толстостенные корчаги разбивались на значительно более крупные обломки, чем мелкие сосудики.

[18] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. — МИА, № 74, 1958, стр. 38, 39.

[19] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. — СА, XXIX, 1959.

[20] Дм. Дмитров. Ранносредневековен некропол при гара Разделна. — Археология, кн. 3—4. София, 1959.

сосуды приобретают благодаря узкому (по сравнению с туловом) и низкому горлу и небольшой, но массивной ручке, прикрепленной одним концом к плечику, а другим — к горлу сосуда (рис. 31, *1*). Некоторые экземпляры имеют венчик со сливом.

Кувшины-пифосы распространены повсеместно на территории салтово-маяцкой культуры, особенно на поселениях верхнего и нижнего Дона, т. е. в тех же районах, что и настоящие пифосы.

* * *

Мы рассмотрели только основные широко распространенные типы кухонной и столовой посуды, а также распределение их по территории Подонья и Приазовья. Весь керамический комплекс представляет единое целое, несмотря на более или менее существенные различия в форме и технических приемах изготовления отдельных сосудов или групп. Помимо керамики перечисленных типов и видов, на памятниках салтово-маяцкой культуры встречается множество сосудов, относящихся к промежуточным и к специальным типам.

Название «промежуточные», несомненно, очень условно. К таким типам относятся, например, лепные корчаги, изготовленные из хорошо отмученного теста с лощеной поверхностью, и яйцевидные кувшины с коротким горлом, изготовленные из кухонного теста и украшенные сплошным линейным орнаментом (как простые кухонные горшки), и т. д.

Сосуды специальных типов, предназначенные для каких-то особых, узко практических целей, попадаются только в слоях раскопанных поселений. Количество их очень незначительно по сравнению с общим количеством керамики, и обнаружить их обломки в подъемном материале можно лишь в редчайших случаях. В могильники специальные сосуды не попадали, так как в могилы ставили обычно парадные сосуды, реже — кухонные горшки с приготовленной пищей. По-видимому, считалось, что сосуды, служащие для приготовления пищи, покойникам не нужны.

Особенно много посуды специального назначения найдено при раскопках Саркела. Там обнаружены сосудики для изготовления сыра (с дырочками, как в дуршлаге), вылепленные от руки из теста с примесью травы. Лепными были цилиндрические сосуды с горизонтальным венчиком (рис. 30, *3*). Кочевники использовали их, судя по этнографическим аналогиям, для люлек, вставляя в круглые отверстия на дне.

Круговые сосуды, как правило, изготовлены из теста с примесью песка, типичного для кухонной керамики, или из тонкоотмученного теста, характерного для столовой посуды. Таковы полусферические светильники на высоком коническом поддоне, который бывает полым с прорезями или сплошным (рис. 30, *1*); сковороды, иногда украшенные линейным орнаментом, проведенным по стенкам (рис. 30, *4*); большие высокие и узкие сосуды с линейным орнаментом на тулове и ручкой у устья, служившие, видимо, маслобойками (рис. 30, *6*).

Кроме Саркела сосуд-маслобойка найден на селище у с. Попино в Болгарии (слой IX в.). Правда, он сделан не из плотного (столового), а из «амфорного» теста [21]. Там же, в Болгарии, в Дмитрове (слой XI—XII вв.), обнаружена еще одна маслобойка, также изготовленная из «амфорного» теста. Вместо одной ручки у венчика она имеет две массивные ручки, прикрепленные к тулову [22]. Таким образом, глиняные толстостенные маслобойки были, по-видимому, распространены на древнеболгарских поселениях. Они представляют собой одну из немногих форм салтово-маяцкой посуды, доживших почти без изменения до XII в.

Все специальные сосуды из-за плохой изученности культурных слоев поселений известны нам лишь по единичным находкам. Поэтому они, как и сосуды смешанных типов, не включены в предложенную здесь классификацию, тем более что ни для датировки памятников, ни для их этнической или культурной интерпретации они почти не имеют значения.

Прежде чем перейти к характеристике третьей группы керамики — тарной, остановимся на двух вопросах, связанных с изучением кухонной и столовой посуды. Речь пойдет, во-первых, о распределении этой посуды в могильниках и, во-вторых, о клеймах.

Вопрос о распределении различных типов керамики в могильниках скорее следовало бы рассмотреть в главе о погребальных обычаях, однако тогда я вынуждена была бы поместить туда и характеристику керамики, что, несомненно, отвлекло бы читателя от основной темы. Это обстоятельство и заставило меня перенести вопрос о распространении керамики в могильниках в настоящую главу.

---

[21] Ж. Въжарова. Отчет за разкопкате на градището край с. Попина. — В кн.: Словено-българското селище край село Попина-Силистренско. София, 1956, стр. 22, рис. 12.

[22] Йорданка Чангова. Средневековии амфори в България. — Известия на Археологическая институт, XXII. София, 1959, стр. 259, рис. 15 (сосуд ошибочно принят за амфору позднейшего облика).

Рис. 31. Различные типы салтово-маяцкой керамики (из Дмитровского могильника)

1 — пифос; *2* — пифос-кувшин; *3*, *4* — горшки-корчаги

Рассмотрим, какие типы керамики преобладают в определенных комплексах двух характерных могильников — катакомбного Дмитровского и ямного Зливкинского.

При изучении керамики Дмитровского могильника бросается в глаза явное преобладание столовой посуды и полное отсутствие специальных сосудов. Соотношение столовой и кухонной керамики составляет там 65 : 35%. Выше я приводила другие цифры — 90 и 10. Это несоответствие объясняется тем, что речь шла только о керамике из могил. В данном случае при подсчетах учтено большое количество сосудов из тризн. Прилагаемая таблица дает представление о том, какие типы посуды преобладали в тризнах (табл. 2). Это кухонные горшки, пифосы и кру́жки. В тризнах найдены и такие сосуды, которые ни разу не встречены в погребениях: это, кроме уже названных пифосов, кувшины-пифосы и кубышки. Зато кувшины — наиболее характерная керамика могил — в тризнах являются редчайшим исключением.

Чрезвычайный интерес представляет распределение различных типов керамики в самих катакомбах Дмитровского могильника. Довольно часто (в 25% могил) количество сосудов в дромосе совпадает с числом покойников в камере. Очень характерен подбор керамики: если в камере похоронен мужчина, то в дромосе стоит кувшин, если женщина — то кувшин или горшок (круговой или лепной), а если ребенок — то кружечка. Табл. 2 удостоверяет этот вывод, но она же показывает, что были и исключения из правила: иногда мужчине ставили вместо кувшина хороший лощеный горшок, женщине — кружку, а ребенку — кувшин. Несмотря на то, что в дромосах 75% катакомб сосудов или нет совсем, или их количество не соответствует числу погребенных, зависимость типа сосуда от пола и возраста покойника представляется мне несомненной. Дальнейшее исследование могильников, безусловно, позволит проследить этот обычай на более выразительном материале.

Иную картину мы наблюдаем в Зливкинском могильнике. Там в могилах встречается керамика только двух типов: лощеные кувшины (всего 6 в 37 погребениях) и кухонные лепные и круговые горшки с линейно-волнистым орнаментом. Здесь, невзирая на пол и возраст погребенного, в могилу обычно ставили горшок и только в наиболее богатые погребения взрослых рядом с горшком — богато украшенный лощеный кувшин.

Таким образом, представление о зависимости типа керамики от пола и возраста погребенных было присуще только создателям катакомб, т. е. аланам. По составу керамики ямных погребений, оставленных болгарами, можно судить об имущественном положении умершего: только богачи могли поставить в могилу хороший и, вероятно, дорогой столовый сосуд.

Обратимся теперь к вопросу о клеймах.

Выше уже не раз приводились сведения о производстве кухонной и столовой посуды. Мы видели, что для крупных южных городов было характерно массовое производство керамики в больших мастерских, стремившихся к стандартизации своей продукции. В северных районах, в верховьях Дона и Северского Донца, кухонную посуду изготовляли на примитивном круге женщины-хозяйки. Столовая посуда этой территории отличалась необычайным разнообразием форм и полным отсутствием стандарта, но она, как и в степных районах, была выделана на гончарном круге, часто даже ножном. На донышках многих столовых сосудов явственно сохранились следы среза ниткой или отпечатки конструкции (выпуклого квадрата со штырьками в углах), закрепляющей сосуд на подставке. Известно, что быстрота вращения ножного круга требует, чтобы сосуд был хорошо закреплен на подставке. Поэтому после формовки, если дно сосуда не было прикреплено к кругу специальным устройством, его и срезали ниткой. При формовке на ручном круге, вращавшемся гораздо медленнее, на донышках почти всегда ясно отпечатывалась деревянная подставка. Именно такие, изготовленные на ручном круге сосуды и несут иногда на дне клейма.

Сосуды с клеймами на дне попадаются в средневековых слоях поселений многих восточно- и среднеевропейских стран. Они уже неоднократно привлекали внимание археологов [23].

Вопрос о значении клейм является кардинальным и наиболее спорным. По этому поводу высказываются следующие мнения: 1) клейма — знаки гончаров, изготовлявших сосуды; 2) клейма — знаки заказчиков; 3) клейма имели религиозно-символическое значение; 4) клейма сначала имели только символическое значение, а потом превратились в знаки ремесленников, причем они могли быть и личными знаками гончаров, и знаками феодала, которому принадлежала ремесленная мастерская.

Рассмотрим клейма, обнаруженные на сосудах салтово-маяцкой культуры. Наибольшее количество клейменых сосудов (и их обломков)

[23] Подробная библиография вопроса приведена в статье М. Комши «О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи» (Dacia, n. s., V, 1961).

Таблица 2

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОСУДОВ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП И ТИПОВ В ПОГРЕБЕНИЯХ И ТРИЗНАХ ДМИТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Виды погребений	Лощеная керамика						Кухонные горшки	
	кувшины	горшки	кубышки	кружки	пифосы	кувшины-пифосы	круговые	лепные
Тризны							XXII	
							XXII	
							XXII	
							XXI	
							XXI	
							X	
							X	
							X	XXII
							VI	XVIII
				XXVI	XXIV		VI	XVIII
				XXVI	XV		V	X
				XXV	VII		II	VII
		XIX		III	VI	XVIII	I	V
	XIV	XIV	XIX	I	V	X	I	I
Мужские	46							
	46							
	45							
	38							
	38							
	54							
	51							
	7							
	5	52						
Женские	57							
	57							
	54							
	49							
	45							
	38							
	36							
	30	52						
	26	51		47			38	
	26	46		32			25	7
Детские				54				
				46				
				46				
				38				
				38				
				30				
				30				
	57			30				
	26			7				

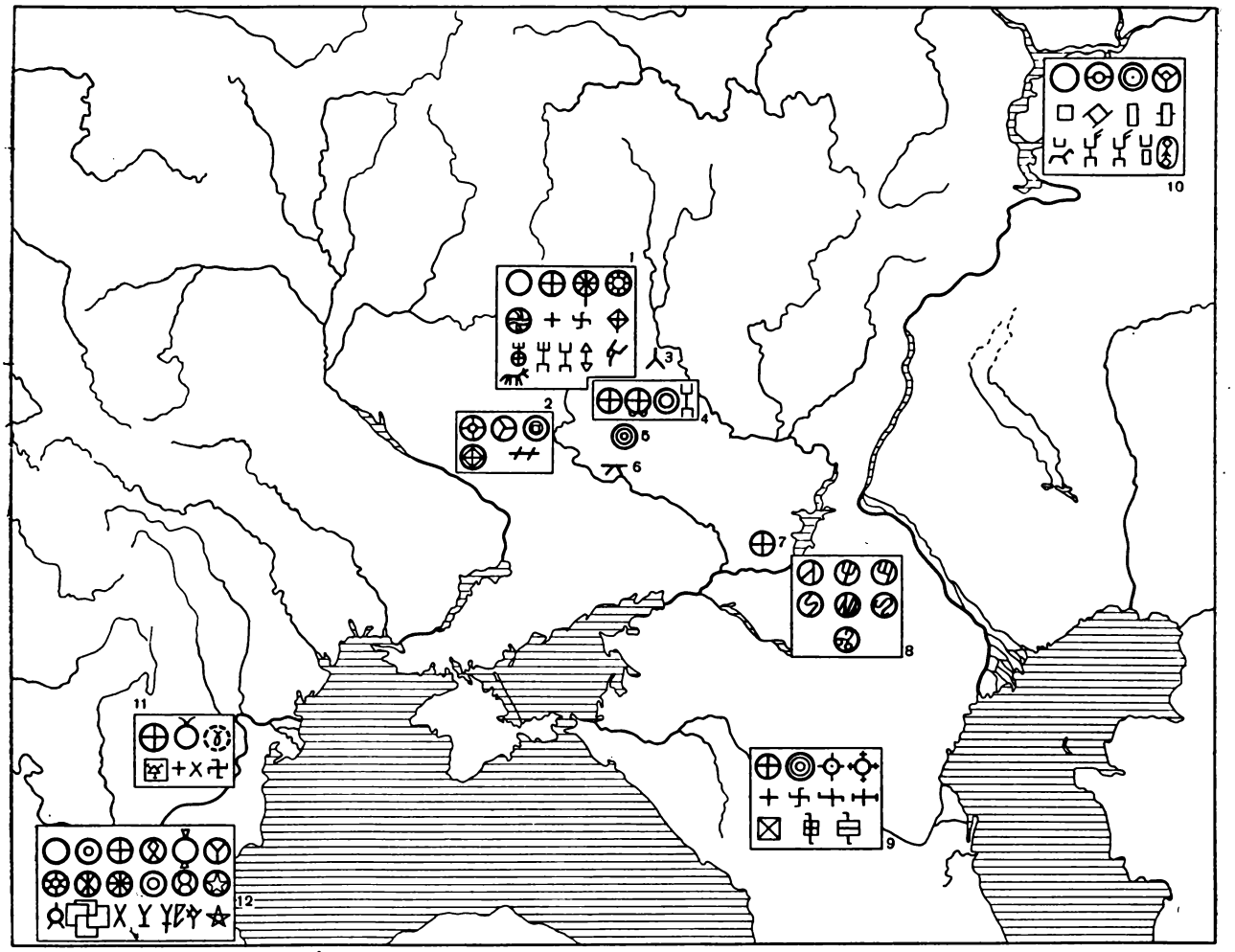

Рис. 32. Распространение клейм на Дону, Северном Кавказе, в Волжской и Дунайской Болгариях

1 — Дмитровский могильник (103); *2* — Салтовский могильник (64); *3* — Маяцкий могильник (7); *4* — Подгоровский могильник (158); *5* — Покровский могильник (161); *6* — Зливкинский могильник (87); *7* — Правобережное Цимлянское городище (25); *8* — Саркел (23); *9* — Северный Кавказ; *10* — Волжская Болгария; *11* — памятники VIII—IX вв. на территории Румынии; *12* — Северо-Восточная Болгария

обнаружено в Салтовском и Дмитровском могильниках и в Саркеле, т. е. на памятниках, в значительной степени исследованных археологами. Отдельные сосуды с клеймами найдены в Маяцком, Подгоровском, Покровском и Зливкинском могильниках и на Правобережном Цимлянском городище (рис. 32).

Клейма эти весьма разнообразны. Правда, в основе большинства из них лежат общепринятые символические обозначения огня и солнца — круг, крест, свастика, триквестр и некоторые другие [24]. На одном из клейм, кроме солнечного знака (крест в круге), изображен конь, также являвшийся символом солнца у многих народов мира, в частности и у кочевников. Клейма, связанные с символикой огня и солнца, очень широко распространены не только у народов, близких носителям салтово-маяцкой культуры и живших в то же время (в Дунайской и Волжской Болгариях и на Северном Кавказе) [25], но также среди славян и

[24] В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. — СА, 1960, № 4, рис. 1.

[25] Ст. Станчев. Гънчарска знаци от Плиска, Мадара и Преслав. — РП, III, 1949; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. I—VI. Об аланских северокавказских клеймах мне любезно сообщил В. А. Кузнецов, которому приношу глубокую благодарность.

германских племен [26]. В Средней Азии, где обычай клеймить сосуды дожил почти до наших дней, ремесленники, как правило, ставили на донышки горшков те же солярные знаки (в различных вариациях) [27].

Удивительное однообразие знаков на памятниках, разделенных в пространстве тысячами километров и во времени — сотнями лет, и символическая их однозначимость несомненно свидетельствуют о том, что все они связаны с религиозно-магическими представлениями ремесленников. Солнце и огонь повсеместно играли главную роль в культах гончаров, деятельность которых была неразрывно связана с обжигом — огнем. Очевидно, вывод ученых о символическом значении знаков не лишен основания.

Однако этнографические материалы, полученные Е. М. Пещеревой при исследовании среднеазиатского гончарного производства, показывают, что солярные знаки на донышках сосудов получили особенное распространение в период развитого городского ремесла. Все они были метками гончаров. В различных городах они повторялись, но мастера одного города никогда не пользовались одинаковыми метками. Таким образом, символическое значение знаков (их охранная и очистительная сила), хотя и не была забыта в городах, но сочеталась с чисто практическим желанием ремесленника пометить свои изделия. В этом отношении чрезвычайно интересны знаки, обнаруженные в Саркеле. Почти все они представляют собой круг — символ солнца — с вписанным в него знаком мастера или мастерской: трезубцем, тамгой, напоминающей тюркские буквы Н или Ч, латинской буквой S и даже греческими буквами ид. Только один саркельский знак является классическим солярным символом: круг с триквестром. Таким образом, в самом рисунке саркельских клейм сочетаются две идеи — символическая (солярный круг) и практическая (метка ремесленника). Даже триквестр здесь сильно индивидуализирован (с петлями на концах) и вполне мог быть частным знаком какого-то гончара.

Интересна группа клейм, представляющих тамгообразные знаки: двусторонний двузубец, трезубец и двузубец, перекрещивающиеся черточки и др. Двусторонний двузубец был распространен в верховьях Северского Донца. Он обнаружен в Дмитровском (4 сосуда), Салтовском (1 сосуд) и Подгоровском (1 сосуд) могильниках. В Подгоровском могильнике сосуд с двусторонним двузубцем находился в катакомбе 5, где был погребен богатый воин, на поясе которого оказалась пряжка с таким же знаком [28]. Богатый воин, несомненно, не был ремесленником-гончаром. Можно предположить, опираясь на мнение некоторых ученых, что воин был заказчиком сосуда, приказавшим пометить его своей тамгой. Однако предположение о принадлежности знака заказчику совершенно не подтверждается ни этнографическими данными, ни археологическими материалами. В той же катакомбе 5 Подгоровского могильника, кроме сосудов с двусторонним двузубцем, находился сосуд с солярным клеймом (круг с крестом). В Дмитровском могильнике в одну катакомбу всегда ставили сосуды с разными клеймами.

Очевидно, в катакомбах стояли сосуды, принадлежавшие одному хозяину, но вышедшие из разных мастерских.

Совпадение гончарного клейма и знака на пряжке из подгоровской катакомбы 5 имеет, по-видимому, иное значение. Богатый воин, носивший пряжку с двузубой двусторонней тамгой, принадлежал к феодальной семье, которая, вероятно, владела не только землями, но и ремесленными мастерскими. Все эти мастерские обозначали свою продукцию знаком феодала.

Мы не знаем, одна или несколько мастерских (или мастеров) метили свои изделия этим клеймом. Но если предположить, что таких мастерских было несколько, то, судя по картографированию знаков, власть или влияние богатой феодальной семьи распространялись на огромную территорию. Ареал двустороннего двузубца охватывает район между Дмитровским и Подгоровским могильниками (103, 157). Вне этого района такой знак не встречен ни разу не только в Подонье, но и в Подунавье, и в Поволжье.

В дальнейшем этот знак претерпел некоторые изменения. В Дмитровском могильнике найдены сосуды со знаком в виде трезубца на одном конце и двузубца на другом. В изменившемся виде он встречается в Волжской Болгарии. Вполне вероятно, что часть обширного феодального рода отошла вместе с болгарами на среднюю Волгу.

---

[26] Н. В. Тухтина. Средневековые славянские клейма. — Труды ГИМ, 37, 1960; Erwin Schirmer. Die deutsche Irdenware des 11—15. Jahrhunderts im engeren Mitteldeutschland. — Jahrbuch des Germanischen Museum der Friedrich Schiller Universität. Jena, 1939.

[27] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Ч. II. Городское гончарное производство.

[28] С. А. Плетнева. Подгоровский могильник. — СА, 1962, № 3, рис. 4.

Возможно, что все тамгообразные знаки, в основе которых лежали дву- или трезубцы, были знаками феодалов, а следовательно, и ремесленников, работающих на феодалов. Таковы, например, двузубец из Дмитровского могильника или трезубцы из Саркела. Однако доказать принадлежность подобных тамг феодальнозависимым гончарам пока невозможно. Только такие счастливые открытия, как находка сосуда и пряжки с одинаковыми знаками в одной катакомбе, помогут нам в будущем разобраться в этом вопросе.

Все исследователи клейм констатируют, что знаки ставились далеко не на всех сосудах, вышедших из мастерских. Этот факт объясняли по-разному. Если исходить из символического значения клейм, то можно предположить, что знаки нанесены на сосуды для защиты их от порчи и злых сил. В Средней Азии женщины, закладывая сосуды для обжига, метили крайние горшки крестами, чтобы защитить их от сглаза. Вероятно, и здесь знаки играли магическую роль. Но при этом они могли иметь и более практическое назначение: их ставили на один из сосудов однотипной серии. В каждую серию входило определенное количество сосудов, и клейменые экземпляры, поставленные у края печи, помогали быстрее сосчитать, сколько всего сосудов загружено для обжига. Если же в одной печи одновременно обжигали посуду, изготовленную несколькими ремесленниками, то смысл клеймения сосудов, поставленных с краю, состоял в том, что каждый мастер, заглянув в печь, мог сразу определить свой ряд. Заодно клеймо защищало весь ряд магическим знаком.

Подсчет, произведенный по материалам Дмитровского могильника, показал, что клеймили каждый четвертый сосуд. По-видимому, частое клеймение было связано с небольшими размерами печей и многочисленностью мастеров, пользовавшихся одной печью. В городах, где концентрация производства была сильнее, а верования, связанные с ручным ремеслом, и ручной круг отмирали, клейм значительно меньше. В Саркеле, например, среди тысяч обломков обнаружено всего девять клейм, а в Таматархе их не было вовсе.

В лесостепной полосе клейма обнаружены исключительно на столовых лощеных сосудах. Очевидно, только их и изготовляли ремесленники, поскольку кухонную посуду здесь, как уже было отмечено, формовали на домашнем ручном круге. Показательно, что в Средней Азии клейма на сосудах появились только с выделением гончарного ремесла в особую производственную отрасль, после того как гончарство стало мужским делом. Поначалу гончаров-ремесленников было почти так же много, как женщин-«мастериц», руководивших в поселке изготовлением посуды. Поэтому так много было и разновидностей клейм (в Дмитровке их открыто уже 13).

Таким образом, на лесостепных поселениях нам удалось, как мне кажется, проследить картину зарождения гончарного ремесла, отделения его от домашнего производства, которым занимались женщины.

В большом городе Саркеле лощеная керамика изготовлена преимущественно на ножном круге, и все клейма, которые здесь обнаружены, стояли на кухонных горшках.

По-видимому, лощеная посуда, отличавшаяся стандартностью форм, выходила из больших мастерских, а кухонные горшки, сработанные еще примитивным способом — на ручном круге, были продукцией ремесленников-одиночек. Однако горожане-гончары метили свою продукцию значительно реже. Это можно объяснить тем, что городские печи были гораздо больше сельских, поскольку их сооружали по образцу больших печей, построенных около Саркела для обжига кирпича и тарной керамики, а в соответствии с новыми нормами жизни каждый ремесленник, вероятно, имел свою собственную печь.

Итак, исследование клейм привело нас к следующим общим выводам, которые мы уже имели возможность сделать, исходя из других материалов.

1. Северные лесостепные земли отставали в экономическом развитии от южных — от районов нижнего Дона и приазовских городов. В то время как на севере выделка кухонной посуды не вышла еще из рук женщин, а изготовление лощеной посуды велось преимущественно на ручном круге кустарями-ремесленниками, на юге (в частности, в Саркеле) лощеную посуду выпускали уже большие мастерские, а кухонную — ремесленники, работавшие на хорошем ручном круге.

2. Производство лощеной столовой керамики развивалось значительно быстрее, чем кухонной посуды. На севере изготовление кухонной посуды оставалось еще женским занятием, а на юге оно было уже в руках ремесленников-одиночек.

Изготовление лощеной посуды в лесостепи стало уже достоянием ремесленников, а на юге перешло в мастерские, где работали высококвалифицированные гончары, выпускавшие не только стандартную лощеную посуду, но и еще более стандартную тарную керамику.

ТАРНАЯ КЕРАМИКА

К группе тарной посуды я отношу сосуды двух типов: амфоры и красноглиняные кувшины. Пифосы (оранжевые и желтые) с массивными венчиками и ножкой, датирующиеся VI—VIII вв., встречаются только на крымских поселениях, в Фанагории и, реже, в Таматархе. По форме и составу теста они напоминают позднеантичные пифосы и, несомненно, происходят от них. На салтово-маяцких памятниках Подонья их нет, а в Приазовье они известны только в городах. В древностях салтово-маяцкой культуры они никакой роли не играют и потому не включены в предложенную здесь классификацию.

Тип А. Амфоры

Средневековые амфоры, характерные для салтово-маяцкой культуры, ведут происхождение от античных. Однако к VIII в. греческие и римские амфоры настолько видоизменились, что их трудно узнать в небольших и компактных сосудах, которые в литературе известны под названием амфор салтовского типа.

Эти амфоры представляют собой круглодонные яйцевидные сосуды с крутыми плечиками, коротким горлом и пухлым венчиком. Две ручки, прикрепленные одним концом к венчику, а другим — к плечику сосуда, имеют характерный профиль — с выступом посредине. Этот выступ создает вдоль ручки выпуклый гребень. Тулово амфор сформовано из полос глины. Ложбинки между полосами придают сосуду вид рифленого. Впрочем, в нижней части амфоры ложбинки заглажены (рис. 33, *1*).

Тесто, из которого изготовлены амфоры, очень плотное, с примесью мелкодробленого, почти не видимого простым глазом шамота. Петрографическое изучение теста амфор Таманского городища показало, что примесь шамота появилась в нем с VIII в. Лабораторные исследования выявили две разновидности шамотного теста, отличающиеся друг от друга большей или меньшей плотностью. Тесто меньшей плотности применялось до конца XIII в., а более плотное — только в VIII—IX вв.[29]

Подавляющее большинство амфор Подонья и Приазовья выделано из теста с примесью шамота. Однако и в Подонье, и в Приазовье попадается много обломков амфор из иного теста. Они изготовлены в иной технике и украшены иным орнаментом, хотя по форме напоминают описанные выше. В составе теста этих амфор никогда нет примеси шамота. Анализ глины таманских амфор показал, что в VIII—IX вв. в Таматархе использовались амфоры пяти различных групп (кроме двух шамотных). Очевидно, различия в тесте свидетельствуют о том, что в город привозили амфоры, выделанные в разных мастерских. Почти у всех амфор поверхность покрыта белым ангобом, а амфоры из наиболее плотного и отмученного теста украшены к тому же по плечикам линейным орнаментом, проведенным многозубым тонким штампом.

Обломки амфор — наиболее характерная находка на большинстве поселений салтово-маяцкой культуры в Подонье и Приазовье (рис. 34). Однако распределены они на этой огромной территории неравномерно. В городах Приазовья — Таматархе и Фанагории — культурный слой VIII—X вв. так насыщен обломками амфор, что остальной керамический материал буквально тонет в них. На приазовских кочевьях амфоры представляют преобладающий, а иногда и единственный тип посуды. На нижнем Дону, в частности и в Саркеле, их значительно меньше (примерно 50% всей посуды). На среднем и верхнем Северском Донце известны поселения (особенно за́мки), где обломки амфор составляют около 50% всей керамики, но в этом же районе есть поселения совсем без амфор или с минимальным их количеством (10—25%). Та же картина наблюдается и на верхнем Осколе, но там больше поселений без амфор или с небольшим их количеством. Наконец, особенно мало амфор в бассейне верхнего Дона. Даже на Маяцком городище они не превышают 10% всей керамики.

Распространение амфор показывает, как мне кажется, где находились центры их производства. Вероятно, они изготовлены там, где их больше, чем керамики остальных типов, т. е. в приазовских городах или их окрестностях. Другим центром производства амфор был Восточный Крым, где А. Л. Якобсон обнаружил остатки нескольких больших керамических мастерских[30]. Отсюда, из юго-западного угла Хазарского каганата, амфоры, наполненные пряностями и вином, расходились по всему Подонью.

Третьим производственным центром амфор был Саркел. Около береговых печей, служивших в основном для обжига кирпичей, обнаружено большое количество амфорных обломков, что свидетельствует, по-видимому, о периодическом использовании этих печей для обжига

[29] С. А. Плетнева. Средневековая керамика..., стр. 46—52, рис. 32.

[30] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи...

Рис. 33. Тарная керамика

1 — амфора из Тамани; *2* — баклажка из Новочеркасска; *3*, *4* — кувшины из Тамани

амфор. Однако в Саркеле производство амфор не было значительным. Это подтверждается сравнительно небольшим количеством их обломков в саркельском слое IX—начала X в. Саркельцы также не только сами пользовались амфорами, но могли и отправлять их с местным вином в степь и северные районы каганата.

Таким образом, распределение амфор на территории Подонья и Приазовья говорит не только о центрах их производства, но и об интенсивности внутригосударственной торговли в каганате. Наиболее активную торговлю вели районы, в которых обнаружено большое количество амфор. Что же касается самых отдаленных от Приазовья и Саркела земель — верховьев Дона, то туда амфоры доходили очень редко. Там тарная посуда была иной: в подъемном материале преобладают обломки пифосов и кувшинов-пифосов. Район белокаменных феодальных замков (верховья Северского Донца) снабжался амфорами и их содержимым довольно регулярно. Обломки амфор попадаются почти на каждом городище-замке, однако на большинстве прилегающих к городищам поселений их нет или почти нет. Это подчеркивает разницу между населением замков, имевшим возможность покупать дорогие продукты, и населением поселков, в руки которого они почти не попадали.

Основным типом амфор и в Подонье, и в Приазовье были, как я отмечала, амфоры с шамотом в тесте. Я полагаю, что именно этот тип амфор и был местного крымско-приазовского производства [31]. Такие же амфоры изготовляли и в Саркеле. Амфоры без шамота в тесте также, возможно, выпущены крымскими мастерскими, поскольку некоторые группы бесшамотного теста таманских амфор VII—IX вв. были известны в Крыму как местные еще с римского времени. Однако бо́льшая часть этих амфор, несомненно, была привозной, византийской. Очевидно, византийский экспорт в морских городах каганата играл заметную роль. Проникал он и в степь — к кочевникам, и даже на далекие лесостепные поселения. Но все же основная масса византийского экспорта сосредоточена в Приазовье и Саркеле (с окрестностями), а в далекую провинцию — в верховья Дона — он не доходил.

Вместе с амфорами в одних и тех же крымских мастерских изготовляли из плотного амфорного теста оригинальные сосуды — фляги, или баклажки (рис. 33, *2*). Форма их напоминает низкий цилиндр с выпуклой внешней поверхностью и плоским дном. Узкое и короткое горло помещено сбоку — в стенке сосуда. К венчику и стенкам прикреплены овальные в разрезе, довольно массивные ручки. Выпуклая сторона фляги покрыта белым ангобом и украшена простым рисунком, нанесенным красным ангобом. Иногда в центре ее выдавлен один или два концентрических кружка.

Баклажки — типично кочевнические сосуды, очень удобные в походах. Емкость баклажек достигала 4 л. Они были довольно тяжелыми, и поэтому, надо думать, при езде их приторачивали к седлу. Среднеазиатские кочевники пользовались аналогичными сосудами вплоть до недавнего времени. Однако в южнорусских степях в VIII—IX вв. баклажки не получили широкого распространения. Находки их единичны: одна обнаружена в Подгоровском могильнике [32], две — под Новочеркасском [33] и обломки одной или нескольких — при раскопках Саркела [34]. По-видимому, кочевники того времени предпочитали пользоваться при перевозке жидкостей кожаными бурдюками, костяные горлышки которых часто встречаются и в могильниках, и в слое Саркела.

Тип Б. Кувшины

Тарные кувшины — это высокие стройные сосуды с удлиненным горлом и небольшим дном. Плечики у них покатые, венчик выражен слабо: он представляет собой однорядный или двурядный валик. По плечикам и иногда по горлу проведен орнамент в виде одной или двух линий. Характерной особенностью кувшинов являются плоские широкие ручки, одним концом прикрепленные к плечикам, а другим — примерно к середине горла (рис. 33, *3*, *4*). С внешней стороны ручки украшены рядом продольных наколов.

Все кувшины изготовлены из песчанистого, рыхлого и слегка слоистого теста, цвет их всегда кирпично-красный или коричнево-красный. Более 80% всех обнаруженных на поселениях кувшинов с внутренней стороны покрыто тонким слоем черного вещества — смолой

[31] Хозяйственную яму с амфорами нашел на Салтовском городище еще В. А. Бабенко (он принял ее за печь). После этого характерные амфоры VIII—IX вв. и стали называть «амфорами салтовского типа», хотя по существу они [illegible] причерноморскими.

[32] С. А. Плетнева. Подгоровский могильник, стр. 245, рис. 3.

[33] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — СА, XIX, 1954.

[34] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 247, рис. 32.

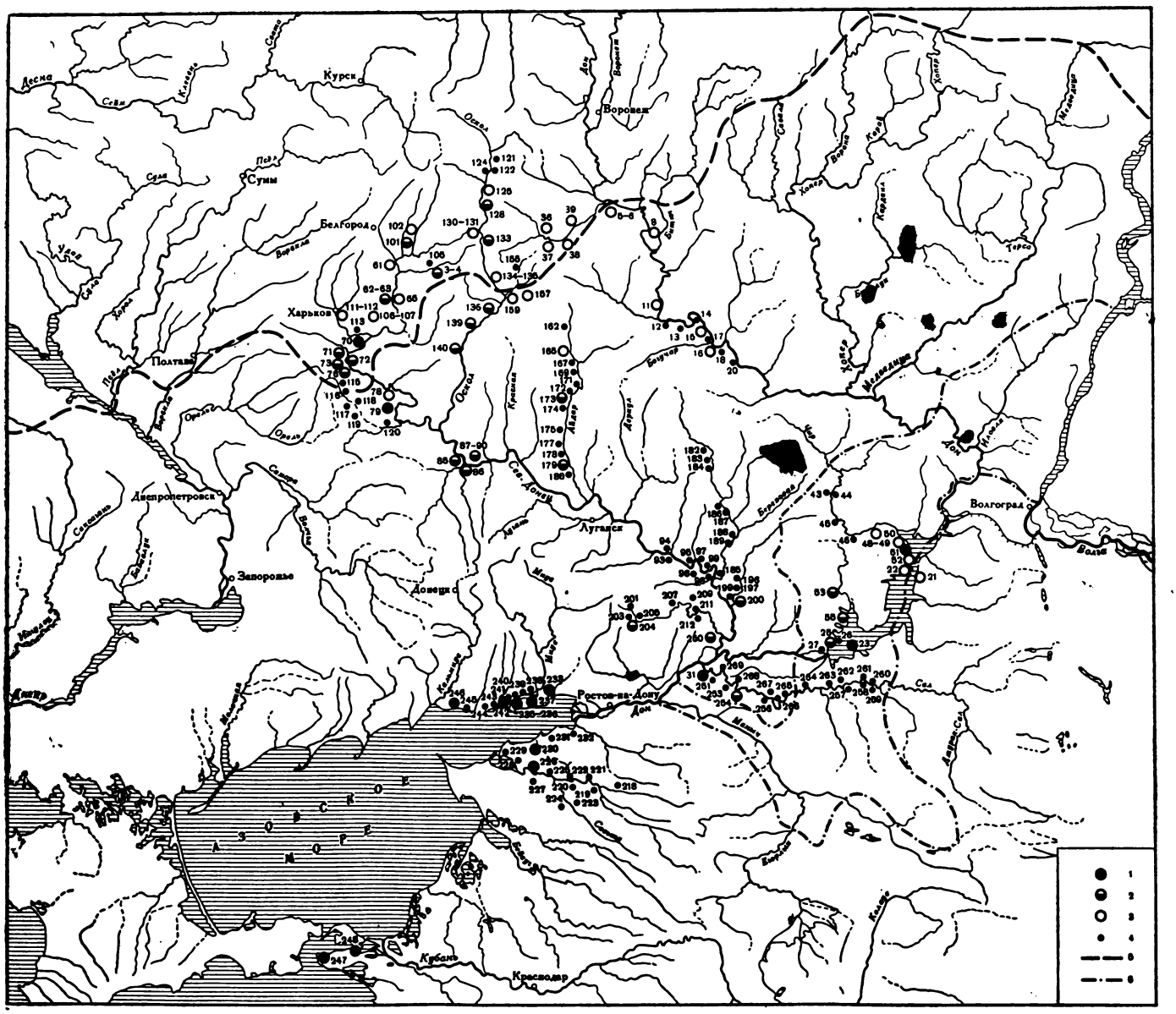

Рис. 34. Распространение амфор на Дону и в Приазовье

1 — более 50% всей керамики; *2* — 40—50%; *3* — 10—30%; *4* — не более 10—15 штук вместе с остальной керамикой; *5* — граница степи и лесостепи; *6* — граница винотравных степей нижнего Дона

хвойных деревьев, предохранявшей жидкость от испарения.

Распространение красноглиняных кувшинов в Подонье и Приазовье весьма ограниченно. Они найдены на Таманском городище, где составляют 50% всей керамики из слоев VIII—XI вв., на некоторых крупных поселениях Восточного Крыма и, наконец, в Саркеле (34% всей керамики). На остальных памятниках Приазовья и Нижнего Подонья — даже в Фанагории и Правобережном замке — обломки кувшинов попадаются очень редко. На подавляющем большинстве памятников — на стоянках кочевников и земледельческих поселениях нижнего Дона — их нет совсем. Ни одного обломка красноглиняного кувшина не найдено и в лесостепном районе салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, кувшины были характерным типом посуды только в двух городах — Таматархе и Саркеле [35].

Один из центров их производства находился, несомненно, в Таматархе или ее окрестностях. Об этом свидетельствуют не только огромное количество кувшинов, обнаруженных в городских слоях, но и оптический анализ глин, который позволил установить, что подавляющее большинство найденных здесь кувшинов изготовлено из глины с примесью видимых невооруженным глазом черных вкраплений окислов железа и пироксена. Возможно даже, что они вышли из одной мастерской. Только немногочисленные обломки кувшинов, обнаруженные на восточном участке (наиболее приближенном к пристани), относятся к другой группе глин. Они происходят, вероятно, от привозных кувшинов, изготовленных в какой-то крымской мастерской.

В работе о таманской средневековой керамике я попыталась, во-первых, доказать, что кувшины ведут свое происхождение от обычных амфор, и, во-вторых, наметить два периода в их развитии [36]. К первому периоду (VIII—IX вв.) относятся кувшины, у которых диаметр венчика равен 6—8 см, соотношение диаметров венчика, плечиков и дна — 1 : 3 : 2, соотношение расстояния от венчика до наиболее широкой части плечиков и общей высоты кувшина — 1 : 3. Стенки этих кувшинов довольно толстые (до 1 см), цвет коричневатый (рис. 33, *3*). Кувшины следующего периода (X—XI вв.) имеют несколько иные пропорции, диаметр венчика достигает у них 10—12 см, цвет — ярко-оранжевый (рис. 33, *4*). На салтово-маяцких памятниках, датирующихся VIII—IX вв., встречаются обычно обломки кувшинов первого вида. Фрагменты кувшинов второго вида найдены на некоторых крымских поселениях и в русских слоях Таманского и Саркельского городищ (в Тмутаракани и Белой Веже).

Производство кувшинов в Таматархе зародилось в VIII в., а особенного расцвета достигло к X в. В слое IX в. их обломков здесь в два раза меньше, чем в слое X в. В Саркеле же, наоборот, наибольшее количество обломков найдено в слое IX в. По-видимому, в Саркеле было собственное производство кувшинов, которые обжигались в тех же береговых печах, что и амфоры. К тому же тесто саркельских кувшинов несколько отличается от теста таманских: рыхлое и слоистое, оно содержит больше песка.

Кувшины составляют последний тип посуды, который относится к керамическому комплексу салтово-маяцкой культуры. Включать их в этот комплекс можно с известными оговорками: ведь на большинстве салтовских памятников они не найдены, и производство их не прекратилось после гибели салтово-маяцкой культуры. Однако надо принять во внимание, что производство кувшинов возникло в Приазовье в тот же полный экономическими новшествами VIII век, когда родилась вся салтово-маяцкая культура.

* * *

Обзор салтово-маяцкой керамики показывает, что она отличается необычайным богатством и разнообразием форм, орнаментов и технических приемов. Сосуществование на территории Приазовья и Подонья лепной и круговой керамики, тенденция к стандартизации форм отдельных типов свидетельствуют о том, что VIII—IX века были временем технической революции — переходным периодом, когда на смену ручному способу изготовления посуды пришел гончарный круг (сначала ручной, а затем и ножной).

Оригинальность салтово-маяцкой керамики не вызывает сомнений. Однако очевидно, что появилась она в результате взаимодействий кочевых и полукочевых племен и влияний со стороны земледельческих цивилизованных соседей.

---

[35] На крупных поселениях Дунайской Болгарии (Плиске, Преславе и др.) в слоях IX—X вв. найдены целые сосуды, похожие по внешнему облику на красноглиняные высокие кувшины, и их обломки. Однако поверхность их покрыта темно-зеленой или зеленовато-коричневой поливой (см., например: Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 234, рис. 280).

[36] С. А. Плетнева. Средневековая керамика..., стр. 54.

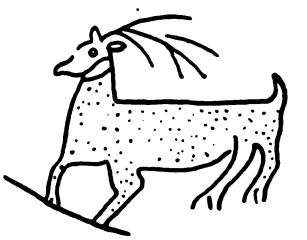
Таковы в первую очередь лощеные сосуды, формы которых возникли в результате развития позднесарматской — аланской — лощеной керамики. Лепные горшки были характернейшей керамикой тюркоязычных и ираноязычных кочевников от предгорий Алтая до Дуная. Гончарный круг появился здесь под влиянием Византии и византийских мастеров, селившихся в Крыму. Линейно-волнистый орнамент типичен для византийских простых сосудов (в частности, амфор). Наконец, влияние славян сказалось на составе теста кухонных сосудов в поселениях славяно-салтовского пограничья в верховьях Дона и Северского Донца.

Таким образом, процесс сложения салтово-маяцкой культуры очень полно отразился в сложении керамического комплекса. Я стремилась показать, что от решения некоторых узких источниковедческих или производственных вопросов, возникающих в связи с изучением керамики, зависят важные исторические выводы. Чем глубже мы будем исследовать историю салтово-маяцкой керамики, особенно проблемы ее производства, тем полнее и интереснее будут выводы [37].

[37] Предложенный очерк, несомненно, не исчерпывает всей темы. В некоторых случаях я ограничилась лишь постановкой вопроса, а проблемы производства керамики коснулась очень бегло. Дело в том, что сейчас эта тема служит предметом специальных исследований. Методологию изучения технических свойств сосуда и его выделки разрабатывает сотрудник ИА АН СССР А. А. Бобринский, а салтовское ремесло (в том числе и гончарное) изучает аспирант ХГУ В. К. Михеев.

ГЛАВА V

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ

Хронологические рамки салтово-маяцкой культуры были установлены еще в первых посвященных ей работах. Дата — VIII—IX вв., вернее, середина VIII—начало X в. — так убедительно доказана, а хронологический диапазон настолько узок (всего 150 лет), что никто до сих пор не задавался целью детализировать хронологию донских древностей VIII—IX вв. Проблема периодизации салтово-маяцких древностей чрезвычайно усложняется еще и тем, что все родственные ей культуры и на Западе (в Болгарии и Венгрии) [1], и на Востоке (в Сибири) [2] претерпели в VIII в. одинаковые изменения и датируются исследователями также суммарно — VIII—IX вв. Поэтому обращаться к внешним аналогиям почти бесполезно. Пути к детализации ныне существующей хронологии салтово-маяцкой культуры нужно искать в ней самой.

В таких случаях обычно обращаются к классификации различных категорий вещей и построению на этой основе типологических рядов. Между тем, несмотря на богатство вещевых коллекций из памятников салтово-маяцкой культуры, вещи одной категории в целом настолько однородны, что до сих пор не делалось попыток подвергнуть их детальной классификации. Исключение составляют бусы, которым В. Б. Ковалевская (Деопик) посвятила две обстоятельные работы [3]. Ей удалось разделить огромный материал на ряд групп, отделов, типов и подтипов, что, несомненно, облегчило дальнейшую работу с этой категорией вещей. Однако статьи В. Б. Ковалевской не внесли существенных изменений в датировку салтово-маяцких древностей и показали, что установление типологических рядов по существу не способствует периодизации этих древностей.

Наиболее эффективным оказался, как мы увидим, метод корреляции. Применить этот метод можно только в том случае, если имеется достаточное количество (не меньше 30) полных и богатых вещами комплексов. В настоящее время мы располагаем материалами двух могильников — Салтовского и Дмитровского, причем для получения результатов вполне достаточно воспользоваться данными одного из этих могильников.

Наибольший интерес, как мне кажется, представляют недавно раскопанные и хорошо сохранившиеся комплексы Дмитровского могильника. Салтовские комплексы, несмотря на разнообразие вещей, сильно устарели: часть из них утеряна вовсе, многие разрознены и восстановить их трудно или даже невозможно. Новые салтовские материалы (из раскопок 1959—1960 гг.) исследует Д. Т. Березовец, поэтому пока обращаться к ним не имеет смысла.

Итак, вернемся к материалам из комплексов Дмитровского могильника. Я подвергаю корреляции не все категории вещей, найденных в погребениях этого могильника, а только те из них, которые разделяются на ярко выраженные типы и виды. Это прежде всего бусы, затем серьги, перстни, копоушки и топоры.

Бусы VIII—IX вв. классифицированы, как говорилось выше, В. Б. Ковалевской (Деопик). Она делит их на пять групп: одноцветные, с металлической прокладкой, глазчатые, полосатые, мозаичные. В каждой группе есть отделы, типы и подтипы. Полностью принимая

---

[1] См., например: J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd I—III. Braunschweig, 1905; Ж. Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи VI—XI век. София, 1965; Ст. Станчев. Некрополът до Нови Пазар. София, 1957.

[2] См., например: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, главы VIII, IX; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. — Вестник МГУ, 1964, № 4.

[3] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. — СА, 1959, № 3; Она же. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. — СА, 1961, № 3.

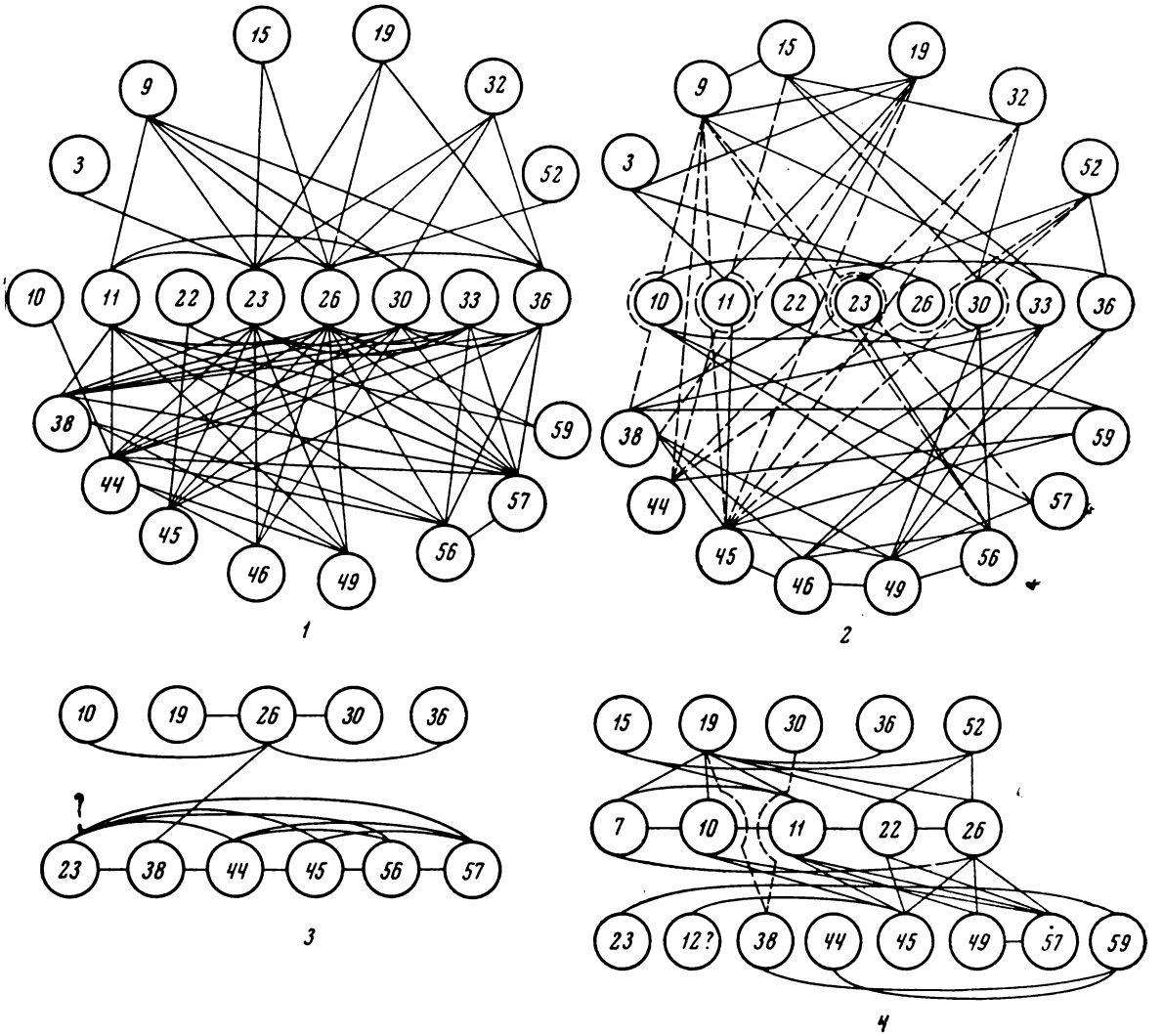

Рис. 35. Связи катакомб Дмитровского могильника

1 — по взаимовстречаемости бус 10 и более сочетаний; *2* — то же по 5—8 сочетаниям; *3* — по взаимовстречаемости бус с другими категориями вещей 8—10 сочетаний; *4* — то же по 3—7 сочетаниям

Эту классификацию, я для удобства пользования ею разделяю все обнаруженные в Дмитровском могильнике бусы (780 бусин и более 800 бисерин) на 39 видов, входящих, за редкими исключениями, в типологию В. Б. Ковалевской. Бусы всех 39 видов подвергнуты взаимной корреляции, в результате которой получено 289 сочетаний катакомб. В сочетания входят от 2 до 15 катакомб (табл. 3).

На рис. 35, *1* объединены катакомбы, сочетающиеся между собой 10 и более раз. Мы видим, что катакомбы 38, 44, 45, 46, 49, 55, 57, 59 и 3, 9, 15, 19, 32, 52 ни разу не перекрещиваются. Третья группа катакомб — 10, 11, 22, 23, 26, 30, 33, 36 — связана и с первой, и со второй группами, но, судя по графику, имеет больше общего со второй группой, чем с первой. Кроме того, следует отметить, что в первой и третьей группах хорошо выявляются внутригрупповые связи катакомб между собой.

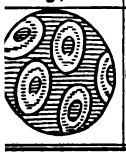
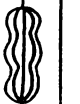
Такая же в целом картина прослеживается и по меньшему числу сочетаний (от 5 до 9). На рис. 35, *2* яснее выступают внутригрупповые связи, зато значительно менее отчетливо деление между первой и второй группами: отдельные катакомбы этих групп перекрещиваются не только с катакомбами третьей группы, но и между собой.

Разобраться в правильности деления катакомб на три группы, проверить правомерность выделения третьей, промежуточной группы и связи ее с двумя остальными можно

Катакомба	Одноцветные бусы																Бусы с металлической прокладкой		Глазчатые бус				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
2						4																	
3			3								2	1										2	
5																							1
6																	4						
7	1										1												
8											1												
9			2		1	8					2				1		2						
10	1					9					8										1	1	1
11	1	1	2		1	3					3						2	1	1			1	
12																							
14											1												
15						1											6	1					
19		1	2			37					11									1		5	
21																	6						
22					1																	2	
23	8		1		3	21			1	1		3	36				22	6			3	1	
25											4						3						
26	12		2		6	15	3	1			2		3	2			28	1		1	2	1	
27	1																1						
30	10				2	21			3				7		2		1						
32	1					35	1		1		1							1					
33	3				1	6			2				2				5						
36	37			1	2	10					4		1	2			7				1		
38	3		1		22	2			1	26							4	1			1		
44	29				3	58				2	5		1	4	2	7	2	10	1	2			3
45	4				4	217															1		
46	1				3	23											5						
49	1				18	68				2							5	27					
52														1	2		7				4		
55						13											5						
56	4				2	17			2	1	1						4		1				1
57	2				2	38			2	1					1	1	8						1
59					1	~200										7		1				1	
Итого:	119	2	13	1	72	~800	4	1	12	33	46	4	50	9	8	15	127	49	3	4	13	14	7

Таблица 3

А И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИХ В КАТАКОМБАХ

...ы			Полосатые бусы				Мозаичные бусы								Полосатые инкрустированные бусы
24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
																
									2				1		
					1										
									2						
	1	1			1										
				1											
1													2		
			1	1	1										
1									1						
				1	2										
					2				2						
1		1	2		1				2						
			3		2	1			2	5		1			
12	1	1	2		17	7	1	1	1		1			1	
4			3	1		2									
			1		2										
					1							1			1
			4		2				1						
3									1		1				9
7			4	2				1				5			2
3			1	1	3				2	15		1			
			2							2					
															5
			4		1		1								
									1						
5			1	2								1			
2															
39	2	3	28	9	36	10	2	2	17	22	2	9	3	1	17

только, привлекая другие категории вещей, обнаруженных в этих катакомбах.

Однако прежде чем мы обратимся к корреляции, следует разделить каждую из привлекаемых категорий на достаточно выразительные типы (табл. 4).

Серьги я расчленяю на два отдела: литые и составные. Первый отдел включает два типа: I — с подвеской-выступом в виде трех шариков; II — с удлиненной литой подвеской, имеющей шишечку на конце. Второй отдел также включает два типа: I — с длинной подвеской в виде граненой трубочки, надетой на стерженек, и с бусинкой на конце; II — с подвеской в виде нанизанных на стерженек бусинок.

Перстни разделены на пять типов: I — со стеклянной или бронзовой жуковиной, закрепленной крестообразно расположенными лапками; II — с металлической жуковиной, обрамленной ложной зернью (явно подражают перстням типа I); III — со стеклянной круглой жуковиной, вставленной в отверстие, отлитое в теле перстня; IV — с металлическим припаянным орнаментированным щитком; V — с небольшим отлитым или расплющенным расширением (щитком) на внешней стороне.

Копоушки членятся на два отдела: коромыслообразные и с орнаментированной ручкой. Коромыслообразные включают два типа: I — с петлей в средней части; II — с желобком в средней части.

Типы второго отдела: I — лопаткообразные, у которых ручка-лопаточка украшена сложным прорезным узором; II — с простой ручкой-петелькой, изображающей схематизированную фигурку женщины.

20 топоров из катакомб Дмитровского могильника разделены на два отдела. В первый отдел входят топоры с молоткообразным вытянутым обушком, распадающиеся на два типа: I — с треугольным лезвием; II — с лезвием, имеющим выделенную бородку (с выемкой). Во второй отдел входят топоры с плоским обушком. Они также делятся на два типа: I — с треугольным лезвием; II — с лезвием, имеющим выемку.

Мы рассмотрели вещи, найденные почти в каждой богатой катакомбе могильника. Классификация остальных категорий для решения поставленной задачи не представляет интереса: вещи этих категорий или однотипны, или, наоборот, уникальны, т. е. встречаются очень редко (всего в одной-двух катакомбах). Корреляция их не нужна: и без нее можно определить, в катакомбах какой группы они попадаются чаще.

Что же дает корреляция всех рассмотренных выше категорий вещей с бусами 39 видов?

Прежде всего по 8 и более сочетаниям (рис. 35, *3*) резко выделяются две группы, почти не связанные друг с другом. Следующий график (рис. 35, *4*) составлен по 3—7 сочетаниям. Здесь вновь выявляются три группы, в общем повторяющие те, что выделены по бусам, и в то же время уточняющие их.

Рассмотрим подробнее эти уточнения: катакомбы 30, 36, 52 из промежуточной группы переместились во вторую, а катакомба 23 — в первую. В то же время, очевидно, подтверждается и существование промежуточной группы, в которую вошла, помимо выделенных уже по бусам катакомб 10, 11, 22, 26, катакомба 7.

Итак, учитывая все четыре графика (рис. 35, *1—4*), мы делим катакомбы Дмитровского могильника на две основные и одну промежуточную группы:

Первая группа — катакомбы 23, 38, 44, 45, 49, 57, 59;
Вторая группа — катакомбы 3, 9, 15, 19, 30, 32, 36, 52
Промежуточная группа — катакомбы 7, 10, 11, 22, 26

Весьма существенно, что промежуточная группа оказалась оторванной от первой группы гораздо сильнее, чем это видно на графике, составленном по корреляции бус (рис. 35, *1*). Из рис. 35, *3* следует, что связей между первой и промежуточной группами не было и что катакомбы промежуточной группы составляли единое целое с катакомбами второй группы. Однако следует, видимо, признать, что хронологически катакомбы промежуточной группы ближе к катакомбам первой группы, чем катакомбы второй группы.

Какими же вещами характеризуются комплексы первой и второй групп? На рис. 36 видно, что разница между ними весьма существенна. Интересно, что анализ инвентарей из катакомб первой и второй групп особенно отчетливо демонстрирует оторванность промежуточной группы от первой и связи ее со второй.

Первая группа

Рассмотрим сначала вещи, включенные в предложенную выше типологию: серьги, перстни, копоушки и топоры.

Серьги из комплексов первой группы отличаются большим разнообразием: среди них встречаются литые и составные серьги обоих типов. Интересны серьги с подвеской-стерженьком, на который насажены бусы или граненая трубочка: обычно трубочка сверху и снизу обрамлена бусинками и украшена на стыках с ними полосками зерни. Перстни из катакомб

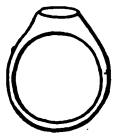
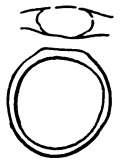
Виды бус							
1	56	23, 38, 44	7, 10, 11, 26, 45, 49, 57		23, 44, 45, 56, 57	11	10, 26, 36
2			11, 19			11	19
3		23, 38	11, 19, 26		23	11	19, 26
4							36
5	56	23, 38, 44, 59	11, 22, 26, 45, 49, 57	33, 44, 56	23, 44, 45, 56, 57	11	26, 36
6	56	23, 38, 44, 59	10, 11, 15, 26, 45, 49, 55, 57	33, 44, 56	23, 44, 45, 56, 57	11, 15	2, 10, 26, 36.
7			26				26
8			26				26
9	56	23, 38, 44	57	33, 44, 56	23, 44, 56, 57		
10	56	23, 38, 44	49, 57	44, 56	23, 44, 56, 57		
11	56		7, 8, 10, 11, 19, 26	56	56	11	10, 19, 26, 36
12		23			23		
13		23, 44	26	33, 44	23, 44		26, 36
14		44	26, 52	44	44	52	26, 36
15		44	52, 57	44	44, 57	52	
16		44, 59	57	44	44, 57		
17	56	23, 38, 44	11, 15, 26, 49, 52, 55, 57	33, 44, 56	21, 23, 44, 56, 57	11, 15, 52	26, 36
18		23, 38, 44, 59	11, 15, 26, 49	44	23, 44	11, 15	26
19	56	44	11	44, 56	44, 56	11	
20		44	19, 26	44	44		19, 26
21		23, 38	10, 26, 45, 52		23, 45	52	10, 26, 36
22		23, 59	10, 11, 19, 22, 26		23	11	10, 19, 26
23	56	44	5, 10, 57	44, 56	44, 56, 57		10
24		38, 44, 59	11, 22, 26, 45, 57	44	44, 45, 57	11	26
25			26				26
26			22, 26				26
27		23 44	22, 26, 45, 52, 57	44	23, 44, 45, 57	52	26, 36
28		44	10, 15, 45, 57	44	44, 45, 57	15	10
29		23	15, 19, 22, 26, 45, 52	33	23, 45	15, 52	19, 26, 36
30		23	26		23		26
31			26, 52			52	26
32		44	26	44	44		26
33		23, 38	7, 19 22, 26, 45, 55		23, 45		19, 26, 36
34		23, 38	45		23, 45		
35			26				26
36		23 44	45	33, 44	23, 44, 45, 57		
37			11			11	
38		38					
39			49	33			

Таблица 4

ДМИТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА И КОРРЕЛЯЦИЯ ИХ С БУСАМИ

								
38	7, 26, 30, 38	23, 44, 45, 56	7, 10, 11	33	38, 23	45	10, 46	46
19			11					
19, 38		23	11	3	38, 23		3	
38	26, 30, 38	23, 44, 45, 56	11	33	38, 23	45	46	22, 46
38	26, 30, 38	23, 44, 45, 56	10, 11	33	38, 23	45, 55	10, 46	46
	26							
	26							
38	30	23, 44, 56		33	38, 23			
38		23, 44, 56			38, 23			
19	7, 19, 26	56	7, 10, 11	3			3, 10	
		23		3	23		3	
	26, 30	23, 44		33	23			
	26	44						52
	30	44						52
		44						
38	26, 30, 38	23, 44, 56	11	33	21, 23, 38	55	6, 46	52, 46
38	26, 38	23, 44	11		23, 38			
		44, 56	11					
19	19, 26	44						
	26	23, 45	10		23, 38	45	10	52
19	19, 26	23	10, 11	3	23		10	22
		44, 56	10				5, 10	
38	26, 30, 38	44, 45	11		38	45		22
	26							
	26							22
	26, 30	23, 44, 45			23	12, 45	46	22, 46, 52
	30	44, 45	10			12, 45	10	
19	19, 26, 30	33, 45		33	23	12, 45	6	22, 52
	26, 30	23			23			
	26							52
	26	44						
19, 38	7, 19, 26, 38	23, 45	7	3	23, 38	45, 55		22
38	38	23, 45			23	45	46	46
	26				38			
		23, 44, 45		33	23	45		
			11					
38	38			33	38			

первой группы в основном относятся к типу I (со вставкой, крестообразно закрепленной четырьмя лапками). Перстни типов IV и V попадаются в комплексах этой группы в виде редчайших исключений, а типы II и III не обнаружены ни разу. Еще бóльшим единообразием отличаются копоушки: все они коромыслообразные с петлей (тип I первого отдела). Единообразны и боевые топорики этой группы: все они с длинным молоткообразным обушком (первый отдел).

Из остальных категорий вещей упомяну только о тех, которые отличаются от аналогичных категорий второй группы или вообще не встречаются в ней.

Так, в четырех катакомбах первой группы обнаружены зеркала с «ячеистым» орнаментом на обратной стороне, причем два из них отлиты в одной форме (рис. 37, *1*, *2*), а два — в другой (рис. 37, *3*, *4*). Кроме того, в катакомбе 49 этой же группы найдено зеркало очень маленького диаметра (5,5 см), но тем не менее не детское.

Очень многообразны формы амулетов, положенных в погребения катакомб первой группы: железные ботала, амулеты солнечной символики — с всадниками, с соколиными головками, со спиральками-свастиками, коньки и др., — костяные птички, фаланги лисы, пястные косточки и клыки лисы и собаки (последние очень редки).

Наконец, характерен для первой группы набор различных подвесок к поясам: колодки для прикрепления амулетов, петли, ворворки.

Вторая и промежуточная группы

Наиболее типичны для катакомб обеих групп стерженьковые серьги с граненой подвеской и бусинкой на конце. Редкие в катакомбах этих групп серьги с бусинками на обоих концах трубочки обычно не украшены зерненными поясами, и вид у них значительно более стандартный и скромный, чем у аналогичных серег из комплексов первой группы. Совершенно нет перстней типа I. Вместо них появились перстни с жуковиной, украшенной ложной зернью (тип II), но особенно много в могилах второй и промежуточной групп перстней типа III — с круглой стеклянной вставкой.

Перстни типов IV—V встречаются в них так же редко, как и в погребениях первой группы.

Из копоушек найдены коромыслообразные без петли (тип II первого отдела), с ручкой-лопаточкой и ручкой-петлей (типы I и II второго отдела). Топоры относятся ко второму отделу (с длинным плоским обушком). Зеркала в катакомбах обеих групп очень различны и по орнаменту, и по диаметрам (от 5,8 до 9,5 см).

Амулеты в погребениях второй и промежуточной групп совершенно иные. Наиболее типичны кусочки янтаря (видимо, также символы солнца), различные каменные привески, просверленные грецкие орехи, зубы, когти и пястные косточки лисы и собаки. Набор амулетов гораздо беднее, чем в катакомбах первой группы: нет ни фаланг животных, ни фигурок животных, ни характерных символов солнца.

Поясные подвески не найдены, зато в комплексах обеих групп встречаются фибулы (бронзовые и железные), а также перламутровые круглые и овальные бляхи-пуговицы (диаметром 3—6 см).

Все эти вещи существенно изменяют общий облик комплексов.

Различия между группами нельзя связывать с этнической принадлежностью погребенных, поскольку и погребальный обряд, и антропологические данные одинаковы. Единственная причина различий, очевидно, состоит в том, что выделенные группы относятся к двум разным хронологическим периодам (см. рис. 36).

Попробуем разобраться, какие из них появились раньше, а какие — позже.

В свое время общая дата салтово-маяцкой культуры была установлена благодаря немногочисленным (около 30) находкам дирхемов в катакомбах Салтовского могильника[4]. Большинство этих монет отчеканено во второй половине VIII—начале IX в. В дальнейшем такие же монеты были найдены в соответствующих слоях Правобережного Цимлянского городища, Саркела и некоторых других памятников салтово-маяцкой культуры. Монетные находки убедительно засвидетельствовали, что салтовские и другие перечисленные комплексы возникли не раньше VIII в. и не позже IX в., тем более что некоторые монеты использовались уже в качестве нашивок на одежду (с одной или двумя дырочками), т. е. из средства товарообмена превратились в обычное украшение.

В Дмитровском могильнике, к сожалению, не найдено ни одной монеты, поэтому для установления начальной даты какой-либо из выделенных групп мы неизбежно должны обратиться к аналогиям — к салтовским комплексам с монетами. Салтовские комплексы с монетами конца VIII в. почти тождественны

[4] Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Канд. дисс. — Архив ИА АН СССР, № 884, стр. 314, 315.

Рис. 36. Хронологическая таблица вещей из катакомб Дмитровского могильника

комплексам первой группы Дмитровского могильника. Отсюда следует, что катакомбы этой группы сооружены не раньше конца VIII в. Время, когда их перестали сооружать, установить гораздо труднее. Чрезвычайный интерес в связи с этим приобретает для нас распространение некоторых категорий бронзовых изделий в слоях Саркела. Следует помнить, что культурный слой там сильно поврежден перекопами. Для исследования массового материала (например, керамики) перекопы почти не имеют значения, так как не влияют на общую картину распределения типов по слоям и столетиям. Но стратиграфия бронзовых изделий и других вещей, количество которых в лучшем случае достигает 10—15 экземпляров, очень страдает от перекопов.

Все же определить, к какому слою относится та или иная категория, можно. Так, например, три из пяти крестообразно-лапчатых перстней найдены почти на материке — в слое первой половины IX в. В этом же слое обнаружено еще пять (из шести) грубых перстней, являющихся несомненным подражанием лапчатым. Точные аналогии этим перстням есть в Агачкалинском (хазарском) могильнике (могила 7). Различные поясные подвески и амулетики, характерные для катакомб первой группы, также попадались преимущественно в слое, относящемся к первой половине IX в.

Интересны для нас и находки в слое Правобережного Цимлянского городища, конечная дата которого — первые десятилетия IX в. Там были обнаружены литая серьга и серьга со стерженьковой подвеской, унизанной бусинами. В Дмитровском могильнике оба типа известны, как мы знаем, только в катакомбах первой группы.

Таким образом, судя по находкам в Саркеле и на Правобережном Цимлянском городище, вещи, типичные для комплексов первой группы, доживают до середины IX в. Следовательно, первая группа в целом датируется, по-видимому, концом VIII—серединой IX в.

Для того чтобы определить, к какому времени относятся комплексы второй и промежуточной групп, следует прежде всего установить их место во времени относительно комплексов первой группы. При сравнении бросаются в глаза черты некоторой «архаичности» в комплексах первой группы:

1. Литые серьги являются типичной формой для предшествующей эпохи (второй половины VII—первой половины VIII в.) [5].

2. «Ячеистый» орнамент на обратной стороне зеркал первой группы напоминает орнаменты на зеркалах сарматского времени (шиповской стадии II—IV вв.) [6].

3. Бисер, который, по наблюдениям В. Б. Ковалевской (Деопик), в погребениях VI—VII вв. составляет 78,8%, а в погребениях VIII—IX вв. — 47,3% одноцветных бус [7], в комплексах первой группы нередко достигает процента, характерного для VI—VII вв., а иногда и намного превышает его (катакомба 45).

4. В комплексах первой группы встречаются бусины-лунницы из голубой пасты, точные аналогии которым известны в могильниках VI—VII вв. (Верхнечирюртовском) [8].

5. В катакомбе 44 первой группы обнаружена лунница, украшенная выемчатой эмалью. Такие вещи были широко распространены в древностях Восточной Европы в V—VII вв. Другой предмет с выемчатой эмалью (обломок фибулы) найден на Правобережном Цимлянском городище в слое того же времени, что и первая группа дмитровских катакомб.

6. В салтовских комплексах, одновременных, судя по инвентарю, первой группе дмитровских, попадаются треугольные «рогатые» пряжки. Такие же пряжки найдены на Северном Кавказе в погребениях V—VI вв. (Верхнечирюртовский могильник) [9].

7. Форма топоров из дмитровских комплексов первой группы — с длинным молоткообразным обушком и треугольной рабочей частью — была типичнейшей для предшествующего времени (II—первая половина VIII в.) [10].

Отличие состоит только в том, что у дмитровских топоров на рабочей части есть выемка, которой на топорах более раннего времени не было. Но она, как правило, выражена слабо, иногда почти не заметна. Создается впечатление, что выемка появилась на топорах только в конце VIII—первой половине IX в. Таким образом, топоры первой группы также близки более ранним топорам сарматской и сармато-аланской эпох.

В отличие от первой группы с ее достаточно выразительными ранними («архаическими») связями во второй и промежуточной

---

[5] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. — КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24, 25, рис. 2.

[6] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, стр. 68, рис. 5.

[7] В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы..., стр 218.

[8] Там же, стр. 224.

[9] Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. — Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 260, рис. 10.

[10] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры, стр. 24, рис. 2.

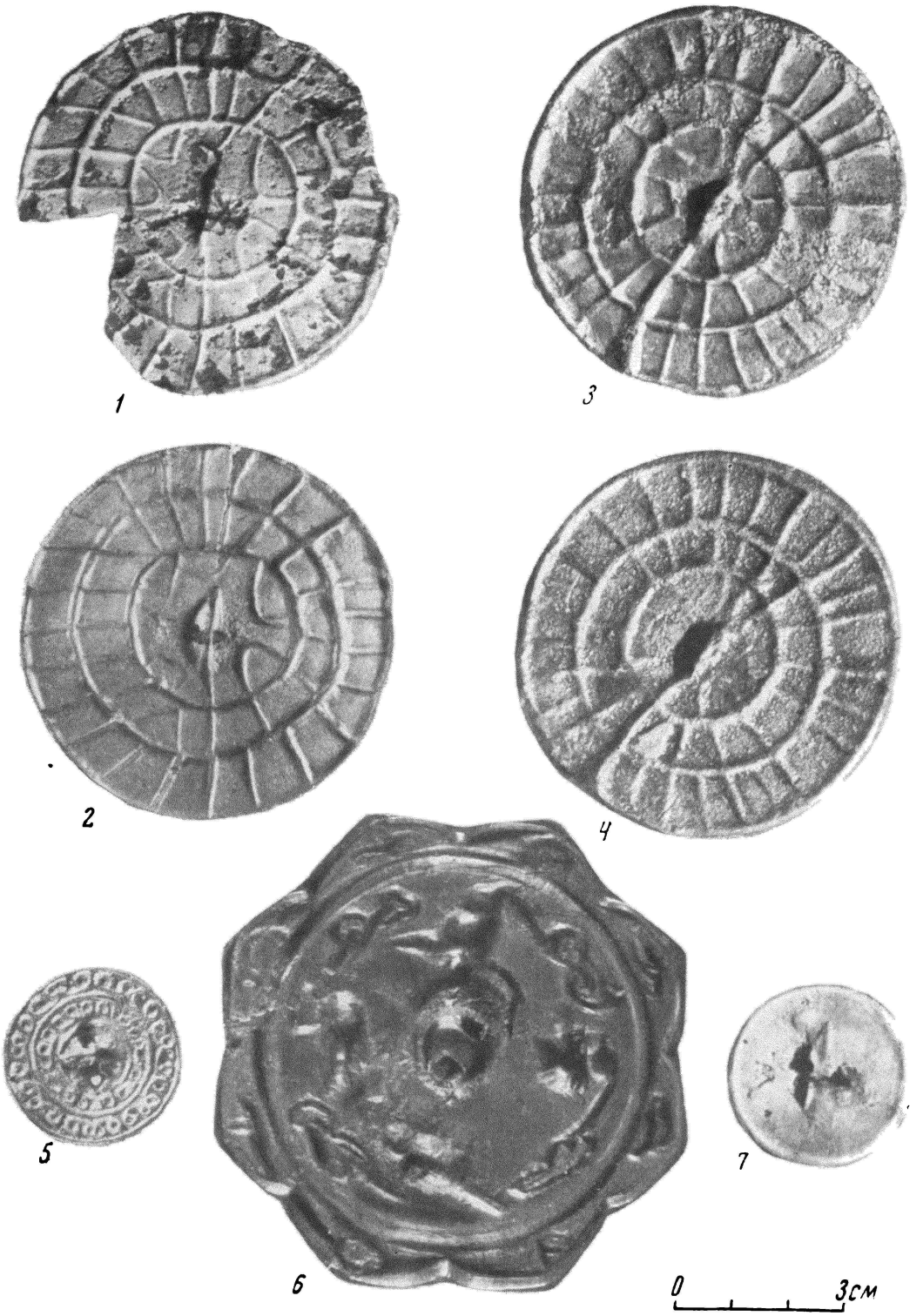

Рис. 37. Зеркала из Дмитровского могильника

1 — из катакомбы 23; *2* — из катакомбы 44; *3* — из катакомбы 45; *4* — из катакомбы 57; *5*, *7* — детские зеркальца; *6* — зеркало, отлитое по китайской модели VIII—IX вв.

группах прослеживаются особенности, которые находят продолжение в последующее время, в частности, в X в.:

1. Перстни с зернью (тип II) появляются в период сооружения катакомб второй группы и продолжают существовать в X в., причем зернь на перстнях становится одним из основных приемов украшения.

2. В комплексах X в. нередко попадаются копоушки с ручкой-лопаточкой. Правда, они несколько отличаются от таких же копоушек второй группы размерами лопаточки и более сложным орнаментом на ней. Для них копоушки второй группы были прототипом, как и перстни типа II были прототипами роскошных перстней с зернью из памятников X в.

3. Заметно увеличивается диаметр зеркал, достигающий иногда 8—9,5 см. Эта тенденция к увеличению диаметров прослежена на протяжении VII—X вв. В. Б. Ковалевской (Деопик) в диссертации по материалам северокавказских могильников[11]. К ее наблюдениям можно добавить, что диаметры поздних зеркал половецкого времени (XII—XIII вв.), ведущих происхождение от позднесалтовских и аланских, достигают 7—10 см.

В комплексах второй и промежуточной групп довольно часто встречаются отдельные вещи, характерные для первой группы: литые серьги, перстни с крестообразно-лапчатой жуковиной, иногда даже подвески на пояс и амулеты — символы солнца. Но в комплексах первой группы ни разу не найдены предметы, типичные для второй группы (перстни типов II и III, серьги с одной конечной бусинкой, большие зеркала). Объяснить это можно только тем, что комплексы первой группы были более ранними. Украшения, как и монеты, нередко передавались от поколения к поколению. Поэтому более ранние украшения могут встретиться в поздних комплексах, тогда как вещи из поздних комплексов никогда не попадали в ранние погребения.

Характерно, что во второй группе нет вещей VI—VII вв. Видимо, для комплексов второй группы ранними были вещи первой группы, а от изделий еще более раннего времени их отделял не столько большой хронологический период, сколько мощный пласт культуры, развившейся в конце VIII—первой половине IX в. и распространившейся по всему Подонью.

Косвенным доказательством поздней даты комплексов второй и промежуточной групп служит стандартизация форм некоторых категорий вещей и известная небрежность их изготовления (иногда связанная со стандартизацией). В качестве примера назову, во-первых, серьги, простейшая форма которых преобладает в комплексах второй группы; во-вторых, коромыслообразные копоушки, в которых петля заменена простой перетяжкой; в-третьих, перстни с жуковиной, окруженной зернью: они отличаются от крестообразно-лапчатых перстней, от которых, по-видимому, ведут происхождение, необычайной небрежностью отливки и стандартностью форм и размеров. Наконец, у большинства зеркал очень упрощается орнамент на обратной стороне, а иногда его и вовсе нет. Изредка их отливали и по импортным образцам (рис. 37, *б*).

Наконец, последним аргументом в пользу поздней даты катакомб второй группы является распределение их на раскопанной площадке Дмитровского могильника. Оказалось, что катакомбы второй группы как бы обрамляют с юго-восточного нижнего края катакомбы первой группы, расположенные в верхней части склона, на котором раскинулся могильник.

Итак, вторая группа дмитровских комплексов относится к более позднему времени, чем первая. Первая, как мы видели, датируется концом VIII—первой половиной IX в., промежуточную можно отнести к середине IX в., а вторую — ко второй половине IX в. По-видимому, она просуществовала вплоть до гибели салтово-маяцкой культуры — до первых десятилетий X в.

Предложенная здесь периодизация салтово-маяцких древностей еще далека от завершения. Это первая попытка разобраться в огромном и однообразном материале. Я намеренно не касалась ни оружия (кроме топоров), ни сбруи, поскольку вещи этих категорий, найденные в салтовских и дмитровских комплексах, в целом очень однородны и встречаются в катакомбах редко. Однако в следующих разделах книги мы еще вернемся к ним и попробуем связать некоторые из них с хронологическими группами Дмитровского могильника.

Дальнейшая работа по периодизации салтово-маяцких древностей будет возможна только после новых широких раскопок погребальных комплексов и поселений с культурным слоем, насыщенным вещами и датированным монетами.

---

[11] В. Б. Деопик. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Канд. дисс. (рукопись), стр. 341 и сл.

ГЛАВА VI

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ-ВСАДНИКИ

(Орудия, бытовые предметы, оружие)

ОРУДИЯ

В первых главах мы проследили постепенное изменение форм поселений и жилищ, связанное с процессом оседания кочевников на землю, охватившим в VIII в. все Подонье. Неуклонное развитие этого процесса предопределяло взлет культуры, поскольку в экономике появлялись новые мощные движущие силы — земледелие и ремесло. На примере керамики мы видели, как развивалось и распространялось керамическое производство в Подонье и Приазовье. Как правило, гончарные мастерские вырастали в земледельческих районах. Очевидно, что основой культуры становился новый, оседлый, земледельческий уклад жизни.

О степени развития земледелия у народов Подонья и всего Хазарского каганата долгое время судили по немногочисленным, хотя и достаточно выразительным письменным свидетельствам.

Подробнее всего об этом писал в «Книге путей царств» ал-Истахри:

«Летом они выходят на пашни... для посевов, собирают хлеба частью над рекой, а частью в степи, и перевозят хлеба свои на повозках и рекою на судах» [1].

Уже по одному этому сообщению видно, что посевы у жителей Хазарского каганата не ограничивались пашнями, расположенными у приречных поселений, а занимали и наиболее плодородные участки степи. Вот на эти-то дальние пашни и выезжали каждое лето жители городов и поселков. Именно о них и писал каган Иосиф: «С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и к своему полю...» [2] О величине виноградников и садов, окружавших Семендер, с восхищением упоминал ал-Истахри: «Многочисленные сады... содержат в себе приблизительно около 4000 виноградных лоз...» [3]

Большой для того времени размах хлебопашества, садоводства и виноградарства требовал совершенных земледельческих орудий. Находки таких орудий подтвердили сообщения арабов и кагана Иосифа и показали, что в них не было ни преувеличений, ни хвастовства.

Большие и тяжелые железные орудия (в том числе и земледельческие) встречаются только в культурных слоях и жилых комплексах поселений. Хотя раскопанных поселений салтово-маяцкой культуры немного, почти в каждом из них найдены земледельческие орудия, причем там, где вскрыты большие площади, набор их, как правило, очень разнообразен.

Орудия земледельческого труда делятся на две группы: орудия для возделывания почвы и орудия для сбора урожая.

К первой группе относятся детали плуга — лемехи и чересла, обнаруженные при раскопках Саркела, Правобережного Цимлянского городища и городища Маяки [4]. Лемехи были и тяжелые, и облегченного типа. Тяжелые лемехи достигают в длину 0,3 м, в ширину 0,12 м. Их режущая рабочая часть всегда укреплена с внешней стороны широкой наваренной полосой, плечи — разной ширины, что придает лемеху некоторую асимметричность (рис. 38, *8*, *9*). Такие лемехи использовались, несомненно, только на плугах с массивным чересло́м. Хорошо сохранившееся чересло найдено на Правобережном Цимлянском городище (рис. 38, *10*). Оно длинное (0,55 м) со слегка изогнутой спинкой и прямым лезвием. Плуги, снабженные тяжелыми лемехами и чересла́ми,

[1] Ал-Истахри (СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901, стр. 45).

[2] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 102.

[3] Ал-Истахри, стр. 47.

[4] На городище Маяки лемехи и чересла обнаружены В. К. Михеевым в 1963—1964 гг.; материалы раскопок еще не опубликованы.

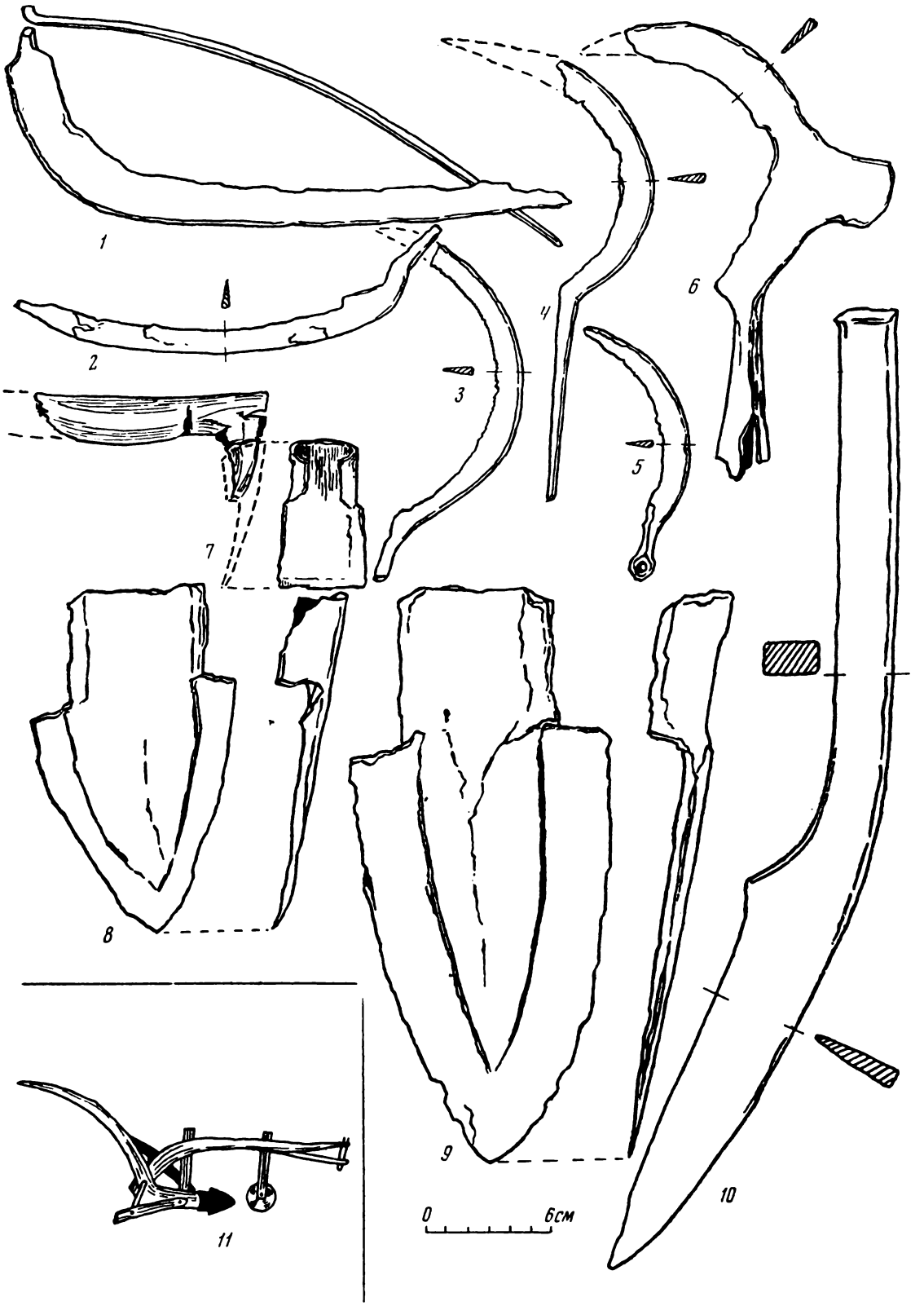

Рис. 38. Сельскохозяйственные земледельческие орудия

1 — коса-горбуша; *2—5* — серпы; *6* — виноградарный нож; *7* — мотыжка; *8, 9* — лемехи; *10* — чересло; *11* — плуг (дьонмедже, Болгария); *1—6, 8—10* — из Правобережного Цимлянского городища; *7* — из Дмитровского могильника

предназначались, по-видимому, для распашки степных целинных земель. До нас не дошли, к сожалению, деревянные части плугов, поэтому можно только предполагать, что плуги с тяжелыми лемехами и чересламы были уже колесными.

Лемехи облегченного типа достигали в длину 0,18 м, в ширину 0,10 м. Асимметрия в их форме значительно более заметна, чем у тяжелых лемехов, наварная полоса узкая, иногда ее нет совсем.

Резкая асимметрия формы свидетельствует, что, несмотря на сравнительно малый размер, это все же части плуга — лемехи, а не наральники. Плуг облегченного типа, возможно, был бесколесным и использовался при работах на ежегодно распахиваемых землях, расположенных вокруг приречных поселений.

Ж. Н. Выжарова, занимаясь историей болгарских пахотных орудий, выделила четыре типа плугов, распространенных на территории Дунайской Болгарии. Самый примитивный плуг — дьонмедже — имеет «одностороннее, неподвижно закрепленное ухо, сделанное из широкой доски, несимметричный лемех и железную «черешню» (чересло) в виде массивного ножа»[5]. На гринделе у него помещалось одно колесо. Форма лемеха и массивное чересло, не свойственное другим плугам, позволяют думать, что из всех болгарских плугов именно дьонмедже наиболее близок по конструкции к плугам, употреблявшимся жителями Подонья в VIII—IX вв. (рис. 38, *11*). В связи с этим особый интерес представляет распространение дьонмедже в Болгарии: они встречаются в северо-восточной части страны и в Восточной Фракии[6]. По-видимому, оседающие на землю дунайские болгары заимствовали плуг у южных соседей. Что касается донских болгароаланских племен, то они, видимо, заимствовали плуг дьонмедже от своих дунайских сородичей, несмотря на теснейшие связи с Закавказьем, откуда распространились в Подонье, по мнению М. И. Артамонова, некоторые земледельческие культуры — карликовая пшеница и двурядный ячмень, типичные для Средней Азии, Ирана и Восточного Закавказья[7].

Из других орудий, предназначенных для обработки земли, до нас дошла тяжелая мотыга (Правобережное Цимлянское городище)[8], имеющая форму диска с оттянутой втулкой для деревянной ручки.

Кроме того, к этой же группе орудий относятся в какой-то степени землекопные мотыжки, широко распространенные в салтово-маяцких древностях. Эти небольшие прямоугольные лопаточки со втулкой, как у лемехов, положены почти в каждую катакомбу. Много их найдено и на Правобережном Цимлянском городище, и в Саркеле. Долгое время оставалось неясным, какой формы была рукоять мотыжек. Недавно в Дмитровском могильнике найдена мотыжка с остатками полуистлевшей ручки, имевшей Г-образную форму (рис. 38, *7*). Точно такое же закрепление железного тесла на деревянной ручке известно у киргизов. Это орудие они называют «керге» и используют в деревообделочном производстве[9].

В Подонье VIII—IX вв. мотыжки служили совершенно иным целям, хотя принцип работы был тот же. Ими долбили твердый глинистый или меловой материк при сооружении полуземлянок, катакомб и могил. В стенках полуземлянок и особенно часто на стенках и куполе катакомб можно разглядеть четкие следы этого орудия — узкие и короткие бороздки. Интересно, что ширина их почти всегда точно совпадает с шириной мотыжки, обнаруженной в могиле: вероятно, орудие, которым выдалбливали катакомбу, по обычаю в ней оставляли.

Подобные мотыжки распространены далеко за пределами Подонья и Приазовья. Кочевые народы пользовались ими для рытья могильных сооружений еще на грани средневековья: аналогичные мотыжки были обнаружены в Кенкольском гуннском могильнике (I в. до н. э.— II в. н. э.). Мотыжки попадались там почти в каждом погребении и, очевидно, были основным орудием для рытья могил[10]. Очень распространены они и в синхронных салтово-маяцкой культуре памятниках Сибири и Средней Азии, оставленных кочевыми и полукочевыми тюркоязычными народами[11].

Применяли мотыжки и соседи салтово-маяцкого населения: аланы на Северном Кавказе[12], славяне левобережья Днепра[13] и даже

---

[5] Ж. Н. Выжарова. О происхождении болгарских пахотных орудий (К вопросу об этногенезе болгарского народа). М., 1956, стр. 6, рис. 1а.

[6] Там же, рис. 8.

[7] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, стр. 37.

[8] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62, 1958, стр. 117, рис. 10.

[9] К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 80.

[10] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 14.

[11] Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. — Вестник МГУ, 1964, № 4, табл. I, II.

[12] МАК, VIII. М., 1900, табл. XLVI, LXXIV и др.

[13] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. — МИА, № 74, 1958, табл. XXXIX.

некоторые мордовские племена (Лядинский могильник) [14]. Однако у них мотыжки не получили широкого распространения. Почти нет их и в болгарских древностях Подунавья, средней Волги и на крымских поселениях. Впрочем, и на территории Подонья они чаще встречаются в тех местах, где долбили в земле катакомбы и полуземлянки.

Ко второй группе — орудиям для сбора урожая — относятся в первую очередь серпы (рис. 38, *2—5*). Серпы, обнаруженные на салтово-маяцких памятниках, как и вообще на всех памятниках I тысячелетия н. э., очень разнообразны по форме [15]. Особенной пестротой форм отличаются серпы Правобережного Цимлянского городища. Там встречены почти все формы — от самых ранних до почти современных. Лезвие серпов иногда покрывали насечками, делая его «пильчатым». «Пильчатыми» были не только эллипсовидные лезвия серпов с коленчатыми рукоятями, но и лезвия небольших слабо изогнутых серпиков с кольчатой или перпендикулярной ручкой (крючком).

Длинные слабо изогнутые серпы с крючками-ручками весьма напоминают по форме другое орудие, использовавшееся салтовцами для уборки хлебов и для заготовки сена, — косу-горбушу (рис. 38, *1*). Косы, как правило, небольшие (длина 25—30 см, ширина 2,5—3 см, толщина 0,5 см) и легкие. Аналогии им можно найти скорее в русских древностях XI—XIII вв., чем на славянских памятниках, синхронных салтовским [16].

Как полагает В. И. Довженок, занимавшийся историей русских земледельческих орудий, плуги и косы-горбуши появились у славян одновременно [17].

То же, видимо, можно сказать и о Подонье: наральники и косы попадаются на Правобережном Цимлянском городище в жилищах, относящихся к первому периоду развития салтово-маяцкой культуры (к концу VIII—первой половине IX в.).

Находкой большого научного значения является обнаруженный на Правобережном Цимлянском городище виноградарный нож (рис. 38, *6*). Он имеет вид маленького, но массивного серпа с острым прямоугольным выступом на спинке и длинной втулкой для рукоятки. Такие ножи были широко известны виноградарям Причерноморья с древнейших времен. Самые ранние из них, найденные в Херсонесе и на Боспоре, относятся к I—II вв. н. э.[18] В Болгарии крестьяне пользуются ими и по сей день. Находка виноградарного ножа как нельзя лучше подтверждает сообщения арабов и кагана Иосифа о виноградниках, разводимых в Хазарском каганате. Эти виноградники тянулись не только по давно освоенным виноградарями склонам Крымского и Таманского полуостровов, не только в окрестностях близкого от Кавказской Албании и Армении Семендера, но и по берегам Дона, где и сейчас находятся крупнейшие виноградники нашей страны.

Наряду с земледелием осевшие на землю кочевники продолжают заниматься, как мы знаем из многочисленных этнографических примеров, скотоводством. Наиболее обеспеченные члены общества, несомненно, вели кочевой образ жизни, проводя на поселениях, в замках и городах только зимнюю пору. Однако, как мы видели, осевшие кочевники уже научились сооружать зимние помещения для скота и, судя по наличию в их хозяйстве кос, запасать сено на зиму.

О степени развития скотоводства и о его направленности свидетельствуют костные остатки, в большом количестве находимые не только в слоях, но и на поверхности каждого поселения.

К сожалению, до сих пор не опубликованы остеологические материалы наиболее исследованного памятника — Саркела, тем не менее сравнение костных остатков Правобережного Цимлянского городища [19], Карнауховского поселения [20] и Дмитровского селища [21] дает очень интересную картину (%).

Вид	Правобережное городище	Карнауховское поселение	Дмитровское селище
Лошадь . . .	24	18	24
Корова	39	30	29
Овца (коза). .	24	24	27
Свинья	13	10	20
Верблюд . . .	0,05	2	—

[14] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, табл. X, *19*.

[15] В. И. Довженок. Землеробство древньої Руси. Київ, 1961, стр. 146, 147, рис. 64.

[16] Там же, рис. 65.

[17] Там же, стр. 151.

[18] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 112—114, рис. 40—43.

[19] Предварительное определение А. Таттар (раскопки 1958—1959 гг.).

[20] Определение К. Б. Юрьева (см.: МИА, № 62, 1958, стр. 313).

[21] Предварительное определение В. И. Цалкина (раскопки 1958 и 1960 гг.).

Состав стада на всех трех поселениях чрезвычайно характерен для оседающих на землю кочевников: преобладает крупный рогатый скот, и в то же время значительное место продолжает занимать овца — животное, типичное для кочевого хозяйства. Разведение свиней, приспособленных только для оседлого хозяйства, явно свидетельствует о прочной оседлости некоторой части жителей этих поселений. Интересно, что количество свиней на нижнедонских поселениях гораздо меньше, чем на Дмитровском селище. Объясняется это, по-видимому, бóльшим размахом кочевого хозяйства на юге, чем в лесостепных верховьях Северского Донца. Кроме того, южные поселения располагались вблизи от центра Хазарии — Итиля, в котором господствующей религией, как известно, был иудаизм, считавший свинью нечистым животным. Что касается верблюдов, то они составляли очень незначительный процент сельскохозяйственных животных и на нижнедонских поселениях, а на Северском Донце их не было совсем. Несмотря на эти частные различия, в целом состав стада и на южных, и на северных поселениях осевших кочевников был одинаков.

Подъемный материал на кочевьях совершенно иной: преобладают кости овцы и лошади и отсутствуют кости свиньи. Однако мы не можем привести убедительные цифровые данные, так как обстоятельные раскопки до сих пор не начаты.

Никаких специальных орудий для ухода за скотом у кочевников Подонья не было. Можно назвать лишь несколько предметов, имеющих отношение к скотоводству. Это железные конские путы (рис. 39, *2*), «овечьи» ножницы (рис. 39, *1*) и ботала. Железные путы свидетельствуют о том, что в Подонье были ценные кони, которых охраняли с особой тщательностью. «Овечьи» ножницы служили не только для стрижки овец, но и для самых различных хозяйственных нужд — туалета людей, кройки платьев и т. д., поскольку шарнирных ножниц салтовцы в быту вообще не употребляли. «Овечьи» ножницы довольно часто встречаются в катакомбах. Они положены у ног или головы женщины, по-видимому, в качестве охранных амулетов (острый режущий предмет охранял от злых духов).

Ботала попадаются, как правило, только в катакомбах, там они играют роль оригинальных поясных подвесок-амулетов. В обыденной жизни ботала использовали по-другому: их подвешивали, как и в наше время, вожакам овечьих стад. Наиболее крупные экземпляры предназначались, видимо, для крупного рогатого скота. Форма их очень примитивна — это железные короткие слегка приплюснутые трубочки с железными язычком и дужкой. Несмотря на простоту формы, изготовляли такие ботала в мастерских. Например, в Преславе (Болгария) открыта мастерская IX—X вв., где вместе с другими железными вещами (орудиями, сбруей и т. п.) делали и ботала[22].

К этой же группе орудий относятся, по-видимому, изогнутые втульчатые острия, сделанные из рогов сайги и оленя. Иногда на их полированной поверхности прочерчены орнаменты, фигурки животных и птиц (рис. 40, *5*, *6*). Одно из них найдено в погребении Багаевского могильника у ног мужчины. По-видимому, это было острие какой-то длинной палки, служившей для управления упряжными животными (быками, верблюдами, ослами).

На салтово-маяцких поселениях попадается обычно большое количество костей диких животных, а также рыб. Известно, что в жизни кочевых и полукочевых народов охота и рыболовство играли огромную роль. Кабаны, олени, сайги, дрофы и другие степные животные и птицы были постоянной добычей этих народов и существенным подспорьем в их хозяйстве. Рыбная ловля имела, кроме того, промысловое значение, а некоторые продукты этого промысла шли даже на экспорт (например, рыбий клей, упоминаемый арабскими авторами). На многих поселениях и кочевьях салтово-маяцкой культуры обнаружено большое количество рыбьих костей и чешуи. Но рыбным промыслом занимались далеко не во всех поселках. Естественно, что жители Дмитровского селища, раскинувшегося на берегу небольшой речушки, не уделяли рыбной ловле никакого внимания (там нет даже мелких рыбьих костей). Однако и на нижнем Дону, где все поселения находились в одинаково благоприятных для рыбного промысла условиях, кости рыб и рыболовные принадлежности встречаются не всюду и во всяком случае в неравном количестве. Так, на Карнауховском поселении остатки рыб составляют только 2% от всего количества костей[23], а в Саркеле их очень много[24]. Правобережное Цимлянское городище, после того как замок был частично разрушен, превратилось, видимо, в рыболовецкий поселок, в слое которого попадается

[22] Ж. Н. Въжарова. Железарската работилница «Селище» — Преслав. — Slawia Antiqua, t. VII. Warszawa—Poznań, 1960.

[23] И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. — МИА, № 62, 1958, стр. 313.

[24] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, стр. 39.

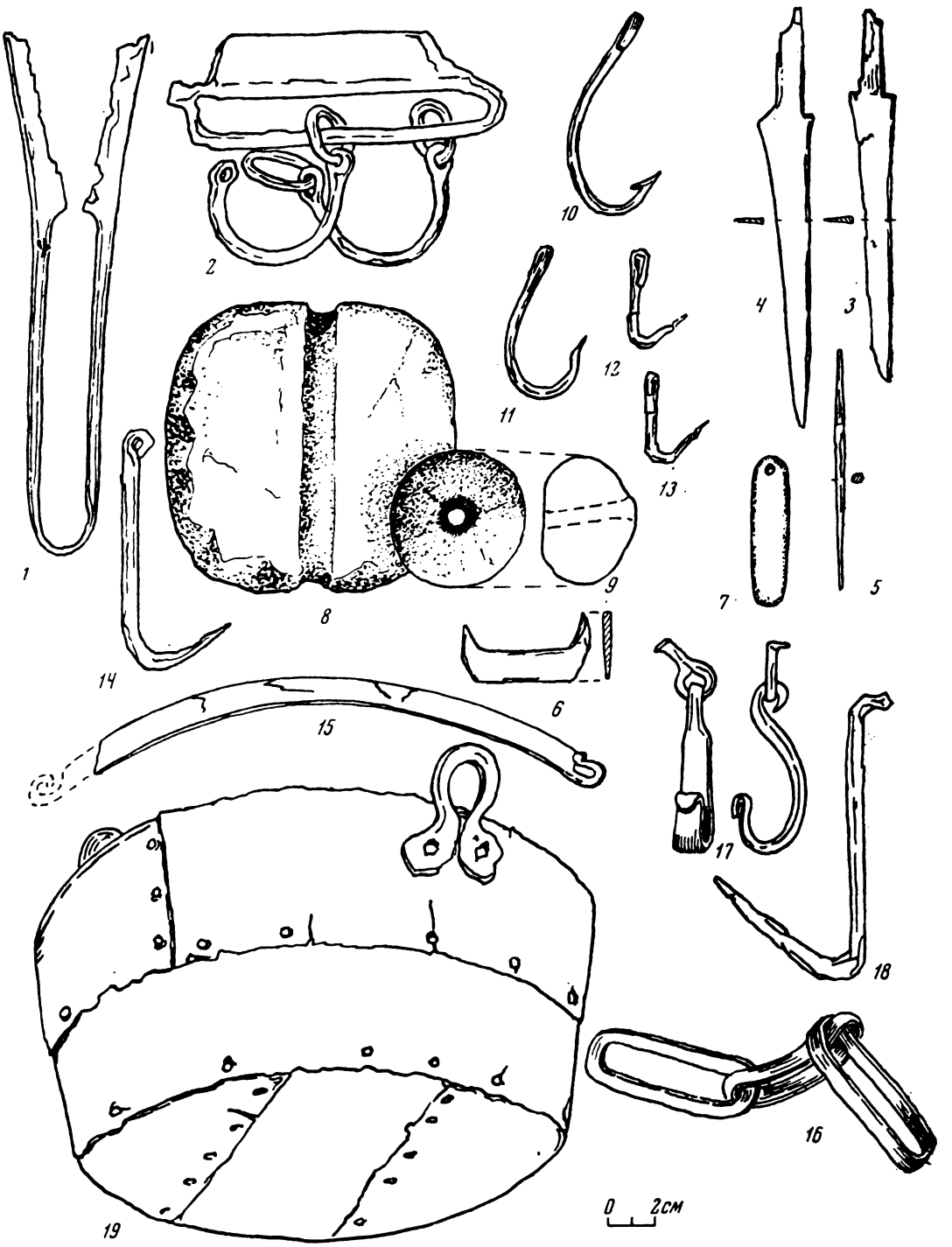

Рис. 39. Бытовые предметы салтово-маяцкой культуры

1 — ножницы; *2* — железные путы; *3*, *4* — ножи; *5* — шило; *6* — кресало; *7* — точильный камень; *8*, *9* — грузила; *10—14* — крючки; *15—18* — дужки, обрывки цепей, крючья для железных котлов; *19* — реконструкция котла по обломкам железных полос; *1*, *7* — из Дмитровского могильника; *2—6*, *8—19* — из Правобережного Цимлянского городища

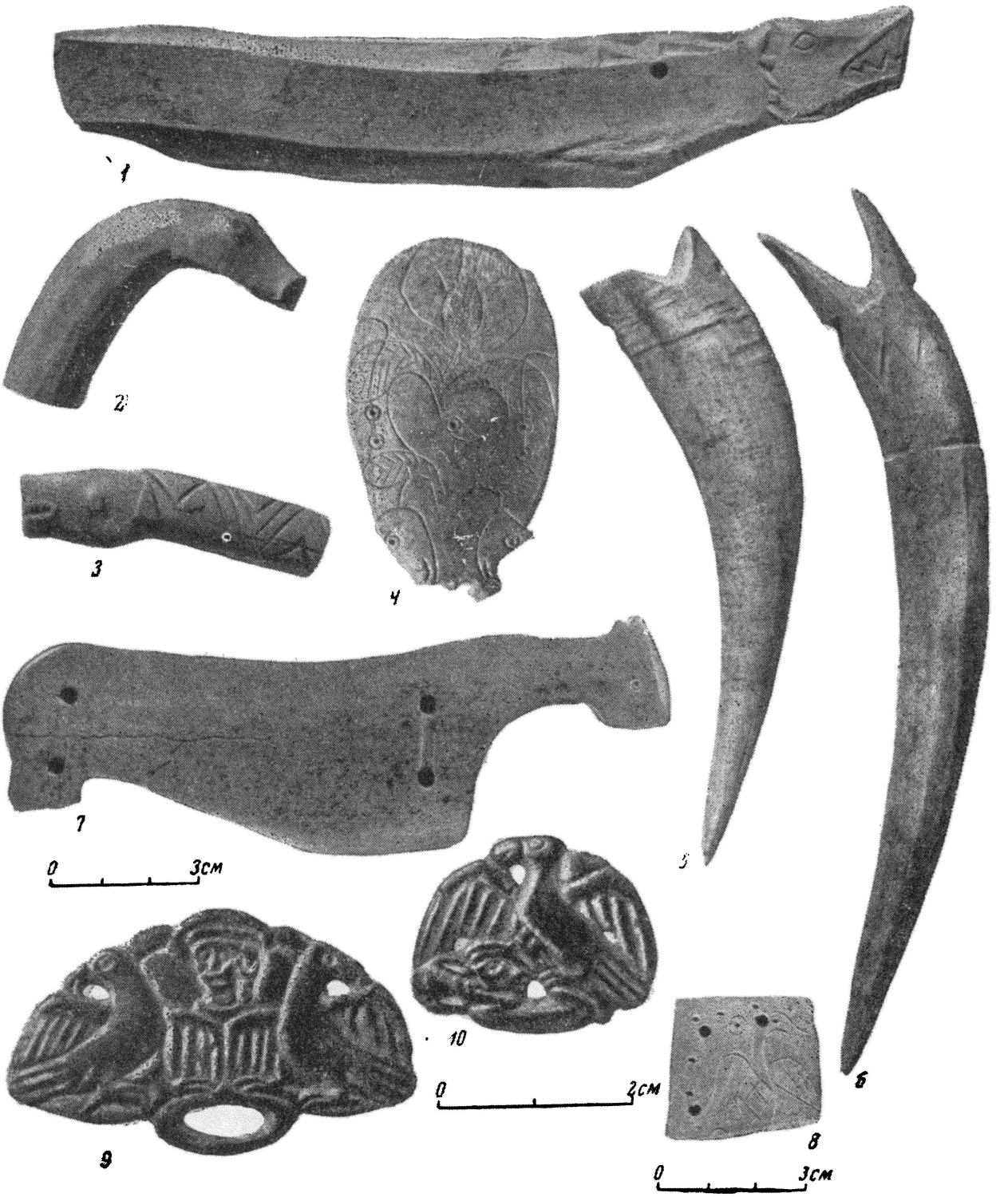

Рис. 40. Украшения из кости и бронзы

1—8 — вещи из кости, обнаруженные в Саркеле; *9*, *10* — поясные бляхи в зверином стиле из Салтовского могильника

масса костей красной рыбы, чешуя, лежащая в кучах-помойках целыми слоями, и множество рыболовных принадлежностей, главным образом крючков разной величины и формы, предназначавшихся для ловли рыбы различных видов (рис. 39, *10—14*). Здесь обнаружено большое количество грузил, изготовленных из небрежно оббитых, почти круглых саркельских кирпичей или белых камней с желобком для обвязывания ремнем или веревкой (рис. 39, *8*, *9*).

Низовья Дона и особенно побережье Азовского моря были покрыты поселками и кочевьями, население которых широко занималось рыбной ловлей. Об этом говорят, во-первых, большое количество рыбьих костей на поверхности (в подъемном материале) и, во-вторых, многочисленные находки крючков, попадающихся в культурном слое при первой же шурфовке памятников.

* * *

Процесс оседания кочевников на землю и освоение земледелия вызвали развитие различных ремесел. Одним из наиболее показательных примеров развития ремесла на земледельческих поселениях является, как уже упоминалось, керамическое производство. Керамические материалы особенно выразительны благодаря огромному количеству находок, обнаруженных на поселениях при раскопках и даже разведках. Остальные предметы, характеризующие материальную культуру салтовцев, дошли до нас в значительно меньшем числе. Все же большинство этих вещей, сделанных руками жителей Подонья и Приазовья, само по себе свидетельствует о высоком развитии производственных навыков и ремесел.

Не останавливаясь на этом вопросе, поскольку салтовское ремесло, как я отмечала, служит темой специального исследования В. К. Михеева, ограничусь перечислением известных ремесленных орудий. Они обнаружены в основном при раскопках Правобережного Цимлянского городища, в культурном слое которого исключительно хорошо сохраняются даже мелкие железные вещи.

Две железные наковальни, молот-ручник, кузнечные клещи для крупных поковок, тяжелые и средние напильники, четырехгранные в сечении (рис. 41, *1—6*), были орудиями кузнечного и слесарного дела. Типология перечисленных вещей разработана Б. А. Колчиным, правда, только на древнерусском материале X—XIII вв.[25] Но сходство между салтовскими и русскими инструментами настолько разительно, что позволяет полностью воспользоваться типологией Б. А. Колчина.

То же относится и к ювелирным инструментам. На Правобережном Цимлянском городище обнаружены небольшая втульчатая наковаленка, насаженная, видимо, на деревянную палку, ювелирные молоточки, шарнирные ножницы для резки металла, аналогичные древнерусским (рис. 41, *13—15*).

На некоторых памятниках, в частности в Саркеле, попадались и другие ювелирные орудия: пинцет, болванки для изготовления штампованных бляшек и т. п.

Многообразны деревообделочные орудия, найденные также на Правобережном городище. Это спиральные и перовидные сверла по дереву (длиной от 10 до 27 см), токарные резцы для внутренней обточки (рис. 41, *7—12*), скобели, небольшие долотца и тесла. Тесла очень похожи на описанное выше орудие — мотыжку-«керге». Однако в связи с тем, что ими обрабатывали более твердый материал — дерево, тесла были массивнее и иногда для прочности закреплялись на рукояти гвоздем. Возможно, что некоторыми из тесел пользовались, как долотом, т. е. насаживали их на прямую (без колена) ручку.

Конечно, набор древнерусских инструментов значительно богаче салтово-маяцкого, но это объясняется скорее всего несоизмеримо бо́льшим масштабом раскопок на древнерусских памятниках[26].

Б. А. Рыбаков отмечал, что в литературных памятниках древней Руси XII—XIII вв. «профессия ремесленника получила название не от производимых им трудовых процессов и не от материала, над которым он преимущественно работал, а от названия тех предметов, изготовлением которых он главным образом занимался»[27]. Известны профессии седельников, щитников, лучников и др.

---

[25] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. — МИА, № 32, 1953, стр. 57—70.

[26] Раскопки салтово-маяцких памятников позволяют надеяться на открытие новых орудий ремесла. Так, например, хотя здесь ни разу не попадалась пила, однако благодаря находке в Саркеле небольшой ювелирной пилки мы знаем, что принцип работы пилой был салтовцам известен. Поэтому можно ожидать, что рано или поздно салтовская пила будет найдена. В древнерусских городах добыто огромное количество литейных форм для ювелирных украшений. У салтовцев их несравненно меньше, но обнаруженные у них литые изделия со сложнейшим орнаментом предсказывают вероятность находок различных форм в будущем.

[27] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 505.

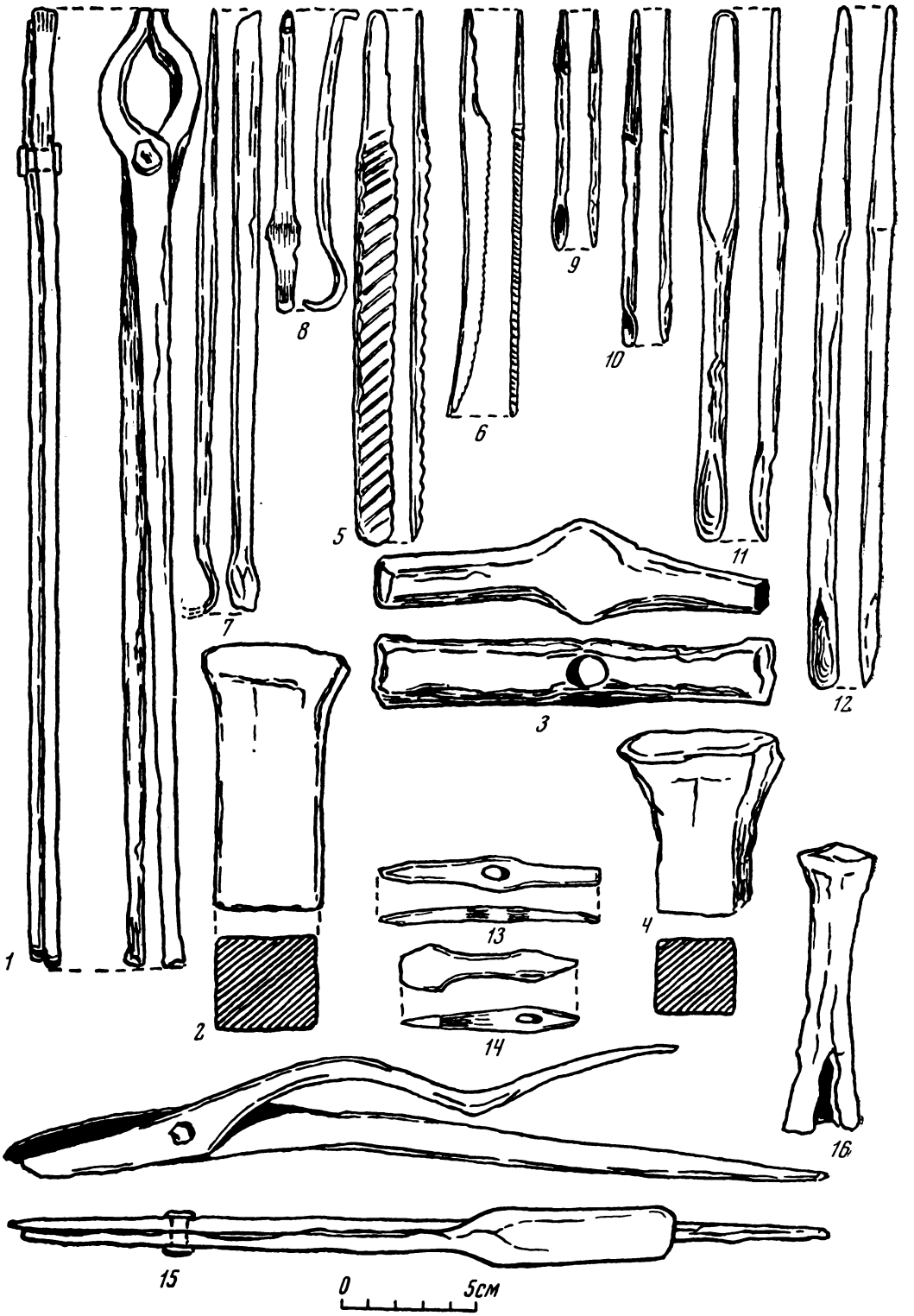

Рис. 41. Ремесленные орудия из Правобережного Цимлянского городища

1—6 — инструменты кузнеца и слесаря; *7—12* — инструменты токаря; *13—16* — инструменты ювелира

Были ли у салтовцев профессии, детализированные по такому признаку? На Правобережном Цимлянском городище, в завале камней над сырцовым погребом 2, обнаружен клад железных орудий, включающий инструменты кузнеца (щипцы, наковальня, напильники), ювелира (ножницы для металла), столяра (два сверла). Этот клад принадлежал человеку, для работы которого требовались металл и дерево. Он мог быть седельником или даже сбруйником, изготовлявшим и деревянную основу седла, и стремена, и сбруйные украшения. Вполне возможно, что в Правобережном за́мке жил мастер-сбруйник. Он был необходим в за́мке, населенном воинами-дружинниками князя.

Мастера, сочетавшие в работе несколько производств, существовали и в период обособления ремесла в отдельную хозяйственную отрасль, и в период, когда развитие его привело к узкой специализации ремесленников, как это было на Руси в XII в. Во времена преобладания натурального хозяйства каждый кочевник умел изготовлять для себя любую вещь. Так, Рубрук в XIII в. писал: «Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла...»[28] Любой кочевник при известных условиях (обеднение, экономическая зависимость от богача и т. п.) мог превратиться в ремесленника, изготовлявшего вещи по заказу или для продажи на ближайшем рынке. При этом его деятельность объединяла несколько производственных отраслей. Именно о таких ремесленниках рассказывает Рубрук. Вероятно, клад Правобережного городища принадлежал мастеру, только что ставшему ремесленником, работавшим в за́мке по заказам его владельца. Говорить о том, что здесь, как и в древней Руси, была уже целая мастерская (зачаток средневекового цеха), где работали ремесленники разных близких профилей, вряд ли правомерно. Это, несомненно, инвентарь одного мастера (о д н а наковальня, о д н и щипцы, о д н и ножницы, а сверла и напильники р а з н о й величины).

Таким образом, даже краткий обзор ремесленных орудий, найденных на Правобережном Цимлянском городище и отчасти в Саркеле, показывает, что салтовские мастера обладали прочными техническими навыками. В поселках и крепостях, превращавшихся в города, и в феодальных за́мках стали появляться ремесленники, работавшие на заказ и на продажу.

[28] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 101.

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

В отличие от ремесленных орудий бытовые предметы салтовцев, используемые в повседневной жизни, были в общем весьма однообразными. Особенно широко распространены у них ножи и пряслица.

Нож — универсальное орудие труда, необходимое и хозяйке, и земледельцу, и ремесленнику, и воину, и охотнику[29]. Кроме того, как острый режущий предмет он нередко играл роль амулета-оберега. Поэтому не удивительно, что нож — самая частая археологическая находка. В могилы их клали с мужчинами, женщинами и детьми, причем иногда по два—четыре экземпляра с каждым покойником.

Хотя большинство салтовских ножей превратилось в насквозь проржавевшие полоски железа, тем не менее форму их удалось восстановить (рис. 39, *3, 4*). В целом они мало отличаются от современных кустарных и совершенно идентичны древнерусским[30]. В сечении все ножи клиновидные, длина (без рукояти) колеблется от 5 до 17 см. По форме клинка они делятся, как и древнерусские, на два вида: с прямой спинкой и криволинейным лезвием; с криволинейной спинкой и криволинейным лезвием. Ножи с криволинейной спинкой — кинжалообразные клинки — долгое время назывались в археологической литературе кинжалами. Черенки ножей примерно в два раза у́же лезвия (в месте его соединения с рукоятью) и в четыре раза короче. Рукояти изготовляли из дерева, иногда обшивали кожей, обматывали серебряной тонкой проволочкой или украшали серебряной или медной пластинкой, прикрепленной к деревянной основе с внутренней стороны ручки несколькими заклепками. Салтовцы носили свои ножи в ножнах. Подавляющее большинство ножей, обнаруженных в могилах, сохранило на себе следы ножен (перетлевшее дерево, кожа и иногда серебряные пластинки и наконечники).

В отличие от ножей пряслица очень редко попадали в могилы. Зато они в большом количестве найдены на поселениях (даже в подъемном материале).

Наиболее часто их выделывали из амфорных стенок, реже — из обломков лощеных или кухонных сосудов, совсем редко — из камня. Плоская форма черепка обусловила и форму пряслиц: все они плоские, сравнительно тонкие, диаметр их колеблется от 3 до 5 см (рис. 42,

[29] Б. А. К о л ч и н. Черная металлургия и металлообработка..., стр. 71.

[30] Там же, стр. 73, рис. 34.

8, 9). Каменные пряслица повторяют форму керамических. Процесс изготовления пряслиц прослежен В. П. Левенком на материалах Саркела — Белой Вежи: сначала ручным способом оббивали кружок-основу (такие кружки нередко служили пробками для амфор), а затем просверливали отверстие и обтачивали пряслице на токарном станке или от руки[31]. Частые находки пряслиц и на поселениях, и на кочевьях говорят о широком распространении ткачества среди жителей Подонья. Кстати, куски грубой домотканой материи или ее отпечатки нередко встречаются в катакомбах Дмитровского и Салтовского могильников.

Из других хозяйственных предметов, попадающихся на памятниках салтово-маяцкой культуры, следует упомянуть шилья (короткие и длинные), точильные камни для ножей и шильев, кресала (рис. 39, *5—7*). Правда, кресала, видимо, не нашли у салтовцев особого применения. Пока известно только одно кресало, найденное на Правобережном Цимлянском городище: это массивная железная пластина с двумя вертикально отходящими шипами для закрепления деревянной ручки (рис. 39, *6*).

Салтовцы пользовались небольшими жерновами облегченного типа (диаметр 30—35 см, толщина верхнего жернова 5—7 см, нижнего — 10—12 см). Жернова изготовлены обычно из песчаника или ракушечника в виде круга с отверстием в центре. Форма позволяет разделить их на два вида. К первому, наиболее примитивному виду относятся жернова с горизонтальными плоскими рабочими поверхностями. Рабочая часть верхних жерновов второго вида — вогнутая, нижних — соответственно выпуклая. Иногда на внешней поверхности верхнего жернова второго вида просверлено отверстие для рукояти, с помощью которой вращали жернов. Жернова второго вида были широко распространены в Восточной Европе не только в VIII—IX вв., но и позднее, в древней Руси. Правда, там наряду с ними появились усовершенствованные ручные мельницы, подробно описанные Б. А. Рыбаковым[32]. На известных мне салтово-маяцких жерновах никаких следов подобных усовершенствований (в частности, гнезда́ для порклицы) нет.

Особое место в быту кочевников, как я уже отмечала, занимали железные котлы. На лесостепных поселениях в верховьях Дона и Северского Донца их, видимо, не было совсем. Зато на степных поселениях, связанных с кочевниками гораздо более крепкими узами, их много. Особенно часто куски стенок этих котлов, ручки, дужки, крючки и массивные цепи для подвешивания над очагом попадаются на Правобережном Цимлянском городище и в Саркеле.

О форме котлов мы можем судить только по обломкам. Целые экземпляры в раскопках очень редки. Это были невысокие цилиндрические сосуды со слегка выпуклым дном, склепанные из тонких листов кованого железа (рис. 39, *15—19*). Диаметр венчика, судя по дужкам, достигал 20—25 см, диаметр дна 18—22 см, высота 14—16 см, ширина железных полос 8—10 см. Заклепки тоже были железными, расплющенными с обеих сторон. Для формовки котла требовались три короткие полосы для дна (две крайние — сегментообразные) и две длинные — для стенок. К венчику приклепывались две петли, сделанные из согнутого вдвое и расплющенного на концах жгута или (реже) из железной трехконечной пластины, два конца которой приклепаны к котлу, а в третьем пробито небольшое отверстие.

К петлям прицеплялась изогнутая железная дужка — жгутовидная, квадратная в сечении или плоская массивная с крючьями на обоих концах. Котел подвешивали на цепи с крюком. В погребальном комплексе у с. Тополи (138а) найден целый набор таких цепей, надетых на одно большое кольцо. Цепи в этом богатом комплексе состояли из сложных перевитых колец и имели весьма парадный вид в отличие от простых, найденных на Правобережном Цимлянском городище.

Котлы, аналогичные салтовским, только из бронзовых пластин, обнаружены в Лядинском могильнике[33], в котором вообще почти в каждой богатой могиле встречаются вещи, подобные салтово-маяцким. По-видимому, котлы или приемы их изготовления перешли к древней мордве от кочевников степного юга.

Очень характерен для кочевников-степняков еще один тип сосудов — бурдюки. Сами сосуды изготовлены из целой кожи животного (обычно овцы), а их горло — из рога оленя. До нас дошло более десяти горлышек различной величины и формы (рис. 42, *10—12*). В Саркеле найдены полуфабрикаты горлышек, и мы можем восстановить весь процесс их обработки. Косторез обрезал ответвления рога так, что

[31] В. П. Левенок. Пряслица городища Саркел — Белая Вежа. — МИА, № 75, 1959, стр. 342, 345, табл. III.

[32] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 421, 422.

[33] Древности мордовского народа, стр. 16, рис. 1а и 1в, стр. 53.

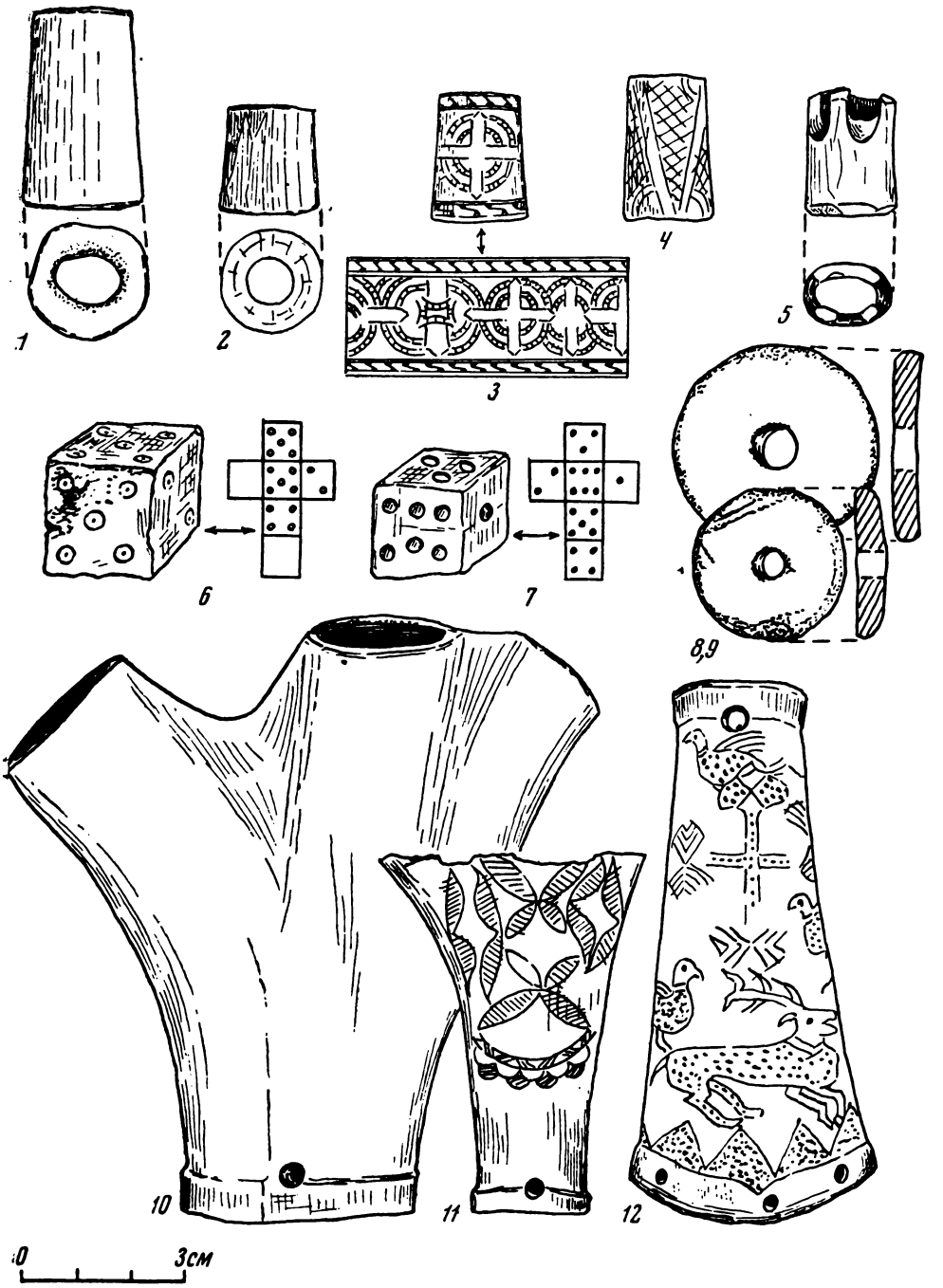

Рис. 42. Изделия из кости

1—5 — шахматные фигурки; *6*, *7* — игральные кости; *8*, *9* — пряслица; *10—12* — гордышки бурдюков; *1—10*, *12* — из Саркела; *11* — из Салтова

оставалось только его массивное основание, обкалывал грубые костяные наросты, извлекал пористую костную массу изнутри, затем тщательно шлифовал края и поверхность, просверливал у одного из краев две дырки для прикрепления горла к бурдюку и нередко украшал поверхность более или менее сложным орнаментом (изображением стилизованных растений, рыб, животных, оседланных коней, людей и др.). От величины и формы заготовки зависели величина и форма горла. Так, иногда мастер выбирал рог с одним или двумя ответвлениями, и получалось горлышко с двумя или тремя отверстиями. В отличие от котлов бурдюки были распространены не только среди кочевых жителей Подонья, но и у оседлого населения лесостепи. В лесостепных катакомбах вместе с обычными керамическими сосудами иногда лежат и бурдюки. Их наполняли, вероятно, типичным кочевническим напитком — кумысом.

К разделу бытовых изделий я причисляю и отдельные предметы, употреблявшиеся при играх, которые были, видимо, популярны у жителей Подонья.

В изобилии попадаются в комплексах и слоях поселений бабки. Иногда их находят и в катакомбах, около детских скелетов. Для игры обычно набирали овечьи астрагалы. Интересно, что среди бесчисленного множества овечьих астрагалов почти не встречаются биты (всего две-три находки). По-видимому, в древности, как и в наши дни, овечьими бабками играли дети, причем, как и сейчас, битами они пользовались в редких случаях. Взрослые играли телячьими или даже лошадиными крупными астрагалами. Среди них много бит — это бабки, утяжеленные свинцовой заливкой, железной заклепкой или просто железным ободком. Однако больших бабок попадается раз в десять меньше — вероятно, среди взрослых эта игра не пользовалась большой популярностью.

Взрослые предпочитали азартные игры, в частности игру в кости, широко распространенную среди всех азиатских народов — и оседлых, и кочевых. Эта игра была настоящим бедствием: проигрывались стада и земли, челядь, жены и дети. Недаром епископ Исраил, насаждавший христианство у савиров, вместе с языческими амулетами уничтожал и кости. «Игральные кости — общую гибель — дали в руки епископа и истребили огнем...»[34], — писал Моисей Каганкатваци. В Саркеле найдены два костяных кубика. На одном из них, на всех шести гранях, высверлены лунки — от одной до шести; на другом — циркульные кружки: на двух гранях — по пяти, на третьей — четыре, на четвертой — два, две остальные грани — без знаков (рис. 42, *6, 7*). Кроме того, обнаружены кубики без прочерченных знаков — видимо, они были нарисованы на гранях.

Третья игра, которой развлекались жители Подонья, в частности Саркела, — шахматы. Эта наиболее интеллектуальная из всех настольных игр пришла сюда через Закавказье из Персии и Арабского халифата. Остатки шахматных фигурок из Саркела и Тамани (слой IX—X вв.) представляют собой полые цилиндрики, вырезанные из ровных трубчатых костей (рис. 42, *1—5*). И. М. Линдер полагает, что они могли служить подставками для более сложных, вырезанных из дерева или вылепленных из глины шахматных фигурок[35]. Впрочем, некоторыми из них можно играть без всяких дополнений: простые цилиндрики — пешки, цилиндры с зубчатыми краями — ладьи, цилиндрики, украшенные богатым орнаментом, — слоны или ферзи, и т. д.

ОРУЖИЕ И СБРУЯ

Для кочевника или полукочевника-всадника, входившего в феодальное ополчение, оружие и конь служили таким же средством «производства», как и любое другое орудие труда.

Войны и грабежи в жизни средневековых кочевников были закономерным явлением. Они не только грабили соседей-земледельцев, но и постоянно враждовали друг с другом. Набеги с отгоном чужого скота — барымта, или баранта, — продолжались вплоть до XIX в.[36] Баранта помогала разорившимся и осевшим кочевникам вновь сняться с земли и вести привычный кочевой образ жизни. Именно поэтому оружие значило для каждого даже рядового кочевника гораздо больше, чем для рядового общинника-земледельца.

По находкам в катакомбных могильниках и отчасти на поселениях в настоящее время можно составить довольно точное представление о вооружении как рядового всадника, так и богатого дружинника.

---

[34] Моисей Каганкатваци. История агван. СПб., 1861, стр. 205.

[35] И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1964, стр. 49, 50.

[36] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 49, 50.

Н. Я. Мерперт дал достаточно полную характеристику оружия и сбруи салтовского всадника[37]. Он вполне убедительно доказал, что все салтовское войско было конным, и рассмотрел историю развития отдельных видов оружия. Кроме Н. Я. Мерперта, оружие средневековых кочевников исследовали В. А. Арендт, С. В. Киселев, М. И. Артамонов, Г. Ф. Корзухина и др.[38] После их работ любое описание салтовского оружия будет простой компиляцией.

Поэтому я остановлюсь только на вопросах, не затронутых или бегло освещенных в литературе.

Установлено, что наступательным оружием конных воинов были сабли, топоры, копья, кинжалы, лассо, лук и стрелы, а оборонительным — кожаные шлемы с железными деталями и кольчужные пояса. Сбруя коня состояла из оголовья с железными удилами и деревянного двулучного седла с железными стременами.

Сабли, безусловно, были типичнейшим оружием степного воина VIII—IX вв. По словам русского летописца, сами хазары говорили: «Мы ся доискахом оружьемь одиною стороною, рекше саблями...»[39] Однако в погребениях они встречаются крайне редко. В катакомбных могильниках только 10—12% мужчин похоронены с саблями, а в болгарских ямных погребениях их нет совсем. Видимо, сабля была очень дорогим оружием, и положить ее в могилу могла только богатая семья. Действительно, как правило, сабли находят в могилах, богатых другим инвентарем (оружием и украшениями) и часто сопровождаемых погребениями коней (в дромосах или в могилах, вырытых рядом). В кочевнических комплексах X—XIII вв. также только богатые воины похоронены со своим основным оружием — саблей[40]. У менее обеспеченных, рядовых воинов сабли передавались по наследству.

Но дороговизна оружия была не единственной причиной, по которой оно переходило от отца к сыну. Так, в богатых погребениях с конями в Салтовском ямном левобережном могильнике сабель нет. Очевидно, здесь имел место какой-то обычай, связанный с почитанием этого оружия, поскольку предположить, что у болгар его вообще не было, вряд ли возможно. К сожалению, не сохранилось никаких письменных свидетельств о ритуальных обрядах, связанных с саблей[41]. Вполне возможно, что отсутствие сабель во многих богатых погребениях аланских воинов и в болгарских могилах свидетельствует об обрядовой передаче клинков по наследству. Причем в аланских семьях обряд совершали только в том случае, если умерший оставлял после себя сына, прошедшего обряд посвящения; если же его не было, то саблю клали в могилу воина.

С этой точки зрения интересны дмитровские погребения с саблями (катакомбы 5 и 52): в них похоронены воины 18 и 25 лет, у которых не могло быть «посвященных» сыновей (рис. 43, *1, 2*). Отсутствие сведений о возрасте воинов с саблями из Салтовского могильника не позволяет проверить высказанное предположение.

Однако косвенным подтверждением может служить то обстоятельство, что процентное соотношение мужских погребений с саблями в Дмитровском и Салтовском могильниках примерно одинаково.

Салтовские сабли, как справедливо определил Н. Я. Мерперт, относятся к группе слабо изогнутых короткоконечных[42]. Обычно клинки почти прямые, а рукояти совсем не имеют наклона (иногда с небольшим скосом в сторону лезвия). Длина клинков редко превышает 0,8 м, и на концах сабель нет и намека на позднейшее усовершенствование — елмань[43]. Вся сабля напоминает обычный позднесарматский меч, только более короткий и однолезвийный.

Уникальная находка двулезвийного меча-сабли в дмитровской катакомбе 52 разрушила

---

[37] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. — СА, XXIII, 1955.

[38] Подробную библиографию см.: Н. Я. Мерперт. Из истории оружия...

[39] Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 16.

[40] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, № 62, 1958, стр. 197.

[41] Видимо, саблям придавали особое значение, о чем свидетельствуют находки в погребениях сабель без ножен в согнутом состоянии (Тополи, Ново-Покровка). Саблю этим как бы желали обезвредить (так же, как и самого покойника, у которого связывали или ломали ноги). В тех случаях, когда саблю не сгибали, клинок обязательно заключали в ножны, так как, по поверьям большинства языческих народов мира, только обнаженное лезвие обладало силой. Недаром еще французские дворяне в XVIII в. клялись на клинке, а в сказках только вынутые из ножен меч или сабля приобретают волшебную силу.

[42] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 134.

[43] Н. Я. Мерперт (Из истории оружия...), по-моему, ошибочно полагает, что длина салтовских сабель колеблется от 0,8 до 1,2 м, а также, что на салтовских клинках появляется елмань. В той же статье он признает, что концы салтовских сабель аналогичны концам сарматских мечей, т. е. елмани на них не было.

представление о том, что все салтово-маяцкие сабли были однолезвийными. Оказалось, что салтовцы в конце IX в. пользовались обоюдоострым оружием, близким по форме и к сабле, и к сарматскому мечу. Правда, неясно, как оценивать эту двулезвийную саблю: как анахронизм или, напротив, как новшество, появившееся под влиянием славянского оружия. «А сих оружье обоюду остро, рекше меч», — писал русский летописец.

Хотя летопись отзывается о хазарской сабле с некоторым пренебрежением, славянские воины высоко ценили это оружие. Уже в конце IX в. в их вооружение нередко входили сабельные клинки, весьма распространенные на Руси и в последующие столетия. Обмен оружием в общем не изменил оружейные комплексы обоих народов. И во времена печенегов (в середине X в.) степным оружием оставалась сабля, а русским — меч [44]. Печенежские сабли были непосредственными преемницами салтово-маяцких [45]. Отличия заключались только в большей длине (среди них нередки экземпляры с клинками, достигающими 0,9 м) и в появлении заостренного к концу клинка. Позднéе развитие южнорусской сабли шло именно по этому пути: половецкие сабли длинные (клинок более 1 м), с острым, слегка загнутым концом.

Не менее важным и значительно более распространенным, чем сабля, оружием ближнего боя были боевые топоры (рис. 43, *21—25*).

Они найдены примерно в 25—30% всех раскопанных катакомб Салтовского и Дмитровского могильников. В отличие от сабли, характерного оружия мужчин, топоры нередко положены в погребения женщин и даже детей.

Применение боевых топоров в ближнем бою было отличительным признаком восточноевропейских воинов. Наибольшей популярностью они пользовались у северокавказских аланов и у жителей лесостепного Подонья. Н. Я. Мерперт в одной из своих статей показал убедительный эволюционный ряд развития салтовских топоров из позднесарматских [46]. Сибирские и вообще тюркские народы почти не знали этого оружия вплоть до VIII в. На памятниках VIII в. в Сибири они встречаются редко [47], а в аварских могилах VI—VII вв. — еще реже (один топор на 200—230 могил) [48]. Даже в могилах дунайских и волжских болгар, близких салтовцам, топоры представляют редчайшую находку [49].

Что же касается болгар Нижнего Подонья, то они, судя по многочисленным находкам топоров в слое Правобережного Цимлянского городища, вполне освоили этот сарматско-аланский тип оружия.

Правда, в лесостепных аланских катакомбах преобладали топоры с длинным обушком, а у степняков — топоры с коротким тяжелым обухом-молотком. Аналогии степным топорам известны только в катакомбах Салтовского могильника. Это и понятно — аланы и болгары жили в Салтове бок о бок, на обоих берегах Северского Донца, и сражались, видимо, в одной дружине салтовского феодала.

Таким образом, топоры являются специфическим аланским или алано-болгарским оружием, характерным только для восточноевропейских степей и лесостепей. Особое распространение этот тип оружия получил в VIII в., с расцветом салтово-маяцкой культуры. Именно в тот период топоры отличались большим разнообразием и изяществом форм. Производство их на протяжении 100—150 лет претерпело ряд изменений. Мы видели в предыдущей главе, как изменялись со временем формы обушков, как менялась их длина в зависимости от вкусов заказчиков, какими разнообразными были формы лезвий и т. д.

[44] Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. — СА, XIII, 1950.

[45] С. А. Плетнева. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 109, 1963, стр. 241, рис. 15.

[46] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры, рис. 2.

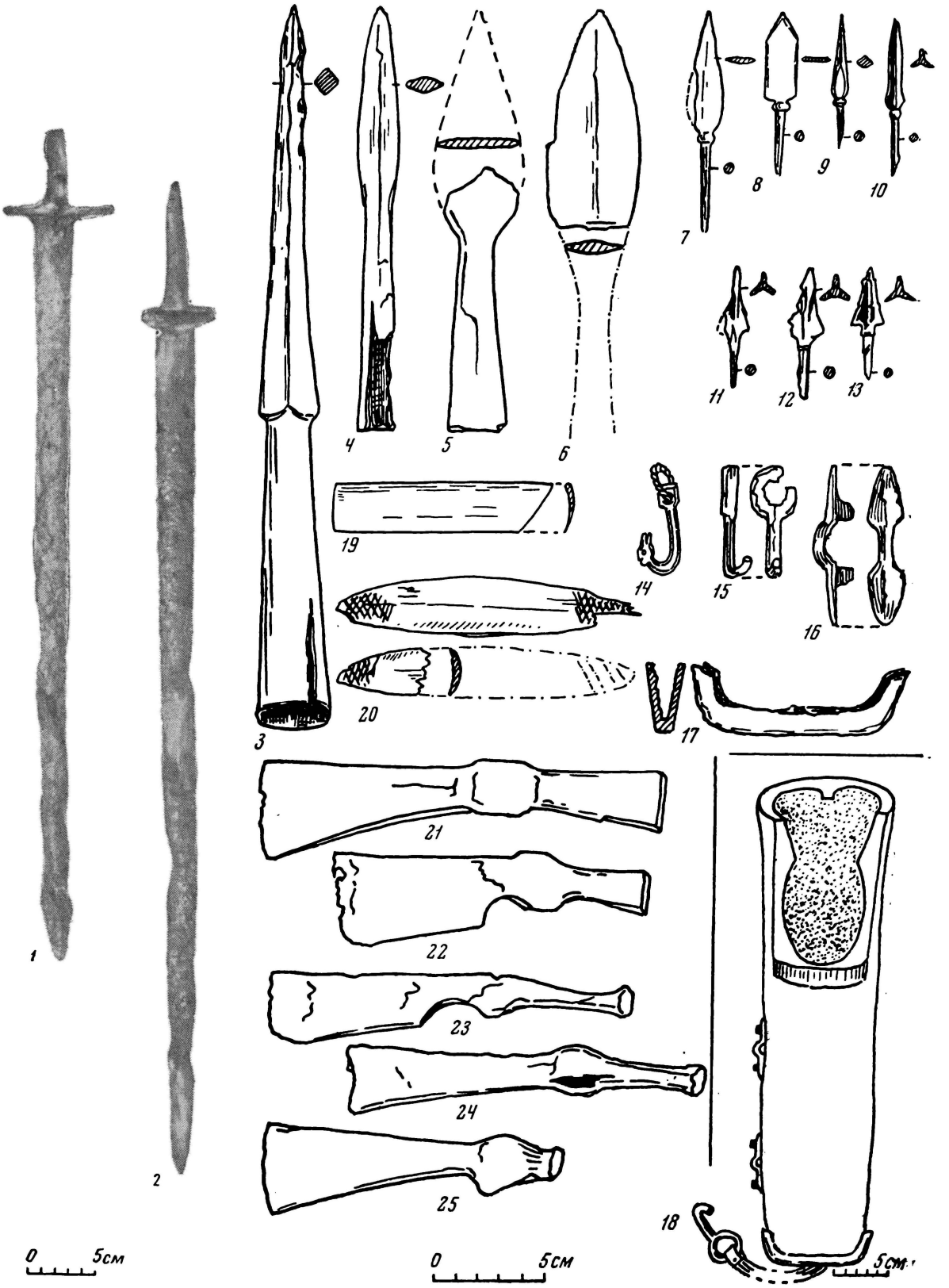
[47] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965, табл. XXXI, *64*.

[48] J. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyan. Budapest, 1963, табл. I—XLV.

[49] Ст. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. — СА, XXVII, 1957, стр. 115, рис. 5, *2*; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Рис. 43. Оружие

1, 2 — сабли из катакомб 5 и 52 Дмитровского могильника; *3* — копье из Ново-Покровского могильника; *4—6* — копья из Правобережного Цимлянского городища; *7—11* — стрелы с того же городища; *12, 13, 15—17* — стрелы и остатки колчанов из Дмитровского могильника; *14* — бронзовый крючок от колчана из Саркела; *18* — реконструкция колчана по В. Ф. Генингу; *19* — обломок концевой накладки на лук из Правобережного Цимлянского городища; *20* — срединные накладки на лук из катакомбы 5 Дмитровского могильника; *21—24* — топоры из Дмитровского могильника; *25* — топор из Правобережного Цимлянского городища

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
0 5см
0 5см
5см

Такие типы оружия ближнего боя, как копья и кинжалы, были, видимо, мало распространены среди салтовцев. В погребальных комплексах и те, и другие попадаются очень редко. Я уже упоминала, что обычные длинные ножи принимались исследователями за кинжалы. Действительно, некоторые из них, достигающие в длину 20 см, вполне годились и в качестве оружия, тем более что иногда их затачивали с двух сторон, а ручку отделяли от клинка массивным (как у сабли) прямым перекрестием. Таких кинжаловидных ножей известно всего три-четыре. Они найдены в самых богатых комплексах степного типа — в тюркских трупосожжениях (114а, 138а, 270), на других памятниках салтово-маяцкой культуры их нет.

Копья, вероятно, были вытеснены из употребления боевыми топорами. Характерно, что и встречаются они только в тех комплексах, где нет топоров (в Ново-Покровском, Салтовском ямном могильниках и др.). По форме, о которой мы можем судить по немногим экземплярам, копья разделяются на два типа: шиповидные — с длинным граненым ромбическим в разрезе острием (рис. 43, *3*) [50] и ланцетовидные — с плоским, сравнительно коротким острием (рис. 43, *4—6*). По-видимому, они применялись в Подонье в одно и то же время. Однако шиповидные копья, сделанные очень тщательно, встречаются, как правило, в богатых погребальных комплексах, а ланцетовидные, изготовленные грубовато, из гнущегося или ломкого железа, — в культурных слоях поселений. Вероятно, шиповидными копьями сражались только знатные воины, а ланцетовидными — рядовые. Поскольку ланцетовидные копья в бою были не очень эффективны, а шиповидные стоили дорого, ни те, ни другие так и не вошли в широкий обиход. Рядовые воины, видимо, предпочитали им топорики.

Наконец, к оружию ближнего боя относятся и кистени. Они также не были особенно распространенным видом вооружения. Это небольшие литые бронзовые шарики (диаметр 2,5—3,5 см) со сквозным отверстием, в которое продевали ремень. Н. Я. Мерперт полагает, что это — не кистени, а шары от боласа, одного из важнейших орудий любого кочевника. Однако для боласов могли использовать и простые камни, зашитые в кожу, а шарики, отлитые из прекрасной бронзы, отшлифованные до зеркального блеска, тяжелые и дорогие, рациональнее было применять в качестве кистеней. Близкие аналогии им известны на Руси, где это оружие было одним из наиболее употребительных [51]. Русские кистени сделаны из бронзы, железа или кости с железным кольцом и массивным стержнем. В кочевнических древностях кистени не встречаются. Возможно даже, что и в салтовскую среду они попали от соседей-славян.

Перейдем к самому характерному оружию кочевого воина — к луку и стрелам. Китайский хронист II—I вв. до н. э. так характеризует обычаи кочевников-хунну: «Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков; а несколько подросши, стреляет лисиц и зайцев и употребляет их в пищу. Могущие владеть луком все поступают в латную конницу... Длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие — сабля и копье...» [52] А в XIII в. Плано Карпини писал о татаро-монголах: «Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами...» [53] Таким образом, на протяжении 1500 лет основное вооружение воинов-кочевников оставалось неизменным. Однако в погребениях VIII—IX вв. находки этого популярного оружия довольно редки. Только в богатых могилах, где есть и другое оружие (сабли, топоры и т. п.), лежали остатки луков, колчанов и стрел.

Особенно редко попадаются в могилах луки. Судя по остаткам лука, обнаруженным в дмитровской катакомбе 5, можно думать, что лук был тяжелым, со срединными костяными накладками (рис. 43, *20*). На Правобережном Цимлянском городище, кроме обломков таких же накладок, найдены и концевые накладки с прямыми концами (рис. 43, *19*). Деревянные части луков не уцелели ни в одной из могил.

То же следует сказать и о колчанах, которые представляли собой, вероятно, кожаные длинные футляры (20 × 50 см), скрепленные несколькими скобками (рис. 43, *14—18*). Сквозь скобки продевались ремни, на которых воины привешивали колчаны.

Стрелы помещались в колчанах остриями вверх. Вопреки установившемуся мнению, что все салтовские воины пользовались трехперыми наконечниками (рис. 43, *11—13*), такие стрелы

[50] Аналогичные копья были распространены среди тюрок Алтая в VIII—IX вв. (см.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 292).

[51] Характерно, что в хазарском слое Саркела—Белой Вежи кистени попадаются только в перекопах, а в русском их находят часто (см.: М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 75, 76).

[52] Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 40.

[53] Путешествия..., стр. 50.

преобладали только в катакомбных могильниках, а на нижнедонских городищах (Правобережном Цимлянском и Саркельском) их почти не было. Там найдены шиповидные и листовидные небольшие наконечники, плоские в разрезе (рис. 43, *7—10*). В катакомбах такие наконечники также встречаются довольно часто. Следовательно, и у лесостепного населения, и у степняков все три формы наконечников сосуществовали, но на севере преобладали наконечники первого вида, а на южных памятниках — двух остальных. И у сибирских народов того времени на одном поселении, а иногда и в одном колчане трехперые массивные наконечники «сопровождаются значительным количеством плоских ромбических, треугольных и фигурных наконечников» [54].

На салтово-маяцких памятниках не сохранилось почти никакого защитного вооружения. Только иногда в погребениях попадаются обрывки кольчужных поясов и следы тлена от кожаных шапок-шлемов на железном каркасе. Однако форму их восстановить невозможно. Скорее всего, это были кожаные шишаки, подобные шлемам, изображенным на некоторых тюркских сибирских статуях VIII в.[55]

* * *

Непременной принадлежностью каждого салтовского воина был пояс, украшенный серебряными или бронзовыми бляшками и пряжкой. Поясам как части вооружения кочевника в археологической литературе уделено серьезное внимание. Подавляющее большинство работ посвящено поясам IV—VII вв.[56]

Выводы, к которым пришли исследователи, состоят в следующем:

1. Несмотря на общую моду на пояса, распространившуюся среди кочевых и даже соседних оседлых народов, формы и орнаментация бляшек и пряжек позволяют выделить локальные варианты различных типов этих изделий и определить несколько центров их производства: Сибирь, Заволжье, Крым, Северный Кавказ и др.

2. Каждый кочевник, ставший воином, носил специальный «боевой» пояс. Помимо пояса, надевавшегося, видимо, поверх одежды, у него были еще один или два ремешка, входившие в состав костюма.

3. Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее он был, тем больше имел бляшек на поясе.

4. Особое значение при этом придавалось конечным длинным бляшкам-«наконечникам», свисавшим с пояса.

5. Бляшки и пряжка каждого пояса были одинаковой формы, а их поверхность украшал одинаковый орнамент.

6. В могилах на боевом поясе часто нет пряжки, что связано с обрядом «обезвреживания» мертвеца: расстегнутый пояс и оружие, висящее на нем, теряли силу и их невозможно было использовать против живых.

О поясных наборах салтовских воинов специальных работ пока нет. Соответствующие материалы войдут в упомянутый выпуск Свода археологических источников. Поэтому я не останавливаюсь специально на типологическом анализе, распространении, хронологии и происхождении бляшек, пряжек и наконечников салтово-маяцкой культуры.

В конце VIII в. эти специфические военные украшения претерпели некоторые изменения. Назначение и даже форма их остались в общем прежними. Изменились способ их изготовления и орнаментация поверхности. Раньше они были преимущественно литыми, с гладкой или украшенной прорезным орнаментом поверхностью. В VIII в. появились, кроме литых, и штампованные из тонкого листа, а поверхность большинства стали покрывать довольно сложным орнаментом. Неорнаментированные наборы, правда, еще встречались, но они составляют всего 10—15%. Такие изменения затронули поясные наборы на всей территории степей от предгорий Алтая до бассейна Дона. Только в Сибири процент неорнаментированных бляшек оставался довольно значительным (около 50%).

Форма поясных бляшек очень разнообразна: сердцевидные, или треугольные с закругленными углами; сердцевидные с неподвижным прорезным колечком сверху; сердцевидные с подвижно закрепленным в петле колечком; прямоугольные с прорезным прямоугольным или овальным отверстием; круглые; очень редкие звездчатые; цветковидные; крестообразные и комбинированные, состоящие из двух частей (рис. 44, *13—45*).

Форма наконечников чрезвычайно стабильна. Все они прямоугольные с заостренным или закругленным нижним концом и прямым верхним. Иногда верхний конец имеет один

---

[54] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири (МИА), стр. 294; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 68, табл. I.

[55] А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, табл. III, *22*, *24*; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 77, рис. 2а, б.

[56] Поясным наборам дружинников Евразии IV—VII вв. будет посвящен один из выпусков САИ, над созданием которого работает В. Б. Ковалевская.

или два выступа, имитирующих колечки. В виде исключения попадаются сдвоенные наконечники, состоящие из двух одинаковых пластин (рис. 44, *46—60*).

Пряжки на таких поясах всегда щитковые. Они делятся на три типа: наиболее ранние — с неподвижным соединением со щитком, литые; самые распространенные среди салтово-маяцких древностей — с подвижным шарнирным соединением; наконец, — с подвижным щитковым соединением, причем и щиток, и окантовка самой пряжки обычно штампованные, а не литые (рис. 44, *6—12*; 45, *1*).

Основные мотивы орнамента:

1. Личины, перешедшие от более ранней эпохи, но не прорезные, как в VII в., а рельефные.

2. Растительный узор, составленный обычно из трех, пяти или семи пальметок на разветвляющейся веточке, иногда из восьми—десяти пальметок или круглых выступов, соединенных на вертикальном стволе (древо жизни), и очень редко из завитков виноградной лозы.

3. Геометрический узор, состоящий из сильно схематизированного «древа жизни» и тех же пальметок, шахматного узора, «елочки».

4. Изображения зверей, являвшиеся, вероятно, пережитками звериного стиля скифо-гуннской эпохи. Животные (львы) и птицы (орлы) изображаются по одному и в композициях. К последним относятся замечательные бляхи из Салтова — с птицей, терзающей зайца или оленя, и с двумя птицами и головой человека между ними (см. рис. 40, *9, 10*).

5. Изображения людей в ритуальной позе (принимающий дары) каменных тюркских статуй VIII—IX вв. и в головном «рогатом» уборе (как личина на кудыргинском «изваянии»-валуне) [57]. Такие бляшки, отштампованные на разных болванках, обнаружены в трех катакомбах Салтовского могильника (рис. 44, *58—60*).

Поясные наборы салтово-маяцкого времени чрезвычайно однородны и очень широко распространены по степным районам нашей страны. Изучение их локальных вариантов — тема для отдельного большого исследования. Тем не менее даже при поверхностном знакомстве с материалами сибирских могильников, восточноевропейских и северокавказских памятников бросается в глаза, что салтово-маяцкие пояса Подонья выделяются среди них разнообразием и богатством орнамента. Изучение этих изделий прикладного искусства с особой силой свидетельствует об оригинальности мотивов и творческом переосмыслении ряда изобразительных сюжетов салтовскими ремесленниками. Таковы «каменные изваяния», изображенные на бляхах, бляхи со звериным стилем и бляхи-личины (бородатые, усатые и ушастые, или рогатые), выполненные по образцу обычных личинообразных бляшек, но с усложненным рисунком. Они обнаружены в одном из производственных центров Хазарского каганата — Саркеле — в составе богатейшего клада [58].

Недостаток материала не позволяет пока установить, как распространялись отдельные варианты бляшек или орнаментов на территории изучаемых нами районов салтово-маяцкой культуры. Почти все пояса и отдельные бляшки происходят из катакомб Салтовского, Дмитровского и Подгоровского могильников, т. е. относятся к лесостепному (аланскому) варианту салтово-маяцкой культуры.

Уже сейчас можно утверждать, что ни в одной из могил этих трех памятников нет ни одного совершенно идентичного поясного набора. Они отличаются друг от друга деталями орнамента и формы, количеством бляшек и их сочетаниями на каждом поясе.

Какие же выводы, полученные при исследовании поясов IV—VII вв., подтвердились материалами VIII—IX вв. и какие изменения произошли в правилах ношения этих поясов у салтовских воинов?

К сожалению, для того чтобы ответить на эти вопросы, мы не можем воспользоваться материалами всех трех могильников в одинаковой степени, поскольку многие комплексы Салтовского и Подгоровского могильников, находящиеся в музеях уже более 30—50 лет, очень плохо сохранились. Особенно пострадали наборы отдельных мелких бляшек, часть которых утеряна, а, как мы знаем, именно количество бляшек каждого типа играло важную роль в определении общественного положения покойника. Итак, мы вынуждены обращаться в основном к материалам недавно раскопанных катакомб Дмитровского могильника.

В этих катакомбах обнаружено 16 покойников с оружием — 12 мужчин, 1 мальчик и 3 женщины. Пояса, украшенные бляшками или хотя бы одной пряжкой, оказались у 11 мужчин и мальчика (рис. 45). В трех мужских погребениях найдено по два поясных набора: один богатый — боевой, другой, украшенный более простыми бляшками, — одежный. Таким образом, анализ материалов Дмитровского могильника показал, что, действительно

[57] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., табл. VI, *1*.

[58] М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 53—56, рис. 34а, б, 35.

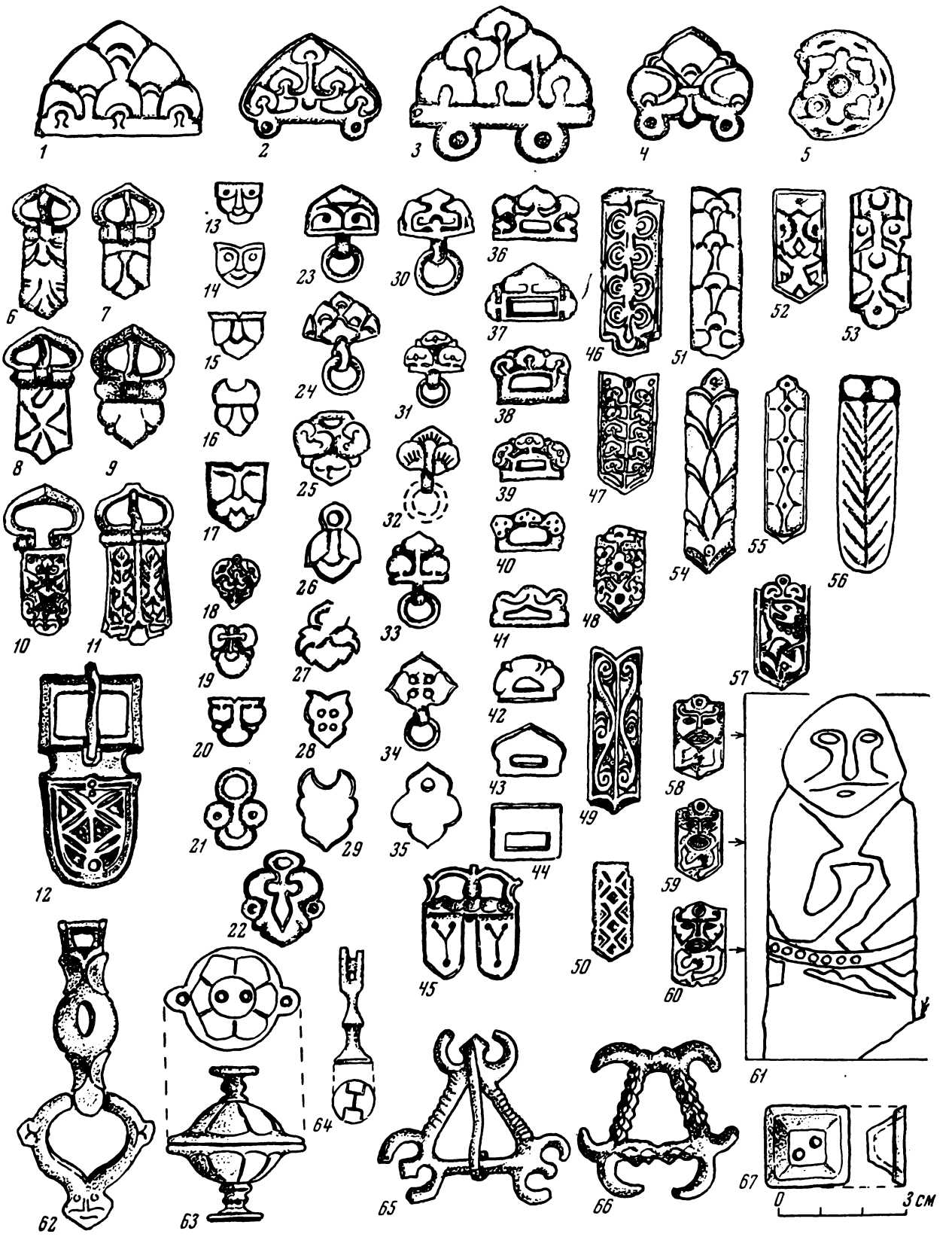

Рис. 44. Украшения сбруи, оружия и боевых поясов, подвески и пряжки поясов из Салтова

1—5 — большие штампованные бляхи для украшения оружия или сбруи; *6—12* — пряжки; *13—44* — бляшки; *45—60* — наконечники боевых поясов; *61* — тюркская каменная статуя, аналогичная изображенным на наконечниках; *62* — подвеска-петля; *63* — подвеска-«самоварчик»; *64* — печать; *65, 66* — «рогатые» пряжки; *67* — ворворка

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ ПО КАТАКОМБАМ ДМИТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Группа	Катакомба	Возраст погребенных	Предметы поясных наборов		
			пряжки	бляшки	наконечники
I	38	Юный	—	—	—
II	10	10—12 лет	1	—	—
	33	Юный	1	—	—
	45	»	1	—	—
III	5	»	1	—	1
	23	?	1	—	1
IV	3	Зрелый	1	3?	1
	7	?	1	3	1
V	22	Возмужалый	1	6	—
	21	?	1	7	1
VI	54	Зрелый	1	6	1
	55	?	1	10	1
VII	51	Возмужалый	1	44	1
VIII	52	»	—	11	11
?*	46	Юный	?	2?	?

* Катакомба 46 частично разрушена, поэтому восстановить поясной набор погребенного трудно.

поясами снабжали всех умерших мужчин-воинов, прошедших, видимо, какой-то обряд посвящения. Однако разница между поясами этих воинов бросается в глаза (табл. 5).

Как показано в табл. 5, состав поясов (и отсутствие их) позволяет разделить погребения воинов на восемь групп. Оказывается, что три первые группы, в которые входят погребения без поясов, с поясами, украшенными одной пряжкой, и с поясами, снабженными пряжкой и одним наконечником, включают юных воинов (в том числе и мальчика).

В катакомбе 38 не было никакого знака воинского отличия. Вместо него к поясу юноши (как у женщины) привешен охранный амулет (железное ботало). Возможно, он, несмотря на сравнительно солидный для той эпохи возраст (18—20 лет), не прошел еще посвящения, хотя и был погребен с «посмертной» женой. Покойники группы II (в том числе и мальчик) получили право носить только пряжку, а покойники группы III могли добавить к пряжке наконечник. У аваров в VI—VII вв., согласно наблюдениям Д. Ласло[59], наконечники играли более важную роль при определении «чина» воина, чем бляшки. Однако здесь мы видим, что наконечник дали юноше в первую очередь (после пряжки), а бляшек он еще не был удостоен.

Погребения взрослых делятся на группы по количеству бляшек, причем в одном из наборов наконечника и вовсе нет. В каждом погребении количество бляшек различно. Условно я считаю, что воины, имеющие меньше пяти бляшек на поясе, относятся к одной группе, больше пяти — к другой, а два погребения — с 44 бляшками (катакомба 51) и с 11 бляшками и 11 наконечниками (катакомба 52) — выделены каждое в особую группу (VII и VIII).

Имущественное положение, по-видимому, действительно не оказывало особого влияния на состав поясного набора. Так, если погребенные групп IV—VI экономически равны, то юноши, похороненные в катакомбах 5 и 45, явно принадлежали к наиболее обеспеченным членам общества: их снабдили богатым оружием и сбруей, причем в катакомбе 5 была даже сабля, а в катакомбе 45, в дромосе, был погребен конь. Остальные юноши по экономическим признакам равны воинам из групп IV—VI.

Исключение составляет только юноша из катакомбы 38, похороненный без пояса. Он принадлежал, по-видимому, к бедной семье. Его с женой даже похоронили не отдельно, а в общей семейной катакомбе.

Вероятно, бедность в VIII—IX вв. тормозила продвижение молодых воинов, а богатство, наоборот, способствовало ему. Так, например, рано прошел посвящение мальчик из богатой катакомбы 10. Несмотря на детский возраст, он по положению уже не уступал юношам. В самых богатых катакомбах (51, 52) могильника были похоронены и самые знатные воины. Судя по различиям в их поясных наборах, они принадлежали к каким-то различным военным группам. Любопытно, что у погребенного в катакомбе 52 на поясе не было пряжки; очевидно, обряд «обезвреживания» оружия и пояса мертвеца еще иногда соблюдался салтовцами.

Поясные наборы воинов отличались один от другого не только количеством бляшек, но и их формой, и иными сочетаниями бляшек разных типов, и орнаментацией бляшек и пряжек. Хотя в различных катакомбах и попадаются иногда бляшки и пряжки с одинаковыми узорами, но сочетания и количество их в каждом случае различны. Как я упоминала, ни в одном из погребений не встречено абсолютно идентичных поясов.

[59] G. Laslo. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars. — Archaeologia Hungarica, XXXIV. Budapest, 1955, стр. 16, 51, 56.

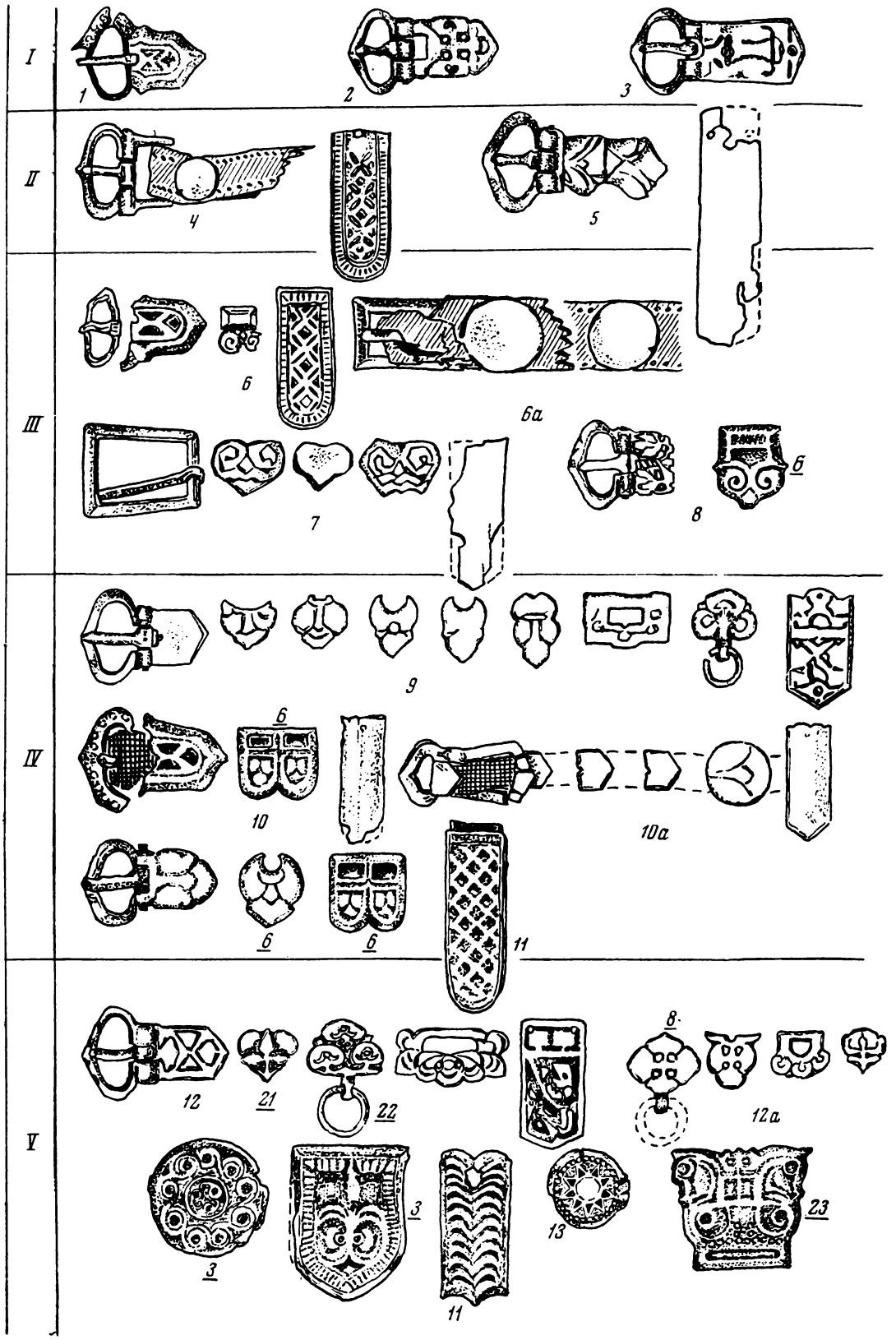

Рис. 45. Пояса из Дмитровского могильника

1 — из катакомбы 10; *2* — из катакомбы 33; *3* — из катакомбы 45; *4* — из катакомбы 5; *5* — из катакомбы 23; *6*, *6а* — из катакомбы 3; *7* — из катакомбы 7; *8* — из катакомбы 22; *9* — из катакомбы 21; *10*, *10а* — из катакомбы 54; *11* — из катакомбы 55; *12*, *12а* — из катакомбы 51; *13* — из катакомбы 52; *I*—*V* — группы (подчеркнутые цифры обозначают количество экземпляров)

Но если в IV—VII вв. в одном поясе соединялись бляшки одного рисунка, то в салтовский поясной набор входили самые различные бляшки: литые и штампованные, с растительным узором, с личиной, с изображениями в зверином стиле и т. д.

По-видимому, во-первых, рисунки на бляшках потеряли геральдическое значение; во-вторых, пояса заказывались не единовременно, а по мере продвижения воина дополнялись новыми бляшками. Важна была не форма и рисунок их, а количество. Это правило прослежено по материалам не только Дмитровского, но и Салтовского и Подгоровского могильников. Правда, были и исключения из него. Иногда в этих могильниках попадались великолепные наборы с выдержанным стилистически рисунком. К таким наборам относится и пояс из саркельского клада. Однако обычно даже в самых роскошных наборах соблюдается общее правило: бляшки явно попадали на пояс в разное время и изготовлялись разными ремесленниками.

Кроме боевых поясов, принадлежностью почти каждого воина в конце VIII—начале IX в. были поясные подвески, колодки и пряжки (рис. 44, *62—67*). Назначение и форма этих предметов весьма стабильны. Это так называемые самоварчики, составленные из двух одинаковых половинок, квадратные «ворворки», печати, петли, крючки, трех- или пятичленные колодки для подвешивания мелких предметов туалета и «рогатые» пряжки. Особый интерес представляют петли с фигурными кольцами и «рогатые» пряжки. Первые были характерной принадлежностью костюма тюркских воинов Сибири VIII—IX вв.; многочисленные их изображения известны на поясах каменных статуй[60]. «Рогатые» пряжки, видимо, были кавказского происхождения[61]. На этом частном примере еще раз прослеживается замечательное свойство салтово-маяцких ремесленников соединять в своем искусстве различные культурные влияния и веяния и тем не менее создавать свой оригинальный стиль.

* * *

Неизменным спутником каждого кочевника был конь, и в снаряжение кочевого воина обязательно входила конская сбруя. В VIII—IX вв. она состояла из седла с железными стременами и оголовья с железными удилами. В европейских степях стремена появились не раньше второй половины VI в. Они, как сабля и тяжелые луки, были принесены кочевниками из далеких восточных «империй» — Хунну, Тюркского и Уйгурского каганатов.

Принадлежности сбруи, которые мы находим в могилах и на поселениях, ограничиваются металлическими деталями: удилами, стременами и декоративными бронзовыми или серебряными бляхами. О форме седел (высоких, двулучных) судят обычно по изображениям оседланных лошадей, прочерченным на костяных вещах и камнях, по посадке изображенных там всадников и по остаткам деревянных частей седла, найденных в Галиате[62].

Сбруя кочевнических лошадей IX—XIII вв. неоднократно служила предметом археологических исследований[63]. Прослежены изменения форм главных составных частей сбруи (стремян и удил), выделены формы, характерные для различных эпох, и т. д. Основной вывод из этих изысканий состоит в следующем положении: крупные изменения, происходившие в конструкции сбруи, были типичны не для одного народа, а появлялись обычно у всех степняков. Так и салтовские удила и стремена по форме близки удилам и стременам, распространенным в VII—IX вв. на всех степных и прилегающих к ним землях.

Н. Я. Мерперт составил краткую характеристику удил и стремян «салтовского времени» на территории Восточной Европы, пользуясь почти исключительно материалами Салтовского могильника[64]. Поэтому естественно, что некоторые детали ускользнули от его внимания. Так, он отметил, что удила салтовцев двусоставные с прямыми гвоздевидными псалиями. Однако различия в форме псалиев позволяют разделить их на три типа (рис. 46, *10—13*). Наиболее распространены удила с гвоздевидными псалиями, описанные Н. Я. Мерпертом. Кроме них, для степных комплексов характерны удила с S-видными железными[65], а также костяными или деревянными псалиями с двойными кольцами на концах. Очень редко

[60] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, № 24, 1952, рис. 65.

[61] Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. — Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 260, рис. 10.

[62] Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. — ВДИ, 1938, № 2.

[63] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, рис. 3, 4, 8—10, 14, 15; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

[64] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 142.

[65] Характерно, что и на средней Волге в Больше-Тарханском болгарском могильнике попадаются удила с псалиями двух типов: гвоздевидные и S-видные (см.: В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 53, табл. IX).

(только в Вознесенском комплексе) применяли и совсем примитивные удила без псалиев, с неподвижными кольцами на концах (рис. 46, *9*).

Таким образом, в катакомбных комплексах аланского варианта салтово-маяцкой культуры действительно преобладали удила одного типа, но в степных районах этой культуры формы удил не были так однообразны и варьировали от самых простых до наиболее изысканных — фигурных. Особенно разнообразны удила в ранних комплексах (середина VIII—начало IX в.). К концу IX в. удила с гвоздевидными псалиями вытеснили из обихода все остальные.

Стремена по форме верхней части членятся на два отдела: восьмеркообразные и высокие прямоугольно-овальные с вделанной петлей для путалища (рис. 46, *5—8*). Восьмеркообразные найдены лишь в одном, наиболее раннем — Вознесенском — комплексе. Прямоугольно-овальные были для того времени наиболее типичной формой во всем степном мире. По некоторым деталям в конструкции верхней части они разделены на подотделы, а по форме подножки — на типы. К первому подотделу относятся почти круглые стремена с петлей, отделенной от дужки тонкой перетяжкой. Подножка у них прямая или вогнутая внутрь, с одним укрепляющим жгутом. Такие стремена известны и в Сибири, и в аварских могильниках Венгрии в комплексах VII—VIII вв.[66] В салтовских комплексах они, как и восьмеркообразные стремена, найдены в Вознесенском погребении (рис. 46, *6*).

Второй подотдел представлен стременами с почти прямоугольной верхней частью, петля для путалища у них также прямоугольная и почти не отделена от дужки перетяжкой (рис. 46, *7*). Подножки прямые или слегка вогнутые, укрепленные тремя жгутами, нередко с несложным прорезным орнаментом (кружками и треугольниками). Эта форма типична для салтово-маяцких памятников лесостепной полосы (Салтово, Дмитровка, Ново-Покровка) и для синхронных аланских северокавказских могильников. Точные аналогии этим стременам вне указанных районов пока неизвестны.

Третий подотдел включает стремена с овальной верхней частью, с овальной же петлей и прямой или слегка выгнутой подножкой, укрепленной тремя или одним центральным жгутом, иногда подножка выкована и совсем без жгута (рис. 46, *8*). Эти стремена также типичны для салтовцев. В отличие от стремян второго подотдела они распространены в степных районах (Саркел, Правобережное Цимлянское городище) значительно шире, чем в аланских могильниках, хотя и там они встречаются (примерно 40% всех стремян, обнаруженных в Салтове). Датируются они временем от конца VIII до начала X в. Позднее — в X в. — именно эта форма стремян была заимствована печенегами и получила дальнейшее распространение в южнорусских степях[67].

Итак, изменение форм удил и стремян было подчинено общим процессам, протекавшим в Подонье в VIII—IX вв. В IX в. прослеживается некоторая стандартизация форм, вырабатываются типы стремян, характерные именно для салтово-маяцкой культуры, причем в каждом варианте (верхне- и нижнедонском) они приобретают своеобразные черты.

Однако оригинальность салтово-маяцкого конского убора VIII—IX вв. особенно выявляется при ознакомлении с салтовскими сбруйными украшениями, не встреченными нигде, кроме восточноевропейских степей.

Эти украшения состоят из гладких бронзовых или серебряных (часто позолоченных) блях, вырезанных из листового металла толщиной в 1—1,5 мм (рис. 46, *14*). Дополнительной оковкой им придавали легкую выпуклость, а у края пробивали одно или два отверстия. Формы блях очень стабильны: все они листовидные и круглые. Длина листовидных блях колеблется от 4 до 9,5 см, ширина — от 3 до 7,5 см; диаметр круглых — 4—9 см. Иногда эти формы варьировались: от круглых блях отрезали сегменты (с одной или двух сторон), у листовидных блях вырезали середину или придавали им форму какого-то причудливого листка с резным краем. В каждый убор входило 20—30 таких блях.

Но самой замечательной деталью этих уборов была налобная бляха, нашивавшаяся, вероятно, на кожаную шапочку-начельник. Она могла быть овальной или прямоугольной с резными краями (размеры 8 × 13 см), сильно выпуклой (высота выпуклости примерно 3—3,5 см). В небольшое отверстие в центре вставляли трубочку из того же листового металла. В трубочке, видимо, был закреплен султан из перьев. Весь убор выглядел очень эффектно: крупные бляхи украшали нагрудные и шлейные ремни, мелкие — уздечку и чумбур.

Своеобразные украшения лошадиной сбруи, как я отмечала, составляли особенность салтово-маяцкой культуры. Следует уточнить, что

---

[66] J. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld...; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., табл. VII, IX, X, XIV.

[67] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, рис. 3 и 4.

особенность эта характерна, видимо, не для всех вариантов культуры, а только для аланского: несколько таких уборов встречено в Салтовском могильнике и один — в Подгоровском. На других памятниках Подонья они не обнаружены. Аналогичные уборы известны только в древностях аланов Северного Кавказа [68]. Там они продержались в несколько измененном виде вплоть до XII в. (Змейский могильник) [69].

Помимо крупных неорнаментированных блях, салтовцы применяли для украшения сбруйных ремней и орнаментированные, обычно также крупные штампованные бляхи (бронзовые и серебряные, иногда позолоченные). Формы этих блях довольно разнообразны: среди них есть треугольные, трапециевидные, круглые. Орнамент растительный или геометрический (см. рис. 44, *1—5*).

Уборы из орнаментированных, художественно выполненных блях были очень дороги и поэтому встречались в могилах еще реже, чем уборы с начельниками (с султаном). Возможно даже, что эти бляхи, несмотря на величину, украшали не конский убор, а ремни от оружия — колчана, сабли и пр. В могилах они лежали обычно в общей куче с удилами, стременами, оружием и поясами воинов, и мы не можем утверждать, что они предназначались для ремней конской сбруи. Необычайная тщательность их отделки и сравнительная хрупкость косвенно свидетельствуют о том, что эти бляхи украшали одежду воина, а не убор его коня.

* * *

Анализ погребений по составу погребального вооружения позволяет сделать некоторые интересные выводы. К сожалению, мы можем пользоваться при этом в основном материалами катакомбных могильников, поскольку в болгарских ямных могилах, согласно обряду, вещей почти не было.

Погребения мужчин по количеству обнаруженного в них оружия делятся на несколько групп (табл. 6).

В погребениях первой группы похоронены мужчины из беднейших слоев населения. Они не были всадниками и принадлежали, вероятно, к числу осевших на землю кочевников, которые занимались земледелием. Все они погребены в небольших тесных катакомбах, иные в скорченной позе, что свидетельствует не только о бедности, но и о зависимом, подчиненном положении умершего. Из этнографии мы знаем, что в кочевом обществе домашнее рабство уживалось с феодальным укладом. Поэтому можно, по-видимому, предполагать, что часть этих беднейших покойников входила в прослойку домашних рабов, к которым, вероятно, относились и убитые во время похорон мужчин-воинов женщины и дети.

Вторая группа погребений почти не отличается от первой: вещей в катакомбах очень мало — обычно один-два ножика, бусинка, мотыжка. Иногда, правда, в них похоронена и женщина или даже женщина и дети. В этих случаях в катакомбах лежало довольно много предметов. По-видимому, мужчины, погребенные в катакомбах этой группы, при жизни принадлежали к более обеспеченному слою населения, но никто из них не был воином-всадником.

Погребения обеих групп составляют по приблизительным подсчетам, проведенным на материале Салтовского могильника, около 20—30% всех мужских могил.

Мужчины с поясами, похороненные в могилах третьей группы, близки в имущественном отношении к наиболее «богатым» мужчинам второй группы. Однако они уже прошли, по-видимому, своеобразный военный обряд вроде

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ МУЖЧИН*

Группа	Оружие			Пояс	Сбруя	Конь	Прочие вещи	Сосуды
	топоры	стрелы	сабля					
1	—	—	—	—	—	—	—	+
2	—	—	—	—	—	—	+	+
3	—	—	—	+	—	—	+	+
4	+	—	—	—	—	—	+	+
5	+	—	—	+	—	—	+	+
6	+	+	—	+	—	—	+	+
7	+	+	—	+	+	—	+	+
8	+	+	—	+	+	+	+	+
9	+	+	+	+	+	—	+	+
10	+	+	+	+	+	+	+	+

* Таблица составлена по материалам Дмитровского, Салтовского и Подгоровского могильников, но из-за того, что скелеты людей из Салтова редко подвергались антропологической обработке, мы можем определить пол погребенных только в 10 случаях из 100. Поэтому вместо точных статистических подсчетов я предпочитаю дать эту более общую таблицу.

[68] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, № 106, 1962, рис. 5 и 9.

[69] В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, стр. 71, рис. 7; стр. 88, рис. 15.

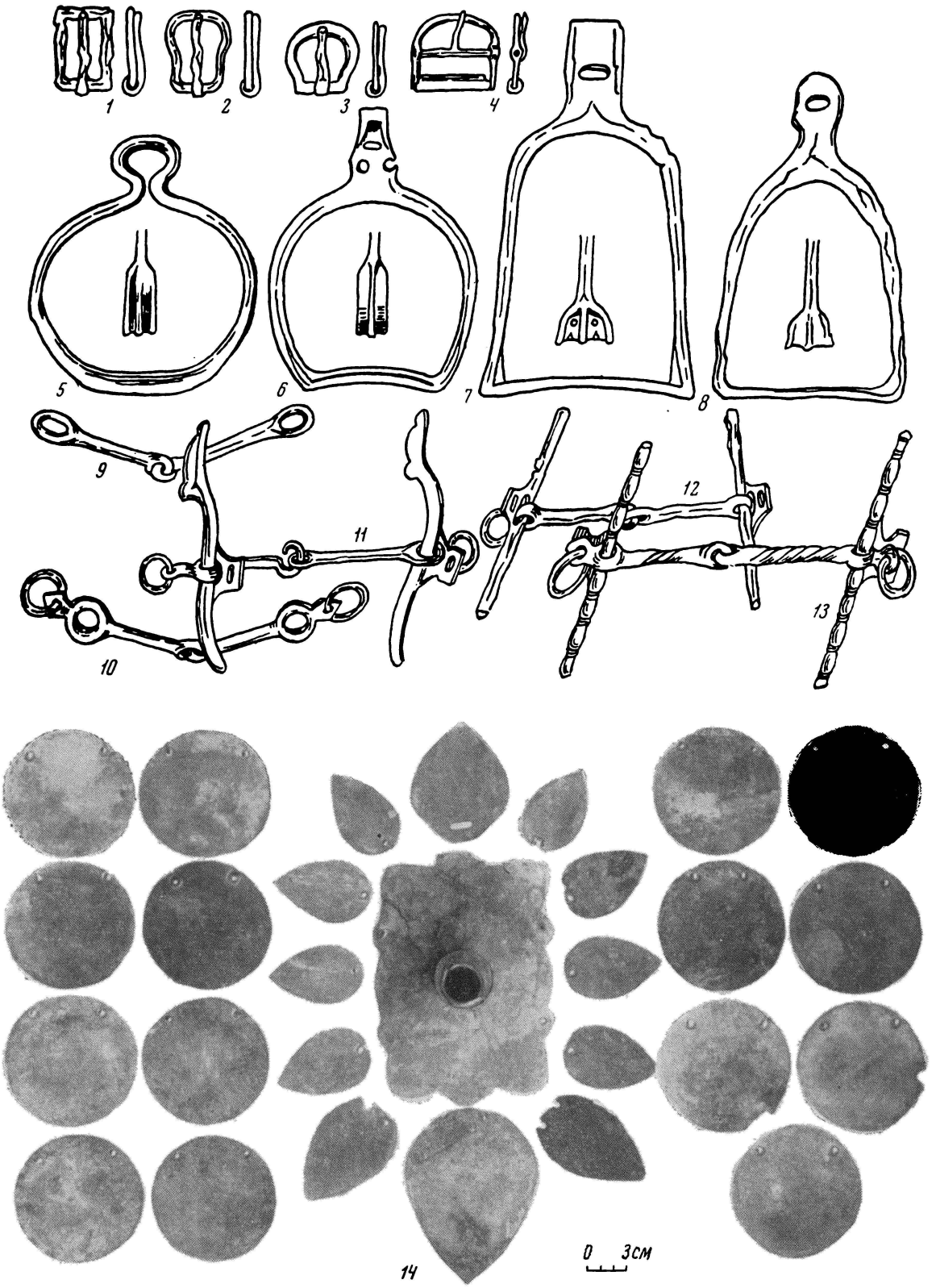

Рис. 46. Конская сбруя

1, 3, 4 — пряжки из Дмитровского могильника; *2* — пряжка из Вознесенского погребения; *5, 6* — стремена из Вознесенского погребения; *7* — стремя из Дмитровского могильника; *8* — стремя из Правобережного Цимлянского городища; *9, 10* — удила из Вознесенского погребения; *11* — удила из Ново-Покровского могильника; *12* — удила из Дмитровского могильника; *13* — удила из Правобережного Цимлянского городища; *14* — конский убор из Салтова

посвящения в воины. При жизни они, должно быть, редко пользовались оружием — его и не клали к ним в могилы.

К четвертой группе относится небольшое количество погребений воинов, похороненных с топорами и без поясов, но не прошедших по какой-то причине обряд посвящения (чаще всего это связано с молодостью покойника).

Покойники из погребений остальных шести групп (примерно половина всех мужчин, похороненных в катакомбах) были воинами. Мы видели, что количество бляшек в поясных наборах, определявшее «воинское звание» покойника, зависело не от его экономического положения. Однако несомненно, что только сравнительно обеспеченные члены общества становились воинами: именно в погребениях мужчин с поясами и оружием бывает большое количество вещей, скелеты женщин, детей, остовы коней со сбруей и т. д.

Таким образом, хотя и не весь народ составлял войско, как в период военной демократии, но все же довольно большое количество обитателей Подонья было воинами-всадниками.

Особенно много воинов-дружинников жило на пограничных землях Хазарского каганата и там, где стояли феодальные за́мки. Поэтому так высок процент погребений воинов в Салтовском, Дмитровском и некоторых других могильниках. Недаром там даже женщин иногда хоронили с конем и оружием (топорами).

Несомненно, что и у болгар воинов-всадников было не меньше, тем более что болгары более активно кочевали.

Зато в городах воины-дружинники были немногочисленны. Судя по Саркельскому могильнику, на городских кладбищах хоронили простых земледельцев и ремесленников. Характерно, что среди саркельских погребений нет ни одного богатого. Возможно, что дружинное кладбище находилось в стороне от городского и не было обнаружено археологами.

Итак, население Подонья в VIII—IX вв. делилось на два класса. Один класс составляли земледельцы, ремесленники и беднейшие кочевники. Несмотря на родовые пережитки, культивировавшиеся обычно в кочевом обществе, члены этого класса были, по-видимому, лишены права становиться всадниками-воинами. Даже тот, кто достигал известной имущественной состоятельности и фактически был воином и носил оружие, не получал звания воина.

Другой класс составляли всадники. Среди них были более или менее обеспеченные, но все они с молодых лет получали право носить боевой пояс. Вероятно, всадники представляли родовую аристократию, превратившуюся в феодальную. Из них князья формировали свои дружины и набирали конницу на время походов.

Деление подданных хазарского кагана на два класса засвидетельствовано и в арабских источниках[70]. Масуди сообщал о черни и знати[71], а ибн Хаукаль[72] и ал-Истахри заявляли об этом еще определеннее: «Они черноволосы и их два класса. Одни называются «карахазары», они смуглые, даже почти черные, подобные индийцам, другой класс — белый, видный по красоте и наружным качествам...»[73]

Разница между двумя классами была настолько велика, что поражала даже араба, проникнутого феодальными понятиями своей страны. Так, ал-Истахри констатирует, что «хаканство у них дается лицам знатных фамилий, хотя бы не имеющим ни владений, ни богатств...», и приводит со слов очевидца интересный рассказ об итильском юноше (знатном, но бедном), продававшем хлеб на базаре: «А хазары говорили, что по смерти их хакана никто не имел бы более прав на хаканство, чем этот юноша...»[74]

Таким образом, класс знатных воинов-всадников, несмотря на бедность и тяжелый труд отдельных разорившихся его членов, был господствующим классом. Как мы видели, он отчетливо выделяется и археологически: «опоясанные» воины были и бедными, и богатыми, хотя, конечно, среди последних имущие составляли большинство. Трудовой же народ — «карахазары», несмотря на зажиточность отдельных представителей, оставался бесправным: никто из них не мог проникнуть в правящий класс, получить воинское «звание».

Земледельцы, ремесленники, бедняки-кочевники (карахазары) были основными создателями салтово-маяцкой культуры, строителями за́мков и городов. Только археологические материалы, подкрепленные приведенным выше сообщением ал-Истахри о бедном юноше из каганского рода, позволяют говорить о том, что многие из всадников — «белых» — были так же бедны, как их «черные» соплеменники, и, по-видимому, трудились на полях и пастбищах, на рынках и в мастерских вместе со всем народом.

---

[70] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 400.

[71] Масуди (СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 46).

[72] Ибн-Хаукаль (там же, стр. 115).

[73] Ал-Истахри, стр. 49.

[74] Ал-Истахри, стр. 53.

ГЛАВА VII

АМУЛЕТЫ

О религиозных воззрениях народов Подонья, входивших в Хазарский каганат, сохранились немногочисленные отрывочные сведения.

В начале IX в. хазарские феодалы приняли иудейскую религию [1]. Однако ибн Русте, написавший свою «Книгу драгоценных драгоценностей» 100 лет спустя, констатировал: «Верховный глава их (хазар. — *С. П.*) исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша (каган-бек. — *С. П.*), так военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религией турок» [2].

Даже к концу X в. из-за сравнительной веротерпимости хазарского кагана это положение почти не изменилось. По свидетельству ибн Хаукаля, среди населения городов каганата появилось, кроме иудеев и «идолопоклонников», много христиан и мусульман, но, добавляет затем этот автор, «все-таки царь и приближенные его — иудеи, а бóльшая часть обычаев их — обычаи язычников...» [3]

Таким образом, хотя феодальная верхушка хазарского общества приняла иудейскую религию, основная масса народа оставалась языческой. Причем язычество было здесь не пережиточным явлением, как в Дунайской Болгарии, у среднеазиатских кочевников, на Руси и в других странах, которые в конце I—начале II тысячелетия восприняли христианство или мусульманство, а полноправной религией народных масс.

Что представляла собой эта языческая религия? Ибн Русте говорит более чем кратко, что она «сходна с религией турок», т. е., видимо, тюркоязычных кочевых племен.

Вопрос о характере языческой религии кочевников, в частности тюркоязычных, почти не освещен в литературе. Особая сложность его заключается в том, что религия кочевников-язычников отличалась крайним синкретизмом. В ней сливалось множество культов, несовместимых друг с другом и с тем общественным развитием, которого достигли кочевники в эпоху средневековья. Древнейшие формы религии тесно переплетались у них с более поздними, отражающими процесс разложения первобытно-общинного строя: тотемизм — с патриархальным культом предков, нагуализм (культ личных духов-покровителей) — с культом вождей, промысловые культы — с аграрными, примитивное знахарство — с шаманизмом и т. д. Видимо, характер религии был связан с типичной особенно для кочевников эклектикой общественных отношений: родовые формы вплоть до XX в. прикрывали у них самую безжалостную феодальную эксплуатацию низших классов.

Исследование даже такого частного вопроса, как религиозные воззрения населения Подонья VIII—IX вв., представляет собой необъятную тему, поскольку разрозненность и краткость письменных и археологических источников не позволяют рассматривать эти воззрения в отрыве от религий остальных ирано- и тюркоязычных кочевников. Изучение религии народов Хазарского каганата в полном объеме — дело будущего. Я ограничусь анализом одной чрезвычайно интересной категории археологических источников, на которую до настоящего времени археологи-«хазароведы» обращали мало внимания. Это многочисленные амулеты, обнаруженные главным образом в катакомбах Салтовского и Дмитровского могильников.

Хотя материал и невелик, но в нем нашли отражение основные религиозные взгляды

---

[1] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, глава 15.

[2] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 15.

[3] Ибн-Хаукаль (СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 108).

жителей лесостепных и степных районов Подонья и, следовательно, народов всего Хазарского каганата.

К первой, наиболее распространенной группе относятся амулеты из косточек и зубов животных: просверленные зубы и пястные косточки лисы, зубы собаки и волка, длинные фаланги задних заячьих лапок (рис. 47, *14*, *15*).

Амулеты из зубов и пястных косточек лисы и собаки известны по находкам в катакомбных могильниках. Как правило, они нанизаны вместе с бусами (рис. 48). Такую низку носили на поясе в виде своеобразных четок. Интересно, что амулеты этого типа ни разу не встречены на скелетах мужчин или детей. Их клали только в погребения женщин. По-видимому, они были специфически женскими амулетами. 30—40% женщин, похороненных в Салтовском и Дмитровском могильниках, носили такие амулеты-обереги.

Клыки лисы, собаки и изредка волка найдены также в слоях Саркела и Правобережного Цимлянского городища. Причем некоторые из них были как бы «полуфабрикатами» амулетов: имели ямку, намеченную для сверления, полупросверленное отверстие и т. п. Кроме того, в Салтовском могильнике и в Саркеле встречались отлитые из бронзы подражания подвескам, сделанным из когтей (рис. 47, *10—13*).

Заячьи фаланги находят очень редко. На поселениях их совсем нет, а в могильниках они встречены не больше пяти раз. Это всегда связка из семи—девяти косточек, прикрепленная к поясу похороненной женщины.

Амулеты из косточек животных известны не только в салтово-маяцких древностях, но и у других кочевых и полукочевых народов прошлого, например у аваров, дунайских и волжских болгар [4].

Известны они и у сибирских народов. Д. К. Зеленин связывает амулеты этой группы с одним из характернейших для сибирских шаманистов культов — культом духов (онгонов) [5].

Параллели с сибирскими амулетами позволяют связать с этим культом и вторую группу салтово-маяцких амулетов: отлитые из бронзы или выточенные из кости подвески, изображающие животных и птиц. Группа эта очень невелика — в нее входит всего около десяти амулетов.

Один из них изображает сильно стилизованную фигурку оленя (рис. 47, *2*), другой — голову теленка с широким носом, выпуклыми глазами и отростками рогов (рис. 47, *1*), третий — головку барана с большими изогнутыми рогами (рис. 47, *3*).

Амулеты в виде фигурок хищных птиц найдены в Салтовском могильнике и в Саркеле. Одна — с плотно прижатыми крыльями, раздвоенным хвостом и мощным клювом, другая — с распущенным крылом, небольшим коротким хвостом и таким же, как у первой птицы, изогнутым клювом. Это, видимо, орлы или соколы (рис. 47, *5*, *6*). Фигурки водоплавающих птиц вырезаны обычно из кости. Они выполнены очень схематически — на стилизованных фигурках можно различить только длинную шею и тупой плоский клюв (рис. 47, *7*, *8*).

У сибирских народов онгоны делились по производственному признаку на охотничьи, скотоводческие и лечебные. Чаще всего они выполнены в виде животных или из костей животных. Поэтому культ онгонов нередко путали с тотемизмом, в который, по мнению Д. К. Зеленина, уходит корнями культ духов-онгонов. Интересно, что в Сибири мужчины и женщины имели разных онгонов. Это, по-видимому, пережиток древнейшей формы тотемических верований — полового тотемизма [6].

Салтово-маяцкие материалы подтверждают наблюдения Д. К. Зеленина. Например, в Сибири женские онгоны считались покровителями женщин и детей. И в Подонье, где, как мы знаем, подавляющее большинство амулетов обнаружено при скелетах женщин, особенно часто они встречаются в погребениях женщины с детьми. Чисто женским считался онгон лисы. Иногда он играл специальную роль — помощника при родах. В алтайских и осетинских сказках лиса постоянно выступает в качестве помощника — «спутника девушек» [7]. Характерно, что даже в «животных» сказках этих народов лиса очень редко наделяется какими-либо отрицательными качествами в отличие от русских сказок, где она всегда хитрая, беспринципная и глуповатая. В салтовских и дмитровских катакомбах почти у каждой третьей женщины на поясе подвешены клыки или пястные косточки лисы.

Если лиса была женским онгоном, то волк — всегда мужским. Культ волка как помощника и родоначальника тюрок выступает

[4] J. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyan. Budapest, 1963, стр. 26, табл. XIII; Ст. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. — СА, XXVII, 1957, сводная таблица, могилы 15, 19; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. XVIII.

[5] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936.

[6] С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — ПИДО, 1935, № 9—10.

[7] Осетинские народные сказки. М., 1959; Алтайские сказки. Новосибирск, 1937.

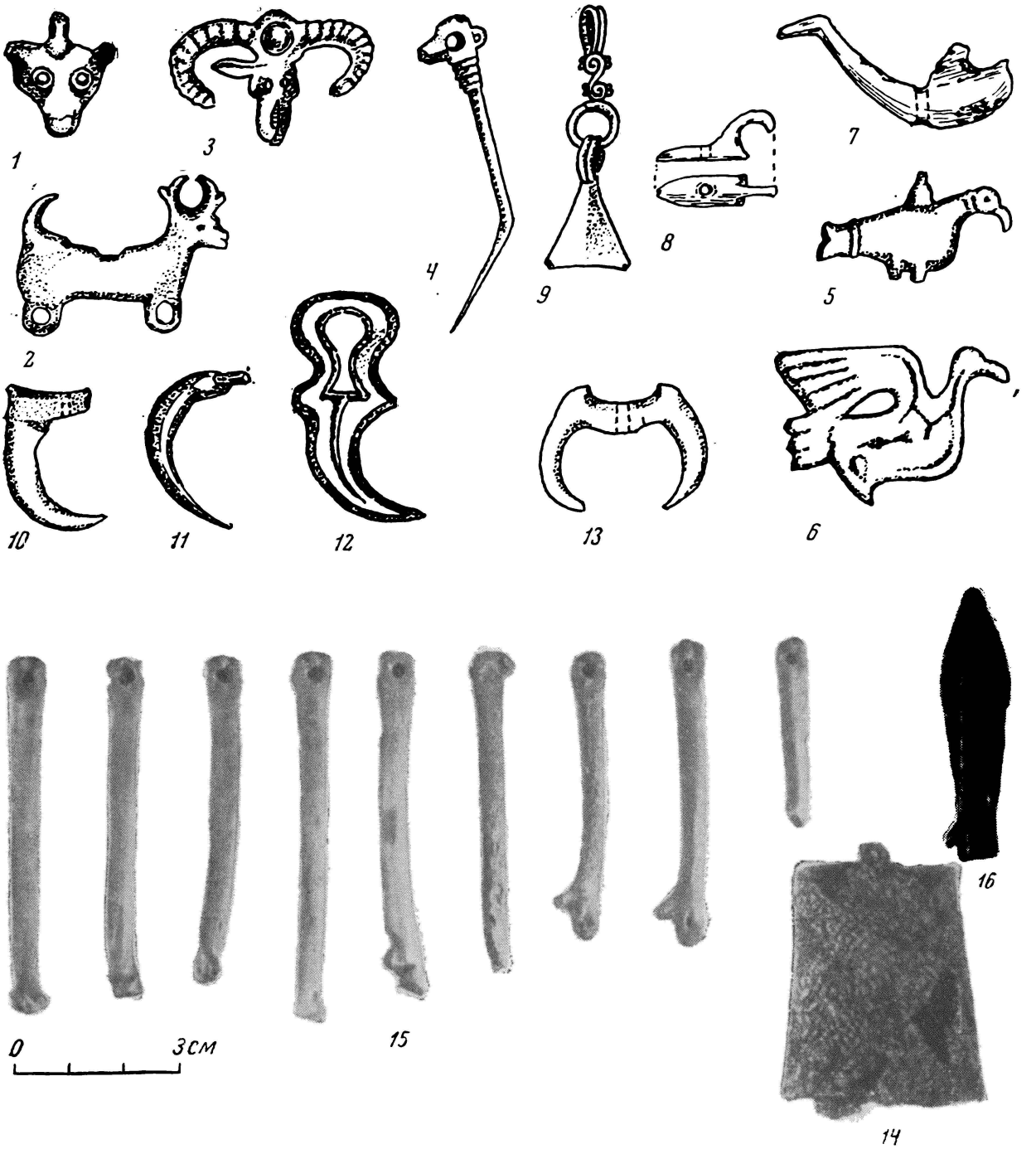

Рис. 47. Амулеты

1—3, 5, 8—10 — амулеты-онгоны из Салтовского могильника; *4, 6, 11—13* — амулеты-онгоны из Саркела; *7, 14, 15* — амулеты-онгоны из Дмитровского могильника; *16* — скифская стрелка-амулет из Дмитровского могильника

в происхождении многих мужских тюркских имен (Куря, Коркут и др.), в ряде легенд и мифов о волке, приведшем тюрок на Запад, о волке — отце первого тюрка, в гаданиях по волчьему вою об исходе битвы и т. п.[8] Клыки волка ни разу не обнаружены в женских погребениях салтово-маяцкой культуры, хотя в слое Саркела они встречались сравнительно часто.

Возможно, что в аланские могильники волчьи клыки не попадали потому, что волк был символом и тотемом тюрок. В Больше-Тарханском болгарском могильнике (на Волге) волчьи клыки найдены[9], а дунайские болгары специально отливали из бронзы фигурки волка[10].

К древнейшим тотемическим представлениям тюрок восходит и культ небесного быка — Огуз-хана[11]. В культе онгонов он превратился в женского онгона быка—покровителя скота.

То же можно, по-видимому, сказать и об остальных амулетах—леканах (изображениях) собаки, барана, зайца, орла и лебедя (водоплавающей птицы с длинной шеей). Все эти животные и птицы были тотемами тюркских или аланских племен, а в эпоху разложения родоплеменного строя превратились в онгоны мужчин, женщин или в общих родовых и семейных покровителей.

Образы почитавшихся животных-онгонов глубоко проникли в искусство народов Хазарского каганата. Изображения животных и птиц, фигурки людей помещены на бляхах и пряжках, украшавших одежду воинов. Эти вещи, вероятно, имели не только декоративное, но и сакральное значение.

Таковы изображенные на поясных бляшках хищные птицы (см. рис. 40, *9*, *10*), головка барана, отлитая на ногтечистке (рис. 47, *4*) и колчанных крючках (рис. 43, *14*), поясные мужские треугольные пряжки с рогами баранов или со схематическими изображениями молящихся (с поднятыми руками) людей (рис. 44, *65*, *66*).

Фигурки зверей и птиц украшали не только одежду воинов, но и различные бытовые предметы. Так, в Саркеле обнаружено несколько костяных предметов, выполненных в форме птичьих головок, пластина в виде фигуры лошади, накладка с изображением оскаленной волчьей головы (см. рис. 40, *1—3*, *7*, *8*) и др. Особый интерес представляет среди саркельских находок овальная пластинка с непонятной сценой священнодействия: человеческая фигура в «рогатом» головном уборе с поднятыми руками переплетается с двумя кабаньими фигурками, обрамляющими ее с двух сторон (см. рис. 40, *4*). Поскольку «рогатые» шапки были в тюркском искусстве признаком бога или шамана[12], можно предположить, что на пластинке вырезана сцена жертвоприношения — жрец-шаман совершает обряд над двумя кабанами.

Таким образом, обычная бытовая вещь — накладка, пряжка, ногтечистка и пр. — с изображением определенного сюжета приобретала священное значение оберега.

Интересны в этом отношении грубые железные ботала, которые в обыденной жизни подвешивали на шею баранам (рис. 47, *15*). В Салтовском и Дмитровском могильниках они найдены во многих богатых погребениях мужчин и особенно часто — женщин. Грубые ботала лежат на поясе или груди покойника среди других амулетов, выполненных, как правило, весьма искусно. Эта вещь казалась очень странной, поскольку совершенно не соответствовала богатому костюму погребенных.

Значение этой находки объясняет институт изыхов — животных, посвященных онгону-сюзерену, — возникший в эпоху образования классов[13]. Дело в том, что изыхи паслись вместе со всем скотом, но, чтобы отличить от «непосвященных» животных, их клеймили или вешали им на шею ботало. Вот эти-то ботала, снятые с изыхов, принесенных в жертву во время погребения, и попадали, вероятно, в могилы знатных и богатых покойников.

Оберегом становилась почти каждая вещь, попавшая в могилу. Известно, что, например, острые и режущие предметы — наконечники стрел (в том числе и скифские, случайно найденные салтовцами в древних курганах и на поселениях, — рис. 47, *16*), ножницы, ножи без ножен — считались у тюрок принадлежностью богини—покровительницы женщин и детей, носившей имя Умай[14]. Они, а также звенящие подвески-бляшки (рис. 47, *2*), звенящие

[8] В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? — Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1947, т. VI, вып. 4.

[9] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, табл. XVIII, *4*.

[10] Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 226, рис. 265.

[11] А. Н. Бернштам. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. — СЭ, 1935, № 6.

[12] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. VI, стр. 19; Л. Р. Кызласов. К истории шаманистских верований на Алтае. — КСИИМК, XXIX, 1949.

[13] Д. К. Зеленин. Культ онгонов... Глава V. Скотоводческие онгоны и изыхи.

[14] Н. Дыренкова. Умай в культе турецких племен. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. III. Баку, 1928.

пуговки-бубенчики, зеркала, положенные блестящей стороной вверх, должны были отпугивать от могилы злых онгонов.

Кроме приведенного сообщения ибн Русте о религии хазар, до нас дошли отрывочные упоминания о ней в работах арабских и персидских авторов (например, ибн Фадлана и Амина Рези) [15] и замечательно полное и подробное для своего времени описание религии савиров, оставленное Моисеем Каганкатваци в рассказе о миссии епископа Исраила к язычникам-савирам [16].

Моисей Каганкатваци писал, что савиры «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными...» [17] Таким образом, онгоны окружали савиров. Они требовали постоянных жертвоприношений и других обрядовых действий. Савиры устраивали, например, коллективные камлания — дикие пляски и «битвы на мечах в нагом состоянии».

Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, что среди множества божеств — тенгри — наиболее почитаемым был Тенгри-хан, «чудовищный громадный герой», бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых «поливали вокруг дерев, а голову и кожу вешали на сучья». По-видимому, его символические изображения — «золотые языческие амулеты» — носили на себе язычники-савиры. Епископ Исраил «своими руками пред всеми ломал их и из них делал изображения креста Господня» [18].

Последнее сообщение для нас особенно ценно, и к нему мы еще вернемся после того, как рассмотрим амулеты «солнечного цикла», обнаруженные в катакомбах Салтовского и Дмитровского могильников и в культурном слое Саркела.

Амулеты, связанные с символикой солнца [19], я разделяю по форме на типы, а по деталям формы — на виды.

Первый тип представляют амулеты в виде небольшого (диаметр 2,8—3,8 см) бронзового круга с петлей для подвешивания. В центре круга находится кольцо меньшего диаметра, соединенное с внешним кольцом лучами-спицами.

Количество и форма лучей позволяют делить эти амулеты на виды.

Первый вид: четыре прямых луча, представляющих собой один из вариантов очень распространенной в древности символической фигуры огня-солнца — «крест в круге» (рис. 49, *1—3*).

Второй вид: усложнение «креста в круге». Лучи в нем превращены в спиральные завитки, которые в свою очередь также являются символами движущегося солнца (рис. 49, *4*) [20].

Третий вид: четыре изогнутых луча, или так называемая криволинейная свастика, — изображение вращающегося солнца (рис. 49, *5*).

Четвертый вид: колесообразные фигуры, образованные шестью или семью лучами (рис. 49, *6, 7*). В общепринятой символике колеса чаще бывают восьмилучевыми, однако число «семь» было очень популярным у народов Подонья в VIII—IX вв.[21]

Итак, первый тип «солнечных» амулетов включает символы солнца, придуманные человечеством за несколько тысяч лет до возникновения салтово-маяцкой культуры.

Амулеты второго типа известны в археологической литературе под названием «подвесок с соколиными головами».

Первый вид включает амулеты в форме бронзового кольца (диаметр 2—3 см) с квадратной петлей и тремя выступами на внешней стороне, изображающими головки хищных птиц: внизу, напротив петли, — две головки, слившиеся затылками (клювы врозь), на боковых сторонах — по одной головке клювами вниз (рис. 49, *8, 9*).

На амулетах второго вида вместо петли отлита еще одна головка, а вместо двух слившихся голов помещена одна (рис. 49, *10*). Клювы каждой из них направлены в затылок ближайшей головки, так что по существу подвеска представляет собой солнечную фигуру — круг с криволинейной свастикой. Следовательно, эти подвески также являются олицетворением солнца. Но в таком случае связанные с ними подвески первого вида — с двойной головкой, очевидно, относятся к таким же «солнечным» амулетам.

Третий тип амулетов представлен кольцами (диаметр 3,5—3,7 см) с вписанными в них сильно стилизованными фигурками всадников

---

[15] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 146, 147, 156.

[16] Моисей Каганкатваци. История агван. СПб., 1861, стр. 193—205.

[17] Там же, стр. 193.

[18] Там же, стр. 205.

[19] Подробную библиографию, посвященную этой символике, см.: В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. — СА, 1960, № 4.

[20] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. — СА, 1965, № 1.

[21] Так, в одной из тризн в Дмитровском могильнике было погребено семь коз.

(рис. 49, *11*, *12*). Всадник сидит не на коне, а на фантастическом животном — полуптице-полузвере. Голова у этого зверя птичья — с изогнутым клювом, хвост или крыло тоже птичьи, а большие мягкие лапы принадлежат какому-то животному кошачьей породы. По-видимому, это грифон. Как известно, грифон с глубокой древности связан с культом солнца, а у скифов был символом бога солнца—Гойтосара [22]. Очевидно, и у салтовцев грифон, вписанный в солнечный круг, олицетворял солнце.

Что касается всадника, сидящего на грифоне, то он относится к специфически кочевническим образам как наиболее популярная фигура в искусстве кочевых и полукочевых народов. Всадник на грифоне в солнечном диске, возможно, изображал самого бога солнца.

К «солнечным» амулетам четвертого типа я отношу янтарные подвески (рис. 49, *18*). Формы их были разнообразными, чаще всего употреблялись немного отшлифованные куски естественного янтаря. Но одна подвеска, обнаруженная в катакомбе 11 Дмитровского могильника, сделана в виде массивного, несколько неправильного круга (диаметр 3,5 см) с отверстием, сквозь которое продели бронзовую тонкую пластинку. Янтарь издавна считался солнечным камнем, а обработка его в виде солнечного круга показывает, что именно этот смысл придавали ему жители Подонья в изучаемое время.

Пятый тип «солнечных» амулетов представлен отлитыми из бронзы фигурками коня, которого изображали то стоящим и оседланным, то в беге, без седла (рис. 49, *13—15*). В Салтове обнаружена подвеска в виде всадника, сидящего на оседланном коне.

В этот же тип амулетов, видимо, входят «двуглавые коньки» (рис. 49, *16*, *17*). Это литые бронзовые подвески в виде двух конских головок, повернутых мордами в противоположные стороны. Головки посажены на длинные изогнутые шеи (почти верблюжьи), а в выемке между ними находится длинная петля, несколько напоминающая схематическую фигурку всадника на подвесках третьего типа. Изображения двуглавых коньков уходят в глубокую древность. Они были распространены среди народов Сибири еще в тагарскую и таштыкскую эпохи, а в VII—VIII вв. появились у кыргызов [23].

Коней в отличие от остальных животных ни в коем случае нельзя считать ни онгонами, ни тотемами. Они были символом солнца, о чем говорится еще в Авесте. Геродот, поясняя смысл жертвоприношения лошади, писал: «Быстрейшему из богов они посвящают быстрейшее животное» [24]. В. О. Витт справедливо отмечает, что жертвоприношения коней были приняты только у народов, которые их одомашнили и приручили [25]. Все эти народы не только приносили коней в жертву, но и ели лошадиное мясо, и пили кобылье молоко. Ничего удивительного нет в том, что и средневековые кочевники, для которых конь служил и основным источником питания, и главным средством передвижения, и верным спутником в походах, считали его священным жертвенным животным. Его посвящали, как говорил Моисей Каганкатваци, главному богу — Тенгри-хану.

Подавляющее большинство «солнечных» амулетов найдено в катакомбах Салтовского и Дмитровского могильников.

Наиболее распространенными из амулетов были подвески с соколиными головами, составляющие примерно 50% всех амулетов, наименее — амулеты с всадниками, сидящими на грифонах.

Как правило, амулеты положены в катакомбы с богатым инвентарем всегда на пояс или грудь женщины. Однако далеко не все богатые погребения женщин содержат «солнечные» амулеты. Такие погребения в могильнике составляют от 2 до 5% всех женских могил. Судя по находкам в Дмитровском могильнике, их клали обычно только с очень юными женщинами, почти девочками (от 12 до 18 лет).

Чрезвычайный интерес представляют хронологические рамки, в которые заключены «солнечные» амулеты катакомбных могильников. Почти все они обнаружены в могилах первого периода салтово-маяцкой культуры и, следовательно, датируются концом VIII — первой половиной IX в. В катакомбах второго периода (вторая половина IX в.) преобладают охранные амулеты из клыков и когтей животных (особенно лисы) и иногда попадаются янтарные подвески. В это время наблюдается несомненное упрощение и стабилизация набора амулетов.

Для того чтобы разобраться в причинах этого явления, вернемся к вопросу о значении «солнечных» амулетов.

Полагаю, что они олицетворяли бога неба — Тенгри-хана. По-видимому, он же был и богом

---

[22] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польский. М., 1964, стр. 117.

[23] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 245, табл. 37, 38, 54.

[24] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 251.

[25] В. О. Витт. Лошадь древнего Востока. — В кн.: Конские породы Средней Азии. М., 1937, стр. 14, 15.

Рис. 48. Низка бус с амулетами из катакомбы 11 Дмитровского могильника

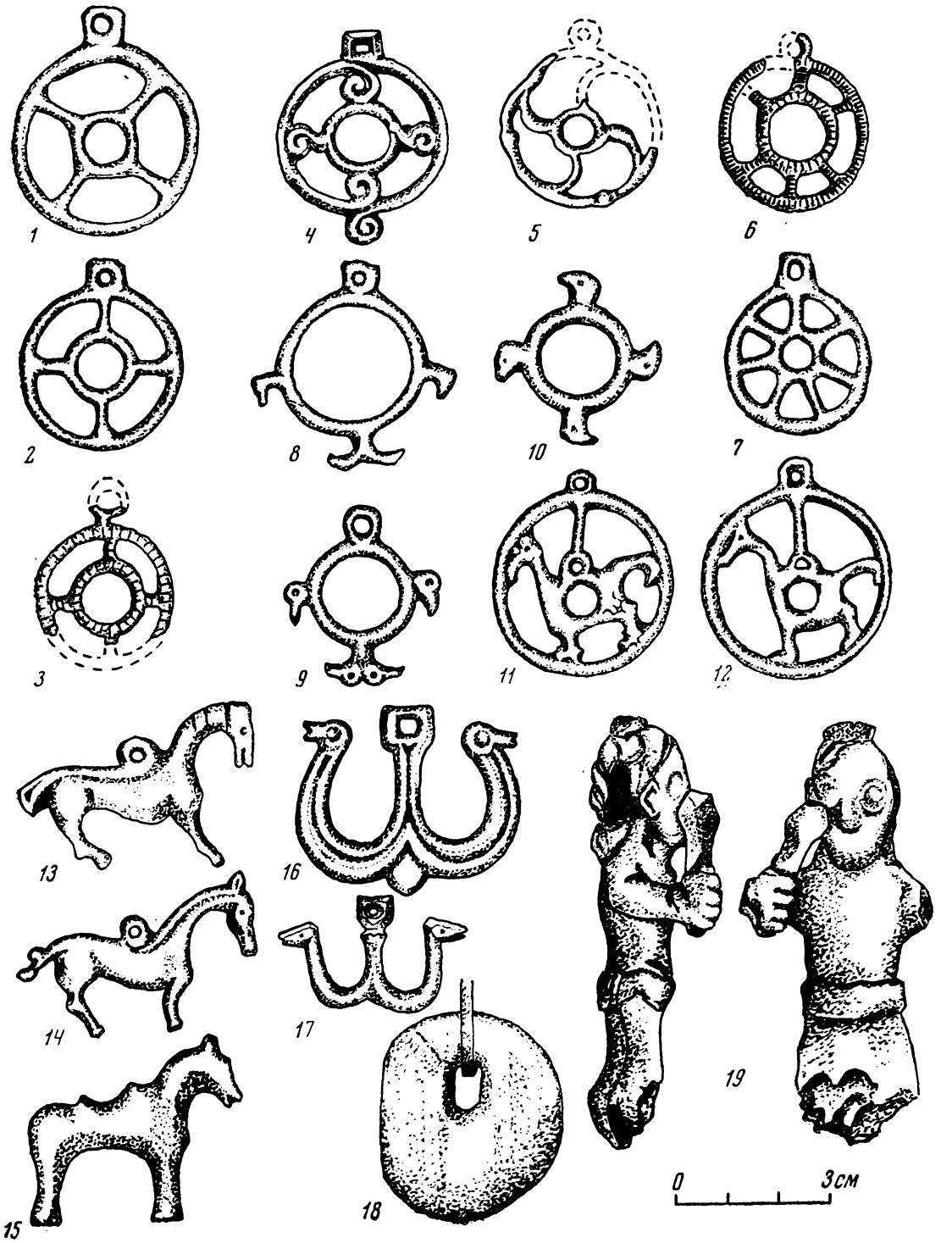

Рис. 49. «Солнечные» амулеты

1—3, 6—10, 12, 13, 15, 17 — из Салтовского могильника; *4, 11, 14, 16, 18* — из Дмитровского могильника; *5* — из Саркела; *19* — бронзовая фигурка из Саркела

света — солнца. Подобное отождествление неба и солнца известно в различных племенных культах, в частности у славян-язычников, которые в песнях-молитвах нередко обращались к небу-солнцу и, справедливо считая солнце непременной принадлежностью неба, называли его «небесным колесом» [26].

Мы знаем, что и кочевники обожествляли солнце. Так, хуннский шаньюй каждое утро выходил из лагеря для поклонения восходящему солнцу [27]. Но у савиров и хазар как бы и не было культа солнца, во всяком случае о нем не упоминается ни у Амина Рези, ни у Моисея Каганкатваци. Однако в основе большинства амулетов бога неба Тенгри-хана лежит «крест в круге» — символ солнца. Об этом мы можем судить по приведенной выше цитате из Моисея Каганкатваци: епископ Исраил ломал языческие амулеты бога Тенгри-хана и превращал их на глазах у всех в изображение креста. Сделать это действительно нетрудно — стоит только обломать несколько лишних завитков от любого «солнечного» амулета с лучами.

Итак, «солнечные» амулеты, широко распространенные в пределах Хазарского каганата, были символами Тенгри-хана — бога неба, которого, кроме того, называли «чудовищным героем».

Последнее определение очень важно. Как у всех народов, переживших стадию разложения родо-племенного строя и военной демократии, у кочевников Хазарского каганата был весьма развит культ вождей. Отголоском этого культа являлись божественные почести, воздаваемые хазарами своему кагану. О них с удивлением писали арабские авторы (ал-Истахри, Масуди и др.) [28]. Каган, по их словам, был окружен множеством табу, которые преследовали цель сохранить его божественную силу (ману, оренду). Эту магическую силу кагана оберегали с таким рвением, что если он старел, а на страну обрушивалось несчастье, то его убивали как утерявшего божественность. Подобные формы сакрализации власти вождя-царя известны у различных племен Африки и Океании [29].

Правомерно предположить, что этот культ кагана-вождя, культ его божественной силы в какой-то степени слился в каганате с культом антропоморфизированного бога неба-солнца, которого также считали «героем»-вождем, наделенным магической силой.

В Дунайской Болгарии до принятия христианства болгарские ханы всячески поддерживали культ вождей и старались сделать его централизующей религией народа. Они сами были жрецами, приносящими жертвы [30], а в Мадаре возвели храмы, где поклонялись знаменитому мадарскому всаднику — хану Круму, высеченному на Мадарской скале [31].

В Хазарском каганате поклонение живому кагану и его могиле сочеталось с поклонением небесному всаднику и герою — Тенгри-хану. Феодальная сущность этого божества выступает даже в его имени — он был ханом всех остальных тенгри.

Недаром феодалы, поддерживая свой престиж в народе, ставили кочевья по кругу — по солнцу. Этой планировкой они, очевидно, подчеркивали свое небесное величие и происхождение. Именовали они себя «белыми», чтобы показать близость к небесному хану, поскольку белый цвет считался небесным. Тюркские и монгольские народы обычно приносили в жертву богу скот белой масти.

Мы познакомились с символическими изображениями Тенгри-хана. Очевидно, он же представлен иногда в виде стилизованного всадника на грифоне. Правда, скульптурные реалистические фигуры «чудовищного героя» нам не известны. Только в Саркеле обнаружена литая бронзовая статуэтка на железном стержне: мужчина с огромными выпуклыми глазами и уложенной на затылке косой сжимает булаву правой рукой, вытянутой вперед (рис. 49, *19*). Статуэтка обгорела и оплавилась в пожаре. Ноги у нее не сохранились, но по характеру излома на месте ног можно предположить, что фигурка была присоединена к лошади, т. е. изображала всадника. Возможно, что этот выпрямившийся в седле всадник с булавой был Тенгри-ханом. Естественно, что кочевники-всадники и бога представляли по своему образу и подобию — всадником.

Как и когда фигура саркельского всадника попала в пожар, неясно, найдена она в перекопе. Зато исчезновение «солнечных» амулетов

---

[26] А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 151.

[27] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 50.

[28] Ал-Истахри (СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901, стр. 43); Масуди (СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 46); А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. . ., стр. 146.

[29] С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 336 и др.

[30] В. Бешевлиев. Гръцки и латински извори за вярата на прабългарските. — Известия Народния етнографски музей в София, 1929, год. VIII—IX, стр. 177, 178, 180.

[31] Ст. Станчев. Мадарският конник. София, 1956.

из катакомбных могил датируется очень четко — серединой IX в.

В начале IX в. хазарские властители и вельможи приняли иудаизм. Новая религия обрушилась прежде всего не на онгонов и шаманов, а на выросший в каганате до принятия иудаизма централизованный феодальный культ бога неба. Как епископ Исраил, насаждая христианство, уничтожал у савиров капища и амулеты, так и иудейская правящая верхушка, видимо, запрещала изготовление «солярных» амулетов, жертвоприношения в пользу Тенгри-хана. К середине IX в. даже в отдаленных окраинах каганата эти амулеты исчезли из употребления.

Безусловно, культ бога неба не был искоренен из сознания народа. У кавказских христиан даже в XIX в. сохранились совершенно языческие аграрные молитвы: «Бог небесных сил, пожалей нас и пошли нам милость твою; дай плодородие земли, чтобы мы с женами и детьми нашими не знали бы ни голода, ни холода, ни горя...»[32] И, конечно, народы Хазарского каганата в IX в. продолжали поклоняться богу неба. Изменились, вероятно, только формы выражения этого культа. По-прежнему процветал в каганате и культ онгонов, т. е. «рядовых» тенгри. Но теперь он противопоставлялся официальной религии.

Таким образом, исследование амулетов позволило нам проследить две стадии в истории языческой религии в каганате — до и после принятия иудаизма. Попытка создать собственную религиозную систему, видимо, была вызвана уровнем общественного развития, которого достигли народы каганата к середине VIII в.

Подобные меры к «упорядочению» местных племенных культов предпринимались феодалами и в других странах. Например, в Дунайской Болгарии хан Омуртаг всячески поддерживал культ обожествленного предка-вождя, а на Руси князь Владимир Святославич утверждал культ Перуна[33]. Позднее оба культа были уничтожены христианскими церковниками.

Созданный в Хазарском каганате культ бога неба не был нововведением в религиозные представления кочевников-шаманистов. Он объединил и глубокую веру народных масс в духов-онгонов, и шаманские камлания, но слегка изменил «расстановку сил» в пантеоне. Если раньше (например, у хунну) онгоны солнца и луны были равны, то теперь онгон неба превратился как бы в сюзерена всех онгонов, в героя и всадника — Тенгри-хана.

---

[32] С. А. Токарев. Ранние формы религии..., стр. 391.

[33] Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 60, 61.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Около четырех тысячелетий евразийские степи служили базой кочевого скотоводческого хозяйства. Подвижные кочевники-всадники стали постоянной и страшной угрозой для всех окружавших их племен, народов и государств. Нехватка пастбищ и богатства земледельцев побуждали кочевников вести с соседями грабительские опустошительные войны. Многие государства Азии и Европы подвергались набегам кочевых племен с первых веков появления кочевников на исторической арене до середины II тысячелетия н. э.

В среде земледельческих народов с глубокой древности возникали странные, наивные легенды о безжалостных и диких человеко-конях — кентаврах и были созданы художественные образы этих фантастических существ. Одно из самых ранних изображений кентавра известно на вавилонском рельефе XIII в. до н. э., где конь представлен в виде крылатого зверя с лапами вместо передних ног, что вообще характерно для архаического изображения лошадей [1]. К концу античного периода легенды о жестоких кентаврах стали постепенно забываться. Вместо диких, пристрастных к вину полулюдях-полуживотных героем сказаний стал мудрый кентавр (например, Хирон). Возможно, древние греки, поселившись в Северном Причерноморье в непосредственной близости к кочевникам-скифам, познакомились с их обычаями, и скифы перестали казаться им загадочными. Впрочем, изменились и сами кочевники: к середине I тысячелетия до н. э. они уже давно освоили степные пространства и даже заселили города. Часть из них занялась земледелием, а жители крупных поселений — ремеслами.

Новая волна ужаса перед кочевниками хлынула в Европу вместе с гуннскими полчищами [2]. Вновь возродился миф о зверях-кентаврах, двуязычных и двусердечных жестоких всадниках. По словам Йордана, гунны побеждали врагов «не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом» [3].

Однако, захватив степные земли, многочисленные гуннские племена подверглись той же трансформации, что и кочевники скифского периода. Они начали оседать на землю, а это повлекло за собой неизбежные изменения и в экономике, и в общественных отношениях.

* * *

Кочевое хозяйство в степях может принимать различные формы [4]:

1. Все население кочует круглый год, не имея постоянных жилищ и не задерживаясь подолгу на одном месте (таборное кочевание).

2. Все население кочует с весны до осени, а зимой возвращается на постоянные зимовища.

3. Одна часть населения кочует, другая — живет оседло и занимается земледелием.

Мне кажется, что три основные формы кочевания можно рассматривать как исторические ступени развития кочевнической экономики.

Действительно, первая форма — таборное кочевание — встречалась в среде кочевников, известных этнографической науке, очень редко. По-видимому, оно было распространено на той стадии исторического развития кочевников,

[1] T. Sulimirski. Les archers à cheval, cavalerie légère des anciens. — Revue Internationale d'histoire militaire, t. III, 1952, № 12, табл. I, *1*.

[2] L. Kadar. L'influence des peuples cavaliers nomades sur la formations des représentations médiévales de centaures. — Acta archaeologica, t. II, fasc. 4. Budapest, 1952.

[3] Йордан. Гетика. М., 1960, стр. 91.

[4] С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Географическое общество СССР. Доклады отделения этнографии, вып. 1. Л., 1961, стр. 3, 4.

когда та или иная их группа вступала на путь завоевания и освоения новых земель. Именно в такие периоды они казались современникам дикими необузданными кентаврами — людьми, не расстающимися с лошадьми. От этого периода их жизни почти не сохраняется археологических памятников — только разбросанные по степи отдельные курганы (реже курганные группы), могилы и клады. В эпоху средневековья на территории Восточной Европы эту стадию развития попеременно прошли различные гуннские племена IV—VII вв., авары, венгры, печенеги IX—X вв., торки-гузы X в., половцы XI в. и татаро-монголы середины XIII в. Одни из них (авары, венгры, торки) просто пересекли южнорусские степи; история остальных складывалась здесь, и мы можем проследить ее не только по письменным, но и по археологическим источникам. Возможность обнаружить остатки материальной культуры этих кочевых народов зависит от того, какая форма кочевания у них преобладала.

Если они оседали только на зиму, покидая зимовища на весь кочевой сезон (вторая форма), то до нас доходят в лучшем случае обломки черепков и костей на распахиваемых берегах рек да могильники, располагавшиеся у родовых зимовищ.

Если же довольно значительная часть населения жила оседло, занимаясь земледелием, а кочевали лишь немногие (богатые) семьи (третья форма), то сохраняются следы их поселений и кочевий, развалины зáмков и городов, могильники.

Средневековые кочевники Юго-Восточной Европы находились на разных стадиях экономического развития. Печенеги во времена господства в южнорусских степях не знали третьей формы кочевания; у половцев она, вероятно, появилась только в XIII в. и распространилась в некоторых областях после татаро-монгольского нашествия[5]. Но история народов, создавших салтово-маяцкую культуру, дает возможность наилучшим образом проследить трехступенчатое развитие кочевнического хозяйства — от таборного кочевания к полуоседлости и земледелию.

От времени, когда народы Подонья и Приазовья кочевали таборным способом, сохранилось очень незначительное количество памятников: клады и случайные погребения, датирующиеся в основном VI—VII вв.

С VIII в. начался переход ко второму способу кочевания. Появились постоянные зимовища, более или менее постоянные маршруты перекочевок со стоянками, возобновлявшимися из года в год. Мы находим на берегах рек и Азовского моря остатки становищ без культурного слоя и с расплывчатыми границами — по-видимому, зимних, летних, осенних и весенних кочевий.

Уже этот способ кочевания в какой-то степени предусматривал занятие земледелием. Однако земледелие не вело еще к планомерной распашке удобных земель вокруг прибрежных поселений. Оно ограничивалось, вероятно, так называемыми кочующими полями, какие попадаются в Монголии. Монгол-кочевник сеет каждый год на новом месте — у зимовки или у весенней стоянки, — а осенью подкочевывает к полю для уборки урожая[6].

Общая архаичность экономики и социального строя кочевников, о которой так часто упоминается в литературе, особенно выражается в постоянном переплетении древнего и нового, отсталого и прогрессивного. Три формы ведения кочевого хозяйства, установленные по этнографическим материалам, сосуществовали и в VIII—IX вв. Главным образом это относится к двум последним формам, поскольку третья является логическим завершением и следствием второй. Не только часть самих кочевников оседает на землю, но прикрепляются к одному месту и «кочующие поля».

Обширные земледельческие поселения на нижнем Дону, в Восточном Крыму и Верхнем Подонье, зáмки и города, большие могильники около них свидетельствуют об устойчивой оседлости обитавшего на этих землях населения. Часть придонского населения кочевала, но на зиму возвращалась в обжитые, значительно более благоустроенные, чем зимовища, земледельческие поселки с утепленными домами (полуземлянками или глинобитными мазанками). Все же, судя по синхронности большинства кочевий и постоянных поселений Подонья, мы вполне можем предполагать, что кое-где в степных районах существовала еще и вторая форма кочевания — с зимовищами, забрасываемыми на семь-восемь месяцев в году. Культурный слой на этих памятниках почти не откладывался, и их удается обнаружить только по редким обломкам керамики на распаханной поверхности.

Естественно, что новый способ ведения хозяйства вызвал изменения в культуре и общественных отношениях.

В период таборного кочевания, когда кочевники захватывают и осваивают чужие земли,

[5] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, № 62, 1958, главы II—V.

[6] А. Рона-Таш. По следам кочевников. М., 1964, стр. 199, 200.

они не создают своей оригинальной культуры. Как правило, они впитывают культуру разоренных племен и народов и подвергаются влиянию более цивилизованных стран, с которыми постоянно воюют, торгуют или вступают в дипломатические отношения.

Впоследствии элементы этих культур и влияний ложатся в основу складывающейся у них культуры.

Правда, отдельные черты, отличающие одну группу кочевников от другой, можно проследить археологически. Так, например, гунны в IV в. принесли на запад евразийских степей тяжелые луки, а авары в VII в. — сабли и стремена. Следует особенно подчеркнуть, что на этой стадии экономического развития и у гуннов, и у аваров технический прогресс затрагивал в основном оружие, как главное «орудие труда». Кроме того, они лишь распространили на запад оружие, изобретенное или в государстве Хунну еще в начале I тысячелетия н. э. (луки), или в Тюркском каганате, у алтайских «плавильщиков» в V—VI вв. (стремена) [7]. Но хунну и алтайские ту-гю находились уже на той ступени развития, когда земледелие и ремесла играли не меньшую роль, чем кочевое скотоводство.

Таборному кочеванию и разбойничьим набегам на соседей соответствовали и общественные отношения. Войны, ставшие «постоянным промыслом» [8], являются наиболее характерным признаком последней стадии развития военной демократии. Именно в этот период усиливается и становится наследственной власть верховного военачальника, а органы родового строя «превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения» [9]. Вот почему многие кочевые союзы племен, ведшие большие завоевательные войны, известны в источниках под названием империй и каганатов. Средневековые авторы — жители цивилизованных государств — рассматривали своих могущественных кочевых соседей сквозь призму представлений о государственном устройстве своих стран.

На деле «империя» Аттилы не была государством. Союз племен, возглавленный Аттилой, распался сразу же после его смерти. Таборное кочевание было слишком шаткой экономической базой для возникновения самостоятельного государства. Не была государством и «Великая Болгария» — крупнейший (после гуннского) причерноморский союз племен, сколоченный в VI в. ханом Кубратом.

Иной путь прошли такие страны, как Дунайская и Волжская Болгарии и Хазарский каганат. Судьбы всех трех государств в первые века их существования тесно переплетаются друг с другом. Первоначальным толчком к их образованию послужил новый крупный кочевой союз племен — Хазарский, появившийся на крайнем юго-востоке восточноевропейских степей в VI в. История его выделения из Тюркского каганата подробно раскрыта М. И. Артамоновым, убедительно истолковавшим немногочисленные письменные свидетельства об этом событии [10].

С самого начала этот союз именовался каганатом, а его глава — каганом. Он объединял несколько крупных племен и был достаточно сильным для того, чтобы вести постоянные войны с южными соседями — Албанией и Арменией — и отстаивать свою самостоятельность от дряхлеющего Тюркского каганата.

Никаких археологических следов от этого периода существования Хазарского каганата до нас не дошло. Таборное кочевание как основа хозяйства всех племен, входивших в союз, требовало новых земель и вело к неизбежному продвижению в степи Приазовья и Нижнего Подонья, по которым кочевали болгарские племена. «Великая Болгария» сильно ослабела после смерти Кубрата и распалась к середине VII в. на несколько, видимо, разобщенных орд. Война с ними не представляла для крепкого Хазарского союза особой трудности, хотя, по словам хазарского кагана Иосифа, болгар было великое множество — «как песка в море». В результате этой войны часть болгарских орд вынуждена была искать новых кочевий. Орда, возглавляемая ханом Аспарухом, ушла на запад — в Подунавье; другая орда направилась к северу и остановилась на средней Волге; остальные, верховным правителем которых был хан Батбай, расселились по всей степной полосе Причерноморья и Подонья и вошли в Хазарский союз. Эта война, по-видимому, укрепила Хазарский союз, пополнила его население и расширила его владения на тысячи километров.

Основная масса племен Хазарского союза не оставила еще таборного кочевания, о чем свидетельствует отсутствие на их территории памятников VII—начала VIII в. Только на крайнем юге, на границе с древнейшими закавказскими земледельческими государствами,

---

[7] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 277.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 165.

[10] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 142—156, 170—180.

кочевники, вероятно уже в конце VII в., стали оседать на землю и заниматься земледелием. Во всяком случае в первой половине VIII в. там были уже сравнительно большие города, на которые и обрушились в первую очередь войска арабских полководцев Масламы и Мервана. Особенно значительным был поход Мервана в 737 г., когда он со своей армией не только прошел по Восточному Предкавказью и взял города хазар Семендер и Варачан, но дошел даже до нижней Волги — до северных границ собственно хазарской территории [11].

Походы арабов сыграли решающую, может быть, роль в истории Хазарского каганата. Война принесла его населению многочисленные бедствия — тысячи семей были разорены. Резко выявилось экономическое неравенство между отдельными родами и семьями. До этого любой кочевник, участвуя в победоносных походах на соседние страны, был в состоянии поправить свое пошатнувшееся кочевое хозяйство. После войны множество разоренных кочевников, потерявших и скот, и пастбища, вынуждены были перейти к другому способу производства — к земледелию.

Так население Хазарского каганата перешло сначала ко второму способу кочевания, а затем в подавляющем большинстве — к третьему, т. е. по существу к ведению полуоседлого хозяйства.

Таким образом, как и во всяком другом кочевом обществе, причиной оседания на землю явилось прежде всего обнищание части кочевников. Шел процесс сложения двух противоположных классов. К экономической зависимости обедневших кочевников от кагана, его дружинников, многих племенных вождей и родовой аристократии по мере прикрепления бедняков к возделанным клочкам земли добавлялось внеэкономическое принуждение. Пастбища — бывшую собственность родов — захватили богачи-аристократы, и земля только номинально продолжала считаться принадлежащей всему роду (это — одна из типичнейших архаических черт кочевого общества, хорошо известная по этнографическим исследованиям). К X в. частная собственность на землю стала уже традицией, и каган Иосиф имел полное право написать: «Семейства в моем государстве обладают наследственными имениями, переходившими к ним от их предков» [12].

Родовая аристократия превращалась в феодальную, а каган — в верховного сюзерена феодалов. Каган, главы крупных племен, родов и даже богатых семей составили феодальную иерархическую лестницу. Любопытно, что арабские писатели вплоть до X в. считали родовое право основным действующим законом Хазарского каганата [13]. Феодалы-кочевники, очевидно, в VIII в., как и позднее — в XIX в., стремились поддерживать видимость патриархального родового строя. Так, например, даже разбойничьим набегам друг на друга (баранте), разобщавшим население и выгодным феодалам, придавали форму родовой вражды, хотя они и совершались по решению суда биев [14].

Необычная форма двоевластия, давно привлекшая внимание исследователей [15], также являлась, видимо, отражением тех времен, когда каганат был племенным союзом. Известно, что главой каганата считался верховный владыка — каган. Его избирали, как правило, из числа членов древнего правящего хазарского рода. Самые выборы и весь ритуал жизни кагана были обставлены различными церемониями, аналогии которым можно найти только у народов, живущих родо-племенным строем.

Один из таких обычаев описывает ал-Истахри: «Когда они желают поставить кого-нибудь этим хаканом, то приводят его и начинают душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: „Как долго желаешь царствовать?“ Он отвечает: „Столько-то и столько-то лет“» [16].

Обряд этот несомненно связан с верой в божественную силу вождя (в данном случае кагана), игравшей важную роль в ранних формах религии у многих народов мира [17]. Считалось, что, старея, вождь терял эту силу, поэтому его убивали и заменяли молодым. Так же расправлялись со своим каганом и хазары: при любом несчастье, обрушивающемся на страну (засухе, разорении, неудаче в войне и др.), «чернь и знать спешат к царю и заявляют ему: „Мы приписываем свое несчастье этому хакану, и его существование нам

---

[11] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 218—220.

[12] Ответ хазарского царя Иосифа испанскому еврею рабби Хасдай. — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, № 5, 1847, отд. III, стр. 8.

[13] Масуди (СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 45).

[14] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 50.

[15] В. В. Григорьев. О двойственности верховной власти у хазаров. — Ж. Россия и Азия, 1876.

[16] Ал-Истахри (СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901, стр. 51).

[17] Д. Фрезер. Золотая ветвь. Л., 1928.

приносит несчастье. Убей его или же отдай его нам — мы его убьем"» [18].

Вера в божественную силу кагана и страх потерять эту силу приводили к тому, что почти все действия кагана и всё вокруг него было табуировано, жизнь кагана превращалась в цепь запретов: никто не мог даже смотреть на него, а приближаться к нему разрешалось только избранным вельможам, и то после очищения огнем [19].

Естественно, что табуированный каган почти не имел возможности править своей страной. Власть, очевидно, была узурпирована «царем», к которому обращались подданные с просьбой выдать кагана для ритуального убийства.

Таким образом, не только власть, но и жизнь кагана была непосредственно в руках «царя», правившего огромным государством от имени кагана.

Небезынтересно вспомнить, что каган мог происходить только из одной, хазарской фамилии. По-видимому, это был древний род, возглавлявший в свое время Хазарский племенной союз. Позднее, когда союз разросся и в него влились неисчислимые болгарские роды, хазары остались в явном меньшинстве, и их вождь начал терять былое могущество. Переворот, вероятно, произошел мирным путем: каган по-прежнему обладал всеми атрибутами безграничной власти, однако реальная власть перешла к представителю более сильных племен, входивших в союз [20]. Возможно, что «царем» стал один из болгарских ханов. «Царь» (иша, шад), по словам ибн Русте, «не дает отчета никому, кто бы стоял выше его». Он «сам распоряжается получаемыми податями и в походы свои ходит со своими войсками». «Царь» возлагает на зажиточных и богатых обязанность поставлять всадников, «сколько могут они по количеству имущества своего». Конное царское войско состоит из 10 000 всадников, как обязанных постоянной службой или находящихся на жаловании у царя, так и выставляемых людьми богатыми в виде повинности [21].

Таким образом, «царь» был настоящим феодальным сюзереном, имеющим вассалов, обязанных ему службой, как и в любой другой феодальной стране. Войско его составлял уже не «вооруженный народ», а регулярная наемная армия, соединенная с феодальным ополчением.

Наконец, «царь» собирал подати, и, следовательно, была создана административная система для их сбора. Известно, в частности, что в южных приморских торговых городах сидели хазарские управители — тудуны [22].

Третья форма кочевания привела к завершению феодализации, к образованию феодального государства — Хазарского каганата.

Однако кочевнический (в данном случае хазарский) феодализм, как правило, пронизан архаикой. Особенно подчеркивало эту архаику «двоевластие» в лице двух правителей: племенного вождя — кагана — и феодального «царя» — бека (шада), причем последний совершенно отстранил вождя от власти, оставив на его долю лишь «честь» подвергаться обременительным и малоприятным обрядам.

Итак, арабо-хазарская война ускорила процесс классообразования и послужила толчком к феодализации общества.

Следствием войны было еще одно важное событие, непосредственно сказавшееся на сложении салтово-маяцкой культуры.

Дело в том, что арабы, обрушившиеся на Северный Кавказ в 30-х годах VIII в., привели в движение массы местного населения. Хотя мы не знаем подробностей похода Мервана на Аланию в 735 г., но, очевидно, взятие трех аланских крепостей не прошло для аланов безболезненно [23]. Известно, например, что в нескольких аланских могильниках, расположенных в средней части Северного Предкавказья, захоронения перестали совершать именно в VIII в. (см. рис. 23, *3*). Вероятно, исчезновение населения из окрестностей этих могильников можно связать с походом 735 г.

Встает вопрос, куда же исчезло население сравнительно большого северокавказского района? Уничтожить его полностью арабы не могли. Возможно, что люди просто ушли из разоренных поселков в другие земли. О том, куда они направились, свидетельствуют археологические материалы: именно в VIII в. в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона впервые появились памятники аланского варианта салтово-маяцкой культуры. Напрашивается вывод, что именно сюда пришло аланское население из разоренных арабами районов Северного Кавказа.

Пройти через донские степи аланы могли лишь при условии дружественных отношений

---

[18] Масуди, стр. 46.
[19] Ал-Истахри, стр. 51.
[20] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 411.
[21] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 16—18.
[22] Тудун некоторое время сидел даже в Херсоне (Херсонесе) (см.: М. И. Артамонов. История хазар, стр. 148).
[23] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 218.

с кочевавшим там населением, которое состояло из болгар и, вероятно, части сарматов-аланов, оставшихся в степях после гуннского нашествия. За три с лишним века степные аланы так перемешались с тюркскими болгарскими племенами, что перестали отличаться от них. Во всяком случае в степях не сохранилось характерных аланских памятников V—VII вв.

Вполне вероятно, что в VIII в. эти аланы-кочевники присоединились к северокавказским переселенцам и вместе с ними отошли в лесостепные районы Подонья.

Как мы видели, они не потеряли прежних связей с болгарами и хазарами и, войдя в состав Хазарского каганата, сохранили, возможно, некоторую политическую самостоятельность. Хазарское правительство не разрушало белокаменных за́мков, построенных аланскими феодалами по верховьям всех трех рек (Дона, Оскола и Северского Донца), как, например, разрушило Правобережный за́мок, воздвигнутый на пересечении торговых путей каким-то предприимчивым болгарским ханом[24]. Однако в сердце аланских земель (у Салтова) была построена каганская крепость — Каганово городище, в которой, вероятно, жил тудун «царя» со своей тюркской, чуждой окружающему населению дружиной.

Почти до конца VIII в. на огромной степной территории, занятой кочевыми народами, входившими в Хазарский союз, не было культуры, которая улавливалась бы археологически.

Зато многие памятники конца VIII—начала X в. поражают богатством и разнообразием. От таборного кочевания население повсеместно перешло ко второй и третьей формам кочевания. Относительная или полная оседлость в сочетании с более или менее спокойной внешнеполитической обстановкой и крепкой центральной государственной властью привела к расцвету и экономической, и культурной жизни: появились разнообразные ремесла, развились прикладное искусство и архитектура, возникла письменность.

Вопрос о письменности народов Хазарского каганата еще недостаточно разработан лингвистами. Причина заключается прежде всего в том, что материал, предоставленный археологами, очень невелик. Буквы тюркского алфавита и целые надписи обнаружены на камнях Маяцкого городища, на фляжках из Новочеркасска и т. д.[25] Они свидетельствуют, видимо, что официально принятые в Хазарском каганате язык и письменность и у аланов, и у болгар были тюркскими.

В основу салтово-маяцкой культуры, несомненно, легла сармато-аланская культура. При этом наибольшую роль сыграла культура северокавказских аланов, которые пришли в Подонье в VIII в. Они принесли с собой уже сложившийся земледельческо-скотоводческий уклад жизни и некоторые ремесла. Обстановка VIII в. была такова, что оседающие на землю кочевники Подонья и Приазовья вступали в непосредственный контакт с северокавказскими аланами, как пришедшими в Подонье, так и оставшимися на месте. Они быстро заимствовали и осваивали культуру народа, близкого им и этнически, и экономически, и социально. У тюркоязычных кочующих болгар и хазар были свои культурные навыки и традиции. Высокая культура родственного им Тюркского каганата, несомненно, оказала на них очень сильное влияние. Наконец, мощные культурные влияния проникали в южнорусские степи из закавказских государств (особенно из Албании) и из Византии. Соединенные в одном кочевническом котле все эти культурные традиции и влияния послужили толчком к сложению салтово-маяцкой культуры.

Однако мы знаем, что границы этой культуры значительно превосходят государственные границы Хазарского каганата. Помимо очерченной выше громадной территории, на которой попадаются салтово-маяцкие памятники (Подонье, Приазовье, Дагестан, Крым, Приднепровье, Северо-Восточная Болгария, Среднее Поволжье и др.), и северокавказская Алания стала в VIII—IX вв. районом салтово-маяцкой культуры в одном из ее многочисленных вариантов.

Итак, области распространения салтово-маяцкой культуры входили в пределы различ-

---

[24] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 323.

[25] А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА, XIX, 1954; М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — Там же.

А. М. Щербак некоторое время, не учтя археологических и исторических данных (стратиграфии находок, уровня развития печенегов и др.), придерживался ошибочного мнения, что тюркские письмена, обнаруженные на памятниках VIII—IX вв. в Восточной Европе, оставлены печенегами (см.: А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. К вопросу о языке и письменности печенегов. — МИА, № 75, 1959, стр. 362). Однако в настоящее время он изменил точку зрения на эти памятники и считает их болгаро-хазарскими, написанными на болгаро-печенежском тюркском наречии.

ных средневековых суверенных государств. Памятники современной Северо-Восточной Болгарии размещались на территории Дунайской Болгарии — одной из крупнейших европейских держав того времени. Средневолжские памятники располагались на землях Волжской Болгарии, которая хотя и платила дань хазарам, но никогда не была от них полностью зависимой.

Сохранила суверенность и Алания, через которую Византия не раз пыталась проводить свою политику на юго-востоке Европы.

Судя по Вознесенскому городищу и могильнику у с. Новогригорьевка, отдельные дружины и орды юго-восточных кочевников оседали и на берегах Днепра.

Что же представляли собой остальные области распространения салтово-маяцкой культуры — верхне- и нижнедонские, приазовские, крымские и дагестанские земли? Принадлежали ли они самостоятельным политическим объединениям или входили в состав единственного известного тогда в Юго-Восточной Европе государственного образования — Хазарского каганата?

Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры не вызывает сомнений: территориально он, по-видимому, совпадал с расселением собственно хазарских племен.

Восточный Крым, Приазовье и степное Нижнее Подонье были заняты неисчислимыми, «как песок в море», болгарскими ордами. В VII в., как писал каган Иосиф, хазары воевали с ними, победили их и заняли их земли. Каган, конечно, преувеличил: болгары вплоть до X в. оставались на этой территории, хотя хазары и поставили кое-где на поселениях и в городах своих тудунов. В Крыму тудун сидел в Херсоне, в Приазовье — в Фанагории (бывшей столице «Великой Болгарии»). В Подонье в IX в. была построена крепость Саркел для наблюдения над всей степью. Население Саркела состояло из болгар, а каганский гарнизон — из нанятых кочевников (печенегов и гузов), враждебных болгарам.

Что касается лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры Подонья, то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитой и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто в источниках под каким-то другим общим названием. Археологические материалы (Кагаиово городище, Ново-Покровский могильник, антропологическое смешение аланов с болгарами, тюркские надписи на стенах аланского Маяцкого замка и др.) позволяют думать, что аланы верхнего Дона слились с основным населением Хазарского каганата — болгарами — и вошли в состав этого государства.

Таким образом, мы с полным основанием можем считать, что пять вариантов салтово-маяцкой культуры, распространенных в Юго-Восточной Европе, были объединены Хазарским каганатом (рис. 50).

Вопрос о размерах Хазарского каганата неоднократно дискутировался в исторической литературе. Б. А. Рыбаков и М. И. Артамонов[26], пользуясь отрывочными сообщениями нескольких арабских авторов, краткой и пространной редакциями письма кагана Иосифа, очень убедительно намечают границы Хазарии — земли, занятой собственно хазарами и бывшей, по-видимому, доменом хазарского кагана (рис. 50)[27].

При определении пределов всего Хазарского каганата мнения обоих ученых расходятся. Б. А. Рыбаков полагает, что салтово-маяцкие памятники нельзя считать «хазарскими». Он отрицает возможность сопоставления границ их ареала с границами каганата.

По источникам более позднего времени, чем эпоха расцвета каганата (сообщениям авторов X—XII вв.), он определяет, что границы Хазарии в X в. совпадали с границами домена. Но X век не показателен. Хазария тогда доживала последние дни, болгары и аланы были уже разгромлены печенегами и частично уничтожены, экономическая база каганата рухнула, недавние кочевники, влившись в новый кочевой союз — печенежский, вновь вернулись к таборному кочеванию, к завоеваниям и грабежам.

М. И. Артамонов, очерчивая границы каганата в эпоху его наибольшего подъема (VIII—IX вв.), правомерно использует археологические материалы в сочетании с краткими письменными свидетельствами. Он приходит к выводу, с которым я совершенно согласна, что территория Хазарского каганата в общем совпадает с областью распространения в Восточной Европе пяти перечисленных выше вариантов салтово-маяцкой культуры[28].

---

[26] Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии). — Сб. Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; Он же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. — СА, XVIII, 1953; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 385—400.

[27] А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. — СА, X, 1948, стр. 260; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 394.

[28] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 424.

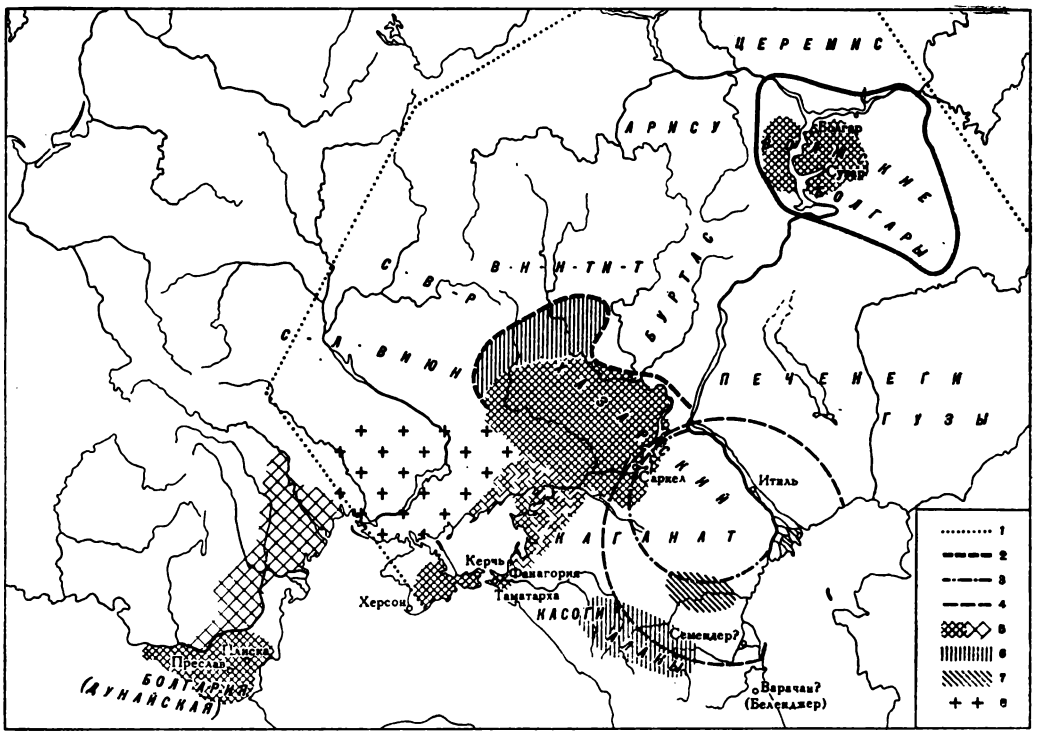

Рис. 50. Варианты территорий салтово-маяцкой культуры, Хазарского каганата, государств с аналогичной культурой и народов, окружавших каганат в VIII—IX вв. (по письму кагана Иосифа)

1 — граница Хазарского каганата по С. П. Толстову; *2* — граница домена хазарского кагана по М. И. Артамонову; *3* — границы Хазарии по Б. А. Рыбакову; *4* — северо-западная, северная и северо-восточная границы каганата по М. И. Артамонову и С. А. Плетневой; *5* — болгарские варианты салтово-маяцкой культуры; *6* — аланские варианты салтово-маяцкой культуры; *7* — хазарский вариант салтово-маяцкой культуры; *8* — степной, неизученный вариант салтово-маяцкой культуры

Следует отметить, что размещение памятников салтово-маяцкой культуры опровергает фантастические выводы С. П. Толстова о границах каганата[29]. Концепция С. П. Толстова уже не раз подвергалась критике[30]. Исходя из пространной редакции письма кагана Иосифа, С. П. Толстов включил в пределы Хазарского каганата земли народов, которые на самом деле никогда в него не входили. Сам Иосиф говорит о них очень неопределенно. Он просто перечисляет народы, жившие на север от каганата: буртас, бул-г-р, Сувар, арису, черемис, в-н-н-ти-т, с-в-р, с-л-виюн. Благодаря другим источникам, в частности русской летописи[31] и сообщениям ибн Фадлана[32], мы можем утверждать, что большинство перечисленных народов — болгары (а значит, и сувары), буртасы, вятичи, северяне, поляне — только платили некоторое время Хазарскому каганату дань, от которой им удалось освободиться уже в конце IX—начале X в.

Интересно, что каган упоминает в этом списке народы и племена, жившие на север и северо-восток не от его сравнительно небольшого домена, а, очевидно, от всего Хазарского каганата в границах VIII—IX вв., поскольку иначе он должен был бы включить в этот список и народ в-н-н-т-р (болгар-степняков), и аланов, обитавших в лесостепном Подонье. Однако о в-н-н-т-р-ах он вспоминает

[29] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 228—273, карта 3.

[30] Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата...; Он же. Русь и Хазария...; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 283—287.

[31] Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 16, 20, 21.

[32] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 29, 140, 141, 148.

в другом отрывке, где пишет о народе, земли которого заняли хазары.

Итак, владения Хазарского каганата на северо-западе и севере вплотную подходили к землям славянских племен — вятичей, северян, полян, на которых хазары и наложили дань в VIII в. Границы каганата были довольно сильно укреплены. Сидевшие в белокаменных за́мках феодалы оберегали их от вторжений славян на территорию каганата. Они собирали с ближайших славянских поселков дань, а с окрестного алано-болгарского населения — подати.

Археологические материалы позволили определить, что три из пяти вариантов салтово-маяцкой культуры, входивших в Хазарский каганат, оставлены болгарскими племенами. Следовательно, болгары были основным населением каганата. В самом деле, если мы посмотрим на карту, то явное территориальное превосходство болгар бросается в глаза. Хазарский и аланский варианты, вместе взятые, занимали площадь, в два раза меньшую, чем болгары, широко раскинувшие в степях свои поселения и кочевья, заселившие приморские города и почти половину Крымского полуострова.

Видимо, именно болгары, смешанные с некоторым количеством аланов, и были основными создателями салтово-маяцкой культуры. Характерно, что памятники этой культуры попадаются именно там, где письменные или антропологические материалы фиксируют пребывание болгар. Так, помимо Хазарского каганата, они известны в Дунайской и Волжской Болгариях и датируются там тем же временем (VIII—IX вв.), что и памятники крымско-приазовско-донских степей.

Одновременное появление их в Волжской Болгарии и Хазарском каганате объясняется, по-видимому, тем, что часть болгар переселилась в Среднее Поволжье на 100 лет позднее ухода орды Аспаруха, после арабских войн. Возможно, что передвижение связано с перемещением аланов в лесостепное Подонье. Кочевавшие там болгары отошли севернее — за муромские леса — и явились в Волго-Камье, неся с собой культуру, которая расцвела в Подонье в VIII в. Кроме того, и в последующие десятилетия связи болгар Хазарского каганата и Волжской Болгарии, несомненно, были очень тесными и постоянными, тем более, что хазарские дружины нередко, вероятно, приходили на среднюю Волгу за данью, заложниками, женами, которых обязаны были, согласно сообщению ибн Фадлана, поставлять им болгарские цари.

Гораздо труднее объяснить происхождение салтово-маяцкой культуры в Дунайской Болгарии, поскольку дата откочевки Аспаруховой орды на Дунай точно указана в письменных источниках — 675 г. Видимо, болгары-переселенцы отнюдь не порывали с оставшимися на востоке соплеменниками. Кроме того, одинаковые внешние воздействия (влияние Византии и славян), экономические процессы (переход к третьей форме кочевания, т. е. оседание на землю), социальные явления (образование мощного государства) способствовали сложению одинаковой культуры.

Болгарские варианты салтово-маяцкой культуры совпадают друг с другом почти во всех деталях.

Различия между ними связаны прежде всего со степенью византийского влияния. Ему в особенности были подвержены дунайский и крымский варианты, имеющие наибольшее сходство между собой. Приазовский вариант весьма близок к ним, однако болгары Приазовья более других были склонны к кочеванию. К оседлости они перешли только в окрестностях крупных поселков-городов (Таматархи, Фанагории), а на остальной территории вели, судя по сохранившимся памятникам-кочевьям, кочевой образ жизни (вторая форма кочевания). На донском болгарском варианте влияние Византии сказывалось гораздо слабее, и он значительно ближе других к аланскому донскому варианту. Его можно считать как бы промежуточным звеном между болгарскими и аланскими вариантами культуры.

Конечно, важную роль играла этническая среда, в которую попадали болгары при перекочевках. Дунайские болгары постепенно растворились в славянской среде, волжские — в финно-угорской, крымские смешались с местным готско-греческим населением, приазовские — с косожским, донские — с аланским.

Вряд ли мы можем соотносить болгарские варианты салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. с группировками болгар V—VI вв. (кутригурами, оногурами, утигурами), как это пытается сделать В. Ф. Генинг[33]. Передвижения племен в VII—VIII вв. разрушили прежние союзы и перетасовали болгар по-новому. Они вошли в новые, государственные объединения, не совпадающие с прежними племенными союзами ни территориально, ни экономически, ни социально. Это были Болгарское царство на Дунае, Болгарское царство на Волге и Хазарский каганат.

---

[33] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 118—131.

Таким образом, культура Хазарского каганата, представляющая собой культуру болгарских или, вернее, болгаро-аланских племен, создана этнически родственными племенами и является, следовательно, этнической. Тем не менее объединение различных групп этих народов в различные государства привело к тому, что внутри каждого из них складывалась общая государственная культура. На примере Дунайского и Волжского болгарских государств этот процесс прослеживается очень хорошо. Уже в X в. в каждом из них была высокая своеобразная культура, сложившаяся на базе салтово-маяцкой. Что же касается Хазарского каганата, то там процесс сложения государственной, «хазарской» культуры был прерван печенежским нашествием и походами Святослава, ударившими по центрам каганата — Итилю, Саркелу, Таматархе. Зато именно на примере Хазарского каганата мы можем проследить, как начинала складываться культура средневекового феодального государства кочевников.

Первым условием этого процесса был переход кочевников ко второй и третьей формам кочевания, т. е. по существу к полуоседлости и земледелию. Переход к полуоседлости был связан с внутренними и внешними событиями, стимулировавшими этот процесс. В данном случае особую роль сыграли арабские войны, передвижения значительной части населения на новые земли, активизация взаимодействий с земледельческими соседями, обеднение кочевников, разоренных войной, феодализация общества и установление крепкой центральной власти «царя» — высшего феодального сюзерена.

Второе условие носит чисто экономический характер — это развитие ремесел (в первую очередь — гончарного) и расширение внутренних торговых связей, прослеженное выше на примере распределения амфор на территории трех вариантов салтово-маяцкой культуры. Амфоры широким потоком шли из Византии, приморских и нижнедонских городов и поселений, проникая даже в отдаленные уголки каганата — к его северным и северо-восточным границам.

Третье условие заключается в сложении на всей территории государства одного языка (в каганате — тюркского) и появлении письменности, проникшей, видимо, широко и в народные массы.

Наконец, четвертое условие состоит в принятии единой государственной религии, соответствующей новым общественным отношениям. В Дунайской Болгарии это было христианство, в Волжской — мусульманство, в Хазарском каганате — иудаизм.

Правда, новая религия Хазарского каганата не проникла в народ так глубоко, как христианство и мусульманство в родственных каганату державах. Видимо, у новой государственной хазарской религии не хватило времени одержать полную победу над языческими представлениями, укоренившимися в сознании народных масс. Иудаизм продержался в каганате всего около 200 лет и рухнул вместе с ним, сохранившись в одном из вариантов только среди некоторых хазаро-болгарских обитателей Крыма [34].

Такая же судьба постигла и культуру Хазарского государства. Некоторые достижения ее, правда, были усвоены печенегами (например, они заимствовали сабли и котлы), но в целом культура народов каганата была сметена и уничтожена новыми кочевыми ордами, хлынувшими в Европу.

Степи снова наполнились дикими и беспощадными кентаврами-кочевниками, о которых с ужасом говорили даже в далекой Франции [35].

* * *

Мы проследили путь кочевников «от кочевий к городам», к цивилизации, на одном частном примере (на трех вариантах салтово-маяцкой культуры).

Подобные процессы протекали и в других кочевнических образованиях: скифском, гуннском, тюркском, уйгурском, хакасском, арабском, татаро-монгольском и др.

Все эти народы объединялись в государства только после перехода к третьей форме кочевания, когда часть населения обращалась к земледелию, создающему устойчивую экономическую базу. Интересно, что не только кочевые скотоводческие общества, но и скотоводческие общества древнего Востока были подвержены этому закону: государственные образования возникали там, как правило, у народов, перешедших от скотоводства к земледелию [36].

Таким образом, только земледельческая или смешанная земледельческо-скотоводческая (земледельческо-кочевническая) экономика может стать основной для образования государ-

---

[34] М. И. Артамонов. История хазар, стр. 444—446.

[35] Песнь о Роланде. М.—Л., 1964, стр. 97.

[36] Доклад Б. Б. Пиотровского о роли развития земледелия и скотоводства в образовании классов и государства, прочитанный на заседании сектора истории первобытного и рабовладельческого общества ИА АН СССР 7 мая 1965 г.

ства. Паразитических кочевых государств, живших грабежами и пошлинами, не существовало. Это были кочевые племенные союзы, которые становились государствами лишь в том случае, если часть населения переходила к земледелию. Только оседлый народ, занятый земледелием, ремеслами, строительством, способен создать высокую культуру. Далеко не все кочевые объединения достигали этой ступени развития. Постоянные волны новых кочевнических союзов племен, приходивших с востока на протяжении четырех тысячелетий, тормозили этот процесс. Однако после очередного «переселения народов» обстановка то в одной, то в другой части степи на некоторое время успокаивалась, и тогда степи превращались в пашни, кочевья — в поселки и города, юрты сменялись землянками и мазанками, жестокие всадники-грабители становились земледельцами, скотоводами и ремесленниками, а племенные союзы нередко за несколько десятилетий вырастали в могучие державы.

Такой державой и был Хазарский каганат, сумевший на протяжении почти двух веков противостоять крупнейшим государствам того времени — Византийской империи и Арабскому халифату.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ *

Дон

1 [1]. Боршево, с. Воронежская обл. Городище. Славянское [2]. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, 1948 [3].

2. Сторожевое, с. Воронежская обл. Городище. Славянское. Архив ИА АН СССР, 1961/2258а. П. Д. Либеров.

3. Титчиха, с. Воронежская обл. Городище. Славянское. А. Н. Москаленко, 1965.

4. Урыв, с. Воронежская обл. Могильник. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

5. Дивногорье, с. Воронежская обл. Маяцкое городище. А. И. Милютин, 1909; Н. Е. Макаренко, 1911; Архив ИА АН СССР, 1962/2471 [4].

6. Дивногорье, с. Селище. А. И. Милютин, 1909; Н. Е. Макаренко, 1911.

7. Дивногорье-Селявное, с. Могильник. А. И. Милютин, 1909.

8. Прияр, хут. Воронежская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

9. Костомарово, с. Воронежская обл. Городище. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

10. Ждановo, дер. Воронежская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

11. Карабут, хут. Воронежская обл. Городище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

12. Дерезовка, дер. Воронежская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

13. Дерезовка, дер. «Обитаемая полоса» (длина 7—10 км). Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

14. Осетровка, дер. Воронежская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

15. Тихий Дон, хут. Ростовская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

16. Тележкино, хут. Ростовская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

17. Тележкино, хут. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

18. Красногоровка, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

19. Оголев, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

20. Монастырщина, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

21. Ильменский (Суворовский), хут. Волгоградская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

22. Суворовская, ст. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958в.

23. Попов, хут. Ростовская обл. Левобережное Цимлянское городище. Труды Волго-Донской экспедиции, т. I—III.

24. Потайновский, хут. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

25. Цимлянский винсовхоз. Ростовская обл. Правобережное Цимлянское городище. В. И. Сизов, 1886, стр. 278; И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 116—126; Архив ИА АН СССР, 1958/1742, 1959/1907.

26. Цимлянский винсовхоз. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

27. Цимлянский винсовхоз (хут. Крутой). Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26; Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

28. Мариинская, ст. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

29. Николаевская, ст. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

30. Константиновская, ст. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, стр. 149, рис. 26.

31. Семикаракорская, ст. Ростовская обл. Городище. М. И. Артамонов, 1935, стр. 115—116; Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

32. Раздорская, ст. Ростовская обл. Селище. М. И. Артамонов, 1935, стр. 113, 115.

33. Мелеховская, ст. Ростовская обл. Селище. Сообщение С. Н. Братченко.

34. Багаевская, ст. Ростовская обл. Могильник. Архив ИА АН СССР, 1960/2246, 2246а. С. Н. Братченко.

34а. Багаевская, ст. Могильник. М. И. Артамонов, 1935, стр. 114.

34б, в. Багаевская, ст. Селище и могильник. М. И. Артамонов, 1935, стр. 114.

35. Азов, г. Ростовская обл. Погребение VIII—IX вв. Сообщение Л. М. Казаковой.

35а. Недвиговская, ст. Ростовская обл. Городище Танаис. Погребения VIII—IX вв. Д. Б. Шелов, 1961, стр. 25, 26, табл. XXIV—XXV.

---

* В основу списка взято расположение памятников по рекам, от верховий до низовий.

[1] Нумерация памятников соответствует нумерации их в основном тексте и на всех картах, помещенных в книге.

[2] В список включено несколько соседних с салтовскими славянских памятников.

[3] Библиографию см. стр. 196.

[4] Ссылка на архивное дело без указания фамилии исследователя означает, что автором отчета является С. А. Плетнева.

Тихая Сосна

36. Казачье, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

37. Алексеевка, г. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

38. Русская Матренка, дер. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

39. Верхний Ольшан, с. Воронежская обл. Городище (?) и селище. С. Н. Замятнин, 1921.

Битюг

40. Чибисовка, дер. Воронежская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1962/2472.

Черная Калитва

41. Осадчий, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

Толучеевка

42. Воробьевка, с. Воронежская обл. Могильник. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

Чир

43. Синяпкинский, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

44. Синяпкинский, хут. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

45. Артем, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

46. Кололовский, хут. Волгоградская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

47. Кололовский, хут. «Обитаемая полоса» (длина 1.5—2 км). Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

48. Нижне-Калиновский, хут. Волгоградская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

49. Островской, хут. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

50. Ближняя Мельница, хут. Ростовская обл. Селище. Славянское. И. И. Ляпушкин, 1958б, стр. 337—347.

51. Ближний Подгорский, хут. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

52. Нижне-Чирская, ст. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

Котлубанка

53. Средний, хут. Ростовская обл. Городище и селище. М. И. Артамонов, 1935, стр. 25, рис. 10; И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 150, рис. 26.

54. Хороший, хут. Ростовская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 150, рис. 26.

55. Карнаухов, хут. Ростовская обл. Городище и селище. И. И. Ляпушкин, 1958а, стр. 263—314.

Аксай

56. Новочеркасская ГРЭС. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2496. А. В. Гадло.

57. Кривянская, ст. Ростовская обл. Могильник. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

58. Заплавская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2496. А. В. Гадло.

59. Красюковская, ст. Ростовская обл. Могильник (?). Экспозиция Новочеркасского музея.

Северский Донец

60—61. Архангельское, с. Белгородская обл. Городище и селище. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 198; Архив ИА АН СССР, 1957/1025.

62—64. Верхний Салтов, с. Харьковская обл. Городище, селище и могильник. История изучения и библиография даны в работах: И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 85—88; Он же, 1961, стр. 199, 200. Раскопки на этом памятнике в 1959—1960 гг. возглавил Д. Т. Березовец. См.: Д. Т. Березовец, 1962, стр. 18—20.

65. Верхний Салтов, с. Селище. Д. Т. Березовец, 1962.

66. Верхний Салтов, с. Могильник 2. Д. Т. Березовец, 1962.

67. Мартово, с. Харьковская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 203.

68. Мартово, с. Селище. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

69. Печенеги, с. Харьковская обл. Селище (?). И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 204.

70. Эсхар (Кабаново). Городище. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 214; Архив ИА АН СССР, 1954/1025.

71. Мохнач, с. Харьковская обл. Городище. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 90; Архив ИА АН СССР, 1954/1025.

71а—е, и, к. Мохнач, с. Селища. Архив ИА АН СССР, 1954/1025.

72. Задонецкое, с. Харьковская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

73. Коробов, хут. Харьковская обл. Городище. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 78—80; Архив ИА АН СССР, 1955/1132.

74. Коробов, хут. Селище. Архив ИА АН СССР, 1955/1132.

75—76. Сухая Гомольша, с. Харьковская обл. Городище и селище. И. И. Ляпушкин, стр. 213; Архив ИА, АН СССР, 1955/1132.

77. Малые Бишкини, дер. Харьковская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1955/1132.

78. Червона Гусаровка, с. Харьковская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

79а. Залиманье, с. Харьковская обл. Селище. Н. В. Сибилев, 1926, стр. 18; Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

79б. Залиманье, с. Могильник. Н. В. Сибилев, 1926, стр. 18; И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 202.

80. Бублайка, дер. Харьковская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

81. Лысогорка, дер. Харьковская обл. Селище и могильник (?). И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26, стр. 203.

82. Норцовка, дер. Харьковская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

83. Изюм, г. Харьковская обл. Селище в урочище Бондариха. Д. Я. Телегин, 1954; Он же, 1957.

84. Богородичное, с. Донецкая обл. Городище. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

85. Сидоровское, с. Донецкая обл. Селище и городище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26; Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

86. Маяки, с. Донецкая обл. Городище и могильник. Архив ИА АН СССР, 1957/1446. В настоящее время на этом городище работает В. К. Михеев.

87. Ильичевка, дер. (территория б. хут. Зливки). Донецкая обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1230.

88. Ильичевка, дер. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1230.

89. Ильичевка, дер. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1230.

90. Закатное, с. Донецкая обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1230.

91. Рогалик (Петропавловское), с. Луганская обл. Кочевье (?). И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

92. Каменск-Шахтинский, г. (Рыгинский, хут.). Ростовская обл. Городище и могильник. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 94, 149, рис. 26.

93. Богданов, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

94. Богданов, хут. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

95. Кудинов, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

96. Муравлев, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

97. Муравлев, хут. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

98. Дедино, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

99. Дедино, хут. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

100. Белая Калитва, г. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

Короча

101—103. Дмитровское, с. Белгородская обл. Городище, селище и могильник. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 71; Архив ИА АН СССР, 1957/1025, 1958/1742—43, 1960/2065—65а, 1961/2242—43, 1962/2271—71а, 1964/2989.

Волчья

104. Бочково, с. Харьковская обл. Могильник. Сообщение В. К. Михеева.

105а—г. Волчанск, г. Харьковская обл. Н. Т. Евстропов, 1958, стр. 204—207.

Бабка

106. Пятницкое, с. Харьковская обл. Селище 1. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

107. Пятницкое, с. Селище 2. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

Уды

108. Карачаевка, с. Харьковская обл. Донецкое городище. Славянское. Библиографию см.: И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 260. Городище исследовано Б. А. Шрамко (1962, стр. 331—360).

109. Хорошево, с. Харьковская обл. Городище. Славянское. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 138—141.

110. Водяное, с. Харьковская обл. Городище. Славянское. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 156, 159.

111. Васищево, дер. Харьковская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149; Архив ИА АН СССР, 1955/1132.

112. Введенское-Терновая, с. Харьковская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

113. Старо-Покровское, с. Харьковская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1957/1446.

114. Ново-Покровское, с. Харьковская обл. Селище. Ю. В. Кухаренко, 1951, стр. 99—108.

114а. Ново-Покровское, с. Могильник. Ю. В. Кухаренко, 1951, стр. 99—108; И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 167.

Берека

115. Берека, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1276. П. Д. Либеров.

116. Берека, с. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1276. П. Д. Либеров.

117. Максимовка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1276. П. Д. Либеров.

118. Михайловское, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1276. П. Д. Либеров.

119. Федоровка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1276. П. Д. Либеров.

120. Красный Лиман, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1956/1276. П. Д. Либеров.

Оскол

121. Елецкая, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

122. 659-й км ж. д. Москва—Валуйки—Ростов. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

123. 660-й км ж. д. Москва—Валуйки—Ростов. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

124. Голубино, дер. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

125а. Песчаное, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

125б. Ниновка, дер. Белгородская обл. Могильник. Сообщение местных школьников в письме от 23 апреля 1964 г. в ИА АН СССР.

126. Слоновка, дер. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

127. Таволжанка, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

128. Микешино, дер. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

129—129а. Ютановка, с. Белгородская обл. Городище и селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

130. Ютановка, с. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

131. Ютановка, с. Могильник. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 214.

132. Нижние Лубянки, с. Белгородская обл. Могильник. Сообщение учителя местной школы Воронова в ГИМ в 1963 г.

133. Пятницкое, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

134—135. Агошково, дер. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

136. Подлысенки, с. Белгородская обл. Городище и селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

137. Подлысенки, с. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

138. Тополи, с. Харьковская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 150, рис. 26.

138а. Тополи, с. Могильник (?). Ю. В. Кухаренко, 1951, стр. 102, 107.

139. Коноплянка, дер. Харьковская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

140. Новомлинская (Новоселье), с. Харьковская обл. Городище (?). Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

141. Голубовка, дер. Харьковская обл. Селище. И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

142. Пристен, с. Харьковская обл. Городище (?). И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

143. Геново, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

144. Васильево, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

145а, б. Козиновка, с. Харьковская обл. Кочевья. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

146. Оскол, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

147. Павлюковка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

148. Жовтнево, с. Харьковская обл. Селище. Исследовал в 1956—1957 гг. Д. Т. Березовец.

149. Пески Радьковские, с. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

150. Комаровка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

151. Воиновка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

152. Пятихатка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

153. Рубцово, с. Донецкая обл. Кочевье. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 213.

154. Шведовка, дер. Харьковская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1955/1088. П. Д. Либеров.

Валуй

155. Мандрова, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

156. Валуйки, г. Белгородская обл. Могильник (?). И. И. Ляпушкин, 1958, стр. 149, рис. 26.

Ураева

157—158. Подгоровка, с. Белгородская обл. Могильник и селище. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 204—205; С. А. Плетнева, 1962; Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

159. Ромашово, с. Белгородская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1958/1742.

160. Шейкова, с. Харьковская обл. Могильник. В 1956 г. частично раскопан Д. Т. Березовцом.

Дуванка

161. Покровское, с. Луганская обл. Могильник. И. И. Ляпушкин, 1961, стр. 205—213.

Айдар

162. Ровеньки, г. Белгородская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

163. Сергеев, хут. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

164. Сергеев, хут. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

165. Танюшевка, дер. Луганская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

166. Танюшевка, дер. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

167. Константиновка, дер. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

168. Константиновка, дер. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

169. Рогов, хут. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

170. Вторая Осиновая, хут. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

171. Хворостяный, хут. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

172. Татарненкова, хут. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

173—174. Лозовая, дер. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

175. Спеваковка, дер. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

176. Николаевка, дер. Луганская обл. Могильник (?). Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

177. Новый Айдар, с. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

178. Безгиновка, дер. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

179—180. Райгородка, с. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

181. Вольный, хут. Луганская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

Белая Калитва

182. Терновая, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

183. Ольховый Рог, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

184. Покровская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

185. Криворожье, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

186. Шарпаевская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

187. Колушкин, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

188. Голово-Калитвенская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

189. Анновская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

190. Кононов, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

191—192. Дубовой, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

193. Щербово-Нефедовская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

194а, б. Крутинский, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

195. Погорелов, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/2065.

Быстрая

196—197. Исаевка, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

198. Романов, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

199. Нижний Серебряков, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

200. Усть-Быстрянский, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

Кундрючья

201—203. Киселев, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

204—205. Соколов-Кундрюченский, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

206—208. Владимирская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

209—210. Зайцевка, дер. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

211—212. Дудкин, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

213. Дубовой, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

214. Грушевка, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

215. Голубинка, дер. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

216. Нижне-Кундрюченская, ст. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

217. Гуково, г. Ростовская обл. Могильник или отдельное погребение (?). Открыт учителем школы № 3 Л. И. Микулиным. Архив ИА АН СССР, 1964/2989.

Ея, Куго-Ея, Сосыка

218. Новоивановский, хут., Шкуринская, ст. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

219. Кущевская, ст. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

220. Канеловская, ст., Шкуринская, ст. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

221. Советский Дар, хут. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

222. Гудково-Лиманский, хут. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

223—224. Западный Сосык, хут., Старо-Минская, ст. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

225. Машино, хут. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

226. Екатериновка, ст. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

227. Старо-Щербиновская, ст., Казачий, хут. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

Южный берег Таганрогского залива

228. Николаевка, ст., Ейское Укрепление, пос. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

229. Шабельск, г., Водяная Балка (?), пос. Краснодарский край. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

230. Новомаргаритовка, хут., Шабельск, г. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

231. Семибалка, хут. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

232. Стефанидин Дар, хут. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1963/2647.

Северный берег Таганрогского залива

233. Варенкова, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242.

234. Ново-Золотой, хут. Ростовская обл. Кочевье. М. И. Артамонов, 1935, стр. 48.

235. Беглица, с. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1961/2242, 1962/2471 (на территории кочевья обнаружено одиночное погребение).

236. Беглица, с. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

237. Залевки, с. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/3010. Н. Д. Праслов. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

238. Носово, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

239—240. Николаевка, хут. Ростовская обл. Кочевья. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

241. Натальевка, с. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

242. Рожок, пос., Натальевка, с. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1960/3010. Н. Д. Праслов. Архив ИА АН СССР, 1961/2242, 1962/2471.

243. Весело-Вознесенка, с. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

244. Платово, с. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

245. Обрыв, с. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

246. Обрыв, с. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1962/2471.

247. Таманская, ст. (Таматарха-Тмутаракань). Краснодарский край. Городище. И. И. Ляпушкин, 1941; Архив ИА АН СССР, 1953/919, 1954/1051, 1955/1417. Б. А. Рыбаков. См.: Керамика и стекло древней Тмутаракани.

247а. Таманская, ст. (Кепы). Раскопки Н. И. Сокольского и Н. П. Сорокиной в 1965 г. Погребение 341/21.

248. Сенная, ст. (Фанагория). Краснодарский край. Городище. Архив ИА АН СССР, 1947/150, 1948/253, 1950/504. 1951/638, 1952/744, 1953/858, 1954/1010, 1955/1420, 1959/2070, 1962/2490. М. М. Кобылина.

249. Керчь, г. Крым. Городище. Т. И. Макарова, 1965.

Дон

250а—в. Крымский, хут. Ростовская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

Сал

251. Слободской, хут. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

252—253. Балабинка, дер. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

254. Кузнецовский, хут. Ростовская обл. Селище. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

255. Павлов, хут. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

256. Новоселовка, дер. Ростовская обл. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

257. Пробужденье, пос. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

258. Ильинов, хут. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

259. Ростовская обл. Устье р. Куберле. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

260. Ростовская обл. Напротив устья р. Куберле. Кочевье. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

261. Ростовская обл. «Обитаемая полоса» начинается примерно через 2 км от пункта 260 и идет вдоль берега с перерывами вплоть до хут. Малая Мартыновка. Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

262. Малая Мартыновка, хут. Ростовская обл. «Обитаемая полоса». Архив ИА АН СССР, 1965/3073.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РП	— Раскопки и проучвания на Народния археологически музей в София
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ХГУ	— Харьковский государственный университет

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава I.	**Кочевья, поселения, за́мки, города**	13
	Кочевья	13
	Селища	19
	Поселения с земляными укреплениями	22
	Каменные за́мки	25
	Города	44
Глава II.	**Жилища, очаги, хозяйственные постройки, планировка поселений**	51
	Юрты	52
	Полуземлянки	58
	Наземные жилища	61
	Хозяйственные ямы	65
	Погреба и хозяйственные постройки	65
	Планировка поселений	68
Глава III.	**Погребальные обычаи и культовые обряды**	71
	Погребения в катакомбах	71
	Ямные погребения	91
	Трупосожжения	100
Глава IV.	**Керамика**	103
	Кухонная керамика	103
	Столовая керамика	114
	Тарная керамика	129
Глава V.	**К вопросу о хронологии**	135
Глава VI.	**Земледельцы-всадники** (орудия, бытовые предметы, оружие)	144
	Орудия	144
	Бытовые предметы	153
	Оружие и сбруя	156
Глава VII.	**Амулеты**	171
	Заключение	180
	Список памятников салтово-маяцкой культуры	191
	Литература	196
	Список сокращений	197

Плетнева Светлана Александровна

ОТ КОЧЕВИЙ К ГОРОДАМ
(салтово-маяцкая культура)

Материалы и исследования по археологии СССР, № 142

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. И. Сергиевская*
Художник *Е. Ф. Кесаринская*
Технический редактор *В. Г. Лаут*

Сдано в набор 12/I 1967 г. Подписано к печати 16/V 1967 г.
Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 21,84.
Уч.-изд. л. 22,6 (22,1 + 0,5 вкл.). Тираж 2200. Т-05485. Тип. зак. 35

Цена 1 р. 45 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Буров Г. М. **Древний Синдор.** Коми филиал АН СССР. 15 л. 1 р. 10 к.

Книга посвящена древней истории племен северо-востока Европейской территории СССР. В основу исследования положен материал из археологических раскопок на Синдорском озере. Тщательный анализ многочисленного каменного инвентаря, керамики, остатков жилищ и привлечение данных палинологии, геологии и других естественных наук позволили автору выделить памятники мезолита, неолита, эпохи бронзы и железного века. Большое внимание уделено проблемам хозяйства и быта древнего населения Синдора, искусству, верованиям и мифологии, а также вопросам этнической истории.

Книга рассчитана на археологов, историков, географов и лингвистов, на краеведов, работников музеев, студентов и преподавателей.

Вадецкая Э. Б. **Древние идолы Енисея.** Институт археологии. 4 л. 50 к.

В книге рассказывается о каменных стелах с высеченными на них человеческими лицами. В прошлом эти стелы почитались кочевавшими в степях Енисея племенами, и о них ходили самые разноречивые предания. Более 200 лет продолжается изучение этих стел, но лишь в последние годы было установлено их происхождение, роль и значение в жизни древних людей. Книга представляет собой серию ярких иллюстраций стел, которым дано краткое, но образное описание на русском и французском языках.

Издание рассчитано на археологов, искусствоведов, историков и преподавателей истории вузов и средних школ и широкие слои советских и зарубежных читателей.

Засурцев П. И. **Новгород, открытый археологами.** Институт археологии. 10 л. 70 к.

Ни один древнерусский город не может сравниться с Новгородом по количеству замечательных исторических памятников. Но до недавнего времени считалось, что облик древнего города, где основным строительным материалом было дерево, утрачен для нас навсегда. Однако во влажном слое земли, образовавшемся за многие столетия в Новгороде, археологическими раскопками последних лет вскрыты древние улицы с усадьбами, прослежена застройка. Казавшийся безнадежно утраченным облик древнерусского города представлен в совершенно конкретных очертаниях.

О том, как складывался древний Новгород, как из века в век менялись характер его застройки и состав населения, как и почему этот центр феодальной республики стал великим, и рассказывается в этой книге.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей нашей Родины.

Ваши заказы посылайте в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный пр. 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; ул. Пота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129; Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, проспект Дзержинского, 41; Иркутск, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, проспект Ленина, 95.

Исправление

На стр. 22 в строках 4, 5, 6 правой колонки следует читать: коз, овец и свиней. На городище в 1963 г. были начаты

С. А. Плетнева. От кочевий к городам.